

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2009

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
«Издательство “Наука”»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2009

К 80-летию академика В.Л. Янина

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г.

5

Статьи

Комплексные исследования мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна

Васильева Н. Б.

9

Мезолитические деревянные изделия новых категорий и типов с поселения Вис I в бассейне Вычегды

Буров Г. М.

17

Культурно-хронологическая атрибуция каменного инвентаря Вигайнаволока I

Филатова В. Ф., Хорошун Т. А.

30

К вопросу о типах жилищ населения раннего железного века западно-сибирской лесостепи (по материалам саргатской культуры)

Берлина С. В.

44

Уздечный набор из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздово

Новиков В. В.

57

Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П.,

68

Гончарова Н. Н.

Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология)

Поветкин В. И.

79

О комплексе берестяных грамот Никитинского раскопа в Новгороде

Дубровин Г. Е.

93

Роль Коломны и ее округи в истории Московской земли

Юшко А. А.

108

Дискуссии

Возможности калибрования радиоуглеродных дат для позднепалеолитических стоянок степного Причерноморья

Киосак Д. В.

115

Публикации

Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья

Ивашов М. В., Мельников Е. Н.

122

Подбойные могилы юго-восточного участка некрополя Неаполя Скифского

Кропотов В. В.

135

Материалы римского времени Семибрратного городища

Шаров О. В.

142

Прижизненная травма на скелете из Восточного Приаралья эпохи Великого переселения народов

Шведчикова Т. Ю.

145

Подражание золотому византийскому поясному набору VII в. с изображением птиц

Комар А. В., Стрельник М. А.

148

Критика и библиография

Становление и развитие ранних земледельческих культур в Юго-Восточном Китае
(обзор исследований 1970–1990-х годов)

Лаптев С. В.

164

Бронзовый век Европы. Размышления над книгой К. Кристиансена и Т. Ларсона

Клейн Л. С.

169

Монографическое исследование поминальных комплексов западных тюрок жетысу.
Досымбаева Айман. Западный Тюркский каганат.

Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006

Худяков Ю. С.

175

Хроника

Конференция “Археология средневекового города.
К 75-летию археологического изучения Новгорода”

Завьялов В. И.

180

Научная конференция “Средневековая Русь, Волжская Булгария
и Северное Причерноморье в контексте русско-восточных связей” (Казань, 2007)

Коваль В. Ю., Ситдиков А. Г.

181

К 80-летию Радомира Плейнера

Завьялов В. И.

185

Памяти коллеги и друга

Завьялов В. И., Терехова Н. Н., Черных Е. Н.

186

Марк Борисович Щукин

Шаров О. В., Щеглова О. А.

188

Владимир Кузьмич Михеев

Колода В. В.

192

Contents

Number 2, 2009

V.L. Yanin's 80th anniversary
Makarov N. A., Gaidukov P. G.

5

Articles

Integrated investigations at Mesolithic sites in the Mologa-Sheksna interfluve area and the Sukhona-Kubena basin <i>Vasilieva N. B.</i>	9
New types and categories of Mesolithic wooden artifacts from Vis I settlement in the Vychedga river basin <i>Burov G. M.</i>	17
Cultural and chronological attribution of the lithic inventory from Vigainavolok I <i>Filatova V. F., Khoroshun T. A.</i>	30
On the types of dwellings of the Early Iron Age population in the West Siberian forest-steppe (based on the materials of Sargat culture) <i>Berlina S. V.</i>	44
Bridle set from S.I. Sergeev's excavations at Gnezdovo <i>Novikov V. V.</i>	57
Medieval mass graves in Yaroslavl: analysis of archeological and anthropological materials <i>Engovatova A. V., Osipov D. O., Faradjeva N. N., Buzhilova A. P., Goncharova N. N.</i>	68
Zvontsy bells from Ancient Novgorod (usage, manufacture, typology and chronology) <i>Povetkin V. I.</i>	79
On the assemblage of birchbark gramoty from the Nikitinsky excavation site in Novgorod <i>Dubrovin G. Ye.</i>	93
The role of Kolomna and its environs in the history of the Moscow lands <i>Yushko A. A.</i>	108

Discussions

Calibration possibilities and dating of the Upper Paleolithic sites of Steppe Pontic region <i>Kiosak D. V.</i>	115
--	-----

Publications

Bronze Age ground burials in the Upper Don region <i>Ivashov M. V., Melnikov E. N.</i>	122
Niche graves of the southeastern section of the necropolis at Neapolis Scythica <i>Kropotov V. V.</i>	135
Roman materials from Semibratnee fortified settlement <i>Sharov O. V.</i>	142
Intravital trauma on a male skeleton from the Eastern Aral region of the Great Migration period <i>Shvedchikova T. Yu.</i>	145
Imitation of a 7 th -century Byzantine gold belt set with images of birds <i>Komar A. V., Strelnik M. A.</i>	148

Critics and bibliography

Emergence and evolution of early agrarian cultures in Southeastern China (review of the research done in the 1970s–1990s)	164
<i>Laptev S. V.</i>	
The Bronze Age in Europe: reflections on the book by K. Kristiansen and T. Larsson	169
<i>Klein L. S.</i>	
Monograph study of Zhetysu Turkic obituary complexes Dosymbaeva Aiman. The West Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppe. Almaty, 2006	175
<i>Khudiakov Yu. S.</i>	

Chronicle

Conference “Archeology of the Medieval town. Seventy-five years of archeological investigations in Novgorod”	180
<i>Zav'yalov V. I.</i>	
Conference “Medieval Rus, Bulgaria Volga and the North Pontic region in the context of relations between Rus and the Orient (Kazan, 2007)	181
<i>Koval' V. Yu., Sigidikov A. G.</i>	
Radomir Pleiner's 80 th anniversary	185
<i>Zav'yalov V. I.</i>	
In memory of colleague and friend	186
<i>Zav'yalov V. I., Terekhova N. N., Chernykh Ye. N.</i>	
Mark Borisovich Schuykin	188
<i>Sharov O. V., Scheglova O. A.</i>	
Vladimir Kuz'mich Mikheev	192
<i>Koloda V. V.</i>	

К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В.Л. ЯНИНА

© 2009 г. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва



Академик Валентин Лаврентьевич Янин – один из выдающихся ученых современной России, с именем которого связаны наиболее яркие открытия в области средневековой археологии и истории, сделанные во второй половине XX – начале XXI в. Заведующий кафедрой археологии МГУ, руководитель Новгородской археологической экспедиции, академик В.Л. Янин широко известен как глубокий исследователь русской истории и культуры, автор блестящих книг, значение которых выходит далеко за рамки отдельных областей исторической науки. Труды В.Л. Янина изменили ранее утвердившиеся представления о многих ключевых явлениях ранней русской истории, раскрыли роль Новгорода как основного центра кристаллизации русской государственности на Севере, воссоздали по археологическим

материалам картины средневековой исторической жизни, потрясающие по своей убедительности и достоверности. Можно долго перечислять различные грани его дарования, различные направления его научной деятельности, различные области археологии и истории, обогащенные его исследованиями. Обаяние личности ученого имеет не меньшую силу, чем его научные труды. Встречи с В.Л. Яниным стали поворотными точками в судьбе многих из ныне действующих археологов, зачастую определив выбор профессии.

Путь В.Л. Янина в науке подробно освещен во многих публикациях, основные вехи его исследовательской деятельности как историка, археолога, нумизматика, специалиста по сфрагистике хорошо известны его ученикам и коллегам¹. Отмечая 80-летие ученого, мы попробуем, не повторяя всего, что уже сказано, обозначить некоторые его достижения, имеющие особое значение в общем контексте изучения прошлого России.

Имя В.Л. Янина прочно соединено в сознании его собратьев по историческому цеху в первую очередь с изучением средневекового Новгорода и берестяных грамот. Новгородской проблематике посвящено большинство его монографий – от изданных в 1962 г. “Новгородских посадников” до увидевших свет совсем недавно, осенью 2008 г., “Очерков истории средневекового Новгорода”. В этой книге ученый назвал политическую историю средневекового Новгорода главной темой своих научных изысканий. В 1947 г., будучи студентом второго курса исторического факультета МГУ, В.Л. Янин впервые принял участие в раскопках в Новгороде, в 1951 г. – стал свидетелем находки первой берестяной грамоты, а в 1962 г. А.В. Арциховский сделал его своим преемником в качестве руководителя Новгородской экспедиции. По мере продолжения раскопок, роста коллекции берестяных грамот, напряженной работы по анализу археологических материалов, документов на бересте, летописей и других источников коренным образом менялись научные представления о значении Новгорода как археологического памятника, о его месте в средневековой истории Восточной Европы, о его социально-по-

¹ Янин Валентин Лаврентьевич / Сост. П.Г. Гайдуков. Вступ. ст. П.Г. Гайдукова, Н.А. Макарова // Матер. к библиографии ученых. Ист. науки. Вып. 25. М., 2004.

литическом устройстве. Не будет преувеличением сказать, что обновлением знаний о Новгороде мы обязаны, прежде всего, В.Л. Янину – как исследователю и руководителю работ крупного научного коллектива.

В.Л. Янин пришел в науку в послевоенные годы, когда “археологическое лицо” средневековой Руси еще не было в полной мере знакомо исследователям, а изучение древнерусских городов только начиналось. Перед археологией стояли грандиозные задачи: раскрыть и представить историкам материальную культуру Руси, исследовать средневековое ремесло, выявить характер древнерусских городов как археологических объектов и реальных центров средневековой жизни и проследить их конкретную историю, но прежде всего – разработать практические методы изучения культурного слоя городов, создать хронологическую шкалу средневековых древностей, научиться выделять, фиксировать и датировать строительные ярусы и усадьбы, скрытые в толще городских напластований. Эти задачи были выполнены плеядой замечательных археологов, воспитанников А.В. Арциховского, выбравшего Великий Новгород в качестве главного археологического объекта для исследования средневековой Руси.

В.Л. Янин нашел свое место в этой дружной молодой команде как исследователь тех категорий древностей, которые способны пролить свет на социально-политическую историю средневековья. Уже в 1950-е годы раскопки в Новгороде получили мировую известность как археологическое открытие города с деревянными мостовыми, срубами и частоколами боярских усадеб, удивительным обилием бытовых вещей из органических материалов, прекрасными образцами прикладного искусства. Отдельные категории и группы археологических материалов становились предметами специального изучения и постепенно вводились в научный оборот. Но по мере того, как продолжалась расчистка жилых кварталов средневекового города, лежащих под современной застройкой, извлекались из земли тысячи средневековых вещей и пополнялась коллекция берестяных грамот, становилось очевидным, что изучение Новгорода не может быть исчерпано разработкой отдельных археологических проблем. Перед исторической наукой встал вопрос о социальном устройстве и политической организации общества, археологические древности которого открывались в новгородских раскопах, об истоках своеобразной политической системы Новгорода. Поиски ответа на эти вопросы стали для В.Л. Янина одновременно поисками новых источников, способных стать надежной опорой для реконструкции социально-политических отношений, и поисками новых исследовательских мето-

дов, соединяющих инструментарий археолога и историка.

Разработанная В.Л. Яниным концепция общественного устройства Новгорода, его происхождения и эволюции складывалась постепенно, по мере глубокого исследования отдельных политических институтов, различных звеньев системы управления, боярского землевладения и генеалогии новгородского боярства, социальной топографии Новгорода и исторической географии Новгородской республики. Важнейшими источниками для реконструкции административного устройства Новгорода, помимо летописей, стали сфрагистические материалы, позволившие, в частности, проследить развитие и эволюцию института посадничества как государственного органа боярского правления. Для изучения особенностей социального строя Новгорода главным источником стали берестяные грамоты, находки которых сделали возможным определение конкретной владельческой принадлежности открытых раскопками аристократических усадеб, установление родственных отношений между владельцами соседних усадебных комплексов, выявление в пределах новгородских концов групп усадеб, находившихся в собственности одного боярского клана.

Начало новгородской истории мыслится В.Л. Яниным как консолидация социальной элиты трех обитавших в районе оз. Ильмень разноэтнических племен – словен, кривичей и чуди, – пригласившей на княжение выходца из-за моря – варяга Рюрика. Функции и права приглашенного князя были изначально ограничены условиями договора, князю и его людям было, в частности, запрещено собирать государственные доходы на новгородских землях. Территориальная структура древнейшего Новгорода реконструируется исследователем как три поселка родовой аристократии, первоначально разделенные пустыми пространствами. Эти поселки стали основой для формирования трех концов средневекового Новгорода, первоначально упоминаемых в летописи, а их обитатели – родоначальниками боярской аристократии, сохранившей свое привилегированное положение и восходящее к древности соперничество между отдельными группировками до падения новгородской независимости.

В XI – первой половине XII в. новгородское боярство постепенно укрепило свои позиции, реорганизовало систему власти, сделав главным ее органом выборное посадничество, и существенно ограничило функции князя в управлении. Развитие и реформы системы государственного управления на протяжении XIII – первой половины XV в. были направлены на смягчение соперничества между различными социальными группами новгородского общества и различными боярскими кланами. Однако достичь этих целей не уда-

лось – в XV в. посадничество превратилось в олигархический коллегиальный орган боярского правления, не имевший поддержки основной массы новгородского населения, что, в конечном итоге, и предопределило падение новгородской независимости.

Эта новая концепция новгородской истории, базирующаяся на огромном материале, логично связывает между собой различные факты, выявленные историками и археологами, объясняет происхождение многих исторических явлений и политических традиций. Не будет преувеличением сказать, что социально-политическая история Новгорода, воссозданная В.Л. Яниным, – одно из самых значительных достижений отечественной исторической науки последних десятилетий.

Разумеется, научное творчество В.Л. Янина далеко не исчерпывается “новгородской темой”. Его первая монография “Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период” (М., 1956) посвящена проблемам денежного обращения на Руси в IX–XII вв., реконструкции денежно-весовых систем, складывавшихся в Восточной Европе в этот период. Вывод В.Л. Янина об использовании на Руси арабского серебра в IX–X вв. как основного платежного средства и о замене его в XI в. западноевропейской серебряной монетой стал основополагающим как для характеристики экономического базиса ранней Руси, так и для реконструкции конкретных истоков денежных систем и весовых норм монет. И сегодня, спустя 50 лет после своего появления, эта книга остается единственным исследованием, представляющим целостную картину monetного обращения в Восточной Европе в IX–XI вв. Русской нумизматике и денежным системам XIII–XV вв. посвящен целый ряд статей, опубликованных в 1950–1980-е годы. С именем В.Л. Янина связано возрождение сфрагистики как особой исторической дисциплины и издание корпуса древнерусских печатей X–XV вв. (“Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” Т. I, II. М., 1970). Исследователь самостоятельно собрал и систематизировал данные о более 1500 известных к тому времени свинцовых печатях, разделил сфрагистический материал на отдельные группы, связал эти группы с определенными институтами, предложил персональную атрибуцию большинства древнерусских булл. После издания этих книг для исследователей Древней Руси стало очевидно, что полноценное изучение политической системы русского средневековья, церковной организации и княжеских генеалогий невозможно без обращения к сфрагистическим материалам. В 1990-е годы В.Л. Янин привлек к регистрации новых сфрагистических находок своего ученика П.Г. Гайдукова. Итогом этой работы явился третий том серии “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” (М., 1998), включивший в себя более 1100 новых

древнерусских печатей. Сегодня В.Л. Янин совместно с П.Г. Гайдуковым готовят к изданию четвертый том этой серии.

В.Л. Янин – ученый с собственным творческим почерком, который всегда хорошо узнаваем и не менее интересен для читателей и собеседников, чем сами научные построения, изложенные в его книгах и лекциях. Сам ученый неоднократно характеризовал методическую основу своих трудов как комплексное источниковедение, основанное на сочетании методик различных исторических дисциплин и исследовании различных категорий источников, прежде всего письменных документов и археологических материалов. Однако своеобразие подходов В.Л. Янина к исследованию средневековья определяется не только стремлением привлекать и синтезировать различные группы источников, но и особым даром воссоздавать целостные исторические явления путем соединения в единую ткань отдельных фактов, деталей, малых фрагментов исторической реальности, документированных источниками, но остававшихся незамеченными или недооцененными его предшественниками и современниками. Ученый всегда придавал огромное значение источниковедческой работе: точному датированию археологических находок и документов, восстановлению точного значения текстов берестяных грамот и пергаменных актов, точной локализации географических названий, упомянутых в средневековых документах, надежной атрибуции актовых печатей. Чтение вновь найденных берестяных грамот остается для него самой захватывающей и увлекательной частью исследовательского труда.

Установка на строгий источниковедческий анализ органично сочетается у В.Л. Янина с даром оживления истории, умением просто и увлекательно, но без фантазий и отступлений от научной точности, рассказывать о событиях далекого прошлого. Как популяризатор науки В.Л. Янин знакомит своих читателей-неспециалистов не только с общими наблюдениями, касающимися истории Новгорода и средневековой Руси, но и с конкретными источниками, подлинными памятниками письменности и материальной культуры, раскрывая творческую лабораторию исследователя и воспитывая у современников понимание значимости и красоты средневековых древностей. “Новгородские пятницы” – еженедельные рассказы о результатах текущих работ экспедиции, пешеходные экскурсии по Новгороду, яркие выступления В.Л. Янина на телевидении пробудили интерес к истории средневековой Руси у огромной аудитории, снимая барьер между прошлым и настоящим. Книга В.Л. Янина “Я послал тебе бересту”, впервые увидевшая свет в 1967 г., выдержала три издания в России, опубликована в переводах в Венгрии, Японии и Чехии, и остается

сегодня одной из лучших популярных книг по средневековой русской истории.

Свидетельством особого признания открытий и достижений новгородской археологии, а также широкой известности в российском обществе истории и культуры Великого Новгорода, явилось посещение в июле 2004 г. Троицкого раскопа президентом Российской Федерации В.В. Путиным и президентом РАН Ю.С. Осиповым.

2008 год стал особым для В.Л. Янина и возглавляемой им Новгородской археологической экспедиции. Он ознаменовался выходом “Очерков истории средневекового Новгорода” – книги, в которой ученый впервые суммировал итоги исследования отдельных “звеньев” новгородской истории и представил в сжатом виде ее движение от призываия Рюрика до присоединения Новгорода к Москве при Иване III. Многие десятилетия археологических исследований в Новгороде, на-

конец, завершились созданием монументального обобщающего исследования, в котором нашли свое место основные факты и материалы, открытые раскопками. Но этот же 2008 год, после нескольких достаточно заурядных раскопочных кампаний, стал необычайно удачным сезоном полевых работ, принесшим неожиданные находки. В Новгороде были найдены новые участки с ранними культурными напластованиями, клады западноевропейских денариев XI в. и монет периода новгородской независимости, многочисленные актовые печати и пломбы, а также 12 берестяных грамот, часть которых происходит из архива новгородских архиепископов. Итоги полевого сезона показывают, что в изучении Новгорода невозможно поставить точку. А значит, мы должны пожелать юбиляру долгой творческой жизни, наполненной новыми исследованиями.

СТАТЬИ

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНOK МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И СУХОНСКО-КУБЕНСКОГО БАССЕЙНА

© 2009 г. Н. Б. Васильева

Областной центр детско-юношеского туризма и экскурсий, Вологда

Комплексное изучение археологических памятников неслучайно привлекает внимание многих исследователей. Долгое время каменные артефакты изучались преимущественно типологическим методом. С появлением и развитием новых методов исследования, прежде всего экспериментально-трасологического, технологического и планиграфического, стало ясно, что информационный потенциал коллекций каменных артефактов гораздо выше, чем может быть выявлен формальной типологией.

Изучение мезолита Центральной части Европейского Севера началось в 40–50-е годы XX в. с исследований А. Я. Брюсова (1961. С. 157). К настоящему времени для Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна существует обширная хорошо документированная источниковая база. Типологические исследования авторов раскопок позволили подойти к пониманию историко-культурных процессов в регионе в мезолитическую эпоху. Создана хронология мезолитических памятников, определены пути заселения региона. Между тем вопросы хозяйственной жизни мезолитического населения решались на предположительном уровне. Характеристика материальной культуры эпохи мезолита может быть существенно дополнена при комплексном анализе коллекций каменных артефактов.

В настоящей статье приведены результаты комплексного анализа восьми мезолитических стоянок, географически относящихся к территории центральной части Европейского Севера: четыре стоянки Молого-Шекснинского междуречья и четыре Сухонско-Кубенского бассейна. Все представленные в работе стоянки относятся к “дюнным” стоянкам с песчаным культурным слоем, не сохранившим органические остатки. В этом случае единственным источником для исследования становятся каменные орудия. Общая черта каменного инвентаря стоянок – это наличие пластинчатого компонента в кремневой индустрии. Доля ножевидных пластин в инвентаре памятников различна, но во всех коллекциях изделия со следами изношенности представлены преимущественно ножевидными пластинами.

Регион Молого-Шекснинского междуречья занимает довольно обширную территорию, протяженность которой с запада на восток и с севера на юг составляет примерно 250 км. Молога и Шексна – притоки Волги, следовательно, регион относится к Волжскому бассейну. В Молого-Шекснинском междуречье за последние два десятилетия работами Череповецкого отряда САЭ под руководством Н. В. Косоруковой выявлено порядка 60 памятников мезолитического периода, из них 15 обследованы раскопками. По характеру каменной индустрии памятники подразделяются на два типа: с пластинчатой индустрией (типа Лотовой Горы) и с отщепово-пластинчатой (типа Андозеро-М) (Косорукова, 2000. С. 92). Стоянка Лотова Гора, по мнению Л. В. Кольцова и М. Г. Жилина, относится к памятникам бутовской культуры и включена в список бутовских памятников бассейна Волги (Кольцов, Жилин, 1999. С. 41). Анализ каменной индустрии привел Н. В. Косорукову к выводу, что памятники типа Лотовой Горы предшествуют памятникам типа Андозеро-М. Трансформация каменной индустрии заключается в постепенном уменьшении пластинчатости комплексов каменных изделий. Пути проникновения древнейшего населения в Молого-Шекснинский район могли иметь в своем истоке как южное (через бассейн Верхней Волги), так и западное (Через Волжско-Балтийский водораздел) направления (Косорукова, 1997. С. 18, 19).

Кубена и Сухона связаны с бассейном Белого моря. С 1994 г. археологические исследования в бассейне этих рек ведет Сухонско-Кубенская экспедиция под руководством Л. С. Андриановой. Результат археологических исследований – выявление более 30 мезолитических памятников. По мнению Л. С. Андриановой, топография стоянок, типологический состав находок, технология расщепления кремня свидетельствуют о достаточно позднем заселении Кубенского бассейна (вторая половина бореала/атлантикум). Наиболее ранние материалы получены при раскопках мезолитической стоянки Боровиково 2М и нижней части культурного слоя многослойного поселения Боровиково. Полученные материалы соотносятся с инвентарем бутовских стоянок середины – вто-

Таблица 1. Соотношение различных инструментов на мезолитических стоянках Сухонско-Кубенского бассейна

Стоянка	Орудия охоты и разделки добычи			Орудия обработки шкур			Орудия для обработки дерева						Орудия для обработки кости-рога				Орудия для обработки камня	Полифункциональные орудия	Итого				
	наконечники стрел	вкладыши метательного оружия	разделочные ножи	скребки	проколки	резцы	скобели	строгальные ножи	пилки	сверла	топоры	тесла	долота	струги	стамески	резцы	скобели	строгальные ножи	пилки	сверла			
Боровиково 2М	130	71	13	12	14	5	1	5	1	8.9						19	4	3	2	1	10	291	
по группе в %	69																				3.4	100	
Машутиха А	7	10	7	6	1				1		1		1									33	
по группам в %	51.5																					100	
Машутиха Б																						65	
Побоищное 1	19	28	6	8	2	1	1									22	15	9	16	1	13	57	2407
Всего	2	1327	631	58	37	117	55	19	18												0.54%	2.36%	100
	81.42%		3.9%							8.8%													

рой половины VII тыс. до н.э. Некоторые кубенские памятники с кремнево-сланцевым инвентарем обнаруживают сходство с материалами позднемезолитических стоянок типа Андозеро-М в МологоШекснинском междуречье и, по-видимому, продолжают традиции культуры веретье: Машутиха-2 (Котовский Мыс), Боровиково (верхний мезолитический комплекс, датированный 7940 ± 120), Боровиково-А (7270 ± 130 , 7450 ± 40 , 7580 ± 45) (Андранинова, 2006а. С. 56). Стоянка Побоищное 1 на нижней Сухоне по ряду показателей относится к одной из наиболее ранних в регионе. По мнению Л.С. Андраниновой, материалы стоянки Побоищное 1 по ряду показателей занимают промежуточное положение, сочетая признаки как сухонской культуры, так и памятников приуральской традиции (Андранинова, Васильева, 2000. С. 104).

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый этап анализа коллекций – трасологический анализ каменных артефактов при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2 и металлографического микроскопа. В зависимости от вида выполняемой работы и вида обрабатываемого материала инструменты определяются как функциональные типы и объединяются в функциональные группы (Сапожникова и др., 1995. С. 15). Как правило, на стоянках выделяются три функциональные группы изделий: орудия охоты и разделочные ножи; орудия для обработки шкур

(скребки и проколки); орудия для обработки твердых материалов (резцы, скобели, пилки, строгальные ножи и т.д. для кости-рога или дерева). Функциональная типология стоянок основывается на соотношении функциональных групп орудий. Цель технологического анализа пластинчатой индустрии – технико-морфологическая характеристика контекста палеотехнологии и выделение ведущих приемов работы с плоскостями расщепления нуклеусов. Среди всего многообразия признаков, характеризующих технику расщепления, в данной статье акцентируется внимание на способе утилизации фронта расщепления нуклеуса. Этот показатель связан напрямую с метрическими характеристиками пластинчатых заготовок: утилизация нуклеусов круговой огранки приводила к серийному производству микропластин, утилизация торцевых ядрищ и нуклеусов с широким слабовыпуклым фронтом расщепления давала пластины стабильной средней ширины и крупные. В данной работе ставится задача технико-типологической характеристики производственного инвентаря стоянок и выявления взаимосвязи между хозяйственным типом стоянки и спецификой пластинчатой индустрии.

По итогам трасологического анализа исследованные стоянки можно разделить на две группы в зависимости от количественного соотношения изделий различных функциональных групп (табл. 1, 2). К первой группе можно отнести стоянки, в инвентаре которых значительно преобладают охотничий инвентарь и разделочные ножи (более

Таблица 2. Соотношение различных функциональных категорий инвентаря на мезолитических стоянках Молого-Шекснинского междуречья

Стоянка	Орудия охоты и разделки добычи			Орудия для обработки шкур			Орудия для обработки твердых материалов (дерево, кость, рог)							Орудия для обработки камня, охры		Всего со следами утилизации	
	наконечники	вкладыши метательного оружия или ножей	разделочные ножи	скребки	проколки	кожевенный нож	резцы	скобели	строгальные ножи	пилки	сверла	топоры	тесла	долота	струги	стамески	
Марьино-4 по группам	12 42.3%	10 14.23%	22	8 14.23%	6	1	15	14	9	3 43.26%	3 43.26%	3 43.26%	1	1	1	1	104 100%
Лиственка-3Б по группам	17 47.13%	7 19.82%	83	36 19.82%	9		42	14	9	7 33.03%	1 33.03%	1 33.03%	1	1	1	1	227 100%
Крутой Берег по группам	11 32.9%	3 18.18%	62	30 18.18%	12		55	34	5	14 48.91%	4 48.91%	4 48.91%	1	1	1	1	300 100%
Сазоново-10 по группам	2 34.08%	44 21.07%	30	35 21.07%	12		54	20	6	6 44.84%	7 44.84%	5 44.84%	2 44.84%	5 44.84%	5 44.84%	5 44.84%	223 100%

60%). Такие стоянки можно интерпретировать как охотничьи лагеря. К ним можно отнести стоянки Машутиха А., Машутиха Б., Боровиково 2М и Побоищное. Ко второй группе – стоянок без признаков специализации в каменном инвентаре – можно отнести памятники Марьино-4, Лиственка-3Б, Крутой Берег и Сазоново-10.

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ОХОТНИЧИХ ЛАГЕРЕЙ

Озеро Кумзерское располагается в восточной части Харовского р-на Вологодской обл. Через небольшие речки Кумжу, Вондожь и Сить Кумзерское оз. связано с бассейном Кубены и Белого моря. В 2000–2003 гг. Сухонско-Кубенская археологическая экспедиция под руководством Л.С. Андриановой проводила археологические исследования на территории мыса Машутинский. В ходе раскопок были выявлены три изолированных скопления кремневых артефактов, два из которых вскрыты полностью, а третье частично (Андранинова, 2006б. С. 7, 8).

Стоянка *Машутиха-А.* Первое скопление, получившее название Машутиха-А, располагалось в центральной части мыса. Площадь раскопа составила 52 м². Всего вместе с чешуйками найде-

но 535 предметов. Основная часть находок связана с ямой в южной части раскопа. Для Машутихи-А по углю из ямы имеется радиоуглеродная дата – 6850 ± 30 (ЛЕ-6578) (Андранинова, 2006б. С. 7, 8). На стоянке зафиксировано незначительное количество использованных изделий (32 экз.). В большинстве операций использовались ножевидные пластинки без ретушной обработки определенной ширины: 0.5–0.6 и 1–1.2 см. Пластинки с притупленным ретушью краем использовались в составе вкладышевого метательного оружия. Скребки тракторологически определены как изделия для очистки шкур от мездры. Подработанные ретушью кончики ножевидных пластин использовались для прокалывания шкур. В целом можно отметить бедность функционального состава кремневых инструментов, так как на стоянке выделяется всего восемь функциональных типов инструментов. Первые две функциональные группы представлены достаточно полно, но среди изделий для обработки твердых материалов зафиксировано всего четыре типа. Нуклеусы с огранкой на три четверти периметра и с круговой огранкой – 4, и торцевой – 1 экз. Четыре нуклеуса сделаны из кремня красного цвета, с ними можно связать около 50% ножевидных пластин. Дебитаж представлен изделиями серого и желтоватого кремня, только три отщепа имеют красный цвет. Следовательно, нуклеусы на стоянку попали уже

подготовленными, и контекст технологии пластиначатого расщепления нельзя считать полным.

Стоянка Машутиха-Б располагается в 30 м к северо-западу от скопления Машутиха-А. На раскопанной площади было найдено 843 каменных предмета, из них со следами утилизации выделено 65 экз. На первом по численности месте находятся разделочные ножи, затем вкладыши метательного оружия, составляющие вместе 73% от общего количества изделий со следами утилизации. Ножевидные пластинки без ретушной подработки составляют 75.4% от всего состава изделий со следами утилизации. Пластиинки с притупленным краем в большинстве своем использовались как вкладыши метательного оружия, в одном случае – как резец. Скребки использовались в одной операции: очистке шкур животных. На данной стоянке группа изделий для обработки твердых материалов представлена всего тремя функциональными типами. Техника пластиначатого расщепления представлена тремя нуклеусами: один от микропластин с фронтом расщепления на 3/4 периметра и два торцовых от пластин средней ширины.

Стоянка Боровиково 2М открыта в 2000 г. Сухонско-Кубенской экспедицией под руководством Л.С. Андриановой. Стоянка располагается на правом берегу Кубены, в 200 м к северу от одноименной деревни, напротив устья небольшой речки Чивицы. Стоянка находится в лесу, в 50 м от берега, и располагается на пологом склоне первой надпойменной террасы, на высоте 6–7 м над уровнем воды. В 2000–2001 гг. на памятнике проводились раскопочные работы, в ходе которых было вскрыто 112 м². Общее количество находок на памятнике превышает 5000 экз. Около половины из них составляют отходы кремневого производства. Среди индивидуальных находок большую часть составляют ножевидные пластины – 2399 экз. Орудийный набор разнообразен. Полученные материалы, по мнению Л.С. Андриановой, соотносятся с инвентарем бутовских стоянок середины – второй половины VII тыс. до н.э. (Андрианова, 2006а). Для трасологического анализа была взята случайная выборка артефактов (723 предмета), полученная в ходе раскопок 2000 г. Сведения о хозяйственном типе стоянки носят предварительный характер. Можно отметить преобладание некоторых категорий изделий: резко выделяются по количеству орудия охоты (вкладыши метательного оружия и мясные ножи). В составе использованных инструментов абсолютно лидируют ножевидные пластиинки, использовавшиеся в 14 различных операциях. Хорошо заметна взаимосвязь ножевидных пластин, сохраняющих естественные контуры, и выполнение ими функции разделочных ножей. Достаточно разнообразно использовались технологически определимые сколы, относящиеся к контексту производства ножевидных пластин: ребристые

пластины определены как проколка, пилка для дерева, комбинированное орудие; первичные сколы с нуклеуса с естественной огранкой спинки использованы как строгальные ножи и пилка; боковые снятия, расширяющие рельеф фронта нуклеуса – как вкладыши метательного оружия, резец и орудие с двумя функциями. Пластины с притупленной ретушью спинкой использованы преимущественно как вкладыши метательного оружия. Большинство типологически определимых скребков использовались для обработки шкур животных, в двух случаях – как скобели по твердым материалам. Изделия, типологически определенные как резцы, выполняли функции резцов по твердым природным материалам, но в одном случае резцовый скол связан с использованием изделия в составе вкладышевого метательного оружия.

Пластиначатая индустрия Боровиково 2М может быть представлена в виде следующей схемы, отражающей последовательность работы с кремневым сырьем: для будущего нуклеуса подбирался кусок кремня, нуждавшийся в минимальной подправке. Предпочтение отдавалось кускам подтреугольной или подчетырехугольной в сечении формы. Пластины с большей части ядрищ снимались таким образом, что фронт быстро захватывал боковые стороны, приближаясь к круговой огранке. При таком способе утилизации нуклеусов ядрища приобретали подкарандашевидные очертания, а получаемые с них пластины постепенно уменьшались в ширине. Один из нуклеусов дает пример использования широкого слабовыпуклого фронта расщепления, пластиначатые снятия с которого должны были иметь стандартную ширину на всем протяжении утилизации ядрища. Примеры торцовых нуклеусов немногочисленны, такой способ работы с ядрищами был скорее исключением. О высокой продуктивности пластиначатой технологии свидетельствуют такие цифры: ножевидные пластины ординарные, т.е. с параллельной огранкой спинки, сформированной односторонними снятиями (целые и обломки) составляют 2058 (86%) от всех пластиначатых снятий. Технологически определимые сколы составляют незначительную часть снятий: сколы с пренуклеуса ребристые – 3%, сколы с пренуклеуса с естественной поверхностью – 1.4%, боковые снятия с нуклеусов и/или снятия с подправкой – 9.6% от пластиначатых снятий.

Стоянка Побоищное 1 находится в Нюксенском районе Вологодской обл., расположена на левом берегу р. Сухона в 150 м к западу от одноименной деревни и занимает край боровой террасы высотой 9 м над уровнем воды. Раскопки памятника на площади 96 м² произведены Сухонско-Кубенской экспедицией под руководством Л.С. Андриановой в 1998, 1999 гг. (Андрианова, Васильева, 2000. С. 99). Найдки (более 6000 экз.) концентрировались в юго-восточной части раско-

па, образуя большое скопление – 5 × 8 м. Орудия охоты и разделочные ножи в общем составляют 81.87% от всех орудий. Всего изделий со следами изношенности – 2394 экз., больше чем где бы то ни было на исследованных стоянках. Абсолютное большинство использованных изделий – ножевидные пластинки и их обломки и сечения без ретушной подработки. Их доля составляет 91%. Все остальные типологические категории составляют менее заметную часть среди использованных инструментов: 3.2% – резцы (использовались в четырех операциях и как полифункциональные), 2.3% – технологически определимые сколы с нуклеусов, 2.2% – скребки. Последние связаны чаще с операцией по очистке шкур, в двух случаях использованы как скобели для твердых инструментов. Анализ нуклеусов и технологически определимых сколов дает возможность говорить о нескольких способах с ядрищами на стоянке. Подтреугольные в сечении пренуклеусы могли использоваться утилизацией фронта расщепления с одной стороны, что приводило к получению пластинчатых снятий стандартной ширины. Такой же результат получался при утилизации торцовых ядрищ, немногочисленных в данной коллекции. Второй способ заключался в постепенном переходе к круговой огранке нуклеуса и получению пластин все меньшей ширины. Конечным итогом такого способа расщепления становились карандашевидные нуклеусы. Характеризуя технику скола, нужно отметить, что на стоянке использовались и удар и отжим для получения пластин. При получении пластин с помощью отжима создавались выпуклые зоны расщепления на ударных площадках нуклеусов. О высокой продуктивности технологии расщепления на стоянке Побоищное 1 свидетельствуют следующие данные: сколы с пренуклеусов составляют 45 экз. (1%), сколы с негативами формирования рельефа пренуклеуса (сколы расширения фронта расщепления) и/или следами подправки – 232 экз. (8%) и ординарные пластинки с параллельной или частично встречной огранкой – 2795 экз., т.е. 91% от всех пластинчатых снятий. Нуклеусы Побоищного 1 преимущественно круговой огранки и с широким слабовыпуклым фронтом расщепления, есть несколько торцовых.

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СТОЯНOK БЕЗ ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Стоянка Марьино-4. Памятник расположен на правом берегу р. Ратца, притока р. Песь в Чагодощенском р-не Вологодской обл. в 5 км юго-западнее от д. Марьино. В 1994 г. на стоянке были проведены раскопки на площади 116 м². Скопле-

ние находок занимало небольшой участок 5 × 7 м. По мнению Н.В. Косоруковой, памятник является самым ранним в регионе бассейна Мологи (1997. С. 18, 19). По итогам трасологического анализа стоянка отнесена к неспециализированным поселениям. В большинстве операций использовались ножевидные пластинки или их обломки, сечения без ретушной подработки (74%). Диапазон выполняемых ими операций наиболее широк. Существует отчетливая взаимосвязь между типологической группой скребков и выполняемыми ими операциями: скоблением шкуры. Единая типологическая категория резцов имеет разнообразные функциональные характеристики. Технология производства ножевидных пластин в Марьино-4 может быть представлена в виде двух технологических линий: первая основывалась на утилизации торцовых нуклеусов, изготовленных из отщепов (5 экз.), вторая – на утилизации нуклеусов с круговой огранкой (3 экз.). С первым вариантом расщепления связано производство пластин средней ширины, со вторым – отжимных микропластин.

Мезолитическая стоянка Лиственка 3Б располагается на левом берегу реки Колпа в 4 км ниже по течению от д. Лиственка (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.). Автор раскопок относит стоянку к памятникам типа Лотовой Горы и датирует последней третью VIII тыс. до н.э (Косорукова, 1997. С. 16). Памятник был раскопан площадью 195 м². Находки встречались практически по всему раскопу, наиболее насыщенный находками участок (15 × 8 × 10 м) располагался в центре раскопанной площади. Наличие специализации на стоянке на основании анализа каменного инвентаря не прослеживается. В большинстве производственных операций также использовались ножевидные пластинки без ретушной подработки. Отмечается использование технологически определимых сколов. Скребки в подавляющем большинстве случаев использовались для очистки шкур от мездры. Пластины с ретушью использовались в трех производственных операциях. Особенностью коллекции является использование редко встречающихся типов изделий: выемчатых орудий (резцы), орудие с перехватом и кремневая плитка с ретушью (скобели). Технология производства пластин на стоянке Лиственка 3Б представлена тремя линиями работы с ядрищами: 1 – получение заготовок с торцовых ядрищ (11 экз.), 2 – с нуклеусов с выпуклым фронтом расщепления (2 экз.), 3 – с круговой огранкой (3 экз.).

Мезолитическая стоянка Крутой Берег расположена в 6 км к западу от д. Мишино, на правом берегу Кобожи, в 1.5 км от впадения ее в Белую. В 1988 г. на стоянке проводились раскопки под руководством Н.В. Косоруковой. Вскрытая площадь составила 220 м². Находки располагались двумя небольшими скоплениями, сосредоточен-

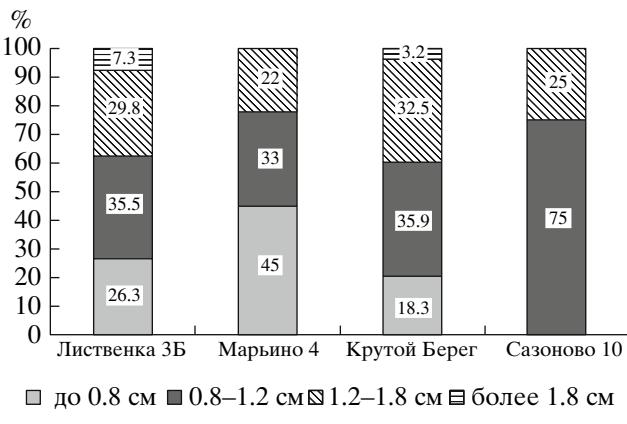


Рис. 1. Соотношение пластин различной ширины на мезолитических стоянках Молого-Шексинского междуречья.

ными вокруг ям, находящихся в 12 м друг от друга. Стоянку Крутой Берег можно отнести к середине бореала по наличию серии наконечников постсвидерского типа на пластинах с минимальной подработкой острия и насада (Косорукова, 1997. С. 19). На стоянке выделено 220 изделий со следами утилизации от использования их в различных хозяйственных операциях. Более 63% от всего количества орудий составляют ножевидные пластиинки без ретушной подработки. Пластины с притупленным краем связаны с одной операцией: их использовали как вкладыши метательного оружия. Пластины с ретушью использовали как строгальный нож или сверло. Зафиксированы случаи использования технологически определенных сколов. Изделия, типологически определенные как скребки, использовались для обработки шкур. Типологически выразительные резцы в большем количестве случаев применялись для прорезания пазов, в одном случае – как разделочный нож. Скобели по твердым материалам оправдывают свое типологическое определение. Довольно многочисленны использованные отщепы и отщепы с ретушью. Зафиксировано шесть различных вариантов их использования в обработке различных материалов. Кроме того, на стоянке Крутой Берег отмечено большое количе-

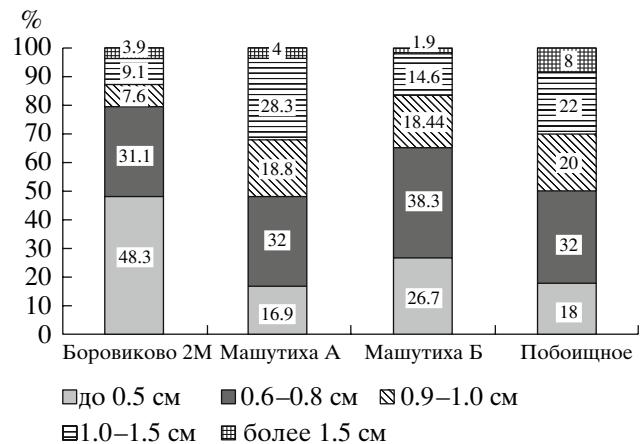


Рис. 2. Соотношение пластин различной ширины на мезолитических стоянках Сухонско-Кубенского бассейна.

ство изделий со следами реутилизации или использования их в двух-трех операциях. Для такой большой коллекции на стоянке очень незначительное количество ядрищ: всего четыре экземпляра. Три нуклеуса определены как торцовые, один – как ядрище с выпуклым фронтом расщепления, приближающимся к замкнутому. Есть еще три обломка нуклеусов, все с широким слабовыпуклым фронтом расщепления.

Стоянка Сазоново 10 находится в Чагодощенском р-не Вологодской обл. на левом берегу Ратцы, в 1 км юго-западнее пос. Сазоново, 10 км ниже по течению стоянки от Марьино-4. Раскопки проводились в 1995 г. отрядом САЭ под руководством Н.В. Косоруковой. Артефакты в основном найдены на площади размеры 6 × 12 м. Предварительно стоянка датирована автором раскопок рубежом среднего и позднего мезолита (Косорукова, 1997. С. 18). Стоянку можно отнести к неспециализированным поселениям. Пластины без ретушной подработки составляют 63% от всего состава использованных орудий со следами от одной производственной операции. Пластины с притупленным краем и с затупленным концом использовались как вкладыши метательного оружия. Пластины с ретушью использовались в пяти

Таблица 3. Показатели продуктивности расщепления на мезолитических стоянках Молого-Шексинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна

Количество Показатель	Марьино 4	Лиственка 3Б	Крутой Берег	Сазоново 10	Боровиково 2М	Машутиха А	Машутиха Б	Побоищное 1
Количество пластин и орудий из них	237	633	234	353	2453	54	200	2795
Количество ядрищ	8	17	4	20	20	5	3	19
Продуктивность технологии (количество пластин с ядрища)	29	37	58	17.5	122	11	66	147
Чистый показатель	14–15	18–19	29	8–9	61	5–6	33	73–74

Таблица 4. Варианты использования фронта расщепления на мезолитических стоянках Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна

Нуклеусы	Марьино 4	Лиственка 3Б	Крутой Берег	Сазоново 10	Боровиково 2М	Машутиха А	Машутиха Б	Побоищное 1
торцовые от средних пластин	5	11	3	15	3	1	2	4
торцовые с негативами микропластин				1			1	
с широким слабовыпуклым фронтом расщепления		2	3		1			5
с замкнутым или почти замкнутым скальванием	3	3	1	2	15	4		10

различных производственных операциях. Эпизодически для работы употреблялись технологические сколы с нуклеусов. Скребки, как и в других коллекциях, обнаруживают устойчивую связь с одной хозяйственной операцией – обработкой шкур. Для такой же работы применялся скол с площадки нуклеуса. Типологически выраженные резцы использовались в пяти различных операциях. Для данной стоянки довольно заметную серию составляют использованные “куски кремня со следами снятий”. Такие орудия не имеют морфологически устойчивых параметров, их очертания аморфны. Чаще всего они использовались как скребущие инструменты, но применялись и в других операциях.

Все указанные стоянки имеют общую черту: на всех памятниках производились обработка кремня, подготовка ножевидных пластин и орудий для дальнейшего использования их в производственных операциях. Контекст технологии полный на всех стоянках, за исключением Машутихи А. Рассматривая каждую стоянку как производственную площадку с полным циклом деятельности, можно ввести такой показатель, как продуктивность пластинчатой технологии. Этот показатель рассчитывается как отношение количества ножевидных пластин к количеству нуклеусов. Полученная в итоге цифра характеризует среднюю производительность пластин с одного ядра в целом по стоянке. Учитывая, что большая часть пластин использовалась в виде сечений и обломков, полученный показатель нужно делить еще на два. В приведенной ниже таблице отражены показатели продуктивности для рассмотренных стоянок (табл. 3).

Отметим, что средняя производительность пластин с одного ядра заметно выше на стоянках, интерпретированных как охотничьи лагеря, за исключением Машутихи А. Важно проследить соотношение пластин различной ширины на стоянках. Данные просчетов пластин различной ширины отражены в диаграммах (рис. 1, 2). Заметно, что уровень микропластинчатости существенно выше для стоянок Сухонско-Кубенского бассей-

на, интерпретированных как стоянки с выраженной охотничьей специализацией. На тех поселениях, где основным видом деятельности были разделка охотничьей добычи и подготовка или починка вкладышевого охотничьего оружия, требовалось большее количество микропластин. На этих стоянках в основном срабатывались нуклеусы с круговой огранкой, позволяющие получать пластины небольшой ширины. На стоянках, где объем подобных работ был меньше (неспециализированные поселения), преимущественно велась утилизация торцовых нуклеусов, с которых получали пластины средней ширины стандартных пропорций (табл. 4). Таким образом, на примере проведенного анализа прослеживается взаимосвязь хозяйственной направленности стоянки и предпочтительного использования плоскости расщепления на ядрах для производства пластинчатых заготовок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андианова Л.С. Мезолитические стоянки на реке Кубене. Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006а.
- Андианова Л.С. Кубенские стоянки в контексте мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы // II Северный археолог. конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б.
- Андианова Л.С., Васильева Н.Б. Мезолитическая стоянка Побоищное 1 на Нижней Сухоне // ТАС. 2000. Т. 1.
- Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сб. по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры М., 1999 г.
- Косорукова Н.В. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.; 1997.
- Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // ТАС. 2000. Т. 1.
- Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса; СПб., 1995.

Integrated investigations at Mesolithic sites in the Mologa-Sheksna interfluve area and the Sukhona-Kubena basin

N. B. Vasilieva

Summary

The article presents the results of integrated investigations at Mesolithic sites in the Mologa-Sheksna interfluve area and the Sukhona-Kubena basin. All the sites are “dune” ones with a sandy cultural layer which does not preserve organic remains. Hence only stone tools remain and can be investigated. Traces of wear on the surface of stone tools were identified and interpreted through trace analysis. The functional typology of the sites is based on the correlation between functional groups of tools. The results of the analysis allowed to identify the technical and morphological characteristics of the paleotechnological context and the main methods of working the raw stone in order to find the correlation between the economic type of the sites and the nature of the plate industry. The research reveled two economic types of Mesolithic sites: hunting camps and sites which lack the features that could indicate a specialization in lithic tools.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ТИПОВ С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС I В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ

© 2009 г. Г. М. Буров

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Вис I – выявленное и исследованное автором (экспедицией Коми филиала АН СССР) в 1959–1967 гг. разновременное поселение с инвентарем от мезолита до раннего средневековья на Севере Европейской России, в районе Синдорского оз. (Республика Коми). Люди жили на низком песчаном останце надпойменной террасы (окруженном болотистой поймой), где из культурных остатков хорошо сохранились только каменные предметы, керамика и металл. Особый интерес представляет древнейший комплекс поселения. Научная ценность этого комплекса заключается прежде всего в том, что мезолитический культурный слой прослежен и за пределами останца, захватывая дугообразный старичный торфяник, длиной около 150 и шириной примерно 15 м, оставленный р. Вис (рис. 1–3) и содержащий артефакты из дерева, коры и травы.

Торфяник называют Первым Висским: сходный массив, с деревянными вещами и сооружениями середины I тыс. н.э., Второй Висский, входит в зону соседнего поселения Вис II. Висские стариные торфяники по характеру нередко сопоставляют с гигантскими Шигирским и Горбуновским торфяниками Среднего Зауралья, на которых встречаются древние поселения. Но Висские торфяники – составные части отдельных памятников, тогда как зауральские болотные массивы сами включают группы торфяниковых стоянок.

Однако общим для всех упомянутых торфяников служит то, что в них хорошо сохраняется древесина, особенно хвойных деревьев. Обычно в озерно-болотных отложениях находят также вещи из кости. К сожалению, Вис I выступает здесь исключением из-за неблагоприятных условий залегания. Нет оснований допускать (Ошибкина, 1989. С. 41), что мезолитические жители Виса I почему-то использовали кость в ограниченном количестве. Такое едва ли возможно. К тому же практически не оказался в торфянике и необработанный остеологический материал (единичные обожженные осколки костей не следует принимать во внимание). Собранные в небольшом количестве костяные предметы в удовлетворительном состоянии без следов обжига в старичном торфянике Виса II гораздо моложе и залегают не

под минерализованными озерными отложениями, как в Висе I, а в сапропеле под торфом.

В отличие от типичных торфяниковых стоянок Вис I содержит не те деревянные артефакты, которые оказались под ногами на жилой площадке, а вещи, уроненные или преднамеренно брошенные на разных хронологических этапах в речную излучину, староречье на ее месте и стариный торфяник, в который оно превратилось. Культурные остатки, судя по радиоуглеродным датам, накапливались более тысячи лет. Наряду с ними в озерно-болотных отложениях оказались и многочисленные необработанные деревянные предметы разной величины. Обилие в торфянике дерева, которое вполне могло быть использовано как поделочный материал или топливо, но оказалось утраченным для древних людей, объяснимо продолжительностью обитания в эпоху мезолита в Висе I (с перерывами или без).

По новейшим подсчетам (назначение некоторых предметов пересмотрено), в торфянике Виса I при раскопках на площади 575 м² найдены 213 мезолитических артефактов из дерева, коры и травы. В указанное число входят 173 изделия (в том числе 40 колец, досок и брусков). Остальное (тоже 40 экз.) – предметы со срезами: палки и шесты с естественной цилиндрической поверхностью, бревна, плахи, чурки и просто куски дерева; часть этих предметов – обломки каких-то вещей. Таким образом, всего особо интересных артефактов 133, а из них основными по информативности или уникальными для висской коллекции можно считать ровно 50. Перечислим эти предметы в логической последовательности с указанием инвентарных номеров, обозначенных на плане (рис. 1).

Лук хольмегорского типа № 164. Лук ручной висского типа целый примитивный № 86. Лук такого же типа с “полочкой” в виде уступа № 92. Лук ручной висского типа перфорированный целый с “полочкой”-выемкой № 31/142 (рис. 4, 1). Лук ручной висского типа с двумя “полочками”-выемками № 108. Лук ручной висский с отверстием и сохранившейся системой орнамента № 97. Лук ручной висского типа почти целый с отверстием, двумя “полочками” и орнаментом № 106. Лукообразное орнаментированное изделие № 26. Лук висского типа сторожевой с головкой № 105.

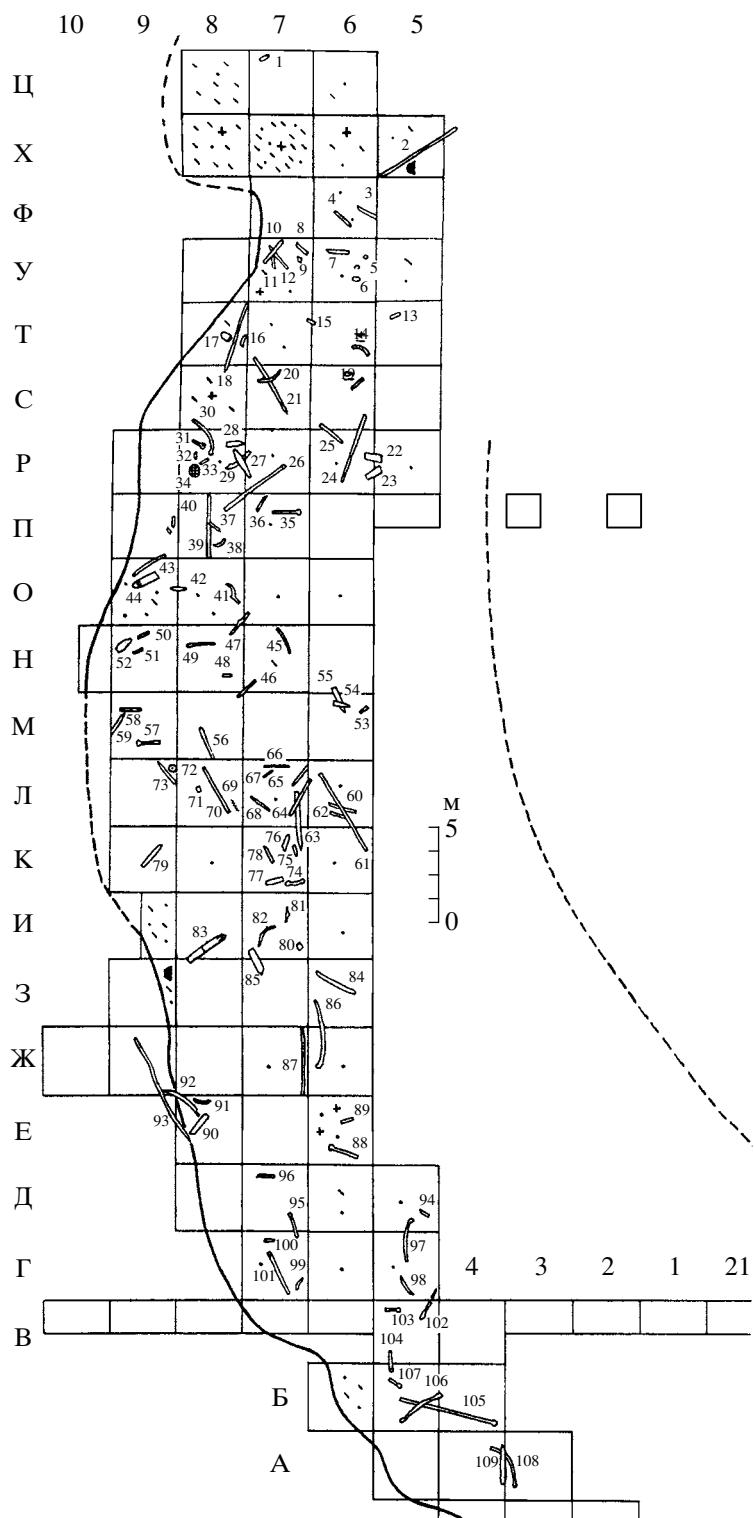


Рис. 1. План расположения артефактов из растительного сырья в торфянике на поселении Вис I (указание на перечень инвентарных номеров см. в Приложении; условные обозначения см. на рис. 3).

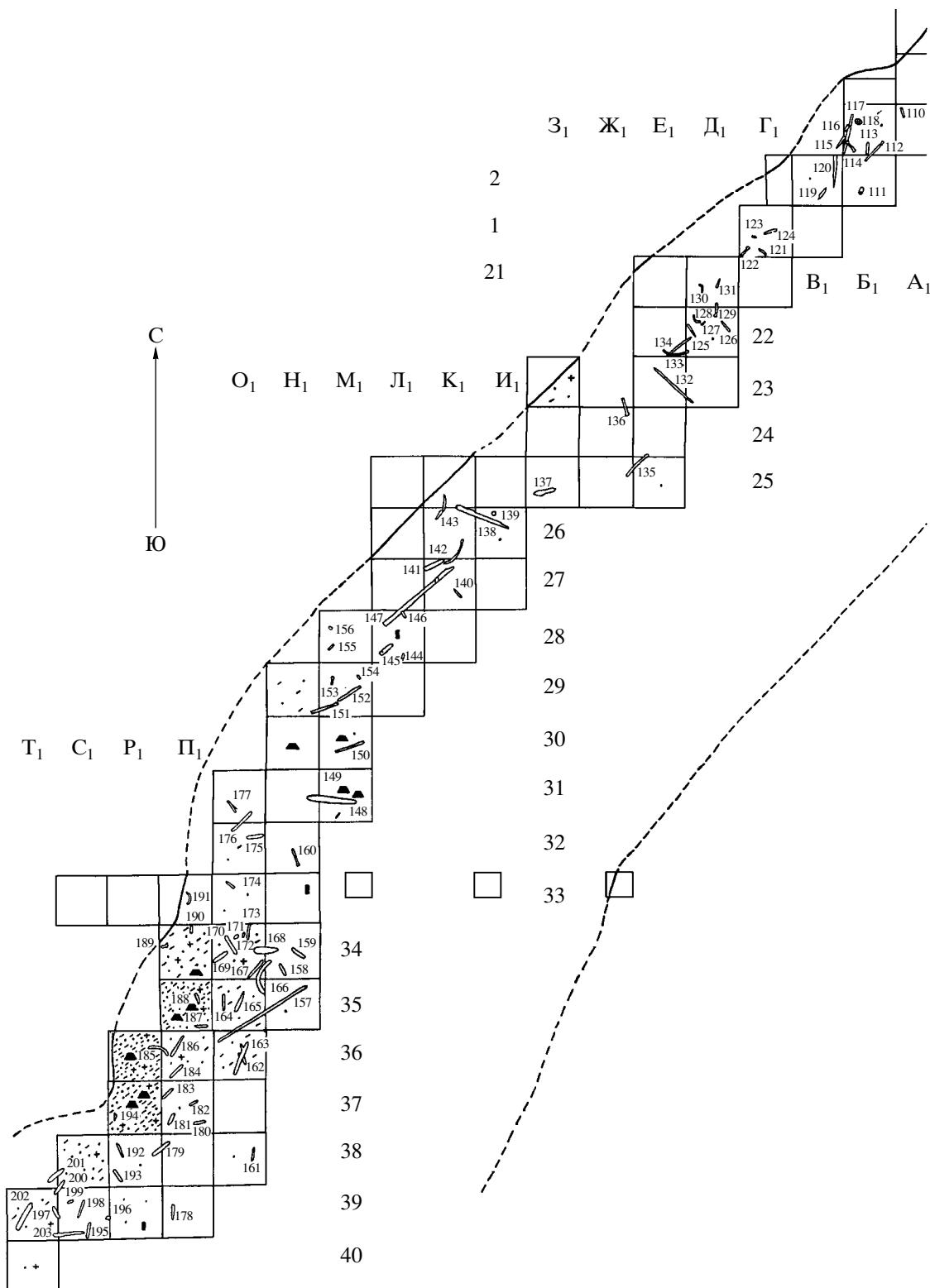


Рис. 1. Окончание.

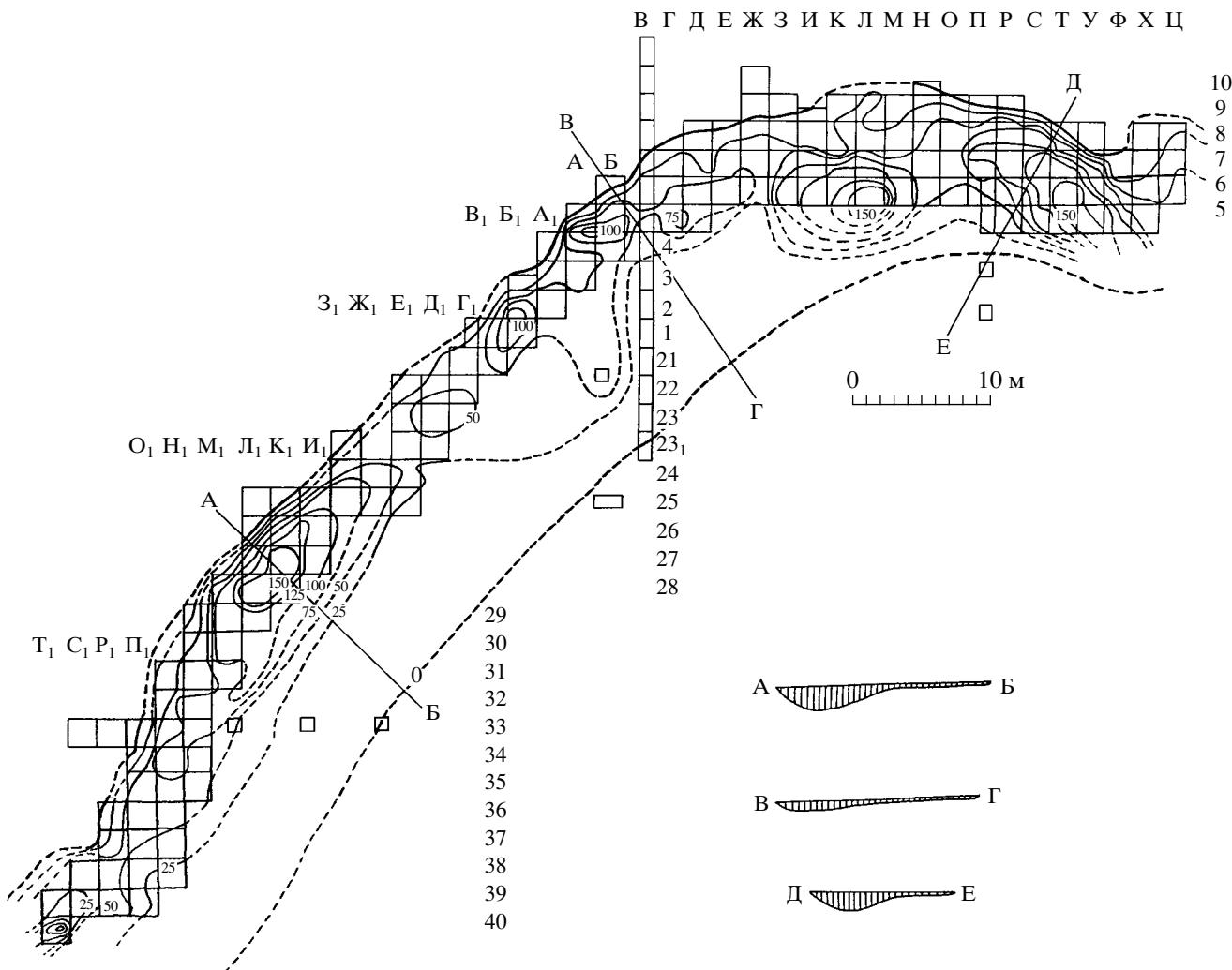


Рис. 2. Данные нивелировки песчаного ложа торфяника на поселении Вис I и разрезы торфяника. Условные обозначения – на рис. 3

Лук того же типа с необтесанным комлевым концом и отверстием № 101. Лук виссий сторожевой с отверстием и комлем уменьшенного диаметра целый № 157. Лук висского типа сторожевой с отверстием и ярко выраженной деформацией от употребления № 27. Лук висского типа сторожевой с перехватом № 61 (рис. 4, 2). Лук сверлильно-огневой целый большой размерной группы грубой работы № 74. То же более тщательной отделки № 95. Лук того же назначения малой размерной группы № 128. Наконечник стрелы № 15. Стрела или дротик № 162. То же с пазами для вкладышей № 67. Г-образная метательная дубинка № 38. Палица (дубинка) метательная прямая с косым пазом № 115. То же с заостренным концом № 42. Дубинка прямая с массивным концом № 206. “Хвостатое” копье (дротик) № 24. Копье (дротик), плавно утолщающееся к комлевому концу № 132. Копье ручное с длинным срезом № 2. Сегментовидная дощечка № 199. Сетное по-

лотно № 118. Поплавок сетной из сосновой коры № 111. Ботало № 72. Верша или циновка № 34. Обруч без отверстий № 166. Обруч перфорированный (крупный фрагмент) № 82. Обруч орнаментированный № 45. Боковая деталь остроги с параллельными выступами № 200. То же с разведенными выступами № 41. Полоз хейнолинского типа левый № 83. Такой же полоз правый № 44. Длинный фрагмент хейнолинского полоза № 138. Полоз висского типа (передняя часть) № 141. То же (задняя часть) № 54. То же (длинный фрагмент) № 87. Лыжа висского типа № 168. Лыжа ветреьевского типа № 17. Весло № 137. Дугообразный скобель № 100. Проколка № 91. Берестяная емкость № 80. Веревка из травы № 69.

Мощность старицких отложений в Висе I в большинстве случаев достаточно велика (до 1.6 м) для построения единственной для каменного века Восточной Европы периодизации, основанной на

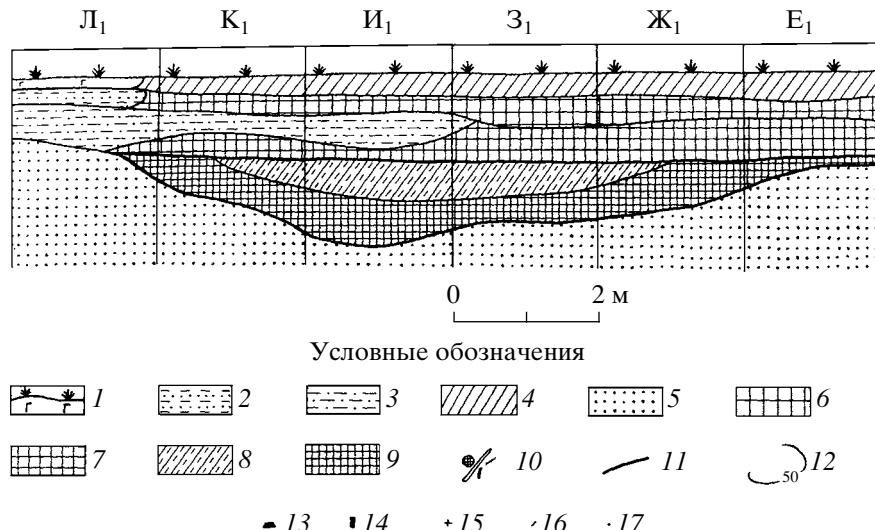


Рис. 3. Торфяник в зоне поселения Вис I. Разрез раскопа по северной стороне полосы 25. Условные обозначения к рис. 1–3: 1 – гумусовый горизонт; 2 – буроватая супесь; 3 – сероватая супесь; 4 – заиленный осоковый торф с хвощом; 5 – серый песок; 6 – буроватый глинистый сапропель; 7 – оливково-сероватый глинистый сапропель; 8 – гипново-осоковый торф; 9 – дегритовый сапропель (3 – культурный слой бронзового и раннего железного веков; 7 – то же неолита; 8, 9, частично 5 – то же мезолита); 10 – предметы из дерева, коры и травы; 11 – край торфяника; 12 – горизонталь; 13 – каменный шлифованный топор; 14 – заготовка такого орудия; 15 – кремневый скребок на отщепе; 16 – пластина, изделие из нее или нуклеус для снятия пластины; 17 – расколотый кремень (пять или менее пяти находок в пределах двухметрового квадрата).

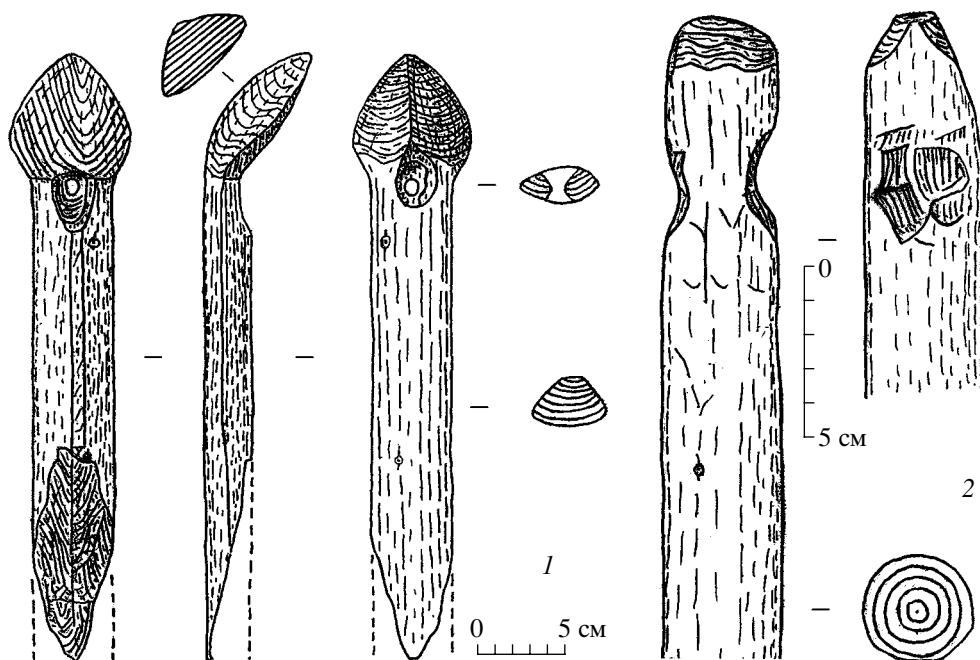


Рис. 4. Вис I. Верхняя часть неорнаментированного ручного лука № 31/142 (1) и комлевый конец сторожевого лука № 61 (2); дерево.

деревянных вещах. Датировка обработанной древесины из Виса I, помимо данных палинологии и археологии, базируется на пяти радиоуглеродных определениях от 8080 ± 90 до 7090 ± 70 ВР. На анализ была дана древесина артефактов № 10, 22, 61, 147 и 202 (Буров и др., 1972).

Уникальные и редкие изделия из растительных материалов Виса I не опубликованы монографически, хотя издание специальной книги планировалось (Буров, 1967. С. 4). Но им посвящены статьи, вышедшие в свет в России, Германии, Англии, Бельгии и США. В монографии (Буров,

1967. С. 59–68) и коллективной статье (Буров и др., 1972) вводятся в научный оборот сведения о стратиграфии и о хронологии торфяника, позволившей построить трехэтапную периодизацию мезолита в хронологических рамках поселения Вис I (Буров, 1990; Burov, 1990). В других публикациях дается общая характеристика деревянного инвентаря Виса I (Буров, 1964; 1966а. С. 155–165; 1966б; 1968а. С. 194–202; 1968б. С. 27–40; 1969; 1986. С. 6–9; Burov, 1973. С. 131–135; 2001. Р. 214–222; Ошибкина, 1989. С. 41, 42). Вышли в свет статьи автора о луках и других охотничьих приспособлениях (Burov, 1981; Буров, 1993); о рыболовных снарядах (Burov, 1992) и веслах (Burov, 1996); о санях (Буров, 1981а. С. 117–128, 151–162; Burov, 1999) и древнейших лыжах (Burov, 1989а. Р. 393–397; 2004); о сверлильно-огневых луках (Burov, 1989а. Р. 397–400); о технике обработки растительных материалов (Burov, 1998); об искусстве мезолита (Burov, 1989б).

Настоящей статьей в сущности завершается публикация висских мезолитических материалов. В ней рассмотрены категории и типы вещей, представленные одиночными предметами: копье ручного типа, щит (?), рукоять рубящего орудия, дубинка с массивным концом и боковые детали острог, идентифицированные ранее с метательными дубинками. Кроме того, в работе впервые публикуются планы: 1) расположения находок (деревянный и каменный инвентарь) на территории торфяника (рис. 1) и 2) рельефа его песчаного ложа (рис. 2). В этой связи дается статистическая характеристика всего инвентаря из растительно-го сырья.

Второй план показывает, что ложе реки изобилует большими по площади углублениями разной величины, в местах которых мощность старичных отложений достаточна для суждения об относительном возрасте находок на разной глубине (рис. 3). Стратиграфические наблюдения облегчаются тем, что максимальные глубины, как это и должно быть у речной излучины, а позднее у старицы и торфяника, смешены к песчаному останцу, на котором протекала жизнь обитателей поселения. Первый план показывает, что артефакты также тяготеют к этому останцу, как и следовало ожидать.

Восточный конец торфяника, примыкающий к песчаной стрелке останца, где особенно долго жили мезолитические люди, сильно насыщен деревянными артефактами, расположенными полосой шириной около 8 м. Западный конец раскопа знаменателен тем, что здесь дерево сочетается с большим количеством каменных шлифованных топоров и кремневого инвентаря, т.е. близ этого места могла быть мастерская по изготовлению каменных орудий. Здесь же и на восточном конце найдена основная масса кольев, возможно, при-

надлежащая жилищным сооружениям на останце песчаной надпойменной террасы. Они соответствуют раннему и среднему этапам мезолитического периода в Висе I.

НЕКОТОРЫЕ УНИКАЛЬНЫЕ И РЕДКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС I

Не имеет прямых параллелей шест длиной 267 см и максимальным диаметром 4.5 см в виде хлыста молодого дерева хвойной породы с длинным (46 см) плоским срезом на вершине (рис. 5, 1). Комлевый конец обломан и не сохранился. Предмет можно рассматривать как ручное копье с острым концом, оформленным асимметрично с тем, чтобы длинное острие пришло на твердый периферийный слой хлыста, а не на его мягкую сердцевину. В противоположность этому предмету, опубликованные ранее копья с заостренным комлем и "хвостом" следует считать метательными, т.е. дротиками (рис. 5, 3, 4). Они с облегченной задней частью, что характерно для копий метательного назначения (Каров, 1960. С. 35). Описанное копье, относящееся к первому или второму эпапу мезолитического периода в Висе I, лишь отчасти сходно с изделием той же категории с поселения Веретье I (в каргопольском озере-ном районе), диаметром всего около 1 см (Ошибкина, 1997. С. 109. Рис. 79).

Другая оригинальная находка – сегментовидная дощечка толщиной около 0.45 см, шириной 3.2 см с отщепленным краем (рис. 5, 2). Думается, что утраченная часть дощечки имела отверстия и перед нами – деталь диска диаметром 60–75 см, состоявшего из нескольких легких перфорированных досок, которые могли быть соединены с помощью перекладин и ремней. Именно таким образом были собраны из деталей сани висского типа из торфяника (Буров, 1981а. Рис. 4, 2).

Предполагаемый диск мог иметь, в частности, культовое назначение: служить транспарантом, изображающим солнце. Такие диски с парными ручками для ношения представлены на петроглифах Онежского оз., правда, имеющих не мезолитический, а энеолитический возраст (Савватеев, 1970. Рис. 23, 3; Буров, 2004. С. 16–18). Но традиции живучи. Еще более вероятно, что перед нами – древнейший щит, который, конечно, при своей небольшой толщине с трудом мог противостоять ударам копий, но был способен защищать человека от стрел.

Уникальна для Виса I также втулка рукояти от шлифованного рубящего каменного или рогово-го орудия, тесла либо топора, найденная в 1961 г. в восточной части раскопа на торфянике, в песке под ним, на глубине около 2.5 м. Втулка была вырезана из корня или нароста на дереве с волни-

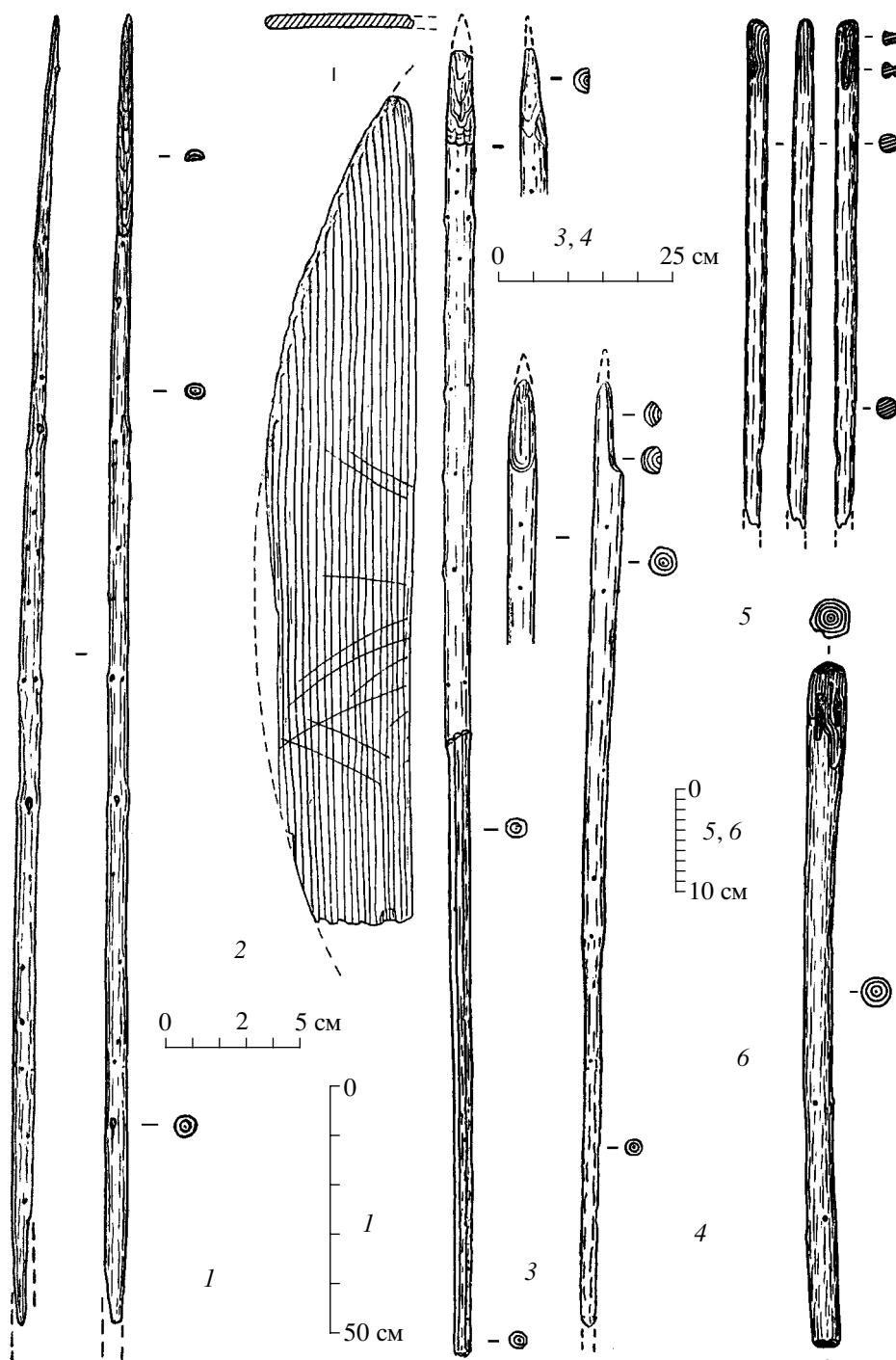


Рис. 5. Вис I. Деревянные изделия. 1, 3, 4 – копья (№ 2, 24, 134); 2 – сегментовидная дощечка (№ 199); 5 – рукоять остроги (№ 192); 6 – палица (№ 206).

стыми волокнами и явилась достаточно крепкой – способной не раскалываться при использовании инструмента; отломилась ручка рукояти. Вещь относится к числу самых древних деревянных предметов из Виса I и датируется концом IX тыс.

до н.э. По времени рукоять очень близка к серии изделий данной категории со стоянки Веретье I (Ошибкина, 1997. Рис. 84, 2, 7; 85, 1, 3). К сожалению, втулка, утраченная еще во время раскопок, не была сфотографирована или зарисована.

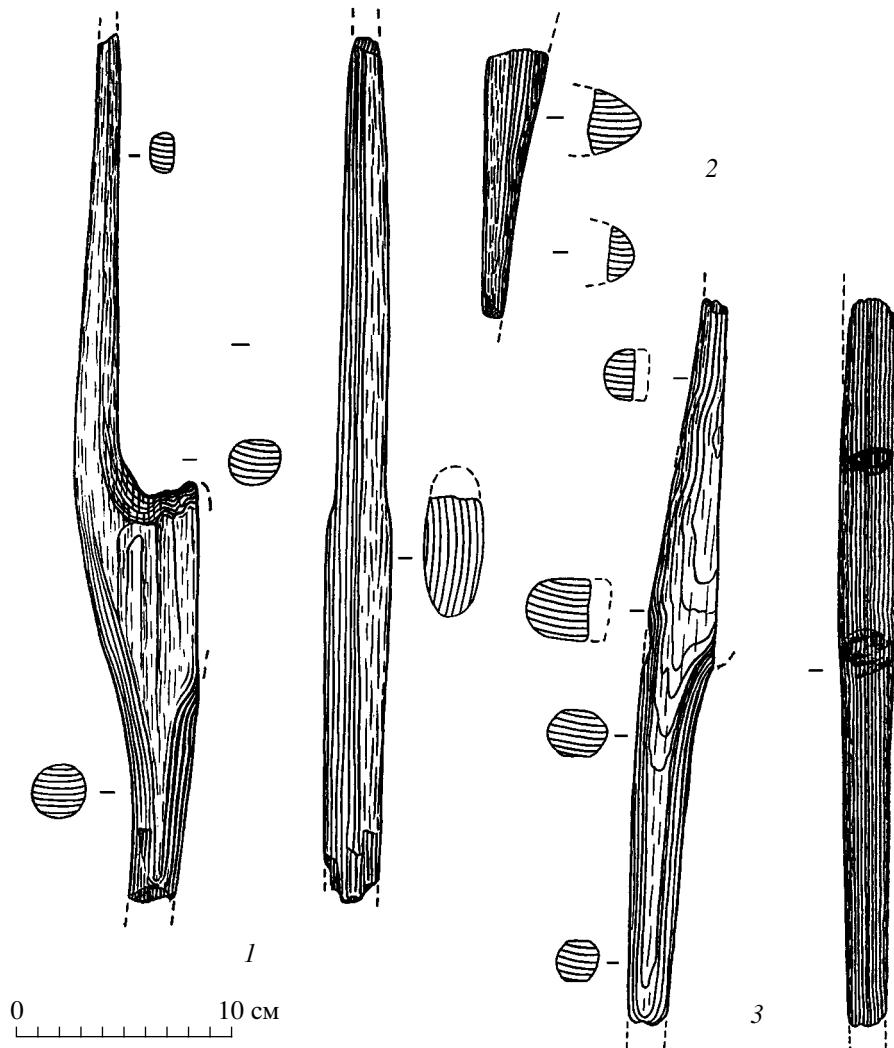


Рис. 6. Вис I. Деревянные боковые детали острог (№ 41, 172, 200).

ДЕТАЛИ ДЕРЕВЯННЫХ ОСТРОГ

Определение функции древних изделий из органического сырья ввиду их слабой изученности – подчас трудная задача. Новые археологические исследования в Дании вынуждают нас пересмотреть вывод о функции S-овидных висских изделий (рис. 6), определенных ранее как метательные дубинки (Буров, 1993. С. 159–162). Оговоримся, что такой вывод по-прежнему верен применительно к прямым и Г-образным предметам. Нам представляется, что дубинкой прямого типа служил также один неопубликованный предмет из Виса I (рис. 5, б), а Г-образные изделия Веретья I (Ошибкина, 1997. Рис. 89) аналогичны такой же висской палице, хотя и не имеют заострения.

В свое время Т. Томсен и А. Йессен, опубликовав коллекцию деревянных предметов каменного века из оз. Брабранн в Восточной Ютландии (Дания), выделили в этом собрании плоские изогну-

тые заостренные предметы и определили их как колющие орудия (Thomsen, Jessen, 1904). Позднее Л. Франц пришел к заключению, что эти предметы представляют собой метательные палицы в виде невозвращающихся бумерангов (Franz, 1928). Аналогичные изделия с такой же трактовкой были затем опубликованы Л.В. Ванкиной со стоянки Сарнате в Латвии (1970. С. 91) и мною из Виса I (Буров, 1993. С. 159–161).

Между тем при подводных изысканиях в Дании было найдено еще значительное количество “метательных дубинок”, относящихся к культуре эртебёлле (Andersen, 1995. Р. 57–63; Skaagup, 1995. Р. 398, 399). Одни из них близки к сарнатским – снабжены выступами (лопастями линзовидного сечения – так называемыми крыльями), другие таких лопастей лишены. Самое интересное, что среди находок – острога в сборе, состоящая из трех деревянных деталей, соединенных веревоч-

ной обмоткой: рукояти и двух боковых S-овидных изделий (Скьелнес на о. Эрё). Такая острога снабжается центральным костяным острием, служащим продолжением рукояти и поражающим рыбу, а “крылья” лишь ее удерживают. Остроги подобного типа известны в этнографических материалах (рис. 7, 1) (Семенов, 1968. Рис. 74), но встречаются редко. “Крылатые” остроги предназначены для битья рыбы на илистых акваториях, “бескрылые” – на участках с твердым, каменистым или песчаным, дном. В настоящее время датские археологи рассматривают S-овидные “дубинки” как боковые острия деревянных острог оригинального типа. К аналогичному предположению пришла Р.К. Римантене (1991. С. 70, 71), определяя сходные предметы со стоянок Швянтойи 3Б и 23 и опираясь на этнографический материал (эскимосы).

Соответствующему пересмотрю подлежит функциональное определение “дубинок” из Сарнате и Виса I. Поздненеолитические остроги с поселения Сарнате (рис. 7, 2) более совершенны, чем висские, и наша их реконструкция облегчает восстановление висских изделий (рис. 8).

Важнейшей особенностью каждого бокового острия деревянной остроги каменного века из трех деталей служит зуб, удерживающий рыбу и испытывающий сильную нагрузку, следствием которой может быть его скальвание, отмеченное у висских предметов. Усовершенствованная костяная этнографическая острога рассматриваемого типа (Гренландия) имеет зубья, закрепленные шарнирно (рис. 7, 1) (Семенов, 1968. Рис. 74, 7; Brinkhuizen, 1983. Fig. 2, b; Римантене, 1991. С. 70, 71). Благодаря линзовидному сечению, “крылья” сарнатских боковых острий ранят рыбу. Шнуровая обмотка позволяет им пружинить, увеличивая расстояние между зубьями при охоте на крупных рыб. В то же время расширение на нижнем конце рукояти и плоский внутренний край бокового острия в верхней части делают соединение трех деталей прочным.

Реконструируя мезолитические остроги рассматриваемого типа из Виса I, отметим, что они примитивнее сарнатских с широко расставленными плоскими нижними выступами (“крыльями”) и представляют два подтипа: со слабо разведенными и вообще с параллельными друг другу выступами. В обоих случаях последние круглого сечения. Рукоять не имеет упора и присоединена к боковым остриям менее надежно, хотя к нижнему концу рукояти прилегают их плоские поверхности. В остальном висские остроги близки к своим аналогам из Сарнате.

Мезолитические жители поселения Вис I, по-видимому, применяли и остроги, состоявшие из деревянной рукояти и привязанных к ней на конце двух костяных зубчатых острий. По-видимому,

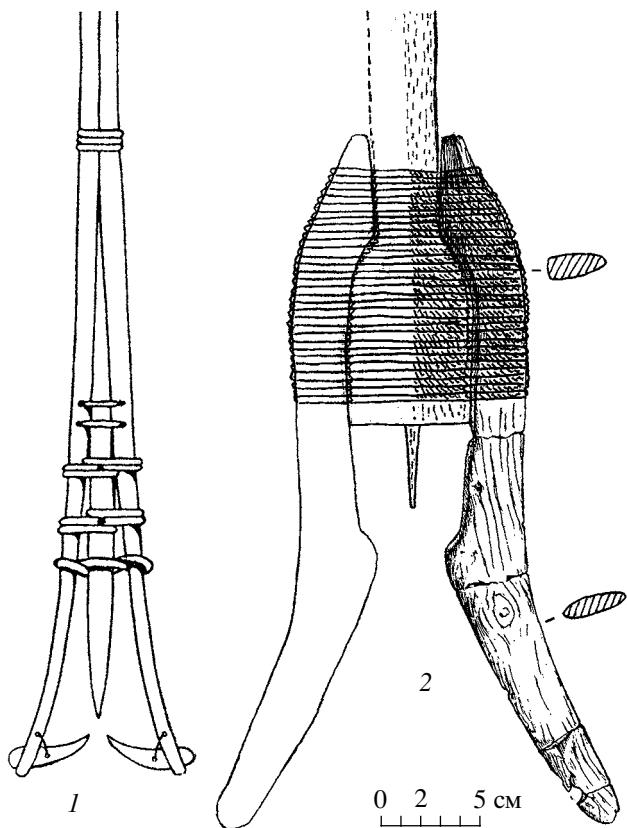


Рис. 7. Костяная этнографическая острога, по С.А. Семенову (1), и ее деревянный неолитический аналог (2) – реконструкция автора на основе опубликованной Л.В. Ванкиной боковой деревянной детали остроги со стоянки Сарнате в Латвии.

одна такая рукоять, снаженная парой пологих желобков для оснований острий, найдена (рис. 5, 5). Она имеет параллели в Веретье I, где собрана целая серия подобных рукоятей (Ошибкина, 1997. Рис. 83).

Все эти снаряды использовались для битья крупной рыбы. В районе Синдорского оз. ею была щука, главнейшая добыча мезолитических рыболовов Европейского Северо-Востока (Ошибкина, 1997. Табл. 27). Остроги могли применять в ночное время, используя факелы или костры, устроенные на лодках: огонь привлекает рыбу (Brinkhuizen, 1983. Р. 10, 11).

ВИС I И ПОСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬСКОГО ОЗЕРНОГО РАЙОНА

Ближайшими аналогами висскому комплексу артефактов из растительного сырья по территории и характеру инвентаря служат мезолитические стоянки каргопольского озерного района (Восточного Прионежья) – Нижнее и Веретье I. По числу изделий из дерева и коры Веретье I по-

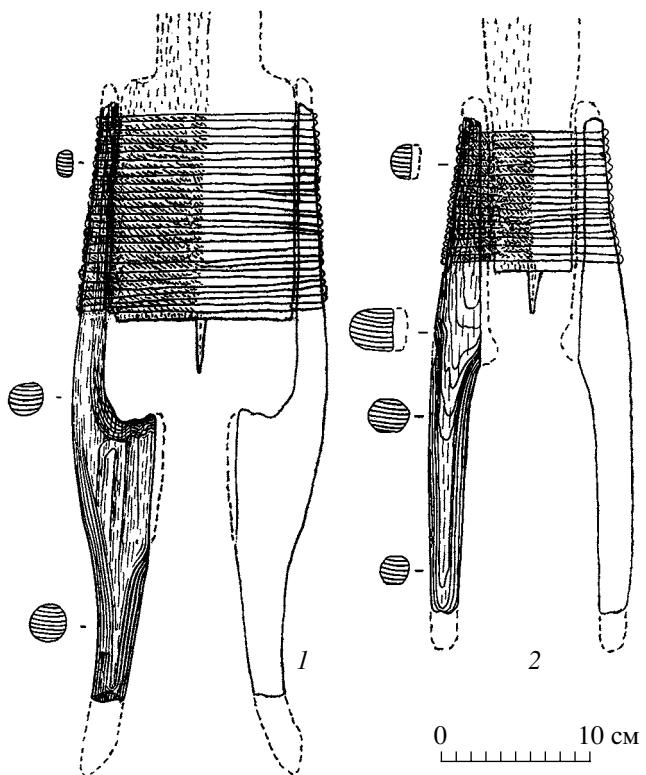


Рис. 8. Деревянные остроги Виса I, реконструированы автором по боковым деталям (№ 41, 200).

сле завершения раскопок превосходит Вис I, но артефакты Веретье I, собранные на жилой площадке, имеют мелкие размеры (крупные изделия сильно фрагментированы) и принадлежат в основном к другому кругу категорий. Серии составляют стрелы, луки, зубчатые остирия, копья, рукояти рубящих орудий, Г-образные дубинки, дуговидные скобели и ботала; одиночными экземплярами характеризуются ножи, лопаточки, берестяные коробки, предметы неопределенного назначения (Ошибкина, 1997. С. 34, 99–119). В торфянике же Виса I хорошо представлены вещи, в частности почти целые, больших (до 3.5 м длиной) размеров: луки, копья, санные полозья. Висские изделия ряда категорий из дерева, коры и травы для мезолита уникальны или представляют собой большую редкость. Это многочисленные луки разных типов (ручные, сторожевые, сверлильно-огневые), различные палицы четырех типов, санные полозья и лыжи двух типов, обручи рыболовных снарядов, боковые детали острог, весло, верша (?), сетной поплавок из сосновой коры, рыболовная сеть, берестяной сосуд, веревка и пр. Находки в Висе I существенно дополняют коллекцию вещей из растительного сырья из Веретье I – памятника мирового значения, в инвентаре которого наряду с деревом – богатейшее собра-

ние костяных и каменных изделий, составляющих чистый комплекс.

Гораздо беднее мезолитическими предметами из древесины соседняя стоянка Нижнее Веретье (раскопки М.Е. Фосс в 1929–1934 гг.). Они опубликованы в кратком виде (Фосс, 1941; 1952. С. 41–63, 206–211), но частично сохранились в ГИМе (№ 36692). Нижнее Веретье соответствует по времени среднему этапу мезолита в Висе I, тогда как Веретье I на несколько столетий древнее висской коллекции. Об этом свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа и комплексы деревянного инвентаря. В Нижнем Веретье находят аналогии лыжа веретьевского типа, весло, перфорированный обруч и ботало из Виса I (Буров, 1990. С. 340–344).

Существует мнение о резком культурном различии веретьевских памятников и Виса I (Ошибкина, 1997. С. 149, 150), тогда как разница между ними в значительной степени обусловлена хронологическим несовпадением Веретье I с Висом I и разным характером памятников (торфяник Виса I – не жилая площадка, а место отбросов). Вот почему комплекс деревянных изделий Нижнего Веретье больше схожен с висским, чем коллекция С.В. Ошибкиной.

Все же в Веретье I находят параллели такие вещи из Виса I, как некоторые луки, рукоять рубящего орудия, дуговидный скобель, ботало, рукоять остроги с двумя костяными оstryями, Г-образная метательная палица (хотя она имеет заострение) и пр. Отдельные сопоставления весьма интересны. Так, дуговидные скобели обоих памятников изогнуты лишь в средней, желобчатой, легко сгибающейся части. Здесь изогнутость преднамеренная, позволяющая обрабатывать не только плоские, но и вогнутые поверхности изделий. Висские же сверлильно-огневые луки дуговидные на всей протяженности; их кривизна – результат деформации во время использования.

Дуговидный скобель с поселения Вис I связывается с полосчатой отделкой широкой обтесанной поверхности древесины. Подобная отделка характерна для среднего и позднего этапов висского мезолитического поселения. Такое сглаживание в Веретье I не фиксируется, и, следовательно, дуговидные скобели в нем еще не использовались в деревообрабатывающем производстве. В Нижнем Веретье наблюдается иная картина (Буров, 1990. Abb. 6, 12, 15).

Бросается в глаза, что в деревянном инвентаре Веретье I нет предметов с рельефными миндалевидными украшениями на конце в виде схематизированных изображений змеиной головки ("ко-зырьков"), обязательных на ручных и сверлильно-огневых луках Виса I. Связано оно прежде всего с хронологическим различием и вероятным отсутствием на стоянке Веретье I ручных луков

висского типа (луки характеризуются мелкими обломками). Но зарождение подобного декора в качестве навершия рукояти относится еще ко времени этого памятника, о чем свидетельствуют концевые выступы некоторых рогово-костяных изделий Веретья I: лопаточки и кинжала (Ошибкина, 1997. Рис. 65, 5; 98, 1).

Как показывает кремневый и деревянный инвентарь, Вис I и веретьевские стоянки относятся к разным, но родственным культурам. Мезолитические памятники урочища Веретье С.В. Ошибкиной (1997. С. 147–151) обоснованно объединены в культуру веретье.

Мезолитический деревянный инвентарь Виса I лишь частично опубликован на русском языке. Вместе с тем некоторая площадь на торфянике еще не раскопана. При дальнейших исследованиях Вис I еще может принести ряд важных находок. Одиночные изделия станут серийными, и будут обнаружены вещи новых категорий и типов.

В настоящей статье считаем целесообразным опубликовать еще не вводившиеся в научный оборот рисунки концевых частей двух луков – ручного (№ 31/142) и сторожевого (№ 61). Первый лук (рис. 4, 1) интересен тем, что был склеен из двух частей, найденных на расстоянии около 60 м друг от друга, второй (рис. 4, 2) – тем, что его древесина использована для получения радиоуглеродной даты ЛЕ-684 (7150 ± 60 BP). Лук № 31/142 свидетельствует о синхронном накоплении торфо-сапропелевых осадков в западной и восточной частях торфяника. Этому не противоречат радиоуглеродные определения, если рассматривать их с учетом глубины залегания деревянных артефактов.

Сложной проблемой 60-х годов XX в. для автора была консервация деревянных изделий с поселений Виса I и II: методы стабилизации торфяниковой древесины до сих пор еще надлежащим образом не разработаны (Ошибкина, 1997. С. 100). Вещи из дерева хвойных пород мы переводили без значительной деформации в воздушное состояние при длительном (равномерном) высушивании в нескольких слоях бумаги “крафт”; предметы же из лиственной древесины приходилось временно хранить в корытах с раствором формальдегида, учитывая имевшиеся рекомендации (Кирьянов, 1960. С. 68–73).

С 1968 г. уход за деревянными изделиями с их консервацией был поручен сотруднице отдела археологии и этнографии Коми филиала АН СССР Э.С. Логиновой. В настоящее время коллекция хранится в Коми республиканском историко-краеведческом музее в Сыктывкаре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень инвентарных номеров артефактов из растительного сырья в торфянике на поселении Вис I: 1, 22, 23, 25, 32, 36, 40, 40а, 70, 78, 94, 123, 124, 131, 144, 146, 154, 155, 196 – доски и бруски, преимущественно с обработанным концом или краем; 2, 24, 29, 89, 112, 132, 134, 176 – копья и их древки в виде обработанных хлыстов; 3, 4, 10, 19, 39, 43, 46 – 50, 58, 65, 85, 90, 96, 113, 126, 135, 143, 147, 161, 165, 167, 169, 170, 177, 197, 202 – палки, шесты, бревна и плахи с естественной цилиндрической поверхностью и следами обработки; 5, 44, 63, 83, 138, 204, 205 – полозья хейнолинского типа; 6, 9, 16, 20, 33, 71, 84, 121, 139, 171, 173 – чурки и простые куски дерева со следами обработки; 7, 12, 18, 21, 28, 55, 59, 73, 79, 93, 109, 117, 120, 163, 175, 178, 181, 188, 195, 201, 203 – колья; 8, 11, 36а, 62, 66, 67, 81, 112а, 140, 152, 158, 159, 162, 174, 179, 180, 182, 183, 186, 187, 190, 193, 194 – стрелы и дротики из лучин; 13, 53, 54, 59а, 60, 64, 75 – 77, 87, 102, 110, 125, 141, 145, 149 – полозья висского типа (некоторые из этих фрагментов, возможно, принадлежат лыжам веретьевского типа); 14, 45, 82, 98, 99, 127, 130, 148, 166 – обручи; 15 – наконечник стрелы; 17 – лыжа веретьевского типа; 26, 56, 57, 61, 101, 105, 107, 114, 157 – сторожевые луки; 27 – орнаментированное лукообразное изделие; 30, 31/142, 68, 86, 92, 97, 103, 104, 106, 108, 122, 133, 151, 156, 160, 185, 198 – ручные луки висского типа; 34 – циновка; 35, 88, 129, 136, 140а, 153 – луки неопределенных типов; 37, 91 – остряя; 38, 42, 115, 119, 206 – палицы; 41, 172, 192, 200 – детали острог; 51, 52, 116, 168 – лыжи висского типа; 69 – веревка; 72 – ботало; 74, 92а, 95, 128, 184, 189, 191 – луки сверлильно-огневые; 80 – берестяной сосуд; 94а – рукоять рубящего орудия; 100 – дугобразный скobelъ; 111 – сетной поплавок из сосной коры; 118 – сетное полотно; 137 – весло; 150 – восьмигранное изделие; 164 – лук хольмегорского типа; 199 – сегментовидная дощечка. Предметы № 36а, 40а, 112а и 140а, не обозначенные на плане, найдены в тех же квадратах, что и соответственно № 36, 40, 112 и 140, № 59а – в квадрате 6 – Л, № 92а – в квадрате 8 – Ж. Вещь № 94а обнаружена в пределах восточной части раскопа, а места его, где были извлечены артефакты № 204 – 206, точно не известны. Предмет № 1 извлечен с глубины 1.2 м от современной поверхности, № 2 – с глубины 1.6 м, № 3 – 1.9, № 4 – 1.6, № 5 – 1.8, № 6 – 1.9, № 7 – 2.3, № 8 – 1.7, № 9 – 1.7, № 10 – 1.2, № 11 – 1.7, № 12 – 1.4, № 13 – 2.1 (?), № 14 – 1.8, № 15 – 1.95, № 16 – 1.75, № 17 – 1.2, № 18 – 1.8, № 19 – 2.15, № 20 – 1.5, № 21 – 2.25, № 22 – 1.9, № 23 – 2.1, № 24 – 1.65, № 25 – 1.65, № 26 – 1.7, № 27 – 2.00, № 28 – 2.00, № 29 – 2.00, № 30 – 2.5, № 31 – 1.8, № 32 – 1.85, № 33 – 1.8, № 34 – 2.1, № 35 – 1.4, № 36 – 1.4, № 36а – 2.1, № 37 – 1.8, № 38 – 2.1, № 39 – 2.0, № 40 – 1.5, № 40а – ?, № 41 – 2.2, № 42 – 1.8 (?), № 43 – 1.5, № 44 – 1.5, № 45 – 1.8,

№ 46 – 1.6, № 47 – 2.8, № 48 – 1.2, № 49 – 1.5, № 50 – 1.3, № 51 – 1.35, № 52 – 1.5, № 53 – 1.5, № 54 – 1.5, № 55 – 1.55, № 56 – 1.4, № 57 – 1.5, № 58 – 1.35, № 59 – 1.1, № 59а – 1.6, № 60 – 1.85, № 61 – 1.85, № 62 – 1.9, № 63 – 1.45, № 64 – 1.3, № 65 – 1.7, № 66 – 2.1, № 67 – 2.1, № 68 – 1.6, № 69 – 1.5, № 70 – 1.75, № 71 – 1.4, № 72 – 1.4, № 73 – 1.5, № 74 – 1.7, № 75 – 1.6, № 76 – 1.7, № 77 – 1.7, № 78 – 1.8, № 79 – 1.4, № 80 – 1.75, № 81 – 1.7, № 82 – 1.6, № 83 – 1.5, № 84 – 1.5, № 85 – 2.0, № 86 – 1.6, № 87 – 1.2, № 88 – 1.5, № 89 – 1.4, № 90 – 1.25, № 91 – 1.2, № 92 – 1.25, № 92а – 1.1, № 93 – 1.5, № 94 – 1.3, № 94а – около 2.5, № 95 – 1.4, № 96 – 2.5, № 97 – 1.5, № 98 – 1.5, № 99 – 1.35, № 100 – 1.2, № 101 – 1.1, № 102 – 1.4, № 103 – 1.4, № 104 – 1.4, № 105 – 1.8, № 106 – 1.5, № 107 – 2.0, № 108 – 1.7, № 109 – 1.5, № 110 – 1.5, № 111 – 1.3, № 112 – 1.7, № 112а – 1.7, № 113 – 2.0, № 114 – 1.8, № 115 – 1.9, № 116 – 1.9, № 117 – 2.00, № 118 – 1.7, № 119 – 1.45, № 120 – 1.7, № 121 – 1.6, № 122 – 1.5, № 123 – 1.4, № 124 – 1.6, № 125 – 1.5, № 126 – 1.4, № 127 – 1.7, № 128 – 1.7, № 129 – 1.6, № 130 – 1.6, № 132 – 1.8, № 132 – 1.5, № 133 – 1.5, № 134 – 1.5, № 135 – 1.5, № 136 – 1.6, № 137 – 1.35, № 138 – 1.4, № 139 – 1.5, № 140 – 2.00, № 140а – 1.5, № 141 – 1.5, № 142 – 2.5, № 143 – 1.6, № 144 – 1.8, № 145 – 1.6, № 146 – 1.75, № 147 – около 2 м, № 148 – 1.8, № 149 – 1.35, № 150 – 1.9, № 151 – 1.8, № 152 – 1.5, № 153 – 1.9, № 154 – 1.7, № 155 – 1.8, № 156 – 1.8, № 157 – 1.45, № 158 – 1.7, № 159 – 1.6, № 160 – 1.6, № 161 – 1.3, № 162 – 1.55, № 163 – 1.45, № 164 – 2.0, № 165 – 1.45, № 166 – 1.55, № 167 – 1.4, № 168 – 2.0, № 169 – 1.6, № 170 – 1.6, № 171 – 1.6, № 172 – 1.5, № 173 – 1.5, № 174 – 1.4, № 175 – 1.5, № 176 – 1.4, № 177 – 1.35, № 178 – 1.5, № 179 – 1.6, № 180 – 1.45, № 181 – 1.5, № 182 – 1.4, № 183 – 1.5, № 184 – 1.6, № 185 – 1.5, № 186 – 1.8, № 187 – 1.55, № 188 – 1.35, № 189 – 1.5, № 190 – 1.6, № 191 – 1.5, № 192 – 1.4, № 193 – 1.7, № 194 – 1.4, № 195 – 1.8, № 196 – 1.5, № 197 – 1.9, № 198 – 1.5, № 199 – 1.6, № 200 – 1.3, № 201 – 1.5, № 202 – 1.7, № 203 – 2.1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М. Торфяники речных стариц как места археологических находок // Изв. Коми филиала Всесоюз. географ. об-ва. 1964. Вып. 9.

Буров Г.М. Археологические находки в старищах торфяников бассейна Вычегды // СА. 1966а. № 1.

Буров Г.М. Найдено в вычегодских торфяниках // Природа. 1966б. № 9.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тыс. до н.э – I тыс. н.э.). М., 1967.

Буров Г.М. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963–1964 гг. // Уч. зап. Пермского ун-та. № 191. Пермь, 1968а.

Буров Г.М. В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968б.

Буров Г.М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старищах торфяниках равнинных рек // КСИИМК. 1969. Вып. 117.

- Буров Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тыс. н.э.) // СА. 1981а. № 2.
- Буров Г.М. Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция) // Скандинавский сб. Вып. 26. Таллин, 1981.
- Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Буров Г.М. Этапы развития и западные связи мезолита в Северном Приуралье (по данным деревянного инвентаря) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.
- Буров Г.М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен Крайнего Севера-Востока Европы // РА. 1993. № 3.
- Буров Г.М. Петроглифы Онежского озера и культ плодовитости // Уч. зап. Таврического национ. ун-та. 2004. Т. 17 (56).
- Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.А. Хронология деревянных рыболовных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
- Каров Д.М. О развитии примитивных орудий // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960.
- Кирьянов А.В. Реставрация археологических предметов. М., 1960.
- Ошибки С.В. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // (Археология СССР). Мезолит СССР. М., 1989.
- Ошибки С.В. Веретье I: поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
- Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита-раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Савватеев Ю.А. Заларуга: археологические памятники низовья реки Выг. Л., 1970.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Фосс М.Е. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // МИА. 1941. Вып. 2.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952.
- Andersen S.H. Coastal adaptation and marine exploitation in Late Mesolithic Denmark – with special emphasis on the Limfjord region // Man and sea in the Mesolithic: coastal settlement above and below present sea level. Oxford, 1995.
- Brinkhuizen D.C. Some Notes on Recent and Pre- and Protohistoric Fishing Gear from Northwestern Europe // Palaeohistoria. 25. Rotterdam; Boston, 1983.
- Burov G.M. Die mesolithischen Kulturen im Äußersten Europäischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
- Burov G.M. Der Bogen bei den mesolithischen Stämmen Nordosteupas // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Bd. 14, 15. Potsdam, 1981.
- Burov G.M. Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East of the USSR // The Mesolithic in Europe: Proceedings of the Third Internat. Symp. Edinburgh, 1989a.
- Burov G.M. Mesolithic Art from the European North East (USSR) // Mesolithic Miscellany. 1989b. V. 10. № 1.

- Burov G.M.* Die Holzgeräte des Siedlungsplatzes Vis I als Grundlage für die Periodisierung des Mesolithikums im Norden des Europäischen Teils der UdSSR // Contributions to the Mesolithic in Europe. Leuven, 1990.
- Burov G.M.* Mesolithic Fishing in the European North East (Russia) // Mesolithic Miscellany. 1992. V. 13. № 2.
- Burov G.M.* On Mesolithic Means of Water Transportation in Northeastern Europe // Mesolithic Miscellany. 1996. № 1.
- Burov G.M.* The Use of Vegetable Raw Materials in the Mesolithic of European North East // Harvesting the Sea, Farming the Forest. Sheffield, 1998.
- Burov G.M.* Die mesolithischen Schlittenformen in Nordost-europa // Den Bogen spannen....: Festschrift für Bernhard Gyramsch zum 65. Geburtstag. Weissbach, 1999.
- Burov G.M.* Ancient Wooden Objects and Structures in Oxbow Peat Bogs of the European Northeast (Russia) // Enduring Records: The Environmental and Cultural Heritage of Wetlands. Oxford, 2001.
- Burov G.M.* The Prehistoric Ski of North Eastern Europe (Russia) // 3rd FIS Ski History Conference. Mürzzuschlag, 2004.
- Franz L.* Alteuropäische Wurfhölzer // Festschrift P.W. Schmidt. Wien, 1928.
- Skaarup J.* Hunting the hunters and fishers of the Mesolithic – twenty years of research on the sea floor south of Funen // Man and sea in the Mesolithic: coastal settlement above and below present sea level. Oxford, 1995.
- Thomsen T., Jessen A.* Une travaille de l'ancien âge de la pierre: La trouvaille de Brabrand // Mémoires de la Société Royal des Antiquaires du Nord. Copenhague, 1904.

New types and categories of Mesolithic wooden artifacts from Vis I settlement in the Vychedga river basin

G. M. Burov

Summary

The article finalizes the publication of Mesolithic artifacts made of plant raw materials which were discovered in a peat bog within the zone of Vis I settlement (environs of Sindorskoye Lake, Komi Republic, Russian Federation). The artifacts comprise a spear (fig. 5, 1), which differs from the darts which are less heavy at the back (figs. 5, 3, 4); presumably a detail of a shield (fig. 5, 2); a socketed handle of a cutting tool; a straight cudgel with a massive terminal (fig. 5, 6). The new finds from Denmark indicate that the S-shaped wooden items (fig. 6) are side details of a certain variety of harpoon (fig. 8), which has ethnographic and archeological counterparts (fig. 7). The stick with grooves at the end must have belonged to a harpoon with two notched bone details (fig. 5, 5). The article publishes the terminals of two bows (fig. 4) and the map and statistics of the bog finds (fig. 1). The relief of the sandy bed of the peat-bog is shown (fig. 2) in connection with the relative chronology of the artifacts. The wooden items from Vis I and the Mesolithic site of Veretye I in the Kargopol lake region belong to kindred cultures, yet date to somewhat different periods and represent different parts of the settlements (midden heap in the first case and dwelling-platform in the second).

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ВИГАЙНАВОЛОКА I

© 2009 г. В. Ф. Филатова, Т. А. Хорошун

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Поселение Вигайнаволок I относится к числу немногих памятников Карелии, исследованных на значительной площади и с многочисленными содержательными материалами. Расположено оно на западном побережье Онежского оз. в 9 км южнее г. Петрозаводска в основании мыса Вигайнаволок, на древней озерной террасе, в 120 м от современного берега озера и на высоте 5 м над его уровнем (рис. 1, 1), открыто Г.А. Панкрушевым в 1963 г. Площадь поселения 6000–7000 м². На современной поверхности зафиксировано 26 подovalных впадин размерами от 28 до 90 м². В течение 1964–1966 гг. исследовано 2748 м², в том числе 20 впадин (Журавлев, 1972; 1977; 1979; Панкрушев, Журавлев, 1966; Панкрушев, 1978).

В ходе работ выявилось следующее чередование слоев. Под дерном и серым подзолом толщиной 0.10 м залегал оранжевый среднезернистый песок мощностью 0.20–0.40 м – верхний энеолитический культурный слой. Он сменялся среднезернистым желтым песком мощностью до 1.2 м (“стерильной” прослойкой). Под ним прослеживались линзы темного песка мощностью 0.03–0.40 м – неолитический культурный слой (Панкрушев, Журавлев, 1966. С. 154). Подстилающим являлся среднезернистый песок розового цвета. Контакты между слоями нечеткие (рис. 1, 2). Культурные остатки залегали в наибольшем количестве в верхнем слое, значительно меньше – в слое желтых песков и единично в темных линзах.

По аналогии с данными других памятников на юго-западном побережье Онежского оз. (Девято娃, 1984), культурные слои на Вигайнаволоке I залегают в озерных песчаных осадках разного времени формирования. Памятник относится к числу двуслойных объектов, содержащих в недостаточно четко стратифицированных слоях разновременные материалы.

Вскрытые впадины классифицировались как жилищные разного времени существования (Панкрушев, Журавлев, 1966). Они имели площадь от 11 до 70 м², ориентированы в направлении С–Ю или СЗ–ЮВ. Выход чаще всего устраивался в сторону береговой линии или противоположно ей. Внутри находились кострища. Жилища углублялись в почву на 0.05–0.15 м в основании и до 0.5 м по краям. Отмеченные на углах утолщения свиде-

тельствуют о срубном характере сооружений; на полу могли находиться деревянные настилы. Для энеолитических жилищ использовались котлованы ранних. Они выделялись по углистым полосам в верхнем культурном слое в 0.4–0.6 м от древней поверхности, отличались правильной четырехугольной формой; площадь от 16 до 120 м². Реконструированы как срубные с коридорообразными выходами, но, в отличие от неолитических, не связанные друг с другом проходами (Панкрушев, Журавлев, 1966. С. 174, 175, 177).

Коллекция вещественного инвентаря памятника насчитывает 32000 единиц, включает фрагменты керамики, предметы из камня, глины и меди. По коллекционным описям (Фонды ИЯЛИ КарНЦ РАН, колл. № 330, 368, 424) предметы представлены по слоям 1–4, но не указана их связь с древними напластованиями. Согласно некоторым данным (Лобанова, 1988) и результатам работы Т.А. Хорошун, неолитическая и энеолитическая керамика распространяется по всей площади и на всю глубину вскрытого слоя. В силу этого выделение чистых комплексов неолита и энеолита по условиям залегания не представляется возможным, поэтому в основу культурно-хронологической классификации материалов могут быть положены их технико-технологические и морфотипологические показатели каменного инвентаря и данные керамического комплекса.

Согласно общепринятой схеме периодизации древностей Карелии (Археология Карелии, 1996; Косменко, 2003), на поселении присутствуют три культурных типа керамики: ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная и ромбоямочная. Вся посуда изготовлена лепным способом. Предварительно выделено более 150 сосудов с ямочно-гребенчатой системой орнаментации (Лобанова, 1988). Их отличает тонкостенность (0.4–0.8 см), примесь мелкозернистого песка или дресвы к тесту, полуяйцевидная форма с прямыми или чуть выпуклыми стенками, округлое или коническое днище. Большинство сосудов средних размеров. Венчики в основном скосены внутрь или округлые, орнаментированные. Обычно внешняя поверхность сосудов украшена круглыми ямками с округло-коническим или плоским дном, отисками гребенчатого штампа, отпечатками торца палочки,

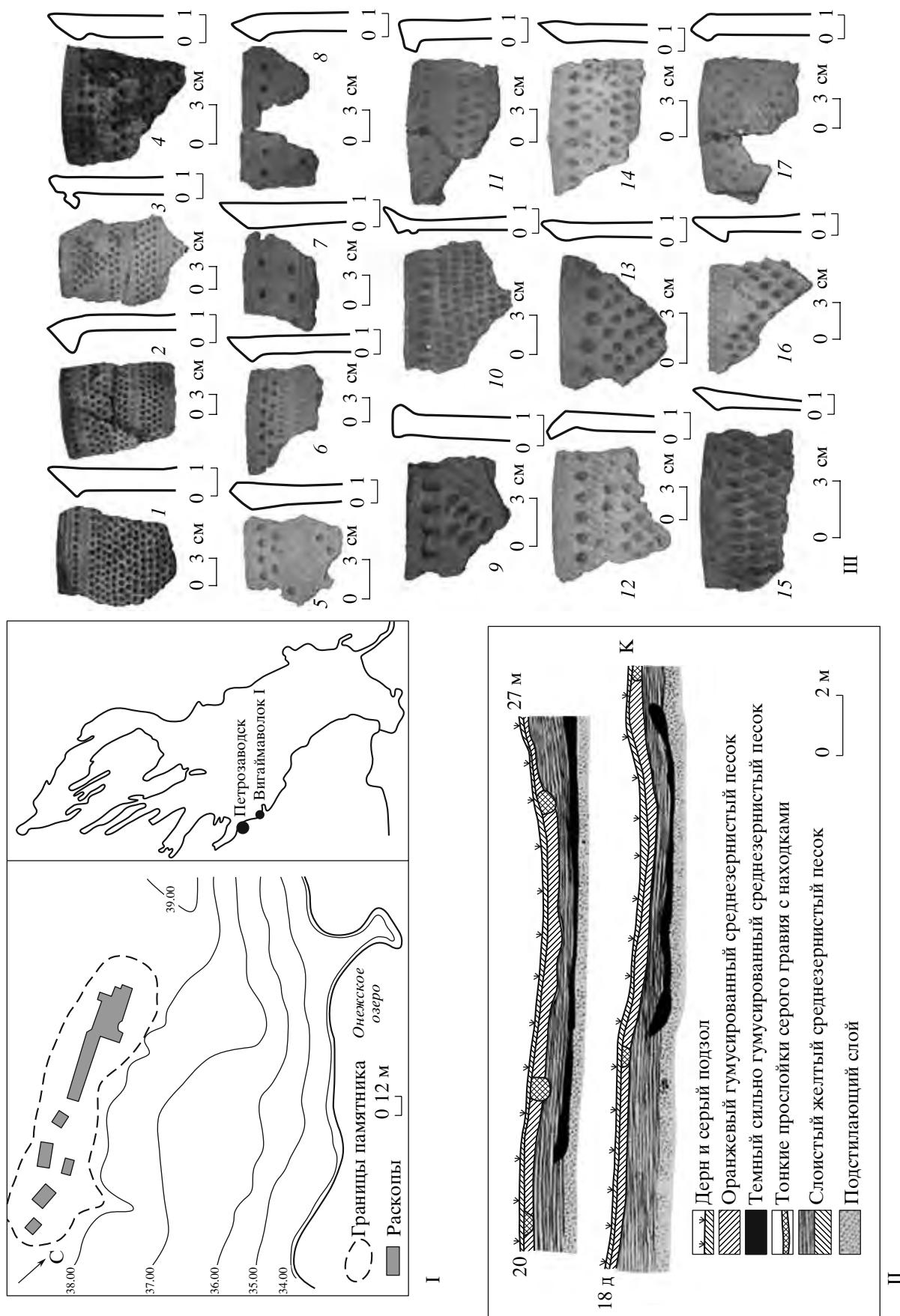


Рис. 1. Вygaynayvolok I. I – местоположение поселения; II – стратиграфия; III – керамика: I-8 – ямочно-гребенчатая; 9-17 – ромбомочная.

Таблица 1. Вигайнаволок I. Соотношение видов горных пород, изделий и отходов

Виды горных пород	Количество изделий	Отходы и нуклеусы	Всего
Сланец	537	3303	3840
Кремень	115	1513	1628
Кварц	26	1087	1113
Лидит	1	3	4
Песчаник, кварцит	572	—	572
Горный хрусталь	—	1	1
Всего	1251	5905	7158

единично встречены случаи использования “веревочного” орнамента и прочерченных линий. В целом ямочно-гребенчатая керамика достаточно однородна и типична для среднего этапа неолита (рис. 1, III, 1–8).

Ромбоямочная керамика представлена более 1500 сосудами. В основном они толстостенные (0.8–1.1 см), хорошего обжига, с умеренной примесью дресвы к глиняному тесту, орнаментированы по всей поверхности. Венчики разнообразных форм и способов оформления: расширенные и скошенные внутрь, остроугольные и оригинальные, имеют гофрированность (волнистость), большая часть орнаментирована гребенчатым штампом, ямкой и/или ромбиком. Сосуды диаметром до 60 см, в основном остро- и круглодонные, отличаются большим разнообразием орнаментальных узоров, составленных ямками различной формы и оттисками гладкого и гребенчатого штампа, прочерченных линий и др. (рис. 1, III, 9–17).

По данным керамики верхнюю границу существования поселения можно отнести к раннему этапу энеолита, когда при господстве орудий из камня появляются первые изделия из меди. Нижняя граница соотносится со средним этапом неолита, характеризуемым керамикой с ямочно-гребенчатой системой орнаментации. Предварительный анализ керамических материалов (Хорошун, Ильина, 2006; Хорошун, 2008) также свидетельствует о наличии на поселении трех хронологических комплексов – развитого и позднего неолитических и раннеэнеолитического. Можно говорить об эволюционной связи между ямочно-гребенчатым, гребенчато-ямочным и ромбоямочным типами керамики, которые прослеживаются, главным образом, по морфологии сосудов, технологии их изготовления, системе орнаментации.

По аналогии с материалами других памятников Карелии к слою ромбоямочной керамикой может быть отнесено кольцо из медной проволоки и кусочки меди, а к ямочно-гребенчатой – изделия из глины (Журавлев, 1972; 1991).

Каменный инвентарь труднее поддается культурно-хронологической атрибуции главным образом из-за неразработанной в полной мере его периодизации в зависимости от принадлежности к тому или иному типу керамики.

В работе сделана попытка анализа каменной индустрии Вигайнаволока I в сравнительном плане с ранее выделенными индустриями разных этапов эпохи камня в бассейне Онежского оз. (Филатова, 2005). Коллекция предметов из камня, по сравнению с исследованной площадью, немногочисленна, в нее входят изделия, нуклеусы, отходы производства орудий и продукты первичного расщепления сырья. Представлено несколько видов горных пород. Каждая использована в определенной группе изделий в соответствии со свойствами: сланец – для деревообрабатывающих и прочих макроформ; кремень, кварц и лидит – для мелких бытовых орудий и охотничьеого вооружения, кварцит и песчаник – для абразивных инструментов. Базовыми, обеспечивающими основную и важнейшую часть орудийных комплексов, являлись сланец и кремень. Сравнительно редко обращались к кварцу и лидиту, несмотря на их способность в ряде случаев подменять кремень (табл. 1).

По соотношениям видов сырья комплекс более всего типичен для развитого неолита – начала энеолита.

Группа отходов представлена аморфными сколами разной величины. Количество сланцевых отходов указывает на главенствующие способы его обработки. Значительное число отходов кремня свидетельствует о местном производстве изделий, хорошо отложенных путях его доставки. Несколько неожиданно количество кварцевых отходов при незначительном числе изделий, что, возможно, означает попытки освоения кварца как заменителя кремня. Косвенным образом об этом свидетельствует число нуклеусов, среди которых преобладают кварцевые.

Группа изделий включает 29 видов (табл. 2). Значительную часть составляют шлифовальные плиты, что прямо указывает на значимость техники шлифования. Число топоров, тесел, стамесок, кирок, обломков и заготовок макроформ свидетельствует о развитой технике обработки дерева. Много плиток и галек со следами использования, точильных брусков и пил. Следы пиления на камне отмечены в трех случаях, что предполагает использование пил для других видов сырья. Среди мелких форм преобладают наконечники стрел и копий, ножи, скребки, скобели и сверла, меньше скребел, долотовидных орудий. Есть оригинальные и редкие поделки (“клевец”, острие, кольца, стержни, сверленые формы).

Ассортимент изделий в целом более характерен для поздних этапов эпохи камня. По соотношениям основных видов можно предполагать

Таблица 2. Вигайноволок I. Инвентарь

Инвентарь – материал	Всего	Инвентарь – материал	Всего
I. Фрагменты керамики	25994	Скобели – кремень,	8
II. Изделия		кварц	3
Топоры – сланец	15	Скребки – кремень,	36
Тесла – сланец	17	кварц,	8
Желобчатые формы – сланец	3	сланец	7
Стамески – сланец	4	Скребла – сланец,	1
Кирки – сланец	6	кремень	1
“Клевец” – сланец	1	Долотовидные орудия – кварц,	2
Острие-клины – сланец	1	лидит	1
Кольца – сланец	4	Ножевидные пластинки – кварц	5
Стержни – сланец	2	Отщепы и осколки с подработкой	22
Сверленые изделия – сланец	9	и следами работы – кремень,	
Гальки шлифованные – сланец	14	кварц	2
Гальки с залощением – сланец, кварцит	5	Фрагменты изделий – глина,	37
Гальки круглые без подработки – сланец	6	медь,	3
Плитки и куски с выбоинами по краям – сланец, песчаник, кварцит	27	кость	I
		Всего	1293
Плитки с надписями – сланец	3	III. Нуклеусы и нуклевидные куски	
Плитки оббитые – сланец, песчаник	9	кварц,	35
Шлифовальные плиты – сланец, песчаник, кварцит	504	лидит	2
Точильные бруски – сланец, песчаник, кварцит	23	Всего	37
Пилы – сланец, песчаник, кварцит	43	IV. Отходы производства изделий	
Обломки со шлифовкой – сланец	301	кремень,	1513
Заготовки и обломки заготовок – сланец	99	сланец,	3303
Наконечники копий – кремень,	10	кварц,	1052
кварц	3	лидит,	I
Наконечники стрел – кремень,	18	горный хрусталь	I
кварц	1	Всего	5870
Ножи – кремень	18	V. Прочие	
Сверла – кремень,	3	кости кальцинированные,	47
кварц,	2	кусочки меди	2
сланец,	3		
кварцит	2		

особое назначение памятника на всех этапах его существования, связанное прежде всего с производством и использованием деревообрабатывающих инструментов и с охотничьим промыслом.

Большинство изделий морфологически разнообразны, что указывает на определенную неоднородность комплекса, заметнее всего выраженную в деталях формы, техники и технологии, в конечном итоге определяющих морфотип. В наибольшей степени это проявляется в группе макроформ. Так, по сумме признаков формы и техники топоры четко подразделяются на два типа. Тип 1 (3 экз.) представлен удлиненными и довольно

широкими, но несколько уплощенными (размеры в пределах 13.5 × 5.5 × 2 см) изделиями, прямоугольными в плане и подпрямоугольными с приглаженными углами в поперечном сечении, прямо – и толстообушными, со слегка дугообразной линией лезвия, круто заточенного на клин (рис. 2, 1). Поверхность орудий отшлифована, в том числе по обуху и боковым плоскостям. Заготовками служили плоские естественные или отколотые от валунов плитки, которым тщательной и направленной обивкой по контуру или по всем сторонам придавались нужные габариты. Технологический цикл всегда завершало шлифование по всей по-

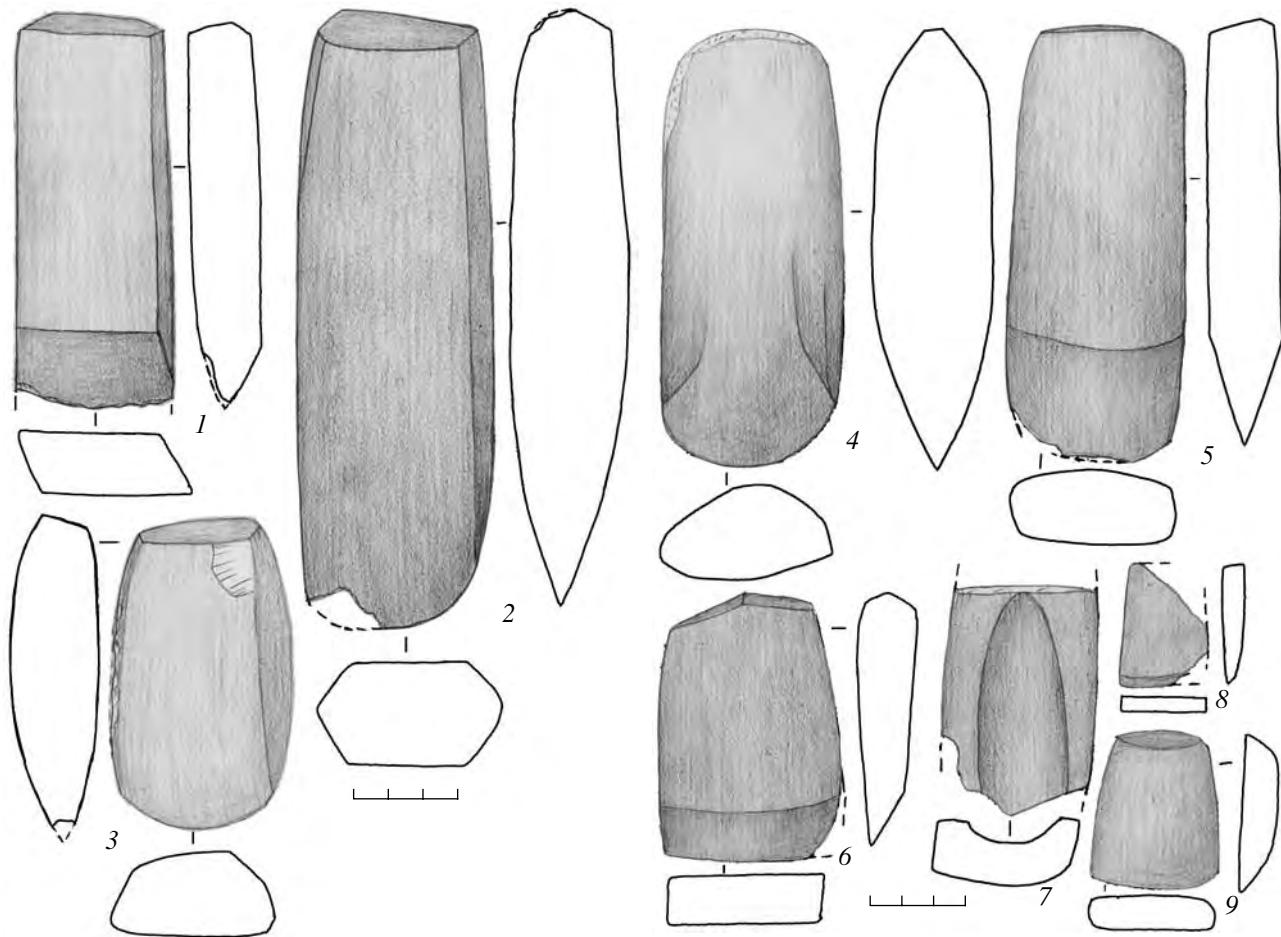


Рис. 2. Вигайнаволок I. Сланцевые топоры: 1 – тип 1; 2, 3 – тип 2; 4, 5 – тип 2; изделия из сланца: 6 – тесло, тип 1; 7 – желобчатое тесло; 8, 9 – стамески.

верхности. Топоры этого типа известны на многих памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой на ранней – средней фазах ее развития (Черная Речка I, Пиндуши I и др.). Эволюционные связи с морфотипами раннего неолита с керамикой сперингс и финальномезолитическими не прослеживаются.

Топоры типа 2 (12 экз.) отличают плавные подпрямоугольные очертания в плане за счет сглаженности углов, массивность при некоторой уплощенности. Большинство имеет толстый прямой обух, но встречается приостренный на клин с широких плоскостей, в формах раннего времени неизвестный. Лезвие плавно сточено с боков, слабо дугообразное. Орудия тщательно отшлифованы по всем плоскостям, в ряде случаев до блеска. В поперечном сечении овальны или полуовальны с приподнятой одной широкой гранью. Они изготавливались из цельных плоских кусков путем целенаправленной оббивки в манере двустороннего ретуширования по одной или обеим широким плоскостям, иногда дополнительно подправлялись по контуру, а затем зашлифовывались. В за-

висимости от длины их можно подразделить на три варианта: 1 – до 18 см (4 экз.), 2 – до 13.5 см (3 экз.) и 3 – до 9 см (3 экз.). Среди последних преобладают формы с полуовальным поперечным сечением (рис. 2, 2–5).

Топоры (особенно в вариантах 2 и 3) по ряду признаков сближаются с топорами типа 1, но более всего с формами, сопровождающими гребенчато-ямочную керамику (Витенкова, 2002. Рис. 43; 45, 3; 46, 4). На Вигайнаволоке I они, вероятнее всего, принадлежат позднему керамическому комплексу. Намечается единая линия эволюции типа во времени от средней поры неолита до начала энеолита, не связанная своим происхождением с формами предшествующих этапов эпохи камня в данном регионе.

Еще отчетливее эта преемственность выражена в теслах двух типов. Первый (6 экз.) – четко прямоугольные в плане и поперечном сечении, прямо- и толстообушные, с прямым лезвием, полого заточенным асимметрично с широких плоскостей (рис. 2, 6). Орудия тщательно отшлифова-

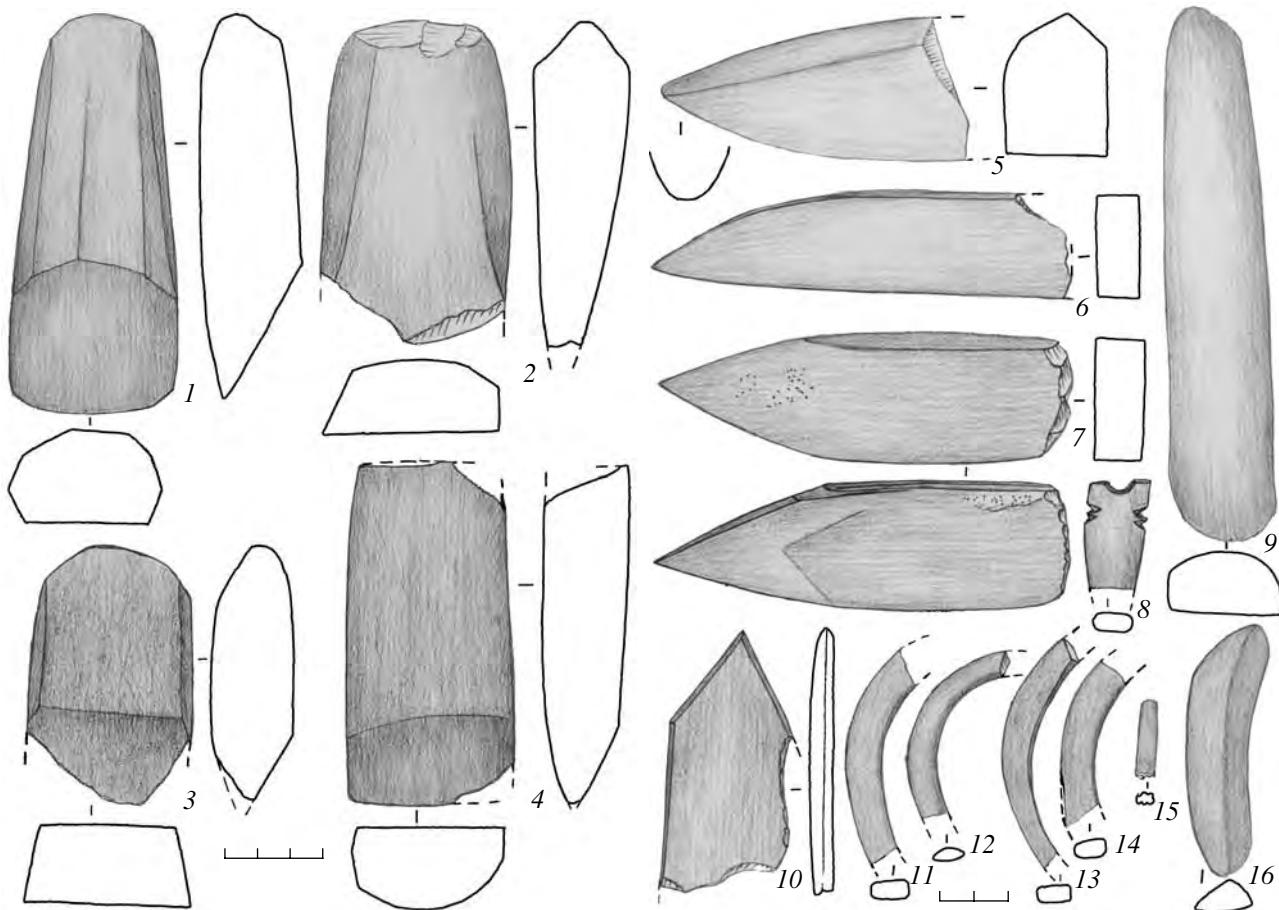


Рис. 3. Вигайнаволок I. Сланцевые тесла: 1 – тип 2, вариант 2; 4 – тип 2, вариант 1; изделия из сланца: 5–7 – кирки; 8, 15 – стержни; 9, 16 – гальки шлифованные; 10 – острье; 11–14 – кольца.

ны по всей поверхности, достаточно длинные (11–8.5 см) и широкие (6–4.5 см), но уплощенные, толщиной всего 1.5–2.5 см. Изготавливались из плиток путем обивки по контуру, затем зашлифовывались по всем граням. Этот тип известен на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой разных фаз развития (Черная Речка I, Пегрема V, Пески IV и др.). На первый взгляд эти тесла напоминают топоры типа 1, но отдельными деталями формы и техники (например, четкостью прямоугольных очертаний, использованием приема пилиения) ближе к характерным для культуры сперингс, где они относятся к числу немногих заимствованных типов из мезолитической индустрии. В неолите с ямочно-гребенчатой керамикой они тоже чужеродны, заимствованы из культуры сперингс, но сразу подверглись заметной трансформации в рамках уже другой по своему генезису традиции в индустрии камня. Это проявляется в более качественном шлифовании всей поверхности и в иной манере, в том числе по боковым граням после их оформления пилиением, заточке лезвия резкой четкой гранью и пр. Такие тесла относятся к числу по-

ликультурных морфотипов, зародившихся в мезолите и эволюционирующих далее, но каждый раз видоизменяющихся в соответствии с новой техникой и технологией. Наибольшей модификации они подверглись на этапе существования гребенчато-ямочной керамики, практически в том же виде встречаются в комплексах с ромбоямочной посудой, неизвестны в позднем энеолите.

Тесла типа 2 повторяют тип 2 топоров, но вариабельнее в деталях формы и техники – массивнее, удлиненные и укороченные, в плане подпрямоугольно-подовальные и подтрапециевидные. Обух прямой толстый или приострен на клин с широких граней. Лезвие дугообразное, поверхность зашлифована. Заготовки (плоские куски) обивались по одной или обеим плоскостям и по периметру. Тесла подразделяются на два варианта, характеризующих этапы становления типа во времени. Первый (6 экз.) – полуовальные в попречном сечении, зашлифованные нечеткими продольными гранями по приподнятой спинке и ровно по плоской противоположной стороне и бокам (рис. 3, 4). Вариант 2 (9 экз.) – нечетко трапеце-

видные в сечении, зашлифованные тремя или более резкими гранями продольно по приподнятой спинке и ровно по остальным сторонам (рис. 3, 1–3). Такие формы известны на поселениях позднего неолита и в начале энеолита (Витенкова, 2002. Рис. 46, 1–3). Оба варианта можно рассматривать как становление нового типа тесел, получившего свое завершение в энеолите с асбестовой керамикой в качестве русско-карельского. Начало ему могли положить формы из памятников с ямочно-гребенчатой посудой типа Пегремы VII, Оровнаволока IV, Черной Речки I.

Стамески крупные, укороченные, плоские, подпрямоугольные в сечении, чуть приужены у прямого и толстого обуха и расширены у лезвия, хорошо отшлифованы (рис. 2, 8, 9). Изготовлены из естественных сланцевых плиток. Как вид деревообрабатывающих орудий они имели распространение в течение всей эпохи камня. На Вигай-наволоке I они органично входят в комплекс изделий конца неолита – начала энеолита. Среди желобчатых инструментов выделяется долотце, подовальное в сечении, приуженное к обуху, с коротким широким желобком на прямой плоскости, тщательно зашлифованное (Панкрушев, Журавлев, 1966. Рис. 13, 10). Такие долотца известны на поселениях мезолита и неолита и относятся наряду с теслами типа I и стамесками к числу поликультурных морфотипов, имевших хождение в течение этого времени без кардинальных изменений в форме и технике. Два других – крупные массивные тесла, полуovalные в сечении, с широким желобком, прекрасно зашлифованные (рис. 2, 7). Подобные формы впервые фиксируются в комплексах с ямочно-гребенчатой керамикой ранней фазы развития типа Черной Речки I, но известны на памятниках с ромбоямочной (Журавлев, 1991. С. 106) и асбестовой (Жульников, 1999. С. 60, 77–79) посудой.

Изделия типа кирок (трасологически определяются как клинья для расщепления дерева), подтреугольные в плане, подовально-подтреугольные или прямоугольные в сечении, хорошо зашлифованные по всей поверхности, по спинке четкими гранями. Рабочие концы острые, но широкие (рис. 3, 5, 6). Они близки формам из ряда поселений с ямочно-гребенчатой керамикой (Пегрема V, Пиндуши I и др.), но входят в число заимствованных из ранненеолитической индустрии культуры сперрингс. Последняя кирка в плане больше напоминает клин из-за сточенного к острому концу основания (рис. 3, 7). Представляет тип, переходный к характерным для позднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой клиньям (Витенкова, 2002. Рис. 41; 42, 1, 2), известный в комплексах с ромбоямочной посудой (Журавлев, 1991. Рис. 62). Близко напоминает его оригинальное острие подпрямоугольной формы, зашлифованное по всей поверхности, с остроот-

точенным по боковым плоскостям на клин концом (рис. 3, 10), также, вероятнее всего, связанное с поздними типами керамики памятника.

Среди оригинальных предметов есть формы, впервые появившиеся в комплексах с керамикой сперрингс, но имевшие хождение до конца неолита – начала энеолита. Это выпиленные из сланцевых плиток крупные кольца, плоские, прямоугольные и линзовидные в поперечном сечении, шириной в пределах 0.7–1.1 см, в диаметре до 8–9 см, хорошо зашлифованные по всей поверхности (рис. 3, 11–14), а также изделия, возможно, выполнившие роль орнаментиров (обычно называются грузиками для лесок). Один из них небольшой ($2.8 \times 0.5 \times 0.3$ см), овальный в сечении, тщательно отшлифованный стерженек, один конец которого округлен, а на слегка зауженном противолежащем имеются тонкие зубчики – нарезки (рис. 3, 15). Второй стержень крупнее (размеры сохранившейся верхней части $3.5 \times 2 \times 0.7$ см), тоже удлиненный, овальный в сечении. На середине верхнего прямого конца имеется дугообразная выемка с гладкой поверхностью, ниже ее по краям по два надпила – зарубки на противолежащих боковых сторонах (рис. 3, 8).

С комплексом поздненеолитической или энеолитической керамики связано изделие типа клевца ромбической формы ($15 \times 5.6 \times 2$ см), прямоугольное в поперечном сечении. Один его конец острый, противолежащий притуплен сколами, два других прируглены. Поверхность небрежно зашлифована. В расширенной средней части имеется сквозное биконическое отверстие диаметром 1.2 см (рис. 4, 1). Похожие изделия известны в Пегреме I с ромбоямочной керамикой (Журавлев, 1991. Рис. 64) и на Войнаволоке IX с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной посудой (Гурина, 1951. С. 111. Рис. 19, 3). Более всего они напоминают характерные для позднего неолита бассейна Онежского оз. клинья, но уплощенные, расширенные в центральной части и получившие отверстие в центре. Иной может быть их функция.

Ряд изделий относится к числу бытовавших в течение всей эпохи камня в бассейне Онежского оз. но каждое по ряду особенностей можно связать с определенным керамическим комплексом. Это гальки с круглым отверстием в центре, чаще биконическим, иногда сверленым с одной стороны, обычно без предварительной наметки пикетажем (рис. 4, 2, 3). В одном случае отверстие несет следы залощения. Привлекает внимание их четкая круглая или подовальная форма, шлифовка поверх естественной корки, что более всего характерно для поздних этапов неолита. Назначение их в качестве грузил для сетей или ловушек не оправдано, учитывая специальную подработку. Функцию грузил могли выполнять плоские галь-

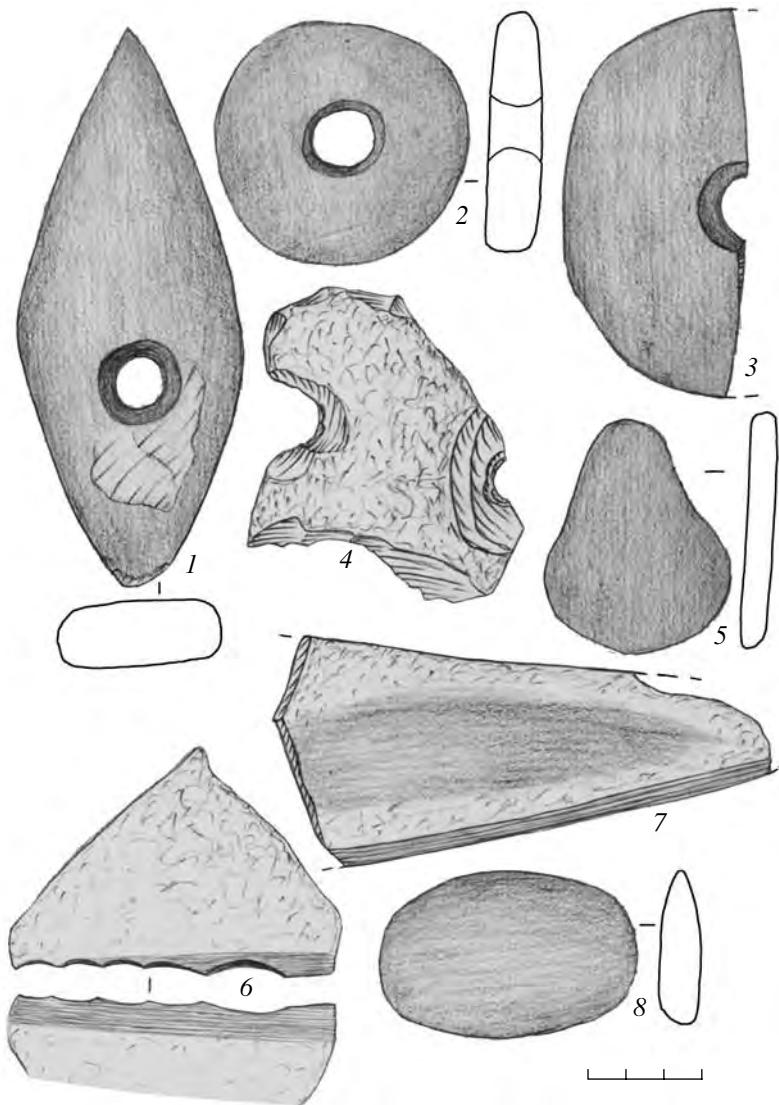


Рис. 4. Вигайнаволок I. Изделия из камня: 1 – “клевец”; 2, 3 – сверленые предметы; 4 – плитка с выемами; 5, 8 – гальки шлифованные; 6 – пила; 7 – шлифовальная плита – пила (1–5, 8 – сланец; 6 – песчаник; 7 – кварцит).

ки и плитки разных размеров (максимальные $14 \times 10 \times 2.6$ см) и произвольных очертаний без дополнительной подправки или оббитые по краям, со специально оформленными на противолежащих сторонах крупными выемками. У одного выемы сделаны на четырех сторонах (рис. 4, 4).

В коллекции имеются овальные, округлые, удлиненно-овальные естественные гальки со следами зашлещения по всей поверхности или подшлифованные, некоторые со следами ударов на концах (рис. 3, 9, 16; 4, 5, 8), а также небольшие круглые, без следов применения, явно принесенные на поселение со стороны. Назначение их не установлено. Размеры всех варьируют от $13.5 \times 3.3 \times 1$ до $6.3 \times 2.2 \times 2$ – 5×4 – 6×1 см. Выделяются две крупные гальки (наибольшая $19 \times 6 \times 5 \times 2.5$ см), полуовальные в сечении, грубо пришлифованные и со

следами ударов на одном из концов. Упомянем оббитые по краям небольшие плитки сланца и песчаника, которые могут быть заготовками для колец и обломки сланцевых плиток с надписями. Предметы подобного рода известны на многих памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой (Пегрема V, Черная Речка I и XII, Палайгуба VII, Пиндуши II, Пески IV, Войнаволок XXIX).

Характерны для всех культур эпохи камня шлифовальные плиты из крупных и небольших плит, точильные бруски и пилы. Имеются крупные целые плиты без следов дополнительной подправки. Такое количество инструментов для шлифования более всего типично для поздних стадий неолита и энеолита, что вполне объяснимо возросшим качеством этого способа при изготовлении макроформ и полным его господством как за-

вершающего технологический цикл. Точильные бруски в виде естественных прямоугольных плиток песчаника и кварцита, реже сланца использовались для подправки лезвийных частей орудий из камня, возможно, дерева и кости, судя по следам работы в виде ложбин различных размеров и глубины. Заметно число пил из небольших плиток или умело отколотых от крупных плитчатых конкреций, разных по длине и ширине, некоторые до $25-30 \times 20$ см; толщина в пределах 3–4 см. Примечательно, что прием пилиния в ходе изготовления сланцевых макроформ на памятнике не применялся, тогда как в finale мезолита он являлся одним из основных, известен в культуре сперрингс и значительно реже встречается на этапе с ямочно-гребенчатой керамикой, поэтому не исключается применение пил в позднем неолите – энеолите для иных видов сырья, например дерева. Есть пилы со своеобразным волнистым лезвием (рис. 4, б) и совмещение функций пил и шлифовальных плит (рис. 4, 7).

Для оценки уровня развития и технической стороны сланцевой индустрии показательно число и характер (облик) обломков макроформ и их заготовок. Основным первичным приемом, определяющим черновой облик изделия, являлась точная и направленная оббивка с обеих сторон или по одной плоскости, редко только по периметру (куска, массивной плитки или отщепа). Подобным образом подготавливались лезвия. Завершающим приемом всегда являлось шлифование всей поверхности до полного сглаживания неровностей. Эта технология коренным образом отличается от характерной для ранних этапов эпохи камня. Например, в finale мезолита заготовку (естественную плитку или кусок) формировали пилиением или длинным сколом по боковым плоскостям, завершали изготовление заточной лезвия шлифованием и подбивкой обуха несколькими фасетками или пикетажем. Тело орудия сохраняло естественный вид камня. В раннем неолите с керамикой сперрингс заготовку грубо оббивали с обеих сторон или по периметру, иногда отпиливая лишние части, затем зашлифовывали полностью или на большей части поверхности.

Существенные различия в технике и качестве шлифования. На Вигайнаволоке I оно весьма совершенено, часто, особенно на топорах и теслах типа 2, доведено до стадии полирования, что впервые фиксируется в индустрии, сопровождающей ямочно-гребенчатую керамику. В это же время кардинально меняется процесс зашлифовки – четко по продольной оси (по длине) изделия отдельными участками, что создавало ребристую поверхность с гранями разной степени четкости.

Группа макроформ Вигайнаволока I характеризует разные хронологические стадии развития индустрии сланца. Ранняя фаза сопоставима с ин-

дустирией средней поры неолита, следующие – с поздненеолитической и начальной энеолитической. По ряду важнейших признаков формы и техники эти стадии эволюционно увязываются между собой, представляя развитие одной традиции (линии) в сланцевой части индустрии камня.

В небольшой по численности и малоразнообразной по составу (8 видов) группе мелких форм примечательны скребки из кремня, кварца и сланца, значительное число охотничьего вооружения (наконечников стрел и копий, отчасти ножей) и сверл. Прочие изделия единичны (табл. 2). Указанные соотношения основных видов орудий соответствуют концу неолита – началу энеолита с характерной для этого времени тенденцией к снижению доли мелких форм и возрастанию значения макроформ, в первую очередь деревообрабатывающих инструментов.

Изделия данной группы однородны морфологически. Нагляднее всего это демонстрируют наконечники стрел, изготовленные из отщепов в технике двустороннего отжимного ретуширования, овально-листовидные по очертаниям с различными вариациями (лавролистные, иволовидные, подромбовидные), укороченные или средней длины, довольно массивные (рис. 5, 3–5). К перу и насаду они приужены плавно, иногда насад слегка прикруглен, но черешок не выделялся. Интересно использование кварца; судя по заготовке, изделие выполнялось по образцу кремневых (рис. 6, 22). Наконечники копий или дротиков повторяют формы наконечников стрел, некоторые больше расширены у насада или приближаются к подромбовидным (рис. 5, 1, 2). Изготовлены в той же весьма совершенной технике, в том числе сохранившиеся фрагментарно и кварцевые экземпляры.

Ножи на кремневых пластинчатых сколах произвольны по форме. Один из краев прямой, противолежащий выпнутый, кончики острые, основания прямые приуженные. У большинства хорошо обработана только спинка, с брюшком приостряющей ретушью подправлены края, иногда поверхности вблизи их. Некоторые имеют только краевую подправку. Наряду с крупными (наибольший 9×3.5 см) встречаются небольшие (в пределах 5×1.5 см), что, вероятно, связано с характером использования (рис. 5, 6–8). Подобные ножи известны на многих памятниках с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (Оровнаволок IV, Черная Речка I, Черная Губа IV, IX и др.), а также с ромбоямочной и асBESTовой посудой (Жульников, 1999. Рис. 59, 62), но коренным образом отличаются от характерных для культуры сперрингс.

Половина сверл изготовлена на крупных (от $12 \times 4.2 \times 1.2$ до $5 \times 2 \times 0.7$ см) плитках сланца и кварцита и уплощенных галечках, иногда обломках макроформ (рис. 5, 18–20; 6, 1, 2). Тело орудия

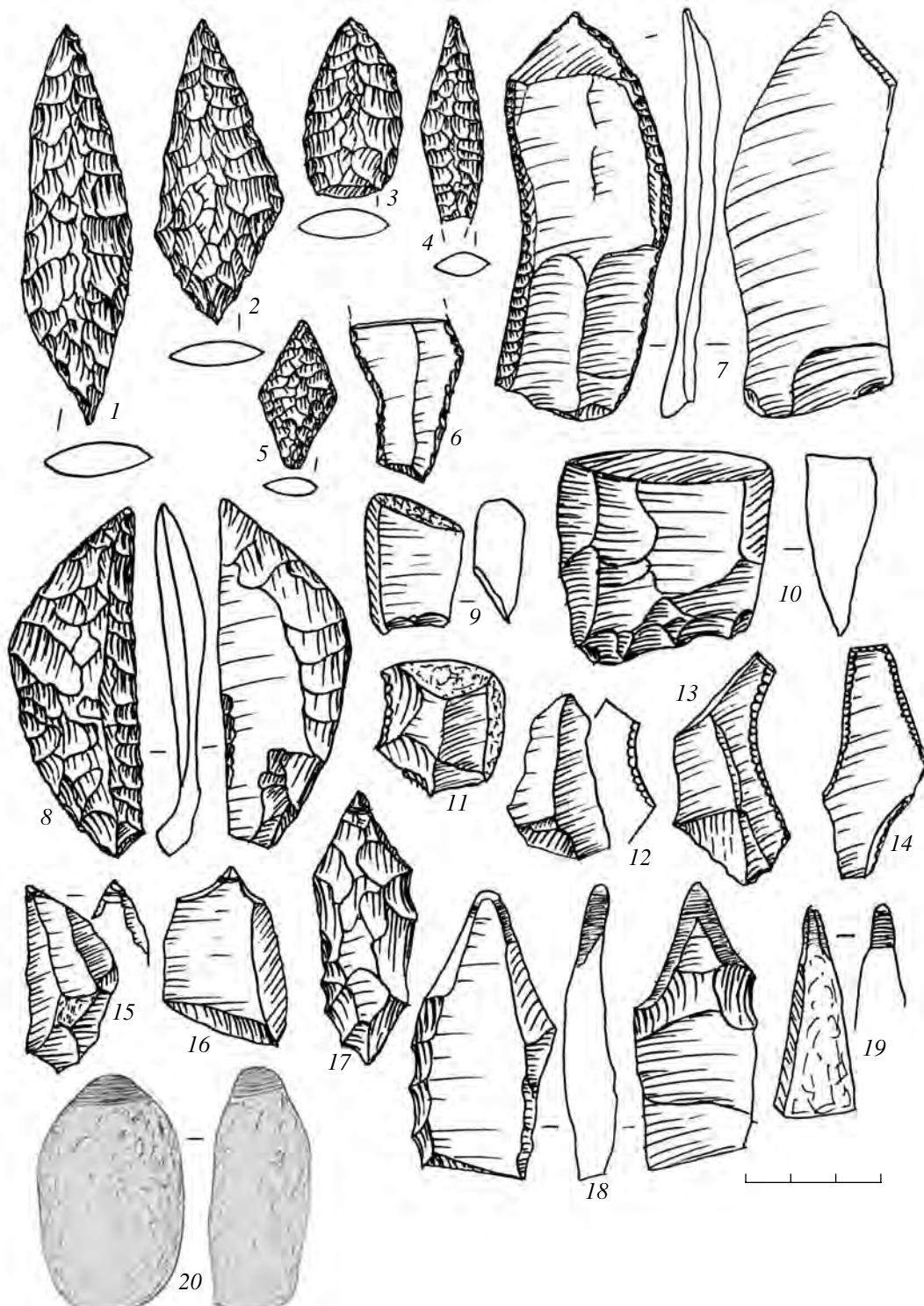


Рис. 5. Вигайнаволок I. Изделия из камня: 1, 2 – наконечники копий; 3–5 – наконечники стрел; 6–8 – ножи; 9, 10 – додотовидные орудия; 11–14 – скобели; 15–20 – сверла (1–8, 13, 14, 16, 17 – кремень; 9, 11, 12, 15 – кварц; 10 – лидит; 18, 19 – сланец; 20 – кварцит).

обычно не подрабатывалось, редко подшлифовывалось или подправлялось сколами по краям. В ряде случаев намечены плечики. Диаметр концов 0.5–1 см, на них заметны концентрические штри-

хи. Им близки сверла на кварцевых и кремневых удлиненно-подтреугольных сколах (одно – на обломке наконечника копья). Заготовки дополнительно не обработаны, кончики сформированы

крупной ретушью, выделены плечики. Диаметр концов 0,2–0,3 см, общие размеры орудий небольшие (рис. 5, 15–17). Сверла с намечающимися плечиками появляются в неолите с ямочно-гребенчатой керамикой, известны позднее, но нетипичны для более ранних этапов эпохи камня.

Скребки изготовлены на отщепах, довольно крупные, подквадратно-подпрямоугольные в плане. Лезвия прямые или слабо дугообразные, оформлены тщательной ретушью со спинки по торцу и одной или (чаще) обеим боковым сторонам. Встречаются пологие и клювовидные лезвия, приостренные, высокие и крутые. Подправку спинки делали редко (рис. 6, 7–11, 13–17). Скребки морфологически близки вне зависимости от вида сырья, но формы из кварца меньше кремневых и грубее по технике оформления, а сланцевые, наоборот, крупнее, хорошо ретушированы, из них два сделаны на обломках со шлифовкой (рис. 6, 4–6). Кремневые скребки выделены тщательнее, среди них выделяются два с лезвиями по всему периметру заготовки и четко клювовидные на торцевом и бугорковом концах (рис. 6, 12, 16). Выявлены случаи комбинирования со сверлом и скобелем. Более всего скребки типичны для неолита с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной посудой, но есть формы более позднего времени (сланцевые, с особо четким прямым или клювовидным лезвием и особо крупные). В коллекции имеются два изделия типа скребел – из расколотой гальки с крупной ретушью по всему периметру со спинки и на крупном кремневом отщепе, рабочий край оформлен небрежной ретушью со спинки по двум сторонам, сильно сработан.

Скобели изготовлены на кремневых и кварцевых отщепах (иногда краевых) произвольных очертаний. Рабочие выемы одиночные, широкие, оформлены со спинки, реже с брюшка мелкой ретушью (рис. 5, 11–14).

Имеются два орудия типа долотовидных на небольших сколах кварца и лидита подквадратной формы, оформленные ретушью на клин на одном из концов (рис. 5, 9, 10), и пять небольших кварцевых сколов довольно правильной огранки, напоминающих ножевидные пластинки, со следами использования по краям (рис. 6, 18–21). Отметим заметное число разных по величине аморфных отщепов и сколов кремня и кварца с заломами или притупленностью на отдельных участках краев, иногда с нерегулярной ретушью.

Изделия данной группы по основным показателям формы и техники органично входят в круг типичных для развитого – позднего неолита – начала энеолита. Некоторые формы увязываются с определенным керамическим комплексом, характеризуя развитие типа во времени, и хорошо сопоставляются с эволюционными стадиями в инду-

стрии сланца. Но в данной группе орудий эволюционные изменения происходили более плавно, чем в группе макроформ. По-видимому, отсутствовала необходимость в кардинальной модернизации в силу достигнутой оптимизации формы, техники и функции в рамках одной традиции.

Анализ каменного инвентаря Вигайнаволока I показал его принадлежность по меньшей мере к трем стадиям развития индустрии камня в течение определенного отрезка времени. По сумме значимых для данного корпуса источников показателей (соотношению групп и видов изделий, составу базовых видов сырья, морфотипологическим и технико-технологическим признакам, деталям оформления и пр.) можно полагать, что намеченные стадии хронологически последовательны в рамках одной и единой линии развития в данной сфере материальной культуры. На этом основании можно говорить о культурном единстве комплекса, его принадлежности к одной культурной традиции на разных отрезках ее существования. Преобразования и модификации, отраженные в намеченных стадиях, обусловлены внутренними факторами, поскольку не выявлены инновации, способные изменить или изменившие направление развития по всем определяющим данный стиль (традицию) составляющим.

Согласно сопровождающим эти стадии типам керамики, это время существования ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики в бассейне Онежского оз. На Вигайнаволоке I полнее всего представлена стадия начала энеолита, ранняя выражена слабо, но ее органично дополняют комплексы других поселений с ямочно-гребенчатой керамикой (Черная Речка I, Пегрема V, Пиндуши I, Оровнаволок IV и др.). Переходная к энеолиту стадия, включающая также элементы ранней, столь же органично дополняется комплексами Войнаволока V и IX, Черной Губы III и IX, Деревянного I и пр. (Лобанова, 1984. Рис. 2, 3; 1986. Рис. 8, 10; 1996. Рис. 14; Витенкова, 2002. Рис. 41–49; Гурина, 1951. С. 96–128. Рис. 95) и материалами поселений типа Пегремы I, III (Журавлев, 1991).

Начало этой традиции в индустрии камня в бассейне Онежского оз. было положено носителями ямочно-гребенчатой керамики не позднее начала IV тыс. до н.э. (по данным типологии каменного инвентаря), прервавшимися развитие ранненеолитической культуры сперрингс, население которой, вероятнее всего, было оттеснено в средние и северные районы Карелии, а небольшая часть, возможно, была ассимилирована пришельцами. Все последующие изменения в новой индустрии происходили последовательно и прогрессивно. В комплексах, характеризующих следующий этап неолита (с гребенчато-ямочной посудой), отсутствуют элементы, которые не имели бы кор-

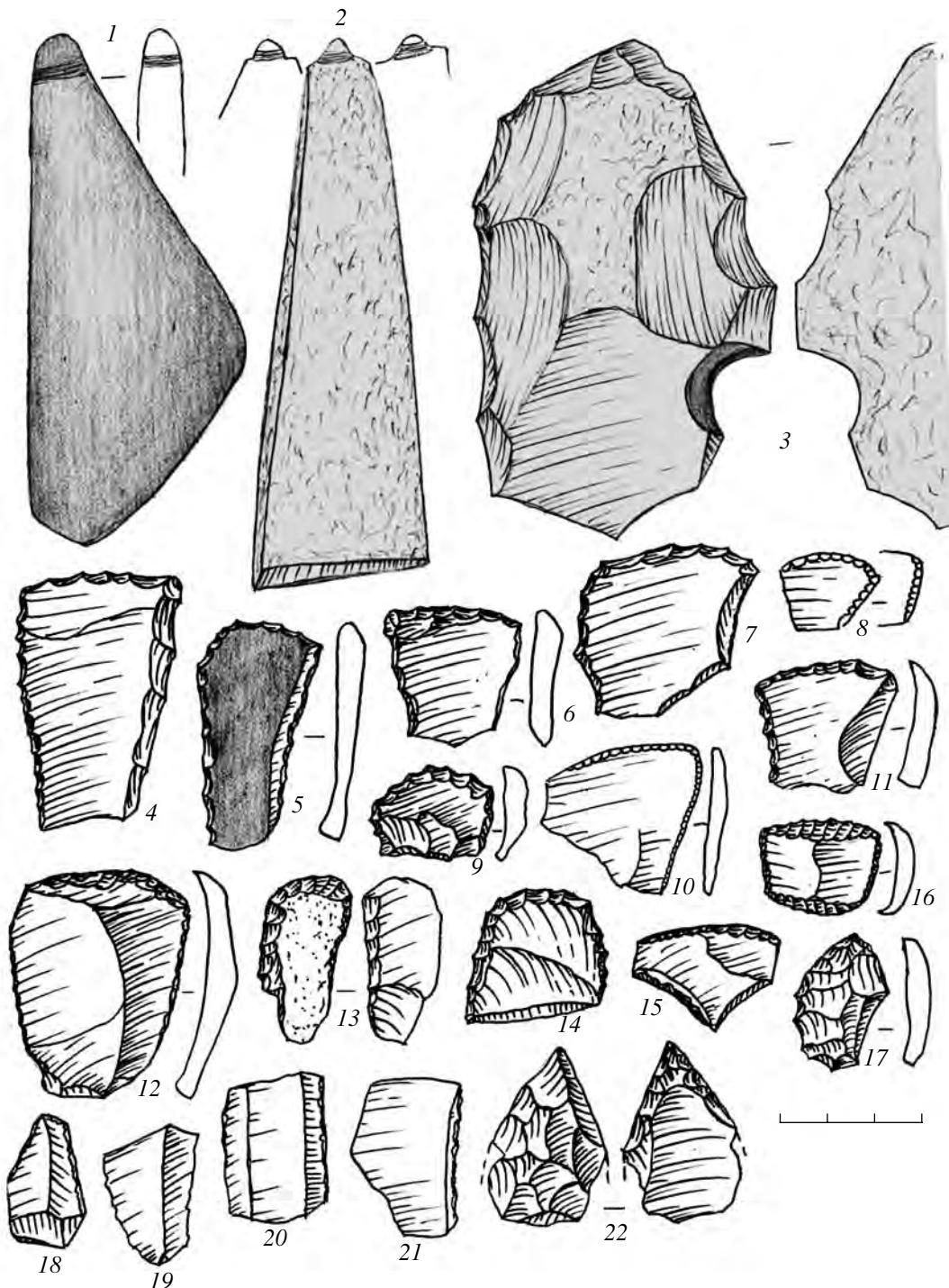


Рис. 6. Вигайнаволок I. Изделия из камня: 1, 2 – сверла; 3 – изделие сверленое; 4–17 – скребки; 18–21 – ножевидные пластиинки; 22 – заготовка наконечника стрелы (1–6 – сланец; 7–9, 18–22 – кварц; 10–17 – кремень).

ней в индустрии ямочно-гребенчатой керамики, а в раннеэнеолитических не связанные происхождением с предшествующей. Вполне вероятно, что процессы изменчивости в керамическом производстве происходили схожим образом через переходные этапы, в течение которых накапливалась некоторая сумма новшеств, затем определявшая

его стиль на новом временном отрезке. Можно полагать, что процесс сложения типов керамики позднего неолита – начала энеолита, в данном случае гребенчато-ямочной и ромбоямочной, происходил на месте, в своей среде. Другими словами, появление этих типов – последовательная модернизация во времени ямочно-гребенчатой

керамики. Данный вывод подтверждается анализом керамики Вигайнаволка I.

Появление посуды с ямочно-гребенчатой системой орнаментации в бассейне Онежского оз. совершенно справедливо связывают с миграцией нового населения. Этот вывод согласуется с результатами сравнительного анализа сопровождающей ее каменной индустрии с характерной для раннего этапа неолита с керамикой сперрингс (Филатова, 2005. С. 22–29). Высказывались вполне обоснованные мнения о генетической связи гребенчато-ямочной и ромбоямочной посуды, о зарождении последней на месте (Журавлев, 1991), не исключают ее связи с ямочно-гребенчатой (Косменко, 2003. С. 33). Согласно другим данным, гребенчато-ямочная керамика есть результат симбиоза с керамикой сперрингс Финляндии, откуда она, впитывая элементы керамики сперрингс Карелии, распространилась на ее территсию и далее в Прибалтику (Витенкова, 2002. С. 160). Это утверждение вступает в противоречие с данными каменной индустрии, не говоря уже о том, что эти этапы неолита Карелии разделяют почти 1000 лет. Культура сперрингс заканчивает свое существование в начале IV тыс. до н.э., контактируя короткий отрезок времени с культурой ямочно-гребенчатой керамики, что прослеживается не только в индустрии камня (Филатова, 2005), но и в керамических комплексах (Лобанова, 1996). Кроме того, последняя практически выпадает из схемы И.Ф. Витенковой, хотя памятники с посудой этого типа разных фаз развития широко распространены по всей Карелии, в том числе в местах сосредоточения поселений с гребенчато-ямочной керамикой. Сравнительным анализом устанавливаются две смены культурных традиций в каменной индустрии эпохи камня в бассейне Онежского оз. Первая связана с появлением индустрии раннего неолита с керамикой сперрингс, не имевшей генетических связей с мезолитической. Вторая произошла с появлением ямочно-гребенчатой керамики с новой традицией более высокого уровня развития, резко обогравшей предшествующую. Она продолжала свое становление далее, на этапе оформления посуды с гребенчато-ямочной, а затем ромбоямочной системой орнаментации. Финалом ее развития явилась индустрия позднего энеолита с асBESTовой посудой, по сути завершившая эпоху камня в регионе, причем на весьма высоком уровне, не унаследованном культурой нового населения с сетчатой керамикой эпохи бронзы.

Комплекс каменного инвентаря Вигайнаволка I охватывает отдельные этапы развития этой традиции, характеризующей одну культурно-историческую общность. Самый ранний этап с ямочно-гребенчатой посудой здесь представлен отдельными элементами. Полнее отражены следующие ступени, особенно раннеэнеолитиче-

ская. Очевидно, освоение площадки поселения произошло ближе к середине IV тыс. до н.э. и продолжалось (возможно, с непрерывным перерывом) в первую половину III тыс. до н.э. В течение этого времени материальная культура данной общности развивалась прогрессивно не только по пути быстрой модернизации многих сторон каменной индустрии, но и совершенствования керамического производства, обеспечивая его многообразие в технике, технологии и орнаментации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Витенкова И.Ф. Памятники с гребенчато-ямочной керамикой. Петрозаводск, 2002.
- Гурина Н.Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северо-западном побережье Онежского озера // МИА. 1951. № 20.
- Девятова Э.И. Палеогеография стоянок Шелтозера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
- Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
- Журавлев А.П. Скульптуры и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Журавлев А.П. Энеолит Карелии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
- Журавлев А.П. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // КСИА. 1979. № 157.
- Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
- Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4.
- Лобанова Н.В. Неолитическая стоянка Черная Речка I // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
- Лобанова Н.В. Неолитические стоянки на северном побережье Онежского озера // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
- Лобанова Н.В. Неолитическое поселение Вигайнаволок I // Архив ИЯЛИ КарНЦРАН. 1988. Ф. 1. Оп. 6. № 717.
- Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. II. Л., 1978.
- Панкрушев Г.А., Журавлев А.П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.
- Филатова В. Ф. Этнокультурные аспекты в изучении мезолитических древностей на территории Карелии // Межкультурные взаимодействия в полиглоссическом пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Хорошун Т.А. Культурные процессы на территории Карелии (поздний неолит – ранний энеолит) // Докл.

на семинаре “Prehistoric Identities, Cultures and Interaction in the North”. Helsinki, 2008.
Хорошун Т.А., Ильина В.П. Использование физико-химических методов при изучении керамики

неолита–энеолита (по материалам памятника Вигайнаволок I) // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Петрозаводск, 2006.

Cultural and chronological attribution of the lithic inventory from Vigainavolok I

V. F. Filatova, T. A. Khoroshun

S u m m a r y

The article analyzes the assemblage of stone artifacts from Vigainavolok I settlement as compared with the previously identified lithic industries in the Onega Lake basin. It has been established that the lithic inventory from the settlement represents at least three consecutive chronological stages in the development of the lithic industry within one and the same evolutionary line of this sphere of material culture in the second half of the 4th – first half of the 3^d millenniums BC. Hence it is possible to speak of the cultural unity of the complex and of the fact that it belongs to one and the same cultural tradition which was characteristic of one and the same cultural and historical community throughout the various stages of its existence. The transformations of the lithic inventory during the stages in question were brought about by internal factors. The types of pottery for each of the stages show that they correlate with the existence of pit-comb, comb-pit and rhombic-pit ware in the Onega Lake basin.

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЖИЛИЩ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2009 г. С. В. Берлина

Тюменский государственный университет

Жилища саргатской культуры различаются по ряду признаков, таких как углубленность в грунт, количество камер, их размер и форма, следы от конструкции стен и кровли и т.д. Классификация жилищ по разным наборам признаков позволила исследователям выделить и описать характерные черты домостроительства саргатских племен (Корякова, 1984. С. 77, 78; Матвеева, 1993; 2000). На момент описания построек их было известно немного (29 жилищ у Л.Н. Коряковой) или рассматривались жилища какого-то обособленного района (Притоболье, Приишмье у Н.П. Матвеевой), поэтому исследователям не удалось провести какие-либо статистические работы, которые могли бы помочь выявить отдельные группы сооружений по набору конструктивных особенностей, выделить какие-то типы строений. Этую задачу мы и попытаемся решить, обобщив материалы (около 120 ед.) известных на сегодняшний день жилищ.

Анализ источников – планов жилищ, следов их конструкции или отсутствия последних, различное сочетание ряда признаков как на материалах одного памятника, так и в пределах конструкции одного жилища позволил выдвинуть гипотезу о наличии в традиции саргатского домостроительства нескольких типов построек.

Однако задача выделения типов жилищ затруднена тем, что до сих пор в отечественной науке остается дискуссионным вопрос об основаниях типологии жилищ и принципах их классификации, нет той единой системы, по которой можно было бы описать жилища народов, проживающих в разных климатических зонах и ведущих разное хозяйство. Обычно исследователирабатывают наборы признаков, на основе которых осуществляется классификация и описываются постройки. Так, в отечественной этнографии практически все исследователи отмечают роль хозяйствственно-культурного типа и влияние природного окружения на сложение типов жилищ (Типы..., 1979. С. 6; Соколова, 1998. С. 144, 154). И при описании жилищ исследователи отталкивались, в первую очередь, от образа жизни населения – в таком случае выделялись постоянные, се-

зонные и временные укрытия; по вариантам строения – срубные, каркасно-столбовые; по строительному материалу – деревянные, земляные; по отношению к дневной поверхности – наземные, полуземлянки, землянки и т.д, поэтому основные проблемы таких типологий и классификаций состоят в том, что при выделении типа жилища, например по времени использования или по отношению к дневной поверхности, различные формы жилищ (сферическая, прямоугольная, двухскатная) могут одинаково присутствовать в различных типах. В последнее время выделяют наиболее важные признаки, или критерии в описании жилища, – конструкция и техника сооружения (каркасные, бескаркасные, смешанные, или срубно-каркасные); форма основания; наличие или отсутствие стен; форма постройки или форма крыши сооружения со стенами; менее важными критериями являются положение относительно дневной поверхности, длительность использования и стационарность построек (Соколова, 1998. С. 153, 154; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 32).

Однако при анализе археологического материала задача выделения и описания признаков осложняется еще и тем, что источник находится в специфическом состоянии – нам недоступен внешний вид объекта – постройки, жилища – мы имеем лишь остаточные следы его конструкции: котлованы, ямки, канавки.

Но именно их взаиморасположение, характер и строение как отражающие конструкцию бытования некогда постройки нам наиболее важны. В совокупности с другими признаками: формой котлована, положением относительно дневной поверхности, некоторыми данными о строении кровли – нам представляется возможным проведение типологии имеющихся у нас построек. Но, так как у нас нет внешнего вида постройки и других данных (например, состава строительного сырья или способов соединения элементов конструкции), мы не выделяли главные критерии (признаки) типологии, а считали их равноправными и анализировали их композиции с выделением групп с определенным набором признаков.

При анализе следов построек удалось выделить шесть типов жилищ со следующими наборами признаков: 1. Сооружения, неуглубленные в грунт либо углубленные незначительно (на 10–15 см), округлой, редко прямоугольной формы, с ямками на жилищном пространстве; внешне выраженные в виде земляных бугров с провалившейся вершиной. 2. Сооружения, незначительно углубленные в землю, в которых иногда встречаются следы ямок. 3. Постройки прямоугольной или квадратной формы, по периметру и внутри котлована которых фиксируются ямки от столбов и соединяющих их канавок. 4. Постройки, от следов конструкции которых остались лишь столбовые ямки внутри котлована, расположенные по его периметру и внутри по осевым линиям, и иногда с ямками за пределами котлована. 5. Сооружения с котлованами прямоугольных и близких им форм, по краям которых фиксируются взаимно пересекающиеся канавки. 6. Сооружения без следов конструкции с прямоугольным котлованом различной глубины.

Рассмотрим эти комплексы с разнообразным набором следов конструкции и попытаемся реконструировать их внешний вид и детали строения. Однако перед этим следует остановиться на некоторых вопросах методики реконструкции и терминологии.

Для начала предлагаем в дальнейшем различать термины *реконструкция* и *модель*. Под реконструкцией мы понимаем воссоздание внешнего вида (графическое, натурное) конкретного жилища или постройки, с учетом всех индивидуальных особенностей. А вот собирательный образ построек этого типа, где будут присутствовать все признаки, будет моделью. Этой постройки нет в природе, это результат того, что мы обобщили из строения нескольких сходных построек, и тот образ, к воспроизведению которого стремились древние при строительстве, и от которого могли отступить из-за особенностей материала или других причин. В своем исследовании мы попытаемся реконструировать несколько построек различных типов и выявить некоторые модели, которые существовали в строительной традиции носителей саргатской культуры. Далее при реконструкции построек мы опираемся на исходные данные – систему расположения столбовых ямок, их размеры, наклон; на размеры и глубину котлована, т.е. на исходные характеристики нижнего горизонта существовавшего некогда жилища.

При реконструкции верхних элементов построек, в частности кровли, мы полагаемся как на данные планиграфии, где зафиксированы следы от ее опоры, задающие во многом ее конфигурацию, т.е. на форму и характер стен, подпорок, систему их расположения, так и на данные этнографии, привлекаемые в качестве аналогий для вы-

явления характера утепления крыши, ее обрешетки и т.д. Кроме того, автором совместно с В.Г. Фелисюком была разработана методика реконструкции более точного строения кровли и структуры ее утепления, основанная на учете физических характеристик материала – прочности, гибкости, способности выдерживать определенные нагрузки. Данная методика подробно описана при реконструкции жилищ 3-го типа, а также в отдельной статье (Берлина, Фелисюк, 2004), хотя она применима и к постройкам других типов, поскольку в их конструкции в той или иной мере повторяются те же элементы кровли. Однако в жилищах 3-го типа можно проследить наиболее критические состояния, связанные с большими пролетами между опорными точками и соответственно с максимальными нагрузками.

Итак, 1-й тип остатков построек, который выделяется по своим морфологическим особенностям, – это жилища округлых (редко подпрямоугольных) форм, не углубленные в материк (или углубленные незначительно), от следов конструкции которых остались лишь ямки от столбов по краям и внутри котлована. Они представлены жилищами 1–3 с пос. Ложка из Прииртышья (Полосьмак, 1987).

Рассмотрим возможный вариант строения жилища 1 пос. Ложка. По описанию Н.В. Полосьмак, до раскопок внешне постройки представляли собой земляные бугры с провалившейся вершиной, границы жилища определялись по наивысшим точкам в разрезах и столбовым ямкам (рис. 1, а), при этом отмечено, что ямки внешнего круга имели наклон внутрь жилища (Полосьмак, 1987. С. 6). Исследователь предполагает, что жилища имели каркасную конструкцию и напоминали жилища с шатровым покрытием обских угров. По нашему мнению, подобные следы могли оставить жилища двух вариантов строения: подобно чуму, утепленному землей, и многоугольная каркасная постройка с усеченной вершиной, подобная голому долган, вежи саамов или то-рыв нивхов, только имеющая многоугольную форму.

Рассмотрим первый вариант строения, предположив, что данные следы оставлены постройкой типа чума. К сожалению, автором не указан угол наклона ямок, поэтому мы не знаем, под каким углом могли располагаться жерди (бревна) по отношению к полу и соответственно на какой высоте они пересекались. Однако мы можем по расположению столбовых ямок установить диаметр постройки – 10 м. Спальные места располагались скорее всего по кругу у края жилища, занимая расстояние от стен до 2.5 м, и в их изножье должно было выполняться условие, при котором взрослый человек мог стоять не сгибаясь, это примерно 1.6–1.8 м. С учетом того, что со временем деревянная жердь – наклонная балка под тя-

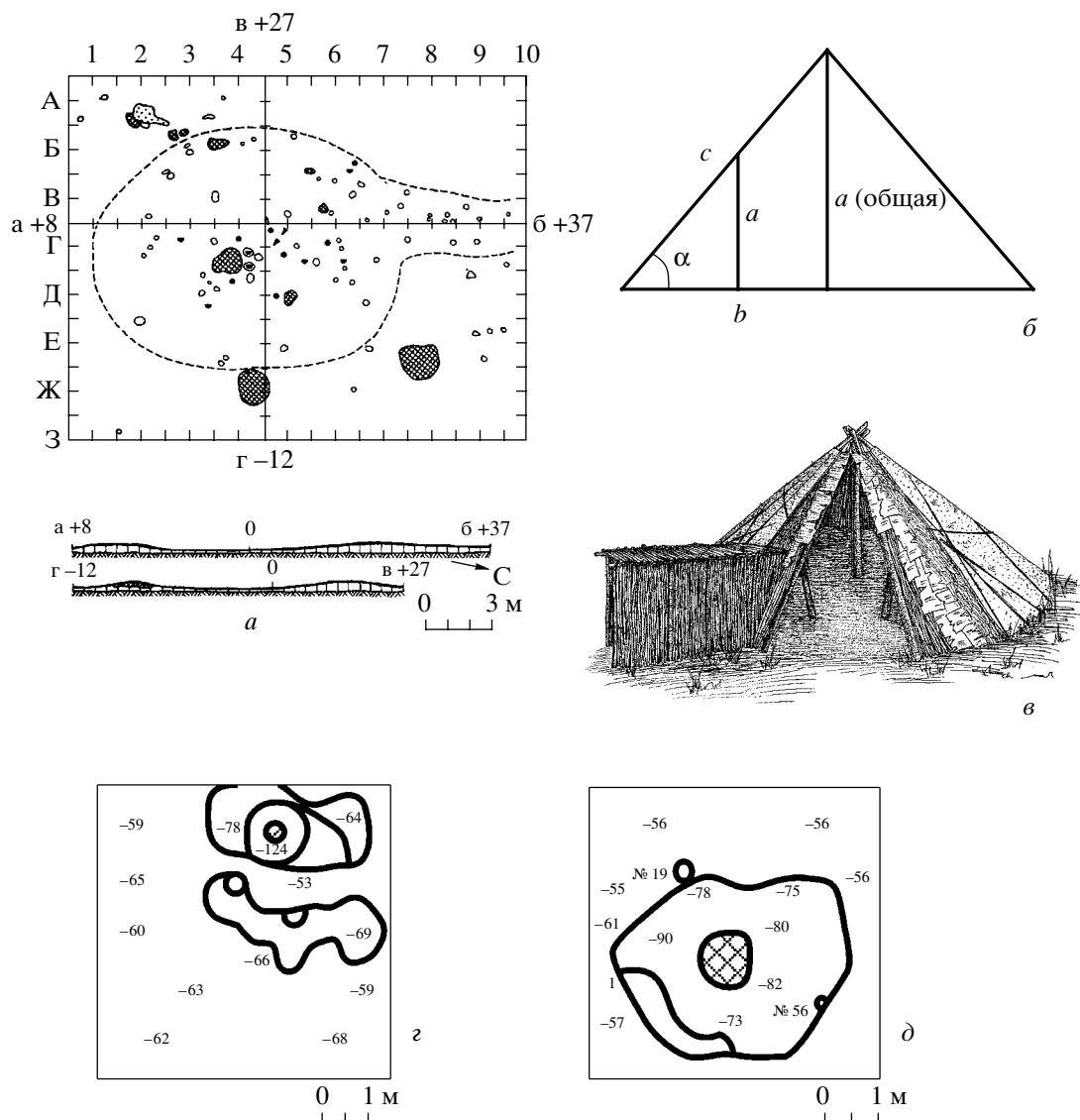


Рис. 1. *a* – План и стратиграфия жилища 1 пос. Ложка (по: Полосьмак, 1987); *б* – схема строения жилища-чума в разрезе; *в* – реконструкция внешнего вида жилища 1 пос. Ложка; *г*, *д* – жилище 1 и 5 пос. Карагужевское (раскопки О.М. Аношко, 2005).

жестью могла прогнуться, древние люди могли оставлять некоторый запас высоты, мы примем расстояние от пола до кровли в данном месте в 2 м. Так как в разрезе чум представляет собой два прилежащих прямоугольных треугольника, имеющих один общий катет, то мы можем производить расчеты, используя свойства прямоугольника (рис. 1, б). В нашем случае нам известен его катет, т.е. радиус пола, равный 5 м. Если бы был известен угол наклона ямки внутрь жилища, то мы могли бы вычислить его гипотенузу – длину несущей балки, и второй катет – высоту постройки. Но, так как данное условие нам не известно, попробуем пойти другим путем.

Как мы сказали выше, высота жилища на расстоянии 2.5 от края должна быть не менее 2 м. Та-

ким образом, нам известны два катета (*a* и *b*), и, применив теорему Пифагора, мы можем вычислить гипотенузу (*c*), которая равна 3.2 м для малого треугольника (см. рис. 1, б). Исходя из этих данных, мы можем вычислить минимальный угол (α) для этой постройки, через который в дальнейшем сможем узнать гипотенузу (и длину балки в целом) всего треугольника с основанием в 5 м. Исходя из уравнения, что $a = c \sin \alpha = b \tan \alpha$, получим, что $\sin \alpha = 2/3.2 = 0.625$. Используя таблицы Брадиса (1990. С. 53) выявим, что данное соотношение является $\sin 38^{\circ}42'$. Поскольку угол общий для всего жилища, мы можем вычислить его высоту (т.е. второй катет) и длину балки (гипотенузы), для чего воспользуемся той же формулой:

$a = c \sin \alpha = b \operatorname{tg} \alpha$ только третьим ее равенством. Получим выражение следующего вида: а (общая) = $= 5 \operatorname{tg} 38^{\circ} 42' = 5 \times 0.8012 = 4.006$ м ($\operatorname{tg} 38^{\circ} 42' = 0.8012$).

Таким образом, мы предполагаем, что высота жилища составляла около 4 м, чего было вполне достаточно для предотвращения возгорания деревянных конструкций от костра на полу жилища. Наклонная балка, одновременно являющаяся каркасом стены и кровли, имела длину около 6.4 м (с учетом, что она была углублена в землю и выходила за границы кровли сверху, общая длина бревна могла составлять около 7 м). Однако мы рассчитали параметры для постройки с минимальной высотой, а она могла быть больше – древние могли стремиться к более острому углу, чтобы снять нагрузку с балки в виде снега, который в таком случае меньше скапливается и легче сползает. В таком случае увеличивается длина балки и высота жилища: так, при угле жилища $= 45^{\circ}$ его высота могла составлять 4.8 м, а длина балки – 7 м (до 7.5–8). Эти столбы были, вероятно, каркасом постройки. У ненцев, хантов, манси и других народов, у которых бытовал чум, каркасные жерди достигали в длину 6–7 м при диаметре основания чума от 2.5–5 до 8–9 м (Соколова, 1998. С. 14). На этот каркас накладывались более тонкие жерди, сверху постройка могла быть обложена корой, травой с тем, чтобы не просыпалась земля, которой и было утеплено жилище сверху в виде кусков дерна, от которого, вероятно, и остался бугор черной супеси по краям котлована постройки, зафиксированный исследователем (Полосьмак, 1987. С. 6). Всего таких столбов нами насчитано 10–12. Расстояние между ними по прямой не превышало 4 м, в основном 1.5–2.5–3.5 м. Однако во внутреннем пространстве жилища находились еще столбовые ямки: в центре и на расстоянии 2–2.5 м от края жилища. Часть их (4–5) находилась на прямой, соединяющей ямки внешнего круга и центральный столб, поэтому можно предположить, что они играли роль подпорок, так как находились в середине треугольника, образованного наклонной балкой и опорным столбом. Кроме того, их расположение падает как раз на тот промежуток, который мы определили как гипотетичный для конца спальных мест, поэтому они могли еще играть и роль разграничителей пространства на отдельные помещения (для семейных пар или детей).

Выход-коридор фиксировался как отросток земляного вала, на полу которого также отмечены ямки от столбов, часть которых располагалась в два ряда. Исходя из их расположения, можно предположить, что вход имел прямоугольный каркас, так как указаний на то, что ямки коридора были наклонные, не было.

Предполагаемому типу жилища находится много этнографических аналогий, однако все они отличаются от саргатского некоторыми деталями строения: размеры чума, как было сказано выше, составляли 2.5–5 м, реже до 9 м (нганасаны, селькупы, ханты и др.) (Соколова, 1998. С. 17, 18, 21). При этом покрытие их было облегченным: либо берестяные покрышки, либо из шкур животных – нюков. Изредка встречается упоминание, что покрытие чума обкладывали дерном снизу (ненцы) (Соколова, 1998. С. 16). Реконструируемая же постройка, предположительно, имела покрытие из кусков дерна целиком, практически до самого верха. В этнографии таких случаев практически не отмечено: утепление дерном часто встречается у построек с усеченной кровлей, пирамидообразных или конических, построенных по типу голомо. Однако классический вариант голомо с четырехугольным основанием, хотя встречались у эвенков и с округлым (Соколова, 1998. С. 51). Последние исследователь считает переходной формой от чума к голомо либо смешанной, когда элементы разных типов жилищ соединены в одном. Подобная переходная форма от чума к голомо (земляной чум) отмечена у нганасан (Симченко, 1992. С. 91, 92). У эвенков зафиксирован обычай утеплять чум, заваливая его сверху землей и дерном, зимой – снегом (Соколова, 1998. С. 50; Василевич, 1969. С. 109–112).

Рассмотрим и другой вариант строения жилища, предположив, что оно было многоугольным в основании с усеченной вершиной. При таком строении бревна каркаса внешнего круга должны были опираться на раму, покоящуюся на столбах в центре жилища. В целом ямки от столбов на внутренней площади жилища имеются, однако они не повторяют контуры жилища. Условно можно выделить четыре столбовые ямки, образующие трапецию, которая одной из боковых сторон была ориентирована на выход (рис. 1, а). Можно предположить, что на этих столбах и покоялась рама, которая была основой каркаса кровли. Тогда ямки внешнего круга остались от столбов, которые одним своим концом упирались в землю, а другим – на раму. Рельеф стен в таком жилище был бы неровным, не столько из-за своего многоугольного характера, сколько из-за разного расстояния столбов внешнего круга от рамы, что вызывало бы наличие разных углов наклона стен по отношению к полу. Одной из близких этнографических параллелей подобного типа жилища является полуземлянка “куймайна” со сходным по строению каркасом из рамы, уложенной на четыре опорных столба, на которую опирались бревна каркаса, расположенные по кругу. Однако у кереков постройки данного типа были наполовину или полностью углублены в землю (Соколова, 1998. С. 82).

Приведенные аналогии и описание позволяют считать, что первый вариант реконструкции жилища 1 поселения Ложка (рис. 1, в) более достоверно отражает строение существовавшего некогда жилища, хотя могли существовать и постройки второго варианта реконструкции как переходный тип. В целом, видимо, данный тип построек мог быть промежуточным видом от чумов к более утепленным постройкам типа голомо с четырехугольным основанием, тем более что из 9 построек на поселении Ложка одна имела подпрямоугольные очертания, и ей была бы ближе реконструкция второго варианта строения. Предположительно, данный тип жилищ был какой-то переходной формой, ибо они не получили широкого распространения. Небольшое количество остатков этих построек отмечено лишь в Барабе, на поселении Абрамово-7, около гор. Чуланкуль и у оз. Ложка (Полосьмак, 1987. С. 6).

Моделью подобных жилищ была постройка, окружная в основании, с центральным столбом и стойками-опорами на некотором расстоянии от края жилища, на которые опирались остальные жерди каркаса, расстояние между ними забиралось более мелкими жердями, ветками, все это укрывалось берестой, травой, и обкладывалось поверху кусочками дерна.

Близкими по строению наземным жилищам Барабы являются жилище 5 и сооружение 1 с сезонного пос. Карагужево в Притоболье и постройка 1 пос. Чупино в Приишимье.

У построек 1 на Чупино практически такие же следы конструкции: в центре имеется опорный столб (около которого также имеются еще три столбовые ямки, часть которых, возможно, связана с обустройством очага), и по краям жилища зафиксированы три столбовые ямки (Генинг, Корякова, 1985. С. 53). Так как постройка углублена незначительно, предполагаем, что часть каркасных столбов могла находиться за пределом углубления и не фиксировалась в материке. Диаметр постройки составляет примерно 4–5 м, т.е. это мог быть чум, покрытый берестой, травой, или шкурами, возможно, утепленный землей у основания, хотя исследователями не отмечен земляной валик по контуру жилища.

Шестиугольная форма котлована фиксируется и у жилища 5, предположительно округлая – у постройки 1 пос. Карагужево (Аношко, 2006) (рис. 1, г, д). Котлованы этих построек углублены незначительно, на 10–15 см. Так как следы конструкции (ямки, канавки) не отмечены, за исключением единичных ямок у края котлована, можно предположить, что они имели такое же строение, что и постройка 1 с поселения Чупино. Эти постройки были скорее всего сезонными, так как расположены на невысокой, до 2 м, первой надпойменной террасе левого берега р. Тобол, у под-

ножия которой расстилается заливаемая по весне пойма.

Постройки подобного вида могли быть отдельным типом – наземными коническими сооружениями, более легкими по строению, состоящими из каркасных бревен, на которые укладывались остальные дополнительные, и которые могли укрываться поверх берестяными полотнищами, травой, тростником и т.д. Они находят широкие этнографические параллели у многих народов Сибири (ханты, ненцы, ноганасаны, селькупы, кеты, эвенки и т.д.).

Третья группа объектов, выделившаяся по конструктивным особенностям, – это котлованы, углубленные в землю на 25–80 см, прямоугольных, трапециевидных или подквадратных форм, имеющие по краям (часто в центре) ямки от столбов, которые соединялись канавками. Это самая информативная в плане реконструкции группа источников, так как следы конструкции жилища обычно имеют четкую структуру и очень хорошо отпечатываются в грунте. К этой группе относятся жилища 5, 6, 7 Рафайловского городища; камера 1 жилище 1, камера 1 жилища 3; 5, 6, 7, 8 Рафайловского селища; жилище 1, камера 1 и 2 жилищ 7, 8, 14 Коловского гор.; жилища 1, 2, камера 1 жилища 3 Коловского 4 селища; камера 1 жилища 4 селища Дуванско-2 и др., имеющие схожие остатки конструкции.

В целом внешний вид таких построек уже был реконструирован исследователями ранее, так как постройки подобного типа оставляют хорошие четкие следы своей конструкции. Так, словесная реконструкция жилища 1 поселения Рафайловский Остров была проведена Н.П. Матвеевой, а так же, совместно с А.В. Матвеевым, реконструировано жилище 2 поселения Ингалинка-2. Представлены они как постройки со сложенными в заплот стенами, кровля которых была двух- или четырехскатной, утепленной дерном, травой (Матвеева, 1993. С. 128–134). В целом реконструкции таких жилищ носят достаточно достоверный характер.

Возьмем для примера реконструкции жилища 14 Коловского городища (Матвеева, 2005), так как оно имеет в своей конструкции ряд интересных технических деталей. Оно представляло собой углубленную в материк на 0.2–0.4 м постройку прямоугольной формы площадью $\approx 20 \text{ м}^2$ (рис. 2, а), и, кроме того, предполагаем, что жилище имело в северной части небольшой пристрой, углубленный незначительно, размерами 2 × 3.5 м.

Анализ расположения ямок и канавок позволяет говорить о том, что стены жилища были сооружены в технике заплата, имеющего различное оформление: коридор, передняя и боковые стены были сооружены в технике заплата (рис. 2, в,

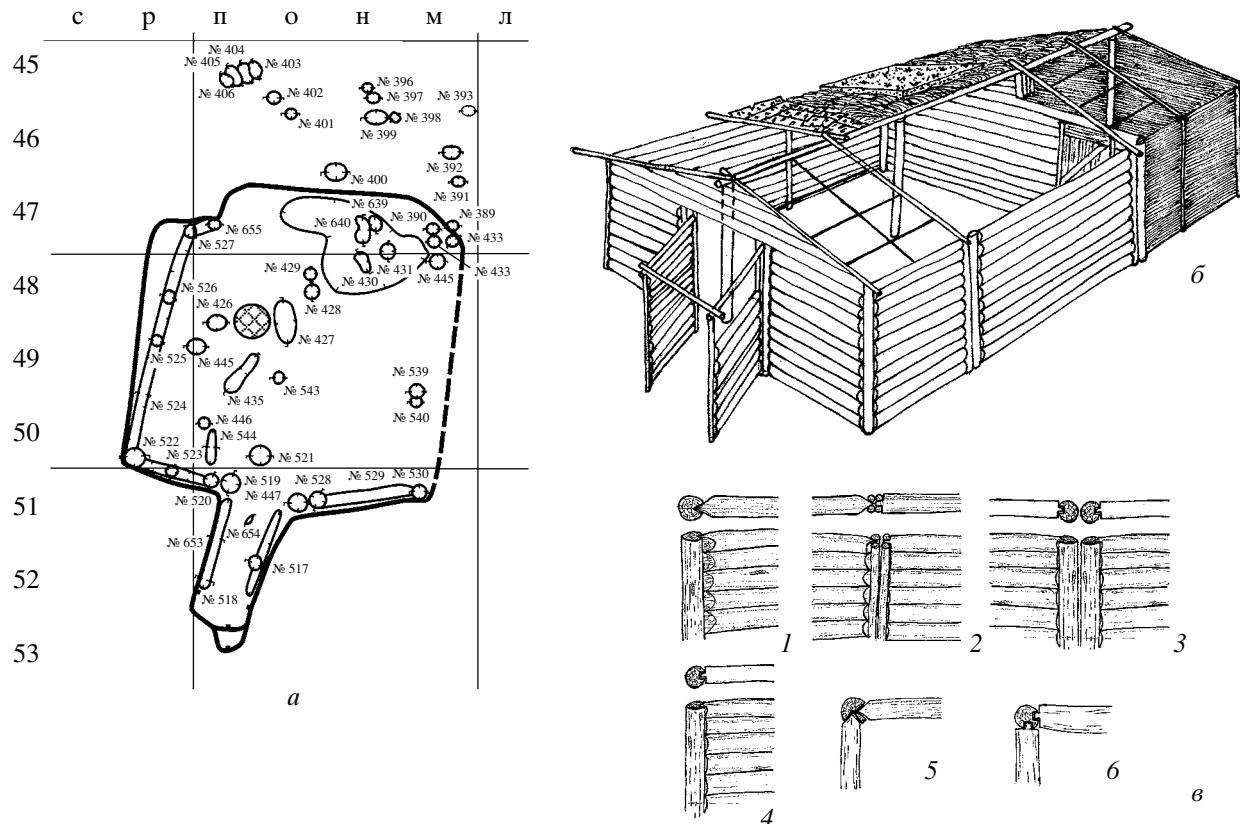


Рис. 2. а – план жилища 11 Коловского городища (раскопки Н.П. Матвеевой, 2004 г.), б – реконструкция его внешнего вида; в – варианты строительства в технике заплота.

3, 4), при этом горизонтальные бревна заплачивались в пазы вертикальных стоек. У противоположной от входа стены бревна заплачивались не в паз вертикального столба, а между двумя вертикально вбитыми бревнами (рис. 2, в, 2). Кроме того, в некоторых углах конструкции бревна от разных участков стены были заплощены в один столб, при этом более вероятно, что в таком бревне вырубались прямоугольные пазы (рис. 2, в, 3, 4, 6), так как при треугольном оформлении паза угол между ними внутри бревна мог выпасть (рис. 2, в, 5). Видимо, чтобы избежать подобных ситуаций, был применен прием расположения рядом двух бревен, что также наблюдается в строении данного жилища – в привходовой части и на другом участке жилища: ямки № 539 и 540.

Часть ям могла остаться от столбов, поддерживающих конструкцию кровли (ям № 521, 543, 429), так как они расположены по осевой линии жилища. Кровля жилища была двухскатной (рис. 2, б), каркас которой опирался на стены и на горизонтальную балку по центру жилища.

Пристрой прямоугольной формы, площадью 7 м² фиксируется по ямкам за пределами жилой камеры, продолжающими ее очертания. Вероятно, это была менее углубленная постройка, от ко-

торой осталось только несколько ям небольшого диаметра, фиксировавшихся в материке на 5–10 см в глубину. Возможно, столбы были вбиты в землю и в материке отпечатались концы бревен, и, с учетом грунта, они были углублены в землю на 25–30 см. Пространство между ними могло быть заложено тонкими бревнами, горбылем.

Таким образом, при реконструкции строения этого жилища мы выявили не только его внешний вид, но и некоторые детали строения, в которых нашли отражение строительные знания и навыки носителей саргатской культуры. Это употребление в одной постройке различных строительных приемов: оформление заплата посредством вырубания углового, прямоугольного пазов и путем заплачивания между двумя столбами. Кроме того, при анализе расположения ям окружающего межжилищного пространства был зафиксирован наземный пристрой, от конструкции которого остались ямки от столбов каркаса. Ранее фиксировались дополнительные камеры, углубленные так же, или менее чем основная, а пристрой подобного типа фиксируется впервые (исключая наземное жилище с поселения Ложка). Возможно, часть однокамерных жилищ могла

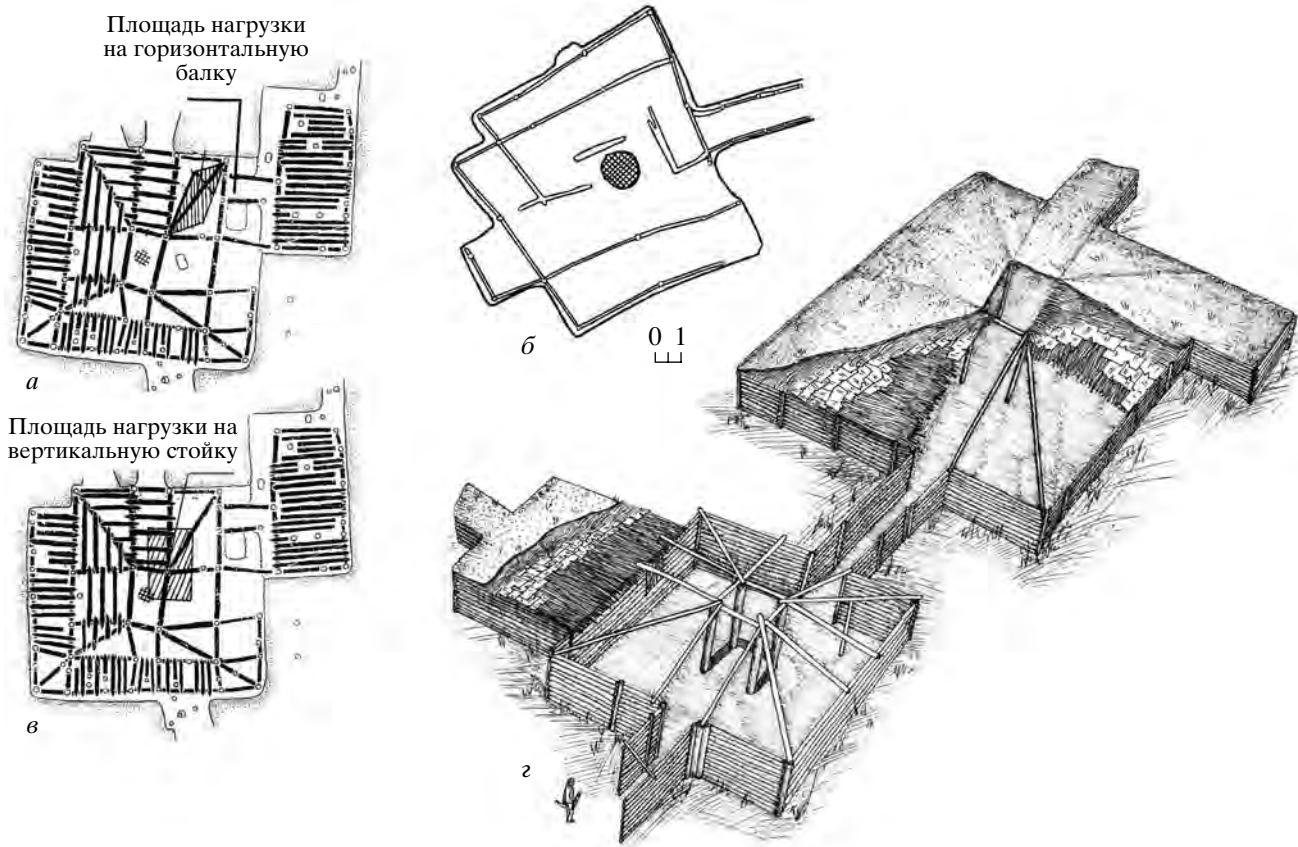


Рис. 3. а – площадь нагрузки на горизонтальную балку кровли (на примере жилища 2 поселения Ингалинка 1), б – план жилища 1 поселения Рафайловский Остров (раскопки А.В. Матвеева, 1983); в – площадь нагрузки на вертикальную балку кровли (на примере жилища 2 поселения Ингалинка 1), г – реконструкция внешнего вида жилища 7 Коловского городища (раскопки Н.П. Матвеевой, 2001–2004 гг.).

иметь такие же наземные пристрои, которые не были зафиксированы.

Схожее строение стен имели и другие жилища Коловского городища (рис. 3, г). В целом в постройках подобного рода достаточно достоверно реконструируются стены жилища: их толщина, техника, в которой они были выполнены. При описании строения кровли исследователи опираются на анализ конструкции стен, формы жилища, его площади, функционального назначения, дополнительную информацию несут ямки от стоечек, поддерживающих кровлю, их диаметр и глубина. При реконструкции обычно привлекаются и данные этнографии, косвенным свидетельством строения кровли могут служить материалы могильников: способы перекрытия могил, материал, используемый при этом (дерево, доски, камыш, трава и т.д.). Тем не менее мы говорим о строении кровли с известной долей условности. Однако это одна из важнейших составляющих жилища, более тщательное изучение которой позволит нам судить и о его внешнем виде, и о строительных приемах и о знаниях древнего насе-

ления, об экологической стороне обитания в жилище: каков был тепловой режим в жилище, каким образом это могло отразиться на физическом состоянии людей. Привлекая методы естественных наук, мы можем более точно восстановить конструкцию кровли, возможные варианты утепления. Для уточнения строения кровли была привлечена методика, в соответствии с которой определяются максимальные нагрузки, которые могут вынести несущие конструкции. Она подробно описана в более ранних работах автора (Берлина, Филисюк, 2004; Матвеева и др., 2005), здесь же приведем ее описание.

При расчетах учитывают две группы предельных состояний: первая – по несущей способности, ограниченной возможностями материала (дерева), вторая – по непригодности к нормальной эксплуатации (определяется ограничением бытовых условий – прогибы, колебания, трещины и т.п., что может вызвать преждевременное обрушение кровли). Условия расчета по первой и второй группам предельных состояний можно записать соответственно в следующем общем виде: $N \leq \Phi$ и

$\Delta \leq \Delta_{\max}$, где N – наибольшая нагрузка; Φ – соответственно наименьшее предельное сопротивление материала; Δ – перемещение, прогиб и другие повреждения, возникающие в результате нагрузок; Δ_{\max} – предельная деформация, перемещение, которое гарантирует нормальную эксплуатацию постройки. Нагрузки, в свою очередь, подразделяются на постоянные (собственный вес балок, вес и давление утеплителя – грунта, травы и т.п.) и временные (снеговой покров, вес людей – обычно при расчетах берут какую-то одну нагрузку: летом – вес человека, зимой – вес снегового покрова) (Русанов, 1987).

Нагрузки действуют на горизонтально лежащую балку и вертикальную поддерживающую стойку (рис. 3, а, в). Таким образом, для уточнения конструкции крыши и особенностей утепления нам нужно просчитать максимально возможные нагрузки на эти два элемента постройки. Для этого нужно знать параметры балок и стоек (длину, диаметр), а также предполагаемую нагрузку на них. Это могут быть накат из жердей, перекрытие берестой, слой травы в качестве утеплителя и грунтовая засыпка, а также временные нагрузки: снеговой покров или вес человека (как временная нагрузка принимается либо снег, либо человек в зависимости от времени года). Нагрузка рассчитывается на погонный метр путем умножения толщины покрытия на плотность материала и на максимальную высоту рассчитываемой площади, затем она умножается на коэффициент надежности по нагрузке (по СНиПам, в нашем случае составляет 1.1–1.15), который определяется значением постройки. В результате мы получаем расчетную нагрузку – эта величина не должна превышать максимально допустимую, которая определяется строительными нормами. Проверив балку по методу предельных состояний на прочность и изгиб, мы узнаем, реально было такое строение кровли или она могла выдерживать другие нагрузки. Способность балки вынести нагрузку проверяется по формуле $\sigma = M/W \leq R_u/\gamma_n$, где σ – нормальное напряжение, M – максимальный изгибающий момент (нагрузка) ($M = ql^2/8$, где q – нагрузка, а l – длина балки), W – момент сопротивления сечения ($W = \pi d^3/32$), R_u – нормальное сопротивление древесины, для древесины II сорта $= 130$ (кгс/см), γ_n – коэффициент надежности по назначению (равен 1). Эти расчеты применяются для выяснения нагрузки, которую может вынести несущая балка исходя из материала, из которого она сделана.

Расчет по второй группе предельных состояний, т.е. работа балки на изгиб, производится по формуле $F = 5/384xqI^4/EI$, где F – глубина прогиба, I – момент инерции балки, он вычисляется по формуле $I = d^4/64$. E – модуль упругости, равен 100000 кг/см², q – реальная нагрузка, рассчитанная как кгс/м погонный. Для нормальной

работы должно выполняться следующее условие: $F/l \leq 1/150$ (l – длина балки); т.е. отношение глубины прогиба к длине балки должно быть меньше установленной нормы.

Вертикальные стойки в конструкциях также проверяются на прочность. Они проверяются условием $\sigma = N/A_n \leq R_c$, где σ – нормальное напряжение, N – продольная нагрузка на стойку, A_n – площадь сечения, R_c – расчетное сопротивление древесины при сжатии. Устойчивость стержня сплошного сечения проверяют по формуле: $\sigma = N/(\phi A_{\text{расч}}) \leq R_c$, где $A_{\text{расч}}$ – расчетная площадь сечения при проверке устойчивости; ϕ – коэффициент продольного изгиба, определяемый через гибкость элемента $\lambda = l_0/i$. При гибкости элемента $\lambda \leq 70$ он вычисляется по формуле $\phi = 1 - 0.8x(\lambda/100)^2$, при гибкости $\lambda \leq 70$ – по формуле $\phi = 3000/\lambda^2$. При этом $|\lambda|$ должен быть не более 120 (СНиП II-25-80). При определении гибкости элемента $\lambda = l_0/i$ в расчет вводят приведенную (расчетную) длину – l_0 , которая зависит от характера закрепления концов стойки. Радиус инерции сечения для стойки круглого сечения $i = 0.25d$ (Русанов, 1987).

Расчеты по приведенной выше методике, проведенные на материалах жилищ саргатской культуры, показали, что на близких к предельным нагрузкам работали горизонтальные и наклонные балки, так что во многих случаях кровля была утеплена не грунтовой засыпкой, а более толстым слоем травы (Берлина, Филисюк, 2004). Нагрузки же на вертикальные стойки были небольшими, реально они могли выдерживать много больше, однако в традиции домостроительства они часто встречаются в качестве подпорок. Их наличие в таком большом количестве служило скорее всего для поддержания наклонных балок, испытывающих большие нагрузки; кроме того, они выполняли скорее всего еще и функцию скрепления конструкции, т.е. снимали часть нагрузки от кровли со стен, и обеспечивали тем самым лучшую устойчивость постройки. При использовании этой методики возможен и обратный вариант, когда рассчитывают не предполагаемую нагрузку на балку и способность ее выдержать, а, напротив, способность балки выдержать максимальную нагрузку и, исходя из этого, строить предположения относительно строения и утепления кровли.

Привлекая наряду с этнографическими данными и методы естественных наук, мы имеем возможность получать более достоверные данные о строении кровли в жилищах и постройках древнего населения, что позволяет нам более точно восстановить не только внешний вид жилища, но и другие аспекты организации жилой среды носителей саргатской культуры Западной Сибири.

Таким образом, строение построек, оставивших следы конструкции в виде ямок и соединяю-

щих их канавок, восстанавливается как из сложенных в заплот стен, на которые опиралась двух- четырехскатная кровля, утепленная травой, землей. При этом интересной конструктивной особенностью этих жилищ было то, что они практически всегда имели длинный, построенный в той же технике, что и стены, коридор. В целом постройки подобного типа менее распространены на территории Сибири, хотя пазовая техника и проще, чем срубная. Подобные постройки встречаются у хантов (Соколова, 1998. С. 29, 38), у селькупов имеется похожее по строению жилище – дом в горе (карамо), стены которого сооружались в технике заплата (при этом использовались как заплот в паз бревна, так и заплот между двумя вертикальными бревнами), а односкатная покатая кровля утеплялась слоем бересты и земли (Соколова, 1998. С. 22). Кроме того, технику заплата использовали при строительстве многоугольных домов и хакасы (Соколова, 1998. С. 125).

Четвертый тип построек представлен жилищами, от следов конструкции которых остались лишь столбовые ямки внутри котлована, расположенные по его периметру и внутри по осевым линиям, и иногда с ямками за пределами котлована. Котлованы с описанными признаками встречены на поселении Инберень-4 (жилища 1, 6), Узловском полесении (жилище 3), поселении Речкино (жилища 1–2, 4–5), СБАО (жилище 5). К ним же относятся: жилища 11 Коловского городища, жилище 1 Дуванского-6 селища, жилище 1 поселения ЮАО-6, жилище 2 ЮАО, р. 3, жилище 5а поселения Ук-3; жилище 1 и камера 2 жилища 2 поселения Ингалинка-1, жилища 1, 3 Павлинова селища; возможно, камера 3 жилища 1 Коловского-3 селища, а также большая часть построек Дуванского-2 селища.

Строение подобных построек предполагается как каркасно-столбовое, при котором на четырех и более вертикальных столбах располагалась рама, или каркас, кровли, на них опирались под небольшим наклоном мелкие жерди, расколотые пополам, и целые бревна, сверху все это могло утепляться травой, дерном. Варианты этого типа построек можно рассмотреть на ряде жилищ. Возьмем для примера жилище 3 Узловского поселения (Стоянов, 1969). Оно имело подквадратную в плане форму, в центре одной из стен был расположен выход. В углах котлована фиксировались столбовые ямки, на которых могла покояться рама. На раму могли опираться наклонные жерди, расстояние между которыми забиралось более мелкими ветками. Следы их не зафиксированы, так как они скорее всего упирались прямо в дерн, немного отступая от края котлована жилища. Поверх этого стены жилища могли утеплять слоем бересты, травы, обкладывать кусками дерна. Кровля этого жилища реконструируется как по-

логая односкатная, утепленная в той же технике, что и стены.

Другим жилищем, на примере которого можно рассмотреть подобную конструкцию, является жилище 11 Коловского городища (рис. 4, а, б). Его остатки представляли собой котлован подквадратной формы, на верхнем краю стенки которого фиксировались канавки и ямки вдоль стен (рис. 4). Это практически единственный случай, когда были зафиксированы плотно расположенные ямки по краю котлована, которые и позволили нам высказать предположение относительно строения стен. На рис. 4, пунктиром показаны примерные размеры и форма жилища 11. На полу отмечена серия ямок от каркасных столбов диаметром 15–25 см, на которые могла опираться рама и другие несущие элементы кровли. Особо нужно отметить тот факт, что детали остатков стен жилища отпечатались не в материке на полу жилища, а на краю материковой стенки котлована – да и там большая часть ямок имела небольшие размеры, т.е. отпечатались только концы бревен, стоящих в ряд. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, стены были сооружены из немного наклонных врытых бревен, которые могли утепляться травой, дерном или глиняной обмазкой, и во-вторых, относительно самого факта расположения стен за пределами котлована. Возможно, применение такого приема диктовалось соображением экономии древесины для строительства – ограждалась только наземная часть. Таким образом, здесь также встречаем наклонные стены, каркас которых одним концом упирался в землю на некотором расстоянии от края котлована, а другим – в раму, расположенную на вертикальных стойках. Кровля реконструируется как пологая, утепленная аналогично стенам. Хотя в целом в постройках данного типа могла быть и кровля так называемого дарбазного типа – у построек, где кроме стоек по краям стен не фиксируются более столбовые ямки. В целом же для таких жилищ более характерна пологая кровля, балки которой и поддерживались стойками. Жилища подобного рода напоминали по внешнему виду усеченную пирамиду (рис. 4, б, г).

В целом наблюдение, сделанное по остаткам этой постройки, позволяет высказать еще одно предположение: конструкция стен жилищ, от которых сохранился лишь котлован без следов ямок и канавок, могла располагаться за его пределами и сооружаться в любой привычной для саргатского населения технике: в заплот, срубной или той, что была зафиксирована в данном случае.

Другим источником, на примере которого можно предположить аналогичную реконструкцию, являются жилище 5 поселения СБАО (Викторова, 1976), (рис. 4, в, г) и жилище 1 поселения Дуванское-6. И хотя от следов их конструкции

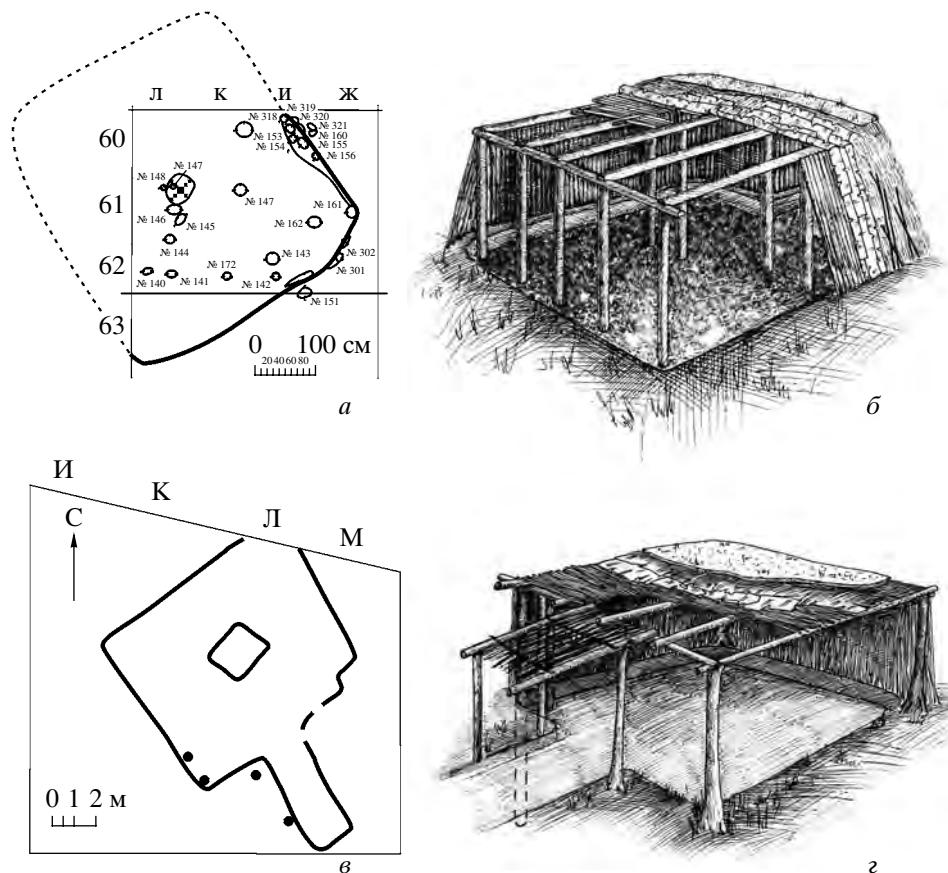


Рис. 4. а – план жилища 11 Коловского городища (раскопки Н.П. Матвеевой, 2004 г.); б – реконструкция его внешнего вида; в – план жилища 5 поселения СБАО (по: Викторова, 1976), г – реконструкция внешнего вида этого жилища.

остались по одной-две ямки в углу жилища, мы их относим к четвертому типу построек, предполагая, что носители саргатской культуры могли не только использовать при строительстве срубленные столбы, но и устраивать жилища в залесенных участках, выбирая места, где два или три дерева стоят в ряд или образуют треугольник. Спилив или срубив их на нужной высоте, оставалось вкопать (или вбить) еще один-два недостающих столба, на которые устанавливали раму-обвязку, одновременно служившую и верхней опорой стен, и каркасом кровли. Реконструкцию подобного типа жилищ представлена на рис. 4, г.

Таким образом, моделью жилища четвертого типа были постройки прямоугольной (и близкой ей) в плане формы, стены которой состояли из бревенчатого каркаса, наклонно уложенного на раму, лежащую на вертикальных стойках. Расстояние между бревнами каркаса как на стене, так и на кровле забиралось мелкими жердями, поверх утеплялись берестой, травой, дополнительно обкладывали кусками дерна. Если постройки подобных форм использовались только в летнее время, утепление дерном не требовалось.

Данный тип широко представлен в строительстве носителей саргатской культуры и был скорее всего одним из ведущих. Его основные достоинства: простота создания по сравнению с другими, экономичность в материале, и само его строительство занимало намного меньше времени. Видимо, эти свойства обусловили его широкое распространение у народов Сибири – данный тип имеет широкие этнографические параллели. Так, сходные по типу строения постройки отмечены у нганасан (Попов, 1948. С. 80), эвенов – так называемое голомо, балаган (Соколова, 1998. С. 19, 51), частично строением реконструируемая постройка напоминает угдан эвенков – также каркасно-столбовую постройку, крытую корой (Васильевич, 1961. С. 32). Подобные по строению постройки отмечены у селькупов – тяй-мат, поймот, у хантов (Народы Сибири, 1956. С. 584; Соколова, 1998. С. 37), кетов (Гурвич, 1977. С. 97, 98), юкагиров, ительменов, нивхов (то-рыв) (Таксами, 196. С. 111, 112), якутов (Ионова, 1952. С. 262, 263), широко распространены и у долган – жилища балтысак, балаган (Попов, 1952. С. 171).

Пятый тип жилищ реконструируется по следующим остаткам: это котлованы прямоугольных

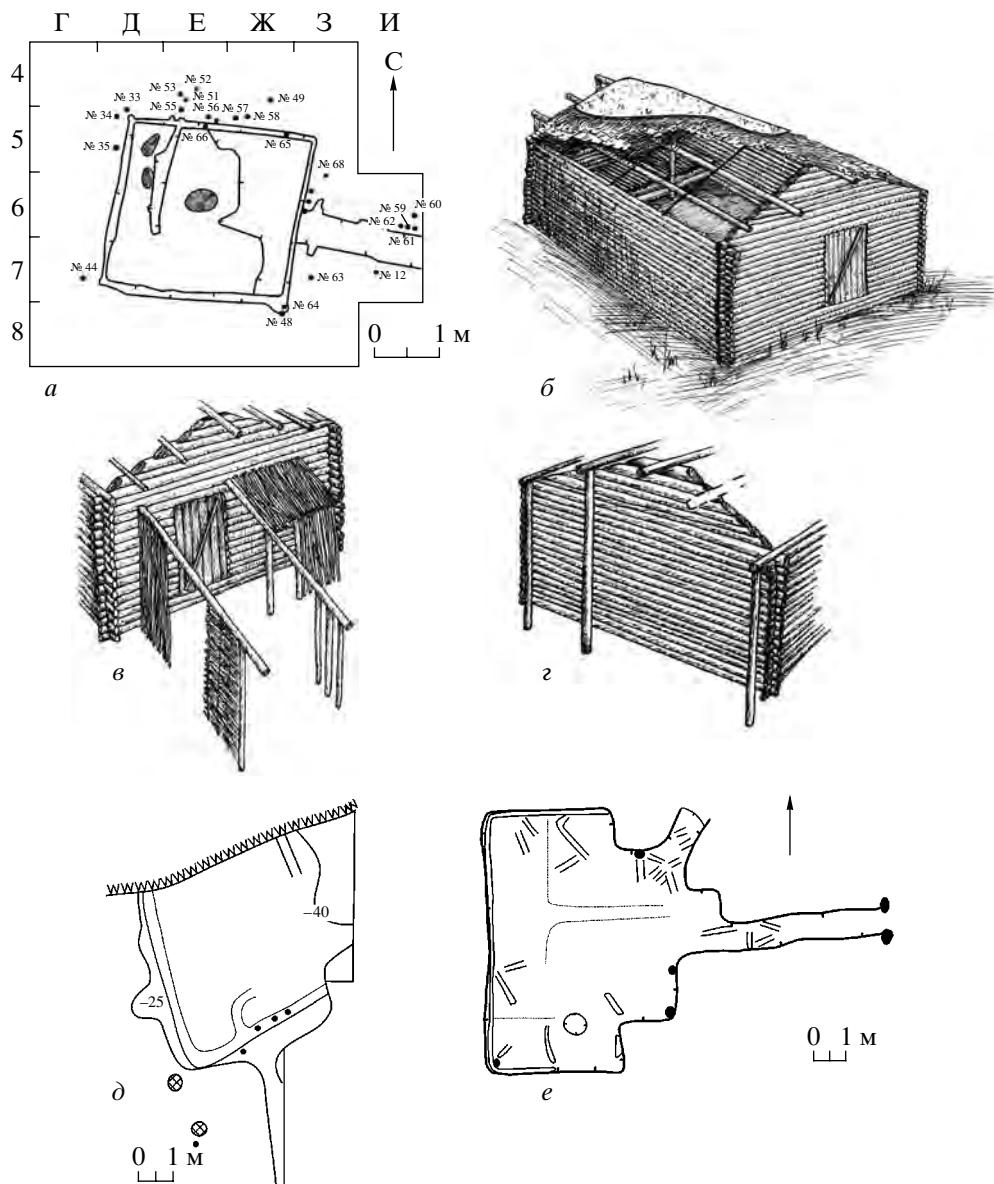


Рис. 5. *а* – план жилища 2 Узловского пос. (по: Стоянов, 1969), *б* – реконструкция внешнего вида жилища 2 узловского пос., *в* – вариант устройства входа жилища 2 Узловского пос., *г* – вид на стойки, подпирающие балки кровли жилища 2 Узловского пос., *д* – план жилища 2 пос. Чупино (по: Генинг, Корякова, 1985), *е* – план жилища 1 пос. Белоярское-12 (по: Потемкина, Чикунова, 2001).

форм, по краям которых расположены взаимо-пересекающиеся канавки, не перемежаемые ямками. Они немногочисленны и представлены камерой 1 жилища 2 Рафайловского городища, жилищем 2 Узловского поселение, жилищем 1 поселения Белоярское (рис. 5, *e*), жилищем 2 поселения Чупино (рис. 5, *d*), жилищем 1 городища Розаново, возможно, и некоторыми другими. Жилища, оставившие подобные следы, могут иметь два варианта конструкции: первый вариант – с построенными в срубной технике стенами, на которых покоялась кровля, которая, в свою очередь, могла иметь одно-, двух- или четырехскатный ха-

рактер (кровля дарбазного типа). Второй вариант – также со стенами в срубной технике, но сооруженными на высоту до двух-трех венцов, на которые могла опираться каркасная конструкция кровли предположительно в форме усеченной пирамиды.

Для восстановления внешнего вида жилища подобного типа можно реконструировать жилище 2 поселения Узловское (Стоянов, 1969), (рис. 5, *a*). Это подквадратная в плане постройка, по краям которой фиксируются канавки 10–20 см шириной. В углах постройки они имеют выступы, немного выходящие за пределы котлована, толь-

ко в одном северо-восточном углу канавки пересекаются под прямым углом и выступы не фиксируются. Скорее всего канавки остались от горизонтальных бревен нижнего оклада венца, а выступы в канавках – от выступающих их концов. В местах, где выступы были обработаны и срублены без остатка, следы их конструкции имеют вид пересекающихся под прямым углом канавок, как это было зафиксировано в северо-восточном углу. Кровля постройки могла быть двухскатной, каркас которой опирался с одной стороны на стены постройки, а с другой на горизонтальную балку, лежащую по центру на продолжающихся вверх стенах (рис. 5, г). Для этого жилища больше подходит первый вариант реконструкции, так как за пределами жилища фиксируются столбовые ямки, которые скорее всего были дополнительными опорами для балок кровли (рис. 5, г), т.е. здесь, если мы правильно установили функцию этих стоек, можем наблюдать прием увеличения кровли, которая немного выступала за стенами, что сберегало ее от сырости и увеличивало срок службы. Кроме того, в конструкции жилища в канавке от северной стенки отмечены две столбовые ямки; возможно, часть этой стены была сооружена в технике заплата или это остатки от подпорок нижнего венца в виде небольших бревен, поставленных “на попа”. Аналогии подобным постройкам можно встретить у хантов (Соколова, 1998. С. 41, 48; Народы Сибири, 1956. С. 584), шорцев, народов Алтая и шорцев (Народы Сибири, 1956. С. 340, 507).

Еще одна группа построек – шестая, выделяющаяся типологически, это котлованы без следов конструкции вообще. К ним относятся жилища 3, 4 Рафайловского городища, жилище 9 Рафайловского селища, жилище 7 городища Инберень-4, жилища 1 и 10 городища Ак-Тау. Их реконструкция весьма затруднительна, так как никакие следы построек обычно не фиксируются; скорее всего наземная их часть располагалась поверх котлована на уровне дневной поверхности и могла иметь различный характер: это могла быть срубная постройка, описанная выше, или какое-то каркасное сооружение. На данном этапе исследования лучше оставить вопрос о строении этих жилищ открытым и не выдвигать необоснованных реконструкций.

Таким образом, мы описали как минимум шесть типов построек, выделяющихся по набору признаков. Вероятно, реально типов жилищ было больше, однако процессы археологизации остатков материальной культуры не позволяют нам в полной мере говорить об этом.

На основании анализа остатков конструкции жилищ были реконструированы некоторые постройки и представлены их модели, соответствующие типам жилищ, зафиксированных у носите-

лей саргатской культуры, которые по строению существенно отличаются друг от друга. При этом следует отметить, что иногда постройки различных типов сочетались в ансамбле одного комплекса, состоящего из нескольких помещений, иногда в строении одного помещения сочетались две различные техники крепления конструкций, например рубка стены в заплот с одной стороны и рубка стены в лапу с другой стороны. Кроме того, интересно отметить, что жилища, построенные в разной технике, часто встречаются на площади одного поселения и даже в одном строительном горизонте, например жилища Коловского и Рафайловского археологических комплексов, поселения Узловского, Павлиновского городища и селища. Тот факт, что только в Барабе были обнаружены и исследованы наземные конические жилища, утепленные землей, может объясняться как своеобразием данного района, так и тем, что в других районах подобные поселения могли просто не сохраниться, будучи распаханными, вследствие чего не фиксируются характерные земляные бугры, поэтому территориально жилища этого типа могли распространяться и на большей площади.

Разнообразие строительных традиций может объясняться, во-первых, комплексным характером ведения хозяйства, при котором были необходимы вспомогательные помещения для хозяйственных нужд, во-вторых, наличием различных по характеру длительности использования и функций поселений, в третьих, на строительство большое влияние могло оказывать и наличие сырьевой базы в том или ином районе. Кроме того, большое влияние на соотношение построек различных типов в комплексе поселений могло оказывать экономическое благосостояние населения: при доказанном экономическом неравенстве и наличии нескольких страт в составе общества носителей саргатской культуры (Матвеева, 2000) оно могло иметь различное соотношение в связи с изменением погодных условий, войн, эпидемий и т.д.

В целом следует отметить, что саргатское население сохранило многие черты домостроительства эпохи бронзы, выработало собственные традиции, проявившиеся в усадебном типе застройки, соединении различных помещений в один комплекс; кроме того, следует отметить, что некоторые типы жилищ были скорее всего универсальными на территории Западной Сибири и продолжают бытовать и в наши дни.

Методические приемы, наблюдения, описанные в статье, могут быть применимы и к жилищам других регионов и эпох, так как во многих случаях присутствуют одинаковые элементы в строении, формах жилища (например, горизонтальное и вертикальное соединение деревянных конструкций жилища), а некоторые типы жилищ

были известны еще в эпохи палеолита–неолита и существуют поныне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аношико О.М.* Отчет об аварийно-спасательных работах на селище Карагужевское в Упоровском районе Тюменской области в 2005 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. 2006. № 1/49.
- Берлина С.В., Филисюк В.Г.* К проблеме реконструкции кровли древних полуземляночных жилищ (по материалам жилищ саргатской культуры) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. Тюмень, 2004.
- Брадис В.М.* Четырехзначные математические таблицы. М., 1990.
- Василевич Г.М.* Угдан – жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов // Сб. МАЭ. 1961. XX.
- Василевич Г.М.* Эвенки. М., 1969.
- Викторова В.Д.* Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
- Генинг В.Ф., Корякова Л.Н.* Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. 1985. Вып. 184.
- Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленеводов. М., 1977.
- Ионова О.В.* Жилые и хозяйствственные постройки якутов (Историко-этнографический очерк) // ТИЭ. 1952. Т. XVIII.
- Корякова Л.Н.* Поселения саргатской культуры // ВАУ. 1984. Вып. 17.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск, 2000.
- Матвеева Н.П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Исетском и Ялуторовском районах Тюменской области в 2004 г. // Архив САиЭ ИГИ. № 1/37. Тюмень, 2005.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005.
- Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. Томск, 1994.
- Полосымак Н.В.* Ранний железный век Барабинской лесостепи. Новосибирск, 1987.
- Попов А.А.* Нганасаны // ТИЭ. 1948. Вып. 1.
- Попов А.А.* Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // ТИЭ. 1952. Т. XVIII.
- Потемкина Т.М., Чикунова И.Ю.* Поселение раннего железного века Белый Яр XII // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001.
- Русанов В.М.* Строительные конструкции зданий и основы их расчета. М., 1987.
- Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Система жизнеобеспечения // Матер. к серии “Народы и культуры”. Вып. XXII. М., 1992.
- СНиП II-25-80 Ч. 2. Деревянные конструкции. М., 1982.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.
- Стоянов В.Е.* Узловское поселение // Археологические памятники ишимской лесостепи. Отчеты уральской археологической экспедиции 1963–1964 гг. Свердловск, 1969.
- Таксами Ч.М.* Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середина XIX – начало XX в.) // ТИЭ. 1961. Т. LXIV.
- Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

On the types of dwellings of the Early Iron Age population in the West Siberian forest-steppe (based on the materials of Sargat culture)

S. V. Berlina

Summary

The article analyzes the materials from Sargat dwellings and identifies six types of dwellings based on sets of specific features. It describes the building techniques and presents reconstructions of the dwellings, for which exact science methods have been used. As it has been established, the sites contained several types of structures which could have formed many-chambered dwelling complexes. The reason for the variety of architectural concepts and building techniques can be found in the different functional purposes of the structures as well as in the social heterogeneity of the population.

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР ИЗ РАСКОПОК С.И. СЕРГЕЕВА В ГНЁЗДОВО

© 2009 г. В. В. Новиков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Среди находок металлических элементов оголовий, выполненных в одном из скандинавских орнаментальных стилей, на территории Древней Руси есть уникальный случай обнаружения полного набора, когда сохранились не только металлические элементы украшения ремней, но и кожаная основа уздечки. Это находка из раскопок на территории Гнёздовского археологического комплекса. У исследователей особую сложность вызывает выделение из общего массива металлических накладок тех, которые украшали уздечные ремни, от поясных украшений. Особая ценность гнёздовского набора заключается и в конкретной принадлежности нескольких типов накладок и украшений именно к оголовью коня. Степень сохранности и исключительная красота позволили многим авторам уверенно называть его лучшей уздечкой скандинавского происхождения на территории Древней Руси (Кирпичников, 1973. С. 26).

За более чем столетний период исследований в Гнёздово было обнаружено около 20 уздечных наборов, которые представлены в основном разнообразными металлическими украшениями ремней оголовья различной степени сохранности. Это максимальное количество оголовий скандинавского типа, сконцентрированных на одном памятнике на территории Древней Руси. Однако уздечка из так называемого комплекса № 97, обнаруженного еще в 1899 г. С.И. Сергеевым, одним из первых исследователей памятника, занимает особое место. Впервые изображение оголовья опубликовано в работе В.И. Сизова среди фототипий вещей, обнаруженных в ходе раскопок в Гнёздово (1902. Табл. XII, 1). Им же сделано подробное описание находки и указаны некоторые аналогичные бляшки в других курганах (Сизов, 1902. С. 41). Кроме того, упоминание об этой уздечке можно обнаружить в работе А.А. Спицына, который издал четырехлетние результаты полевой работы С.И. Сергеева в Гнёздово. Он, между прочим, отметил, что одна аналогичная бляшка происходит из кургана 65/7 1900 г. (Спицын, 1905. С. 12, 23, 54). Автор публикации не смог связать эту находку с каким-либо из исследованных курганов и отнес ее к так называемому комплексу № 97, в котором оказались объединены все предметы из различных разрушенных гнёздовских курганов и случайных находок.

Внимание на это оголовье обратил А.Н. Кирпичников, который дал подробное описание находки, подчеркнул ее исключительный статус и предложил общую реконструкцию. Согласно его подсчетам, первоначально в состав уздечки входило 100–110 накладок вместе с налобным украшением. Он же впервые отнес эту уздечку к конкретному комплексу “кургана № 67(7)”, раскопанному С.И. Сергеевым в 1900 г. Это заключение автор сделал на основании публикации А.А. Спицына (Кирпичников, 1973. С. 25). Необходимо отметить, что в его работу закраилась ошибка или опечатка, так как номер этого кургана в сквозной нумерации А.А. Спицына – 65(7). Сопутствующие находки из этого кургана и скандинавский орнаментальный стиль Борре позволили исследователю отнести ее к X в.

Отдельные металлические украшения этой уздечки рассмотрены В.В. Мурашевой, которая также относит ее к курганному комплексу 65(7) 1900 г. Однако в классификацию ременных накладок ею из этого набора включены только два вида накладок и один наконечник ремня, которые рассматриваются в качестве украшений поясов, а не деталей уздечного набора. Отмечено, что аналогии этим накладкам можно обнаружить в курганах Швеции и Норвегии (Мурашева, 1998. С. 154–156; 2000. С. 49, 67).

Несмотря на явный интерес к гнёздовской уздечке, до сих пор оставались не решенными некоторые важные задачи. На первый план выступает задача более детального описания оголовья в целом и рассмотрения отдельных его элементов (особенности формы и орнамента металлических накладок и налобного украшения; конструкции кожаных ремней оголовья) с привлечением аналогий. Вторая задача – определение принадлежности уздечки к конкретному курганному комплексу, опираясь на архивные документы и дневниковые записи С.И. Сергеева. Третья – уточнение времени бытования этого ременного набора.

Оголовье состоит из кожаной основы – ремня, двух видов металлических накладок, наконечников одного вида и налобного украшения – подвески в виде головы дракона, общее число которых составляет 49 экз. (рис. 1, 1). Общая длина сохранившихся частей кожаных ремней оголовья составляет 67.5 см. Несмотря на хорошую сохран-



Рис. 1. Курган 65(7) 1900 г. из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздово: 1 – общий вид уздечки; 2 – план погребения.

ность, очевидным является лишь то, что оно состояло из суголовного, нащечного, налобного и подбородочного ремней. Остается открытым вопрос об использовании в данной конструкции пряжек для фиксации подбородочного ремня, которые не были обнаружены или не использовались, так как могли быть заменены простым узлом или сплошным ремнем. Важно отметить и ряд технических деталей, характерных для уздечных ремней. В первую очередь – двойная конструкция ремня, что явно сделано для придания ей дополнительной прочности и призвано было предохранять накладки от скорого выпадения и, вполне вероятно, для предохранения лошади от мелких травм из-за выступающих креплений накладок. Ширина ремня – 1.5–1.6 см при толщине одного ремня 0.4–0.5 см, что дает конструкцию общей толщиной до 1 см.

В Гнёздово имеется еще один пример хорошей сохранности кожаной основы уздечки в условиях камерного погребения в кургане Ц-191 1976 г. Ремни данной уздечки также двойные, составленные из двух полосок кожи, но не сшитые друг с другом – крепление осуществлено за счет штифтов накладок. В качестве сравнения конструкций кожаной основы оголовья можно использовать фрагмент уздечного ремня из кургана в Борре, Норвегия. Он также двойной, ширина верхнего ремня достигает 1.9–2 см, нижний, более тонкий, имеет ширину 1.6–1.7 см и пришит при помощи нити (Müller-Wille, 1986. S. 156). Вполне очевидно,

двойные конструкции ремней в различных вариантах исполнения являются достаточно распространенными как в Древней Руси, так и в Европе.

Все металлические элементы оголовья украшены в одном из скандинавских орнаментальных стилей периода викингов – стиль Борре. Свое название он получил от местечка Борге (Vestfold) в Норвегии, где в 1852 г. было раскопано погребение в ладье. Ярким примером разнообразия стиля Борре послужили украшения уздечного набора, обнаруженные в этом погребении, датируемом первой половиной X в. (Müller-Wille, 2001. S. 246). В настоящее время существует две основные датировки стиля Борре. С.Х. Фуглезанг относит его к периоду 875–950 гг., согласно Д. Вильсону, – 850–980 гг. (Müller-Wille, 2001. S. 215–250).

Все накладки, наконечники ремней и налобное украшение выполнены из медного сплава, покрытого позолотой при помощи литья по восковой модели (любезная консультация Н.В. Ениосовой и В.В. Мурашевой).

Накладки на ремни оголовья, имеющие квадратную форму, делятся на два вида. Первый (38–40 шт.) – обратная сторона плоская, фон углублен, край оформлен в виде гладкого ободка, в составе ободка в углах кружочки, внутри ободка орнамент: ленточное плетение и характерная головка животного в фас, вынесенная в верхнюю часть пояса. Сзади крепления в виде штифтов с шайбочками. Размер – 1.2 × 1.2 см (рис. 2, 1–3).

Подобные накладки известны в Гнёздово: курган 23 из раскопок И.С. Абрамова (Ольшанская группа) – 8 шт. и один из курганов 41, раскопки В.И. Сизова 1885 г. (Центральная группа) – 5 шт. (Спицын, 1906. С. 204; ГИМ. Оп. 1758 (к. 20), № (44–81?). Несколько случайных находок происходят с территории Тимеревского археологического комплекса, одна – из района Суздаля, а одна откуда-то с Северо-Запада. Размеры накладок – от 1.2 до 1.5 см, степень четкости орнамента также не одинакова (рис. 2, 1, 4, 5). Некоторые из них имеют следы ремонта. Утерянные штифты были заменены новыми путем просверливания плоскости бляшки в трех или четырех местах. Ремонт обычно осуществлялся не затрагивая места, где размещались старые крепления (рис. 2, 5). Подобная ситуация может свидетельствовать и об активном использовании этих предметов, и о плохом качестве металла. Это также и свидетельство бережного отношения к наборам.

Обращает на себя внимание один экземпляр, обнаруженный в Гнёздово случайно. С обратной стороны пластина имеет бортик, загнутый вниз. Подобная особенность не характерна для вещей скандинавской группы, а является отличительной чертой волжско-болгарской школы (Ениосова, 1999. С. 245–253). Следует, однако, заметить, что подобные отличительные черты, видимо, не яв-

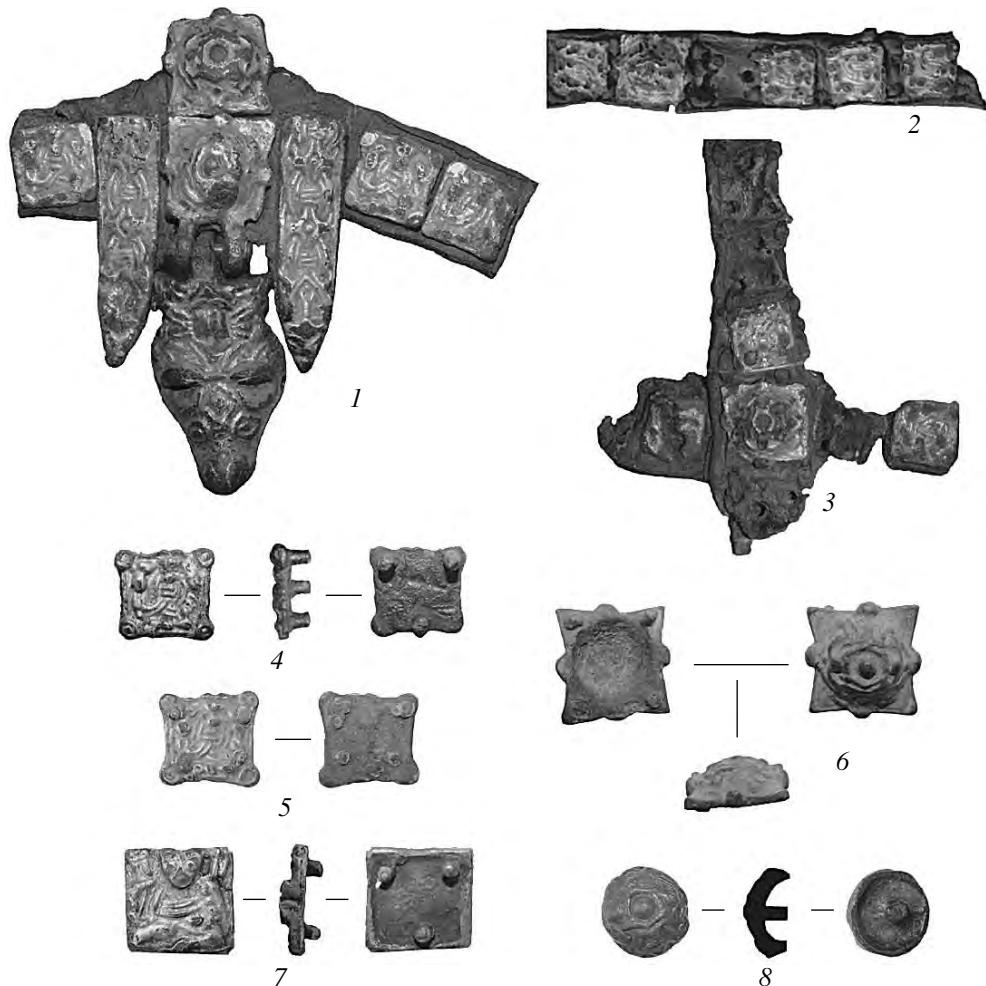


Рис. 2. Фрагменты уздечки из кургана 65(7) в Гнёздово (1–3) и накладки из случайных находок (4–8): 1 – налобное украшение; 2 – нащечный ремень оголовья с двумя видами накладок; 3 – пересечение налобного и нащечного ремней с двумя видами накладок; 4 – Северо-Запад; 5 – Тимеревский археологический комплекс; 6 – Никольское, Вологодская обл.; 7 – Гнёздово; 8 – Белоозеро.

ляются строго определяющими для свидетельства о происхождении техники изготовления накладок и первостепенным остается использование того или иного орнамента для украшения накладки (рис. 2, 7).

Аналогичные по форме и орнаменту бляшки обнаружены в составе уздечного набора в кургане Скопинтул в Швеции, где их насчитывается около 49 (Rydh, 1936. S. 117, 118). Три накладки найдены в Борре, Норвегия, где они также относятся к уздечному набору и располагаются на двойном ремне (Wilson, 1980. P. 14. Pl. XXVII). В кургане по обряду трупосожжения могильника Ире на о-ве Готланд обнаружено 12 подобных бляшек в составе уздечного набора, в сочетании с распределителями ремней для оголовья и рядом других предметов (Stenberger, 1961. S. 44).

Второй вид накладок (6 шт.) – обратная сторона плоская, фон углублен, край оформлен в виде

гладкого ободка, в состав которого входят четыре симметрично расположенных пuhanсона, орнамент – ленточное плетение. Крепления в виде штифтов с шайбочками. Размер – 1.5 × 1.5 см (рис. 2, 1–3). Две накладки входили в состав налобного украшения оголовья, при этом одна выполняла функцию крепления для подвески. Она была снабжена двумя петлевидными выступами, куда была вставлена штанга, к которой привешивалась подвеска в виде зооморфной головки. Остальные были закреплены на пересечении и в центре ремней, увеличивая степень жесткости конструкции кожаной основы оголовья.

Одна подобная накладка происходит также из гнёздовского кургана 23 из раскопок И.С. Абрамова в 1905 г. (Ольшанская группа). Остальные находки имеют случайный характер. В районе Белоозера (на Крутике), а также в Вологодской области обнаружено два налобных украшения,

аналогичных гнёздовскому, где подобные накладки входят в состав комплекта в качестве крепления (рис. 3, 4). В районе с. Никольское в Вологодской области найдена подобная накладка, но без креплений, вероятнее всего, использовавшаяся на пересечении ремней (рис. 2, 6). Один из интересных вариантов этого вида накладок обнаружен также в районе Белоозера. Ее особенность – в копировании только выпуклой полусферической части, выполненной, по всей вероятности, путем оттиска в глиняной форме. Использовался ли такой вариант в качестве узечного элемента, ответить затруднительно вследствие случайного характера находки. Крепление в виде одного штифта у нее располагалось в центре (рис. 2, 8). Такой способ крепления, к примеру, имеют узечные накладки из погребения в Хедебю на севере Германии (Wamers, 1994. S. 24).

В качестве аналогии можно указать две накладки из узечного набора в кургане Скопинтул в Швеции (Rydh, 1936. S.118). Набор из Борре в Норвегии также обладает схожими накладками с выпуклой полусферой в центре (Müller-Wille, 1986. S. 159). Близкими по исполнению являются накладки из могильника Левиде на о-ве Готланд (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 266, t-x; 267).

Наконечники ремней (2 шт.) имеют вытянуто-заостренную форму, верхний край прямой, нижний заострен, обратная сторона плоская, фон углублен, основа орнаментальной композиции – ленточное плетение, в составе которого имеются ромбы, в нижней части – маска животного в фас. Крепление в виде штифтов с шайбочками или с использованием подложенной дублирующей пластины. Размер – 3.9 × 1 см (рис. 2, 1). Эти наконечники входили в состав налобного украшения. В Гнёздово обнаружено еще два аналогичных наконечника (рис. 3, 2) в кургане 74(16) 1900 г. из раскопок С.И. Сергеева (Ениосова, Мурашева, 1998. С. 44. Рис. 2). Идентичный наконечник входит в состав налобного украшения схожего узечного набора из Белоозера, находка на Крутике (рис. 3, 1). Аналогии этим наконечникам – в узечном наборе из кургана Скопинтул в Швеции (Rydh, 1936. S. 118). Кроме того, в Гнёздово, курган 41 из раскопок В.И. Сизова 1885 г. (Сизов, 1902. Табл. III, 4), обнаружен схожий по размеру и орнаментации предмет, но он выполнен в виде сдвоенного наконечника (рис. 3, 3). Аналогичный – в узечном наборе из Борре (Müller-Wille, 1986. S. 159).

Налобная подвеска (1 шт.) в виде головы дракона имеет плоскую обратную сторону, углубленный фон, голова с заостренными ушками, глазами с выделенными надбровными дугами и подчеркнутыми ноздрями. Вся поверхность покрыта плетеным ленточным орнаментом. Обратная сторона головки полая, и в центре на штанге свободно закреплена нижняя челюсть, которая при дви-

жении лошади имитировала разевающуюся пасть. Между ушами головки расположено крепление в виде выступа с петлей, в которую пропущена штанга. Подвеска во всех случаях прикреплялась к квадратной накладке с выпуклой полусферой, которая с одной стороны имеет две петли, через которые и пропущена штанга. Размер – 3.1 × 1.8 см (рис. 2, 1).

Зооморфные подвески к ремням оголовья – интересная группа предметов, так как не только является убедительным свидетельством характера ременного набора в составе погребального инвентаря, но и выражением культурных традиций тех или иных регионов. Своебразная уникальность этих подвесок заключается в том, что, являясь примером скандинавского орнаментального стиля Борре, подобные предметы до настоящего времени не отмечены на территории Скандинавии.

Нам известно три случая обнаружения идентичных привесок на территории Древней Руси, которые происходят из района Белоозера (рис. 3, 4), Гнёздово и Вологодской области. Единственным отличием является отсутствие нижней челюсти подвески-головки из Гнёздово, которая могла быть утрачена в древности.

Еще один вид привески в виде головы дракона, иной по исполнению, но схожий по сути, происходит из кургана 706, исследованного возле с. Шугорь А.С. Уваровым. Размер головки достигает 7.1 × 2.2 см, т.е. почти в 2 раза больше гнёздовской. Она также выполнена из медного сплава, покрыта позолотой и украшена рельефным ленточным плетением. Челюсти дракона сомкнуты и с обратной стороны имеют ленточное оформление по краям. Четко выделяются зубы оскаленной пасти. Голова имеет также закругленные и приподнятые уши, миндалевидные глаза с подчеркнутыми бровями и надбровными дугами. В центре головки расположена дополнительная маска с круглыми глазами и раскрытым пастью. К подвеске примыкает подпрямоугольная орнаментированная пластина. На краю пластины помещено еще одно характерное изображение головки животного в фас. Подобные миниатюрные головки зафиксированы на квадратных позолоченных накладках в стиле Борре, широко представленных как в Скандинавии, так и в Гнёздово и ряде других древнерусских памятников. С обратной стороны на пластине фиксируются следы четырех заклепок, при помощи которых она и прикреплялась к кожаной основе. Сама головка полая и имеет вид своеобразной коробочки. Часть нижней пластины утрачена (рис. 3, 5).

К сожалению, установить точно, откуда пришли на территорию Древней Руси или кем были произведены описанные привески, не представляется возможным. На мой взгляд, характер орнаментации и качество исполнения свидетельствуют

ют скорее всего о том, что это продукт скандинавских мастеров. Смущает лишь тот факт, что подобные “свободные” привески не характерны для территории Скандинавии. Вероятно, перед нами своеобразный синкретизм скандинавской школы производства ременной уздечной гарнитуры и идей, подсмотренных мастерами на Востоке или в Венгрии, где разнообразные “свободно” свисающие привески достаточно распространены. В качестве примера можно указать на схожие по типу накладки, относящиеся, правда, к немногим более позднему времени, обнаруженные в составе уздечных наборов в погребениях по обряду трупоположения *in situ* у с. Ново-Каменка, Первоконстантиновка (Кубышев, Орлов, 1982. С. 238–246), Новомихайловка в Херсонской области (Толочко, 1999. С. 69) или набор из Гаевки (Кирпичников, 1973. С. 26–28). В Венгрии подобный элемент украшения уздечного набора происходит, предположительно, из мужского погребения высокого социального статуса (The ancient Hungarians, 1996. Р. 393, 394. Fig. 3).

Неясность принадлежности рассматриваемого оголовья из Гнёздово к конкретному курганному комплексу оставляла нерешенной серию вопросов о дате набора, возможном происхождении, а также погребальном обряде кургана, в котором он мог бы содержаться. До настоящего времени существовало две версии принадлежности узды к определенному курганному комплексу. Первая связывает происхождение этой уздечки с неким погребением по обряду трупоположения. На это указывает превосходная сохранность кожаных ремней и отсутствие следов пребывания их в огне. Это наиболее простая версия, так как опирается исключительно на визуальную оценку состояния предмета и на публикацию А.А. Спицына, где находка внесена в список предметов из разрушенных курганов – так называемый комплекс № 97 (Спицын, 1905. С. 54).

По второй версии, уздечка могла происходить из кургана 65(7) 1900 г., сооруженного по обряду трупосожжения в несколько этапов. Однако среди погребального инвентаря находилась серия предметов, не побывавших в огне. К такому выводу можно прийти, внимательно ознакомившись с материалами дневниковых записей и отчетов, предоставленных С.И. Сергеевым в Археологическую комиссию. Впервые эта точка зрения была высказана В.А. Булкиным. Ссылаясь на публикацию А.А. Спицына, автор дал описание кургана, особенности его конструкции и сооружения. Анализируя состав инвентаря этого погребения, он пришел к выводу о том, что погребение, вероятнее всего, было совершено в ладье, с последующим размещением инвентаря, в частности котла с головой барана и шерстью, уздечки, стремени и топора, уже после прогорания погребального костра. По мнению автора, погребение было жен-

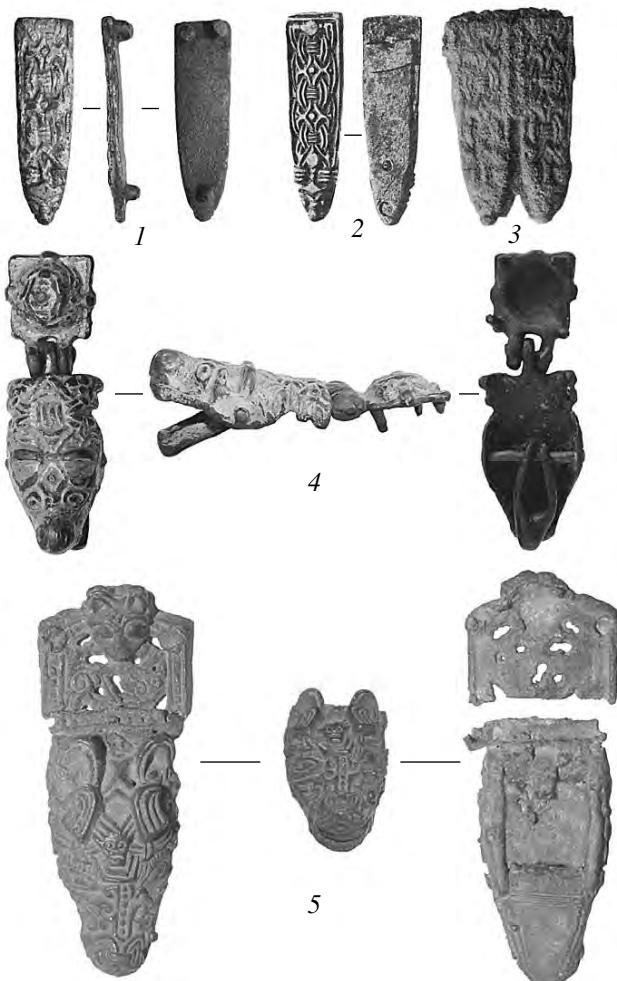


Рис. 3. Ременные наконечники (1–3) и налобные украшения (4, 5): 1, 4 – Белоозеро, случайная находка; 2 – курган 74(16) 1900 г. из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздово; 3 – курган 41 1885 г. из раскопок В.И. Сизова в Гнёздово; 5 – курган 706 у с. Шугорь из раскопок А.С. Уварова.

ским и скорее всего одиночным, дата его сооружения определена в рамках второй половины X – первой половины XI в. (Булкин, 1975. С. 81–84).

В этой ситуации необходимо обратиться к первоисточникам и более детально разобраться с версией о происхождении уздечки, опираясь на полевые описи и дневники С.И. Сергеева, и сравнить их с более поздней публикацией А.А. Спицына. На первый взгляд разногласий в описании кургана нет. Однако список находок С.И. Сергеев, в отличие от А.А. Спицына, не включил в описание погребения, а дал отдельно. Сравнивая описание предметов в публикации А.А. Спицына, входящих в состав этого кургана, с дневниковой записью С.И. Сергеева, сделанной им самим о кургане 7, и описью, которую он сдал в архив, можно обнаружить следующую деталь. В описи

под номерами 52 и 53 фигурируют следующие предметы, обнаруженные в кострище кургана: “№ 52 – бляшка медная с рисунками от ремня уздечного; № 53 – бляшка бронзовая (с рисунком человеческого лица и 4-мя шпеньками)” (Архив ИИМК. 1899. Д. 106. Л. 39 об.–40 об.). Это дает нам указание на бляшки от некоего уздечного набора, обнаруженного рядом ранее. В своей публикации А.А. Спицын не упустил из внимания эти бляшки, однако не опубликовал их рисунки, отослав читателя к монографии В.И. Сизова (1902. Табл. XII, 1), где были опубликованы фототипии вещей. На указанной таблице под этим номером – как раз изображение бляшки уздечного набора из “комплекса № 97”.

Далее в той же описи под номерами 19–21 зафиксированы следующие находки: “№ 19 – часть уздечки и куски от нее, украшены бляшками с узором и фигуркой звериной головы; № 20 – топор; № 21 – стремя”. Рядом с ними сделана приписка рукой С.И. Сергеева о том, что эти вещи происходят “из траншеи балластного карьера рядом с курганом № 7, земля из которого заготовлена для насыпки в вагоны” (Архив ИИМК. 1899. Д. 106. Л. 39 об.–40 об.). В описании самого кургана в дневнике четко указано, что он потревожен с южной стороны траншееей. Вполне очевидно, что именно из этой траншееи и происходят находки топора, стремени и уздечки, аналогичные бляшки которой были обнаружены С.И. Сергеевым в процессе раскопок кургана 7.

Совокупность изложенных фактов может уверенно свидетельствовать в пользу принадлежности уздечки к кургану 65(7) 1900 г., который располагался в Центральной курганной группе. Он содержал многочисленный инвентарь погребения по обряду трупосожжения, которое было произведено на месте возведения насыпи. В диаметре курган достигал 27.6, а в высоту 1.7 м. Его вершина представляла собой плоскую площадку, склоны были крутыми.

Курган возводился в два этапа. Первоначально была сооружена площадка на подсыпке, которая послужила основанием будущей насыпи. На подсыпке высотой 70–80 см и было впоследствии произведено сожжение. Опираясь на список находок из этого кургана, можно предположить присутствие погребальной ладьи, в которую был положен умерший или умершая. На это указывают находки целых корабельных заклепок общим количеством до 200, длинных гвоздей – 4 (Стальберг, 1998. С. 279). Кроме того, С.И. Сергеев упоминает о большом количестве обломков в виде стержней и кусков железа на кострище. Дополнительным свидетельством может служить овальная форма кострища, которая достигала в длину 17 и в ширину 10.5 м. В ладью или около нее были помещены жертвенные животные и птицы в сле-

дующем сочетании: конь, птица, баран. Они реконструируются на основании обожженных и необожженных костных останков. Известно, что животные в скандинавском погребальном обряде выполняли функцию медиаторов или сопровождающих в потусторонний мир. Кроме того, части необожженных костей могли быть и остатками ритуального пира.

После сожжения ладьи с погребенными и разнообразным инвентарем на кострище был зарезан баран, голову которого положили в медный котел. Вокруг котла установили три урны с пережженными костями и кусками гребня. Котел и урны стояли на шкуре барана, на которую дополнительно бросили железную гривну с привесками, ткань (обрывки золотой канители) и цепочку. Вероятно, в это же время в южную часть на кострище были положены уздечка, топор и стремя.

Все находки, согласно дневниковым записям, происходят из южного сектора кургана. Этот сектор и был потревожен траншееей балластного карьера на 1 или 2 (здесь данные в дневнике и описи расходятся) сажени, что равняется 2.1 или 4.3 м. Скорее всего уздечка, топор и стремя могли попасть в траншеею из погребального инвентаря. В данной работе я придерживаюсь второй версии и включаю их в комплекс предметов, которые происходят из кургана 65(7) (рис. 1, 2). В пользу этого свидетельствует и схожий с другими гнёздовскими курганами погребальный обряд, когда вещи помещались на кострище уже после сожжения. В качестве примера можно привести курган 41 из раскопок В.И. Сизова в Центральной курганной группе 1885 г. (Ширинский, 1999. С. 105–107). Подобная ситуация наблюдается и в кургане 74(16) 1900 г. из раскопок С.И. Сергеева и ряда других (Спицын, 1905. С. 46–48).

Комплекс находок из кургана 65(7) представлен разнообразными предметами (табл. 1). Все они в совокупности (топор, стремена, уздечный набор, бусы, овальная фибула и пр.) позволяют предположить парный характер погребения – мужчина и женщина. В.А. Булкин склоняется к версии о женском погребении. В этом вопросе автор ссылается на то, что подобные вещи могли встречаться как в мужских, так и в женских захоронениях (Булкин, 1975. С. 83). На мой взгляд, погребение было скорее всего парным, так как уздечный набор и топор – предметы, характерные для погребения мужчины.

Курган 65(7) можно сравнить с некоторыми большими курганами Северной Европы. В Скандинавии подобные курганы связывают с “королевскими”, “княжескими” или погребениями “малых конунгов” (Борре, Адельсо, Упсала, Йеллинг и пр.). В Норвегии и Швеции насчитывается около 550 подобных насыпей. Связь эта отмечена многими исследователями (Петрухин, 1998. С. 361–369).

Таблица 1. Комплекс находок кургана 65(7) 1900 г., Гнёздово

Описание и предметы в кургане	Характеристика	Датировка
Форма	Круглый	
Вершина	Плоская	
Диаметр, м	27.69	
Высота, м	1.78	
Кострище, м	17 × 10.5	
Обряд	Трупосожжение	
Погребенные	Мужчина + женщина	
Группа	Центральная группа	
Кости человека	+	
Кости лошади	+	
Кости барана	+	
Кости птицы	+	
Обожженные кости	+	
Котел листовой медного сплава	С головой барана и шерстью	
Узечка	+	Конец IX – начало X в.
Стремена	2 шт.?	IX – начало XI в.
Топор	+	X – начало XI в.
Заклепки корабельные	200 шт.	Конец IX – конец X в.
Горшки круговые	3 шт.	Не ранее 30/50 годов X в.
Бусы	+	Середина – вторая половина X в.
Фибулы	Скандинавского типа 51	
Гривны	+	Конец IX – начало X в.
Гребни	2 шт.	IX–X вв.
Пряслица красного и серого шифера	2	Не ранее середины X в.
Шипы ледоходные конские	+	
Ларец, сундук	+	
Кресало	+	
Оселок	2–3 шт.	
Гвозди	+	
Гирьки	+	
Весы		
Поясной набор	+?	
Ткань	+	
Пуговицы	+	
Слитки серебра и золота	+	
Слитки стекла	+	
Кольцо серебряное	+	
Жгуты из серебряной проволоки	+	
Подвеска медного сплава	+	
Подвеска медного сплава в виде колокольчика	+	
Игла с ушком	+	

Таблица 2. Сравнение курганов из Борре 1852 г., Адельсо 1919 г. с курганом 65(7) 1900 г. из Гнёздово*

Описание	Борре	Адельсо	Гнёздово
Диаметр, м	50	22	27.65
Высота, м	9	3	1.78
Обряд	Трупосожжение	Трупосожжение	Трупосожжение
Погребенные		м/ж	м/ж
Дополнительные конструкции		Каменное перекрытие	
Кости человека	+	+	+
Кости лошади	+	+	+
Кости барана		+	+
Кости птицы			+
Кости быка		+	
Кости собаки	+	+	
Обожженные кости	+	+	+
Уздечка	+	+	+
Шипы ледоходные конские	+		+
Стремена	+		+
Удила	+		
Седло	+		
Топор	+		+
Скрамасакс	+		
Котел	?	С бараном	С бараном
Заклепки/Корабль	+	+	20 шт.
Гвозди		+	+
Поясной набор		+	
Гривны		+?	
Горшки и т.п.	?	+	+
Бусы	+	+	+
Фибулы			+
Гребни		+	+
Слитки серебра и золота		+	+
Слитки стекла			+
Сундук	+	+	+
Оселок			+
Кресало			+
Пряслица	+		+
Ткань		+	+
Пуговицы			+
Монеты		+	
Гирьки			+
Прочее	+	+	+

* Темными горизонтальными полосками выделены идентичные для всех курганов в целом позиции по особенностям конструкций и предметов, обнаруженных в погребениях.

Для более детального сравнения можно привести в качестве примеров курганы из Борре и Адельсо. Подобный выбор обусловлен наличием в их составе, кроме всего, узденческих наборов с аналогичными накладками на кожаные ремни оголовья (табл. 2).

По размеру близок к гнёздовскому курган из Адельсо – его диаметр колебался в пределах 22–23 м при высоте 3 м. Курган из Борре имел более внушительные размеры и достигал в диаметре 50 м при высоте 9 м. Для всех трех курганов зафиксирован обряд трупосожжения в ладье, с со-

проводжением жертвенных животными – лошадьми, собаками, птицей и др. Для всех погребений характерно размещение на кострище после совершения сожжения предметов, не побывавших в огне. В курганах из Адельсо и Гнёздово на кострище были помещены котлы вместе с фрагментами барана и шкурой. В Адельсо в котле присутствуют даже фрагменты человеческих волос – ритуальная жертва от живых мертвому. На кострище обнаружены и аналогичные по набору накладок ремни оголовий – уздечные наборы. Во всяком случае, в Борре это совершенно очевидно, так как здесь сохранились фрагменты кожаных ремней, так же как в Гнёздово. Имеются и другие предметы, общие для всех трех погребений, – фрагменты золотого позумента одежды, бусы, гребни, пряслица, фрагменты сундуков, гривны, в двух случаях (Борре, Гнёздово) обнаружен топор и металлические оковки щита и др. Конское снаряжение в Гнёздово и Борре также представлено находками стремян. Кроме того, в Борре обнаружены фрагменты повозки. Во всех курганах погребения были парными или имели более двух человек, но обязательным во всех случаях было присутствие мужчины и женщины. Подобная ситуация еще раз доказывает, что в Гнёздово имеются курганы, тесно связанные погребальной традицией с курганами Средней Швеции и Норвегии. Вероятно, не следует отрицать и особый статус погребенных в кургане 65(7) людей.

Одним из ярких литературных примеров, иллюстрирующих особую связь больших курганов и конского снаряжения, можно найти в саге об “Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков”, где повествуется о встрече Асмунда и Арана, последний был сыном конунга Татарии. Он внезапно умирает, и Асмунд, согласно договору, сооружает погребение. Тело по обычаям обрядили и возле него разместили коня вместе с уздой и седлом, а также стяги и оружие, сокола и пса, которые принадлежали покойному. Аран был посанжен в кресло в полном воинском облачении. Очевидно, что речь идет о погребении по обряду трупоположения в камере. Однако для нас важным является подтверждение наличия конской сбруи в составе погребения знатного человека, имевшего особый социальный статус или наделенного властью.

Датировать уверенно курганы из Гнёздово – задача крайне сложная, тем более что преобладающим был обряд трупосожжения, при котором значительная часть комплекса либо утрачивается, либо оказывается фрагментированной, что затрудняет точное определение даты его сооружения. В большинстве случаев предметы позволяют нам датировать само погребение только в рамках столетия. Особенно важно датирование курганных комплексов в свете проблемы нижней даты начала существования Гнёздовского археологи-

ческого комплекса, а также времени сооружения так называемых больших курганов, к которым относится и комплекс 65(7) 1900 г.

В нашем распоряжении имеется серия предметов из этого погребения, которая может уточнить время сооружения кургана, вернее, периода, ранее которого он не мог быть сооружен. Опираясь на типологию предметов вооружения и снаряжения коня и всадника, разработанную А.Н. Кирпичниковым, мы можем датировать стремена или стремя, а также топор, которые обнаружены в траншее балластного карьера. Топор относится к типу IV и датируется X – началом XI в. (Кирпичников, 1966. С. 29). Все стремена, которые происходят с территории Гнёздовского археологического комплекса, относятся к типу I, по А.Н. Кирпичникову, и существуют в рамках IX – начала XI в. (Новиков, 2004. С. 22).

Железная гривна и кресаловидная привеска имеют широкие рамки бытования. Наибольшая частота применения железных гривен выпадает на конец IX – начало X в. с последующим повсеместным использованием в течение столетия (Новикова, 1991. С. 175). Кресаловидная привеска относится к наиболее распространенному в Скандинавии типу амулетов. Подобные привески существуют от второй половины IX – начала X в. вплоть до середины XI в. (Новикова, 1991. С. 185). В составе инвентаря обнаружено пряслище розового или красного шифера. Подобные пряслица, согласно исследованию Б.А. Рыбакова, распространяются на территории Древней Руси не ранее середины X в. (1948. С. 194–198).

В статье о гнёздовских бусах обращено внимание на 6–8 экз. стеклянных бус из этого комплекса. Авторы отметили их явное скандинавское происхождение и датировали серединой – второй половиной X в., но не позднее первой четверти XI в. (Лихтер, Щапова, 1991. С. 252). На фрагментах двух или более роговых гребней отчетливо виден орнамент в виде косых ромбов, выполненных двойной линией и дополнительной насечкой. Этот орнамент и форма обломков соответствуют гребням второй группы, особенно характерным для горизонта “Д” Старой Ладоги. О.И. Давидан отмечала орнамент таких гребней и датировала их IX–X вв., указав на большое количество подобных находок на памятниках Древней Руси, Швеции, Польши и Германии (1968. С. 100, 101). Важным хронологическим свидетельством являются обломки бронзовой позолоченной овальной двухскорлупной фибулы. Они относятся к фибуле одного из вариантов типа 51, по Я. Петерсену. Оформление бортика соответствует оформлению овальных фибул типа 51 или 52/55, точнее, их вариантов, характерных для позднего периода Бирки, т.е. начала X – третьей четверти X в. (Jansson, 1985. Р. 105). Важно подчеркнуть, что присут-

ствие овальных фибул этого типа – веское свидетельство в пользу скандинавского происхождения погребенных (Жарнов, 1991. С. 213).

Упомянутые ранее и во многом схожие по конструкции и составу инвентаря, а также присутствию аналогичных элементов узечного набора курганы Борре и Адельсо также могут послужить дополнительным основанием датирования комплекса кургана в Гнёздово. Курган из Адельсо датируется по находкам концом IX – началом X в. (Rydh, 1936. S. 218). Курган из Борре, опираясь на дендродаты, принято относить, как уже говорилось, к первой половине X в. (Müller-Wille, 2001. S. 246). Сравнительное сопоставление периодов бытования отдельных предметов, среди которых наиболее важны керамика, шиферные пряслица, овальные фибулы, гребни и стеклянные бусы, позволяет с определенной долей вероятности датировать гнёздовский комплекс кургана 65(7) 1900 г. серединой или третьей четвертью X в.

В заключение хотелось бы отметить, что находка узечки в рассматриваемом кургане не является единичным случаем, хотя совокупная сохранность кожаных ремней и особого налобного украшения делает ее уникальной. К списку подобных узечек можно привлечь отдельные находки налобных украшений и накладок с Белогоозера и из Вологодской области. В этот список можно включить редкие по красоте и имеющие прямые аналогии узечкам в курганах Борре, Гокстад и Адельсо оголовья из гнёздовских курганов 16(74) 1901 г. из раскопок С.И. Сергеева и 12 1905 г. из раскопок И.С. Абрамова. Кроме того можно отметить узечные наборы из кургана на погосте Бежецы в Тверской области (Исланова и др., 2005. С. 76) и в составе клада на городище Супруги в Тульской области (Изюмова, 2002. С. 89–91). В общей сложности на территории Древней Руси было обнаружено около 34 наборов оголовий, относящихся к так называемому скандинавскому типу, среди которых около 20, как уже говорилось, происходят из Гнёздово. Представляется возможным связывать большинство подобных находок с присутствием на территории Древней Руси выходцев из Скандинавии, обладавших особым социальным статусом или наделенными властными полномочиями. Все наборы за редкими исключениями могут быть отнесены ко второй четверти – концу X в.

Автор приносит свою благодарность Т.А. Пушкиной за помощь в подготовке статьи и С.С. Зозуле за предоставленные фотоматериалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булкин В.А. Курган 7 из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // КСИА. 1975. Вып. 144.

- Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
- Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения). Дис. ... канд. ист. наук. Т. И. М., 1999.
- Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Технология производства Гнёздовской ременной гарнитуры // Тр. ГИМ. 1998. Вып. 96.
- Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Изюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002.
- Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В. Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Вып. 2. М.; Л., 1966. (САИ; Вып. Е1–36).
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. (САИ; Вып. Е1–36).
- Кубышев А.И., Орлов Р.С. Узечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. 1982. № 1.
- Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Мурашева В.В. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (Х–ХIII вв.). М., 2000.
- Новиков В.В. Снаряжение коня и всадника по материалам Гнёздовского археологического комплекса. Дипломная работа. М., 2004.
- Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиция и перспективы. М., 1998.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. Л., 1948.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. 1902. № 28.
- Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.
- Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.
- Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиция и перспективы. М., 1998.
- Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М., 1999. (Тр. ГИМ; XXXVI. Памятники культуры).

- Jansson I.* Ovala spanbucklor // Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology. Aun 7. Uppsala, 1985.
- Müller-Wille M.* Bild und Bildträger. Beispiele im Borre- und Jellingestil // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Marburg, 1986.
- Müller-Wille M.* Tierstile des 8.–12. Jhrs. im Norden Europas. Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung // Tier. Menschen. Götter. Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption. Göttingen, 2001.
- Rydh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936.
- Stenberger M.* Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland // Acta Archaeologica. V. XXXII. Kopenhagen, 1961.
- The ancient Hungarians. Budapest, 1996.
- Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm, 1998.
- Wilson M.D.* Ole Klindt-Jensen, Viking Art. L., 1980.
- Wamers E.* König im Grenzland // Acta Archaeologica. H. 65. København, 1994.

Bridle set from S.I. Sergeev's excavations at Gnezdovo

V. V. Novikov

Summary

The article presents the results of investigating a leather headpiece with metal mounts from Gnezdovo. The bridle and its elements are described in detail; the articles also reviews the Borre ornamental style, characterized by abundant metal mounts with decoration. Several analogies from Ancient Rus, Middle Sweden and Norway are given. Archive materials and diaries allowed to conclude that the bridle set comes from kurgan 65(7) excavated by S.I. Sergeev in 1900. On the basis of associated items, the kurgan complex can be dated to the middle or the third quarter of the 10th c.

МАССОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ: АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2009 г. А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Фараджева,
А. П. Бужилова, Н. Н. Гончарова

Институт археологии РАН, Москва

В 2004–2006 гг. Отделом охранных раскопок ИА РАН были проведены крупномасштабные археологические исследования на территории “Рубленого города” – Ярославского кремля. Данное место (Стрелка) представляет собой высокий мыс, образованный слиянием рек Волга и Которосль (рис. 1). Проведение раскопок в исторической части города, на территории городища было связано с решением Администрации Ярославской области, принятым летом 2004 г., касающимся реализации проекта воссоздания Успенского собора второй половины XVII в., разрушенного в 1937 г.

Перед экспедицией стояли как археологические, так и историко-архитектурные задачи, определившие комплексный характер исследований. Ученых интересовали характер и датировка культурного слоя на территории древнейшей части Ярославля, местоположение и планировка Успенского собора. В результате работ 2004–2006 гг. был археологически изучен значительный по размерам участок площадью более 2500 м², полностью раскрыты остатки фундаментов последнего Успенского собора, относящегося к 60-м годам XVII в., и выяснено, что данный храм был поставлен на новое место по отношению к древнейшему Успенскому собору, построенному в 1215 г. князем Константином Ростовским, а также последующим сооружениям 1504 и 1646 гг. Успенского собора. Были изучены фундаменты центральной части храма 60-х годов XVII в., трех его первоначальных крылец, западной паперти 1723 г. (расширенной в конце XIX в.) и примыкавшей с юга теплой церкви князей Василия и Константина 1831–1833 гг. (архитектурные исследования проведены Е.И. Рузаевой и А.В. Ягановым).

В ходе работ были изучены напластования мощностью 120–140 см, датируемые XII–XVIII вв., содержащие разнообразные комплексные сооружения. Всего на площади раскопа зафиксировано 69 сооружений различного назначения, в том числе жилые и хозяйствственные постройки (как наземные, так и заглубленные по отношению к дневной поверхности), остатки печей, а также более

350 хозяйственных и строительных ям, что свидетельствует об активном освоении этой территории на протяжении всего исследуемого периода.

Сооружения домонгольского времени представлены в основном заглубленными подклетами, остатки наземных срубов этого периода сохранились крайне фрагментарно. Одной из наиболее интересных заглубленных построек является сооружение 9, исследованное в ходе работ 2005 г. Оно представляло собой котлован размерами 4 × 3 м, вытянутый в направлении СЗ–ЮВ (рис. 2, А, Б). Постройка сохранилась практически полностью, за исключением ЮВ и ЮЗ углов, пробитых фундаментными рвами Успенского собора.

По отношению к уровню древней дневной поверхности котлован был заглублен на 80–90 см (на 60 см опущен в материк). Дно постройки ровное, плоское, пол сохранился в виде пятен древесного тлена. Стенки котлована были укреплены посредством частокола, от которого в придонной части сохранились ямки, заполненные древесным тленом. Колья диаметром 8–10 см были поставлены вплотную (иногда с интервалами не более 8–12 см) и располагались по периметру котлована. По отношению ко дну котлована постройки коляя заглублены в среднем на 18–20 см. Во внутреннем пространстве сооружения, а также по линии стен прослежены остатки более массивных столбовых опор диаметром 20–35 см, связанных с конструкцией стен или перекрытий. Вход в постройку расположен со стороны ее СВ угла, где прослежен привходный пандус.

О хозяйственном назначении сооружения свидетельствуют следующие находки: два жернова, железный широколезвийный рабочий топор (подобные топоры датируются XII–XIII вв.), железные цилиндрические замки (один из них со сломанным ключом), ключи, шиферное пряслице, обломки амфоры, а также большое количество сгоревшего зерна, представляющего различные виды злаков: рожь, овес, пшеницу, ячмень (палеоботанические определения выполнены кандидатом исторических наук Е.Ю. Лебедевой). Соору-

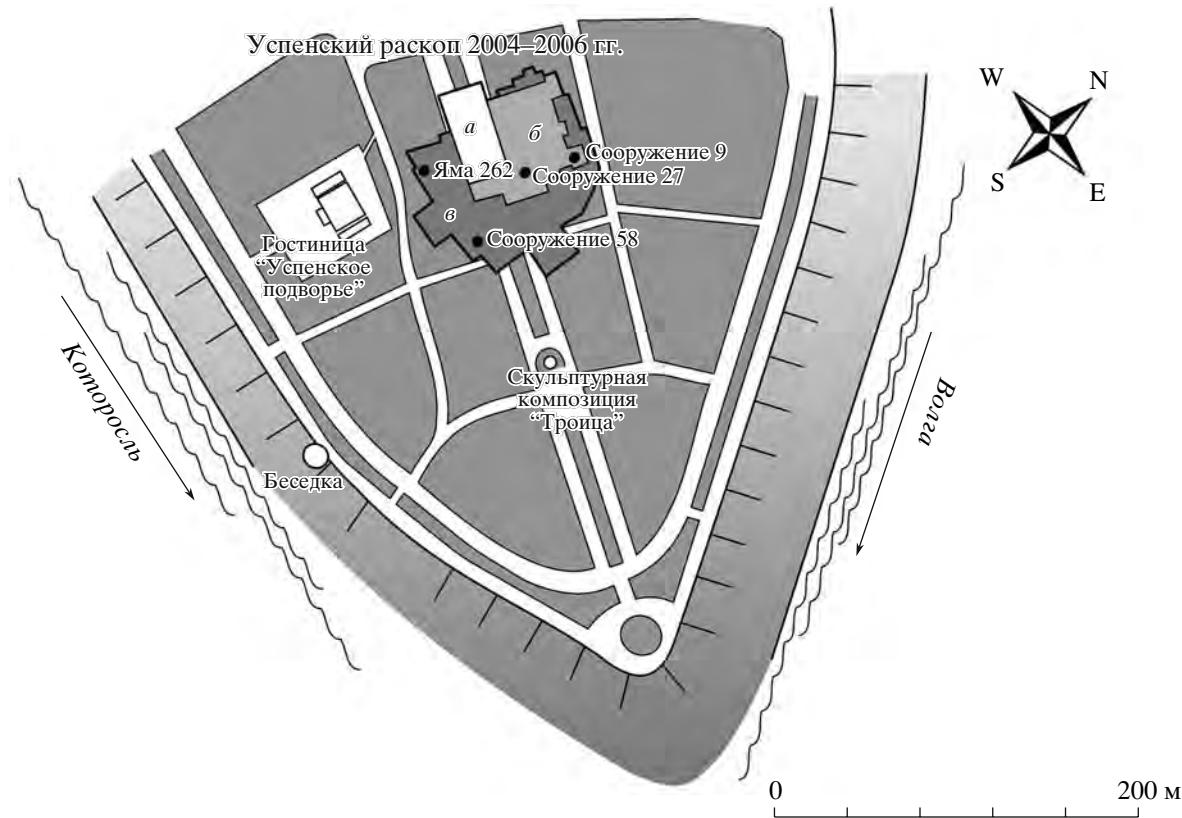


Рис. 1. Место проведения работ (условные обозначения: *a* – раскоп 2004 г.; *b* – раскоп 2005 г.; *в* – раскоп 2006 г.).

жение представляло собой заглубленный хозяйственный подклет, однако не исключено, что это была отдельно стоящая хозяйственная постройка с пониженным уровнем пола.

Постройка погибла от пожара, на что указывает большое количество обожженных плах и сгоревшего зерна, зафиксированного в придонной части постройки и в ее заполнении. После пожара сооружение было использовано в качестве вместилища для коллективного захоронения. В заполнении котлована были обнаружены человеческие костяки (останки 97 человек), беспорядочно уложенные в шесть–восемь ярусов (рис. 2, *B*).

В придонной части постройки фиксируется слой пожара, перекрывший отдельные костяки со следами обожженностии. Вероятно, люди (не менее четырех) находились внутри строения и погибли при пожаре. В центральной части постройки под слоем первоначальной засыпки прослежен угольно-зольный слой толщиной 4–5 см.

Основная масса костяков была уложена, точнее, свалена в котлован уже через некоторое время, о чем свидетельствует наличие первоначальной засыпки. Судя по расположению погребенных (костяки лежали хаотично, в различных позах: на боку, на спине, плашмя, в сложенном или перекрученном в поясном отделе виде, а также сброшены в котлован вниз головой), захоро-

нение было совершено в спешном порядке. В составе заполнения обнаружены кости животных, в том числе коровы и козы (остеологические определения выполнены кандидатом исторических наук Е.Е. Антипиной).

Погребение было завалено обгоревшими бревнами, плахами и отдельными крупными камнями. Плахи шириной 20–35 см, сохранившиеся на длину 60–160 см, лежат беспорядочно: некоторые из них – непосредственно на костище, другие отделены от погребения тонкой (10–12 см) засыпкой из серой супеси с углем, отдельные плахи прослежены под костяками и между ними. Все плахи сильно обуглены. Поверх верхнего яруса плах залегал слой крупных булыжных камней, размерами 25–60 см в поперечнике.

При разборе костяков были найдены (рис. 3, 2–4): бронзовые перстнеобразные проволочные височные кольца (13 фрагментов), железное кресало и пряжка, каменный четырехконечный крест-тельник, стеклянные бусы (желтые и коричневые), обломки стеклянных браслетов (4 фрагмента). Подобные найденным височные кольца имеют широкую датировку, но преобладают на памятниках Северной Руси с X по XIII в. (Седова, 1981. С. 13, 15).

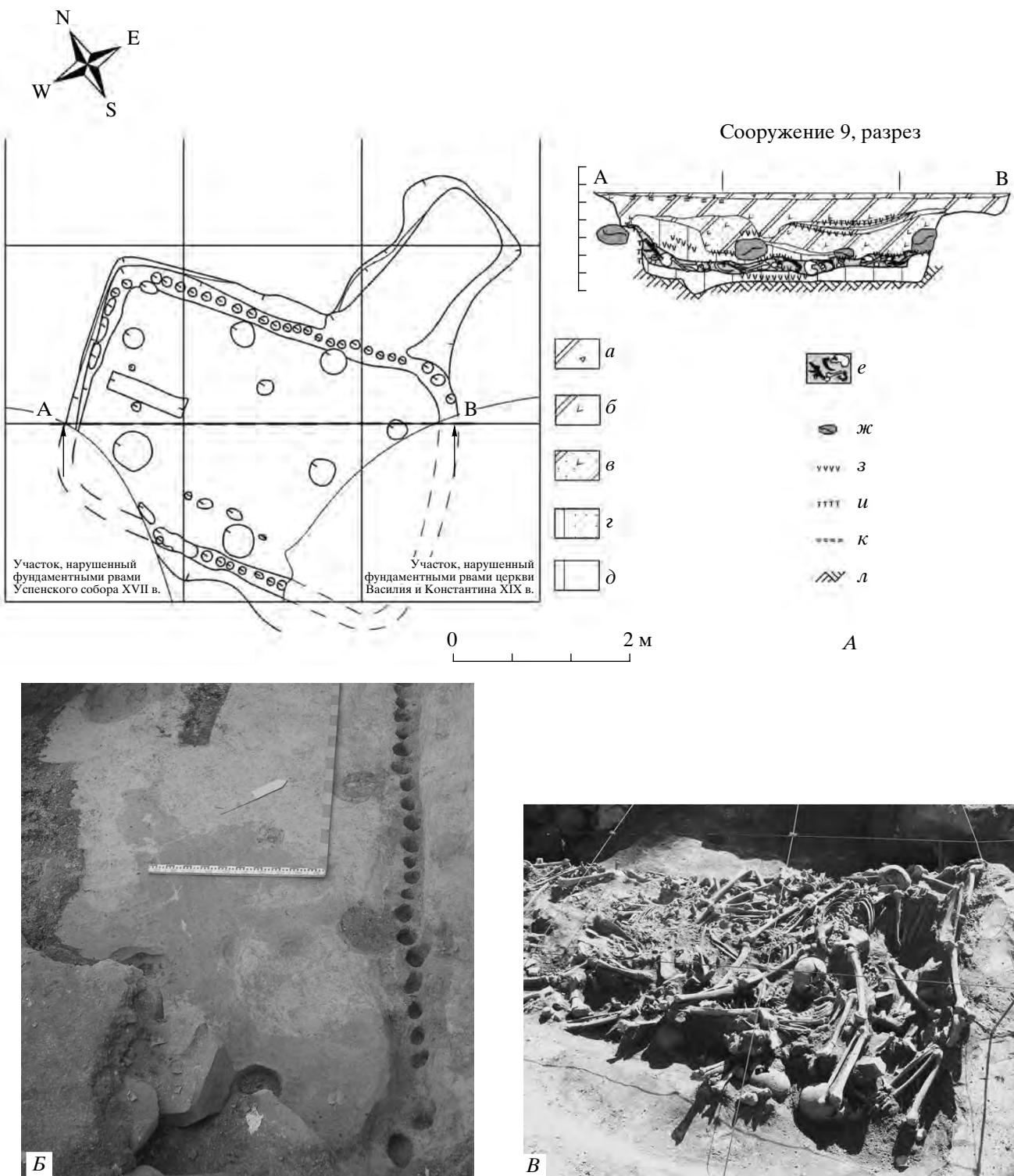


Рис. 2. Сооружение 9: А – план материка; разрез (условные обозначения: а – темно-коричневая супесь с включениями кирпичной крошки; б – темно-коричневая супесь с включениями угля; в – темно-коричневая супесь с включениями угля и песка; г – серая супесь с включениями песка; д – серая супесь; е – массовое захоронение; ж – валуны; з – прослойки угля; и – прослойки тлены; к – прослойки печины; л – материк); Б – зачистка постройки на уровне материка; В – массовое захоронение.

При исследовании останков были выявлены фрагменты льняных, шерстяных и шелковых тканей, а также остатки меха, найденные на череп-

пе одного из погребенных. По предположению О.В. Орфинской, это остатки зимнего головного убора или ворота верхней одежды. Наличие ме-

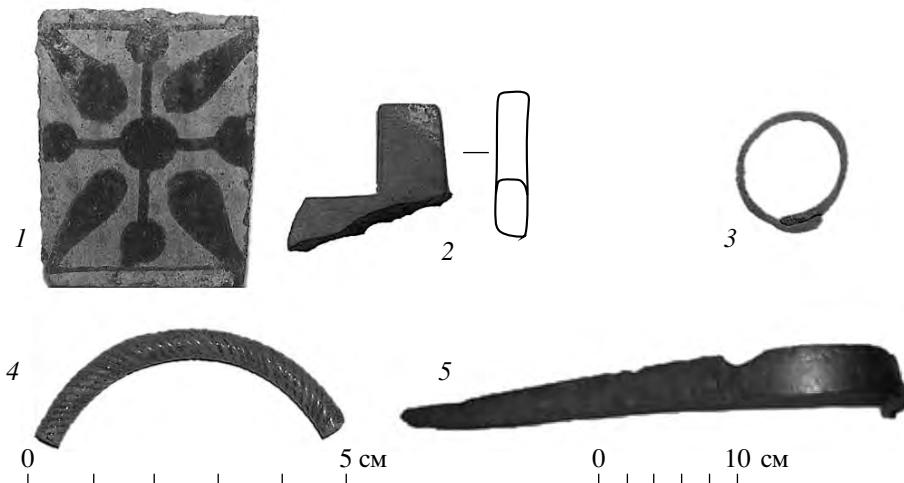


Рис. 3. Найдены из заполнения сооружений 9 (1–4) и 27 (5): 1 – витражное стекло; 2 – крест-тельник каменный; 3 – височное кольцо бронзовое; 4 – браслет стеклянный; 5 – сабля железная.

ховой одежды позволяет отнести время гибели погребенных здесь людей к зимнему периоду.

В составе засыпки обнаружены: фрагмент стекла витражного зеленого с белым рисунком, вероятно, часть декоративного убранства раннего храма (рис. 3, 1). С этим же собором связана глиняная плитка для наборных полов. Керамическая коллекция, полученная при разборке данного комплекса, представлена древнерусской круговой керамикой начала XIII в. (обработка керамической коллекции выполнена кандидатом исторических наук Е.К. Кадиевой).

Еще один комплекс, сооружение 27, представляло собой погреб, или подклет, первоначально использованный для хозяйственных целей. На это указывает состав находок, среди которых обнаружены: белокаменный жернов, ключи (4 экз.), цилиндрические замки (2 целых, 2 пружины), ножи, шилья, рыболовные грузила и рыболовный крюк, ножницы, дужка ведра, а также сгоревшее зерно (ржь, единичные экземпляры зерен овса и пшеницы). Постройка, размерами 3 × 4 м, была заглублена по отношению к дневной поверхности не менее чем на 160 см, имела вертикальные стенки и плоское дно. Стенки котлована были укреплены посредством стоящих вплотную вертикальных колышей диаметром 8–12 см. В углах постройки располагались более массивные столбовые опоры диаметром 20–25 см.

При разборке постройки в ее придонной части было обнаружено коллективное захоронение, включающее останки одиннадцати погибших (рис. 4). В заполнении котлована найдено более двухсот предметов, в том числе перстнеобразные проволочные бронзовые височные кольца с заходящими концами, круглодротовый перстень, а также большое число стеклянных браслетов (39 фрагмен-



Рис. 4. Сооружение 27. Массовое захоронение.

тов, среди которых есть гладкие и крученые). Время бытования подобных перстней М.В. Седова связывает с началом XI – 70-ми годами XII в. (1981. С. 122, 133). Очевидно, большая часть находок принадлежала погребенным. В составе находок присутствует обломок железной деформированной сабли типа палаша (рис. 3, 5). При расчистке постройки была обнаружена древнерусская круговая керамика первой половины XIII в.

Помимо сооружений в качестве вместилища для коллективного захоронения была использована глубокая хозяйственная яма (№ 262) с останками не менее семи индивидов. Округлая в плане яма имела размеры 180 × 200 см и была прослежена на глубину около 40 см. Стенки ямы достаточно крутые, дно уплощенное, немного скругленное. В яме были обнаружены разрозненные части

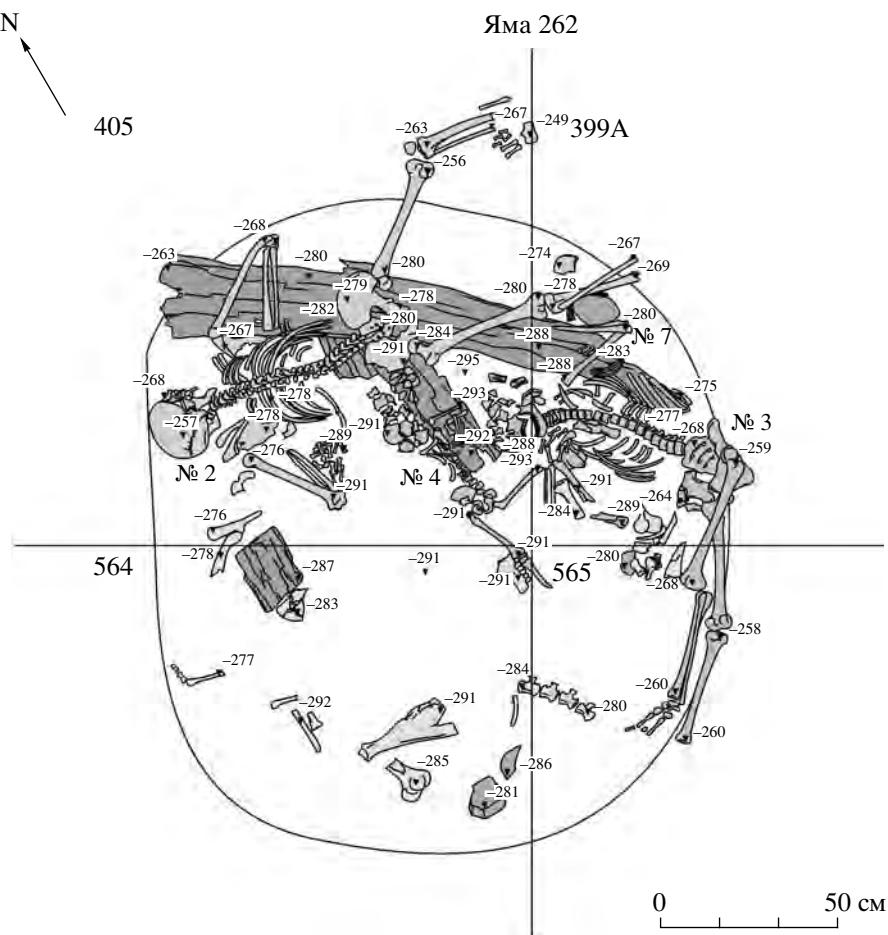


Рис. 5. Массовое захоронение в заполнении ямы 262 (план).

скелетов, фрагментарность которых не позволяет определить достоверно число погребенных (их не менее семи). Кости были сброшены в яму беспорядочно. Многие из погребенных лежали на широких плахах, возможно, использованных при их транспортировке (рис. 5). Помимо человеческих останков в заполнении ямы зафиксирован костяк коровы.

В составе засыпки обнаружено значительное количество булыжных камней от 10 до 22 см в по-перечнике, лежащих хаотично. Большинство из них сосредоточено в придонном заполнении ямы под костяками. Отдельные камни лежат несколько выше. Комплекс находок из ямы 262 немногочислен. Он включает два фрагмента стеклянных крученых браслетов, железный пробой, обрывки веревки и обрезки кожи. В придонном заполнении ямы зафиксирована исключительно древнерусская круговая керамика первой половины XIII в.

Одиночное мужское погребение того же времени было обнаружено в в придонной части захоронения 58.

Судя по индивидуальным находкам и керамическому материалу, все перечисленные выше

комплексы можно датировать не позднее середины XIII в. Очевидно, что их возникновение одновременно и вызвано некими трагическими событиями. Причины катастрофы могли быть различными: эпидемия (мор), последствия междоусобицы, стихийные бедствия (пожар), захват города монголо-татарами. Дополнительные данные для решения этой задачи дали антропологические исследования.

АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Факт массового захоронения более сотни разновозрастных индивидов в разрушенных от пожара строениях красноречиво свидетельствует о трагичности событий, произошедших в средневековом Ярославле в начале XIII в. Специальный анализ антропологических источников был направлен на поиск причин драматических обстоятельств.

Определение пола проводилось по останкам половозрелых индивидов согласно традиционным методам антропологии, с учетом развития морфологических особенностей черепа и пост-

крайиального скелета (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Возраст детей указывался коротким интервалом (1–2 года), благодаря более или менее точной оценке состояния закладок зубных коронок и/или выхода молочных или постоянных зубов и длине некоторых трубчатых костей (Ubelaker, 1978). Возраст половозрелых индивидов обозначался широким интервалом, отражающим наиболее существенные этапы развития организма, с учетом состояния зубной и скелетной систем. Помимо традиционных методик определения возраста (степень изношенности зубной коронки, степень облитерации швов черепа, сохранность некоторых крупных суставов костей конечностей и таза), использованы сведения о состоянии корней зубов (учет развития вторичного цемента и “прозрачности” корня вследствие регressiveивных возрастных процессов) и сочлененных поверхностей позвонков и ребер (Bass, 1995).

Краниометрические и остеометрические признаки на черепе и длинных костях скелета измерены согласно общепринятой отечественной программе (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Для оценки биологического родства были использованы некоторые дискретно-варьирующие признаки. Таблицы смертности, примененные в этом исследовании, были проанализированы исходя из гипотезы стационарной популяционной модели, когда естественный прирост равен нулю (Weiss, 1973). Для расчета использована компьютерная программа Д.В. Богатенкова.

Для оценки качества жизни изученного населения и особенностей физических нагрузок были проанализированы частоты палеопатологий и степень развития костного рельефа. Программа палеопатологического обследования включала традиционно используемую группу признаков, как на зубах, так и на костях скелета. Отдельно рассматривались изменения зубной и скелетной систем, отражающие ежедневные нагрузки в связи с особенностями двигательной и хозяйственной активности (Бужилова, 1998). В этом исследовании материал изучался по нескольким направлениям, отражающим определенные задачи: 1) оценка массивности скелета; 2) оценка развития мускульного компонента; 3) оценка наличия характерных (часто используемых) движений у индивидуума; 4) оценка влияния физических нагрузок на сохранность крупных суставов; 5) фиксация патологических проявлений, связанных с профессиональной деятельностью.

На некоторых участках массового захоронения вследствие позднесредневековых строительных работ (ров для фундамента церкви) и/или нарушения слоев залегания погребенных костные останки располагались не в анатомическом порядке. Черепа, нижние челюсти и отдельные кости посткраниальных скелетов были сильно фрагмен-

тированы или отличались чрезвычайной некомплектностью, что обусловило невозможность группировки черепов, единичных костей скелетов в костяки, достоверно принадлежащие отдельным субъектам. Общая численность останков этих индивидуумов определялась суммированием количества целых черепов, черепных коробок/черепных крышек с количеством лобных костей/фрагментов лобных костей с обязательно сохранившимися областями точки *glabella*. Для контроля подсчитывалось количество затылочных костей/фрагментов затылочных костей с обязательно сохранившимися задними краями большого затылочного отверстия с точкой *opistion* и нижних челюстей с фрагментами в области *gnathion*. При суммировании учитывалось максимальное количество наблюдений по фрагментам костей лобного, затылочного отделов черепов и нижних челюстей. Отдельно рассчитывались парные трубчатые кости (или однотипные кости по одной стороне тела), крылья тазовых костей (по одной стороне тела) и крестцы. Сведение результатов в общую таблицу дало информацию о минимально и максимально возможной исходной численности индивидов на переотложенных участках массового погребения.

В сооружении 9 погребена разновозрастная группа, состоявшая не менее чем из 97 человек. Число детей не превышает 30% обследованных. Группа выделяется нарушениями половозрастной структуры: отмечается малое процентное число мужчин (почти в 2 раза меньше, чем женщин, – 34% от числа взрослых), причем практически отсутствуют мужчины наиболее активного возраста – от 15–18 до 30–35 лет.

В числе погребенных в яме сооружения 27 шесть женщин в возрасте от 18 до 55 лет, трое мужчин 25–50 лет, а также два ребенка: один 6–8 лет, возраст второго неопределим. Интересно, что у всех индивидов мужского пола, захороненных в этой яме, отмечены травмы черепных костей. В двух случаях речь идет о старых травмах нижней челюсти, которые могут свидетельствовать о принадлежности данных индивидов к группе профессиональных воинов. В одном случае – срезан угол нижней челюсти, вероятнее всего мужчина был обезглавлен. В яме сооружения 27 наряду с двумя целыми костяками были захоронены части тел. При расчистке обнаружены головы или головы с первыми шейными позвонками. При этом сохранность костей хорошая, о чем говорит присутствие среди костей редко сохраняющегося окостеневшего надгортанного хряща у одного индивида. У трех индивидов отмечены случаи обгорания костей: в двух случаях речь идет о следах обгорания на черепах, в одном – в области плечевого сустава. Характер этих повреждений позволяет утверждать, что в момент смерти индивиды находились рядом с горящими сооружениями.

ми. Количество женщин вдвое превышает количество мужчин, что соответствует соотношению мужских и женских костяков в яме сооружения 9.

В яме 262 достоверно определяется семь индивидов. Из этого числа четыре костяка женские, один – мужской, два – детские. Останки мужчины, умершего в возрасте 50–55 лет, несут следы обгорания. Так же как и в предыдущих ямах, очень велико количество женских костяков – 80% от числа взрослых индивидов.

При анализе половозрастного состава были использованы два гипотетических варианта возрастной структуры населения: в виде правильной пирамиды и в форме колокола. Первый вариант по демографической рубрикации определяет молодую (растущую) популяцию, второй – указывает на постаревшую (стационарную) группу. При прочих равных условиях первый тип возрастной структуры обуславливает быстрый рост населения, второй – медленный (Демографический словарь, 1985. С. 65). Исследованная часть выборки, т.е. умершие, разделена на определенные возрастные когорты, что позволило оценить, какого пола и возраста люди не погибли при этих драматических обстоятельствах. Отметим, что исследованная серия уникальна по своему происхождению, так как представляет по сути одномоментный хронологический срез. Таким образом, анализ демографической структуры проводился и с учетом возможности оценить биологическую выборку, а не палеоантропологическую серию, в которой всегда собраны индивиды разных поколений, так как любой некрополь функционирует не один год.

Во всех ямах соотношение мужских и женских костяков не соответствует стандартной половозрастной структуре, так как число вторых превышает число первых в 2 или более раза. Вероятнее всего, мужчины отсутствовали в момент трагедии.

Анализ этнических признаков изученного населения затруднен ввиду чрезвычайной фрагментации лицевых костей черепа. Тем не менее некоторые предварительные наблюдения были сделаны. В целом все характеристики соответствуют представлениям о вятичском населении данного региона, которое, будучи славянским, имеет в слабой форме черты местного финно-угорского населения (Алексеева, 1973; Гончарова, 2000). В то же время выраженная долихокrania отличает изученное население от потомков финно-угорских групп этого региона. Выступание носа выражено сильнее, чем в среднем у вятичей. Это не характерно для северных территорий Русской равнины. Возможно, в составе населения сохранились черты предковой популяции, среди которых были мигранты из южных и западных территорий. Однако возможно, что это крайние варианты нормального

вариационного ряда морфотипов, присутствующие в любой славянской группе. (Антрапологическая реконструкция (рис. 6) выполнена судмедэкспертом, врачом высшей категории, сотрудником медико-криминалистического бюро Москвы С. Никитиным.)

В изученной группе была проанализирована частота встречаемости некоторых генетически наследуемых признаков и аномалий. Высокая частота обнаруженных аномалий и генетически обусловленных признаков свидетельствует, что в коллективном погребении сооружения 9 были захоронены семейные группы. Численность погребенных в других ямах невелика и не позволяет провести подобный анализ.

Для характеристики занятия населения были проанализированы некоторые зажившие переломы, травмы мягких тканей с последующей оссификацией, дефекты на зубах. Зажившие переломы отмечены в небольшом количестве на костях взрослых (как правило, кости предплечья и нижние конечности). У четырех индивидов на одном из резцов обнаружены характерные сломы коронки – так называемый зуб портного, которые часто бывают у людей, занимающихся рукоделием (изменение формы коронки связано с привычкой обрывать нить зубами).

Анализ распространения заболеваний, особенностей рельефа мышц, заживших травм позволяет сделать заключение, что у исследованного населения нет признаков хронических инфекций, анемий, цинги и прочих серьезных заболеваний. Выявленные патологии указывают, что это местное, а не мигрантное население, которое было приспособлено к локальным условиям среды.

Обнаруженные антропологические материалы отличаются в целом хорошей сохранностью костных тканей. При этом большинство черепов сломано в результате механических повреждений (не современных) и зачастую представлено в виде мелких, бессистемных костей/фрагментов костей различных отделов черепа. Разнообразие разломов нижних челюстей можно систематизировать: чаще повреждены ветви челюстей. Эти разломы не имеют характерных следов от удара колюще-режущим оружием. Возможно, эти повреждения связаны с посмертным повторным переотложением останков погибших.

На некоторых костях таза, так же как и крестца, выявлены повреждения, которые могли быть произведены уже на останках полуистлевшего трупа при его переносе на другое место. Эти отломы могли быть образованы при ударе о твердые предметы. Ссохшиеся мягкие ткани не могли при этом защитить кость от разломов. Подобные причины повреждений отмечены и на некоторых костях конечностей. На длинных костях многих ин-

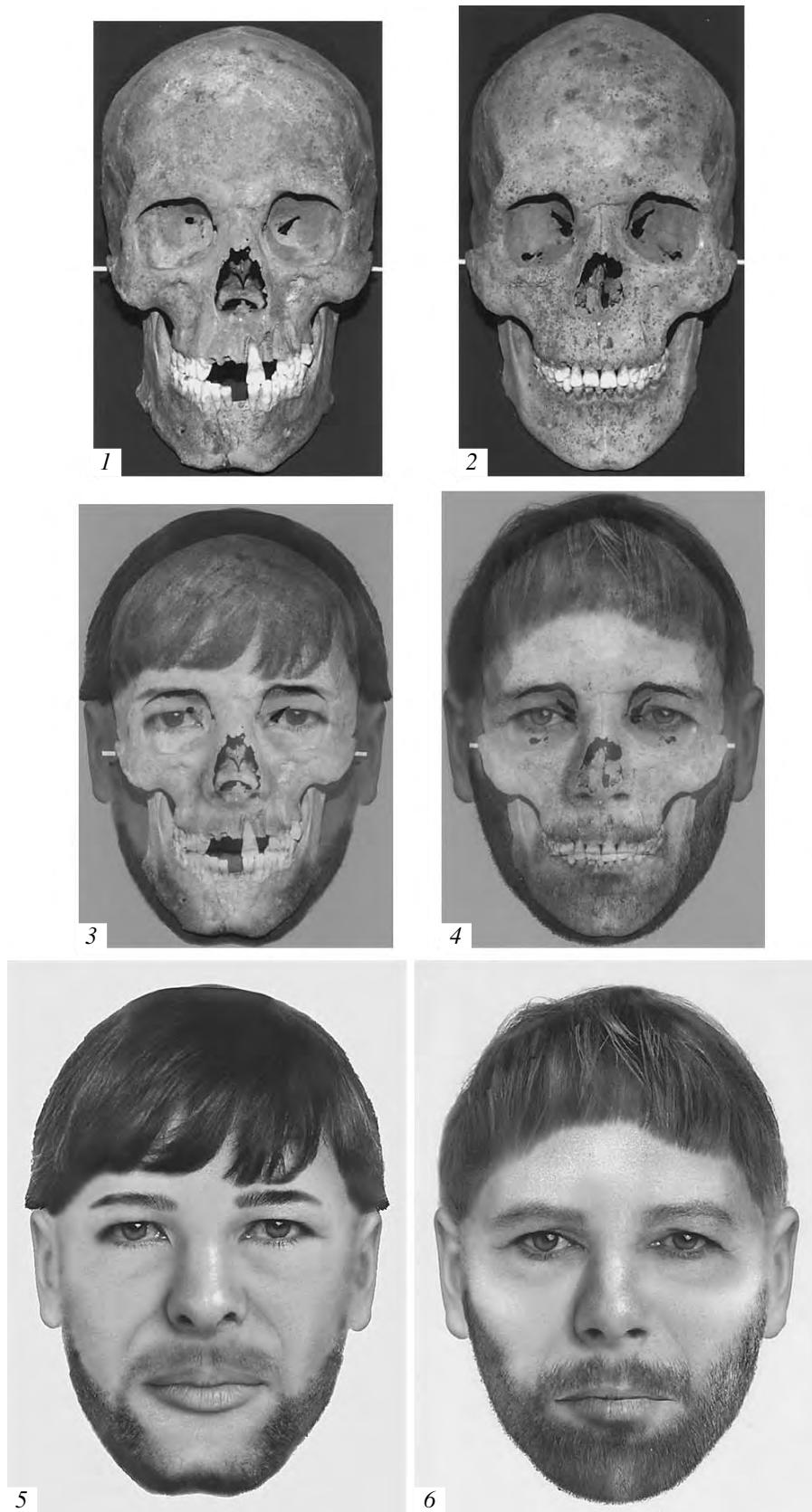


Рис. 6. Графическая реконструкция по черепам (1–4) и реконструированные портреты мужчин (5, 6) из массового захоронения 9. Автор реконструкции С. Никитин.

дивидов можно было проследить следы вдавленных повреждений от удара твердым предметом.

Следует обратить внимание, что в большей части изученных черепов отсутствуют лицевые кости при одновременном наличии некоторых хрупких и тонких костей основания черепа. Данное обстоятельство, как и представленные выше, является одним из аргументов в пользу предположения о перезахоронении или захоронении полуистлевших трупов людей в скором порядке.

При оценке травматических повреждений обнаружено большое количество травм черепа и некоторых костей скелета без следов некротического процесса и тем более следов заживления. Анализ этих повреждений позволил их классифицировать как травмы, нанесенные индивидам незадолго до их смерти. Некоторые из них, в основном черепные, можно расценивать как несовместимые с жизнью. Обнаруженные повреждения можно условно разделить на три группы: рубленые раны; колотые ранения; более резко выраженные дырчатые переломы (от удара колющим оружием с острым краем с прободением всех слоев костной ткани и образованием округлых по форме отверстий в костной ткани), а также дырчатые переломы, возникшие от удара тяжелым неострым предметом.

Среди рубленых ран обнаружены характерные повреждения на черепе в затылочной области ближе к шее. Это указывает на то, что рубили поверженного наземь человека. Есть рубленые травмы черепа взрослых в височной области и теменной. Обращают на себя внимание случаи разрубленных тазовых костей детей и взрослых. Есть два случая рубленой раны в области левого плеча с отсечением отростка лопатки. Очевидно, что такого рода повреждение могло возникнуть при нанесении удара убегающему человеку. Обнаружено несколько случаев рубленых ранений лица с повреждениями нижних челюстей.

При оценке колотых ранений были обнаружены травмы в области грудных позвонков. Эти повреждения могли быть нанесены острым концом сабли. Также отмечены колотые ранения в области крыльев таза, которые, по-видимому, были нанесены по касательной острым колющим оружием типа копья или пики. Обнаружено много сходных по размеру дефекта дырчатых переломов на лопатках и крыльях таза. Такие повреждения могли возникать при ранении дистанционным оружием, вероятно, стрелой с наконечником около 10 мм в диаметре.

Большое число случаев незаживших травм представлено в виде дырчатых переломов на плоских костях черепа в области как лобной, так и теменных костей, с характерным радиальным растрескиванием. Характер повреждений позволяет сказать о виде травмирующего предмета: это небольшой, диаметром 50–70 мм, тяжелый

предмет, в котором можно предположить оружие типа кистеня. Есть случаи повреждения тела нижней челюсти, т.е. удар наносился по лицу. Такие повреждения фиксируются на костях и взрослых, и детей.

Анализ представленных травм свидетельствует, что удары наносились в область головы, спины и живота, как правило, сверху и сзади. В двух случаях повреждения черепных костей позволяют реконструировать ситуацию смерти: речь идет о сильных разрушениях черепа в области височных костей одновременно слева и справа. Из криминалистической практики известно, что такие повреждения возникают, когда индивид повержен на землю и удары наносятся тяжелым предметом сверху в область уха и виска. Возможно, некоторую часть людей добивали. В нескольких случаях на костях одного индивида отмечены две или более смертельные травмы. Этот факт характеризует “психологическую” сторону нападения: по-видимому, перед нападавшими стояла задача тотального истребления населения.

Таким образом, анализ антропологических материалов позволяет сделать общие выводы. Исследован одномоментный “срез” городского населения с нарушенной демографической структурой – с малым количеством молодых мужчин, преобладанием женщин и детей. Количество незаживших травм и их характерные особенности приводят к выводу о насильственной и жестокой смерти изученного населения, которое подверглось нападению профессионального военизированного отряда всадников, которые не оставляли в живых никого. Наличие большого количества посмертных разломов костей, характерных для мумифицированных, высущенных скелетов, а также погребение погибших в общих ямах, не приспособленных для такой цели, заставляет предполагать спешное, санитарное погребение трупов, некоторое время находившихся на поверхности. Подобные обстоятельства захоронения позволяют с уверенностью исключить версию о гибели людей в результате морового поветрия или в случае локального междуусобного конфликта.

Для сравнения были привлечены материалы из другого средневекового поселения близ села Городище Шепетовского района Хмельницкой области (раскопки М.К. Каргера, 1957–1958 гг.), которые позволяют реконструировать не менее трагичную, чем в Ярославле, гибель жителей. По мнению М.К. Каргера (цит. по: Рохлин, 1965), это поселение можно отнести к летописному Изыславию, который был полностью уничтожен во время нашествия Батыя на Русь. Д.Г. Рохлин указывает, что костные останки были обнаружены не в погребениях, а в виде отдельных разрозненных находок под развалинами сожженных жилищ, устроенных внутри оборонительного вала. Кроме того, были обнаружены большие груды

костей, названные М.К. Каргером костищами. По мнению Д.Г. Рохлина, костища представляют останки людей, которых сбрасывали друг на друга (1965).

Д.Г. Рохлиным были изучены фрагментарные останки более 200 индивидов, треть из которых были детскими. Большинство ранений было нанесено рубящим оружием – мечом или саблей, отмечались и ранения колющим оружием, оставляющим на костях дырчатые дефекты с радиальным растрескиванием. Кроме того, были обнаружены черепные травмы, нанесенные оружием типа палицы или булавы. Среди убитых было много женщин и детей. Следует отметить, что большинство ранений, по реконструкции Д.Г. Рохлина, были нанесены сзади и сбоку. Автор исследования предполагает, что рубили поверженных, брошенных на землю, по-видимому, связанных (Рохлин, 1965. С. 209, 210).

Эти наблюдения объединяют обе серии и свидетельствуют о том, что разгром как Изяславля, так и Ярославля монголо-татарами был стремительным и агрессивным. В результате пострадало мирное население – в основном женщины и дети. Полученные выводы хорошо вписываются в общий контекст исторических фактов, подтвержденных данными археологических исследований.

Отсутствие взрослого мужского населения в данном случае можно объяснить уходом дружины на р. Сить, где князь Юрий Всеволодович стягивал все имеющиеся у него силы для организации отпора грозному противнику (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 461). Скупые летописные упоминания отмечают лишь факт похода татар на Ярославль. Так, в Лаврентьевской летописи (1997. Стб. 464) под 1238 г. содержится следующая запись: “Татарове поплениша Володимер и поиодша на великого князя Георгия... и идоша к Ростову а ини к Ярославлю”. Ярославль упомянут среди других 14 городов Сузdalской земли (Владимир, Сузdal, Ростов, Городец, Галич и др.), взятых татарами в феврале 1238 г. (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 464). Пал ли Ярославль в результате штурма или сдался без боя и тем самым избежал погрома, летопись не упоминает. Отсутствие информации о характере захвата города дало повод некоторым историкам предположить, что ряд городов, в том числе и Ярославль, были сданы без боя (Комаров, 2006. С. 31, 32).

Сведения о массовых расправах монголов над жителями покоренных городов содержатся в Троицкой летописи, где приводится картина разоренной и сожженной Москвы, открывшаяся взору Дмитрия Донского, въехавшего в город после набега хана Тохтамыша: “...и видиша град взяти и огнем пожжен и церкви разорены...” (Приселков, 1950. С. 424, 425). Для нас этот летописный отрывок интересен тем, что он содержит сведения о похоронах большого количества по-

гибших от набега (“...людей мертвых множество бесчисленное лежащих”), а также называет определенную сумму денег, которую великий князь Дмитрий распорядился заплатить тем, кто будет осуществлять этот процесс: “...телеса их мертвых трупа хоронити, ...и даваста от 40 мертвец по полтине, а от 80 по рублю, и счетоша того всего дано бысть полтораста рублей” (Приселков, 1950. С. 424, 425). По-видимому, для ликвидации погрома была организована специальная похоронная команда, работа которой оплачивалась из казны.

Братские могилы, обнаруженные на площади городища Ярославля, находят прямые аналогии с комплексами, открытыми при раскопках в городах, жестоко разгромленных монголами. Впервые следы массовых захоронений жертв монгольского нашествия были обнаружены при раскопках великооктябрьского двора в Киеве в 1892 г. Во рву выявлены останки тысяч людей со следами насильственной смерти (Хойковский, 1893. С. 16). В 1907 г. такое же погребение зафиксировано В.В. Хвойко у Десятинной церкви. В одной из братских могил поверх костяков был обнаружен скелет с характерными монгольскими чертами, с рассеченным черепом (Хвойко, 1908. С. 29). Скопление нескольких сотен разрозненных тел, среди которых преобладали женские и детские кости, было обнаружено при раскопках рва у Золотых ворот. Инвентарь составляют найденные в заполнении обломки стеклянных браслетов, стеклянные бусы, обломки амфорной тары, проволочные височные кольца и древнерусская керамика XII – начале XIII в. Сверху погребение присыпано тонким слоем лесса. Исследователи связывают это захоронение с разгромом города монголами в 1240 г. (Дяденко, 1968. С. 207).

Массовые захоронения в Старой Рязани были обнаружены в 1926 г. В.А. Городцовым в траншеях восточной части Северного городища (47 погребений). Кости имели следы повреждений рубящим оружием (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 372). В 1979 г. раскопками у д. Фатьяновка на месте древнерусского поселения, растянувшегося вдоль кромки Оки, была зафиксирована еще одна обширная могила жертв монгольского нашествия (67 захоронений). В котловане глубиной 1.3 м убитых клади без гробов рядами в три яруса друг над другом. Следы насильственной смерти очевидны – пролом черепа, застрявшие в костях конечники стрел. Разнообразное положение рук указывает на захоронение смерзшихся трупов. Примечательно, что в данном случае захоронение также произведено вблизи церкви. Поло-возрастные определения, выполненные А.А. Петруцким, показывают преобладание мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. В захоронении отсутствуют юноши и девушки – эти категории пленников не подлежали уничтожению и были угнаны в рабство (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 380).

Комплексный анализ полученных материалов и совокупность данных позволяют отдать предпочтение версии, согласно которой выявленные наци при раскопках в Ярославле коллективные захоронения являются результатом трагических событий 1238 г. Очевидно, захват Ярославля состоялся примерно в то же время, что и Суздаля, Владимира и Ростова, т.е. в феврале 1238 г. Люди погибли в зимнее время, о чем свидетельствуют остатки двухслойной одежды и меховых головных уборов. Долгое время останки лежали не погребенными, что исключалось бы в случае междоусобицы. Татары сжигали захваченные города, Ярославль не стал исключением: в культурном слое этого времени прослежены остатки обширного пожара. Однако он не мог быть обычным городским бедствием, что подтверждается составом погребенных и характером травм, приведших к гибели людей. Количество погребенных и взаиморасположение данных комплексов (расстояние между ними 20–40 м) указывают не только на значительные масштабы, но и особенности трагедии: люди собирались в одном месте, в укрепленной части города, возможно в храме. Последующий после разорения период характеризуется состоянием запустения, проявившегося в снижении интенсивности жизни.

Новые данные, полученные в ходе раскопок ярославского городища 2005–2006 гг., позволяют частично восстановить истинные масштабы и крайнюю жестокость монгольского погрома, соответствующие тактике тотального террора, применяемой монголами по отношению к завоеванным ими территориям.

Авторы выражают благодарность сотруднику Института культурного и природного наследия О.В. Орфинской за проведенные исследования образцов тканей.

Medieval mass graves in Yaroslavl: analysis of archeological and anthropological materials

A. V. Engovatova, D. O. Osipov, N. N. Faradjeva, A. P. Buzhilova, N. N. Goncharova

Summary

The article presents an integrated analysis of several mass graves discovered in the course of excavations at the Yaroslavl fortified settlement (kremlin) in 2005–2006. Among other complexes, four pre-Mongol structures were investigated, – basements and a household pit. One of the most interesting complexes is the sunken structure (construction 9) which contained the remains of 97 people who had died through violence. It is evident that the complexes belong to the same time. Analysis of different versions of the catastrophe on the basis of detailed anthropological and archeological data allowed to interpret the mass graves as a consequence of the February 1238 massacre when the troops of Batu Khan had taken the city.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М., 2000.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Дяденко В.Д. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968.
- Комаров К.И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1997. Т. I.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981.
- Хойковский И.А. Раскопки великоокнянского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев, 1893.
- Хвойко В.В. Раскопки в Десятинной церкви // ИАК. Прибавление к т. 2. СПб., 1908.
- Bass W.M. Human osteology. A Laboratory and Field Manual. Columbia, 1995.
- Ubelaker D.H. Human Skeletal remains. Excavations, Analysis, Interpretation // Smithsonian institution. Chicago, 1978.
- Weiss K. Demographic models for Anthropology // American Antiquity. 1973. V. 38. № 2.

БУБЕНЧИКИ-ЗВОНЦЫ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ (ПРИМЕНЕНИЕ, СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА, ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)

© 2009 г. В. И. Поветкин

Новгородский центр музыкальных древностей

Среди звучащих приспособлений древних новгородцев значительное место занимали изготавливавшиеся из медных сплавов бубенчики. Согласно древнерусским письменным источникам, они имели общее с колокольчиками название – *звоныцы*. Как и большинство хозяйствственно-сигнальных и собственно музыкальных орудий, бубенцы сами по себе или в составе шумящих подвесок наделялись оберегающей сущностью. Использоваться они могли по-разному.

Одни бубенчики, в частности литые граненые (грушеобразные) с крестовидной прорезью, входили в комплекты ожерелей, поясных или нагрудных подвесок. Они, вероятно, украшали одежду новгородских женщин, детей, в большей мере чудского (финского), в меньшей – славянского происхождения. Это подтверждают наборы вещей с шумящими подвесками и бубенцами, чаще всего финские, в курганных захоронениях, обследованных в Новгородской земле. Яркий пример – Залахтовский курганный могильник возле Чудского оз. (Хвощинская, 2004). Бубенцы могли использоваться в составе бубна и одеяния чудских кудесников.

Другие бубенчики более употреблялись славянами. Изредка встречающиеся при раскопках золоченные бубенчики, вероятно, украшали подол ризы христианского священника (архиерея). “На красьбу ризе звоньца”, – говорит Майская (Путятина) служебная минея XI в. из Софийской библиотеки (Срезневский, 1989. С. 964). Красномедные гладкие паяные из верхнего и нижнего тисненных полушарий бубенчики могли пришиваться к одежде новгородских женщин в качестве пуговиц, как на традиционных образцах сарафанов XIX в. Сарафан из Поддорского р-на Новгородской губернии – “ферязь” с чередой шаровидных пуговок-бубенцов, именовавшихся “глухарями” (Ефимова, 1989. С. 64, 65. Рис. 50, 51), в противоположность колокольчикам, снизу открытым (в том же районе “глухарьки” – повешенные на жердь металлические шарики, звенящие при дуновении ветра, (см.: Новгородский областной словарь, 1992. С. 16); в Новгородском крае бубенчики на сбруе лошади – “шарочки”, “шаркунки” (Новго-

родский областной словарь, 1995. С. 81, 82). Для пуговок-глухарей, обычно не имевших долевых прорезей, но с мелкими боковыми отверстиями, “глазкáми”, характерен, возможно, древний способ изготовления – посредством пайки верхней и нижней тисненных половинок. Бубенцами украшали также кисти узорных поясов: на праздничных женских свитках (верхних суконных одеждах) “от воротника висят две покромки... вышитые бисером, а на концах с ширкунцами или бубенчиками” (Словарь..., 1985. С. 152). Память о звучащих пуговицах сохранялась на Русском Севере в стариных: “Он (Дюк Степанович) прогадил-то ведь ище по пуговкам – кабы каждая пуговка запела разным голосом” (Былины Печоры, 2001. С. 395).

В XIV–XV вв. бубенчики привязывали к ногам ловчих птиц, откуда их название – бубен соколий (“А Ивашка Перфурова товару... четыре щиты, да два бубна сокольи”, см.: Словарь..., 1975. С. 343); другие составляли праздничное убранство конской сбруи: “Юноша сяде на конь свой... звонцы же его доброгласны начаша прегудать” – сказано в повести XI–XII вв. “Девгениево деяние” (Словарь..., 1992. С. 171).

В древнем Новгороде, как в Западной Европе, бубенцы могли завершать колпаки скоморохов; крепиться к рукоятиям лопаточных трещоток; наконец, набор бубенчиков мог звучать в ансамбле с сопелью, гуслями, гудком или варганом (этим предположениям есть поддержка в русских лубочных картинках, натурных зарисовках, документах XVIII–XX вв.).

С точки зрения современного концертного музицирования, может показаться, что бубенчики в звуковом мире древнего Новгорода выполняли второстепенную роль, пусть и широкую – от обыденного звучащего украшения до участия во время праздников в хоре с основными гудебными со судами, т.е. музыкальными инструментами. Однако в традиционном народном представлении для каждого звукоизвлекающего приспособления находилась присущая ему первостепенная роль. Понятие музыкального мира растворялось за пределами собственно музицирования. В одном из вариантов старины про Дюка Степановича

(Онежские былины, 1948. С. 158) о звучащих пуговицах прямо сказано:

“Как поведет он да по пуговкам,
Как пойдут разныи да ведь музыки,
Тут молодцы, девицы да скачут...”.

Чудо звучащего мира равно переживалось в будни и праздники. В “Девгениевом деянии” о незамысловатых с виду бубенцах читаем: “Конь белъ, яко голубъ, а въ гриве его учинены многие звонцы – отъ прегудания и умъ человеческий не можетъ смыслить” (Словарь..., 1978. С. 357). Это ли не высшая оценка игры на самом благородном из музыкальных инструментов!

Полезно разобраться в многообразии бубенцов, понять их значение не только как украшений и объектов священных, но и как приспособлений, специально созданных для извлечения звуков. Без них представление о музыкальном мире древнего Новгорода не будет полным. Важно все разнообразие открываемых здесь бубенцов типологически и хронологически распределить по группам.

Открытия бубенцов в Великом Новгороде начались в 1951 г. Образцы X–XV вв. показали, что способы изготовления, размеры и художественные их формы в разные периоды истории не были одинаковыми. Возникла мысль: обнаружить закономерность таких изменений и использовать бубенчики как датирующие объекты для характеристики раскапываемого слоя. Это требовалось и для того, чтобы упорядочить паспортизацию подобных находок в полевой практике.

В 1963 г. Н.В. Рындина, изучая технологию производства новгородских ювелиров, впервые классифицировала бубенчики: “Они делятся на четыре типа: *грушевидные с крестообразной прорезью* (10 экз. в слоях X – начала XII в.), *грушевидные с линейной прорезью* (6 экз. в слоях XIII–XIV вв.), *шаровидные с грубой линейной прорезью и тройным рельефным пояском на тулово* (11 экз.: конец XI – начало XIII в.) и *шаровидные гладкие с линейной прорезью* (40 экз.: слои XI – первой половины XIV в.)”. Далее подчеркивается обоснованное классификационное условие: “У бубенчиков деление типологическое совершенно совпадает с их технологическими особенностями”. Первые три типа, согласно Н.В. Рындинои, отливались по восковой модели с сохранением двусторонних форм (Рындина, 1963. С. 244–247, 259; Рыбаков, 1948. С. 257). Четвертый тип – это бубенчики, спаянные из двух тисненных половинок (Рындина, 1963. С. 209, 247). Типология была принята Б.А. Колчиним (Колчин и др., 1981. С. 130).

В 1981 г. М.В. Седова представила иной вариант классификации, проанализировав 204 бубенчика, найденных в Новгороде в 1951–1974 гг. (Седова, 1981. С. 156, 157). Она также делила бубенчики на четыре группы, но по-другому: на

грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью (их нижняя часть покрыта косой насечкой; в слоях от середины X до середины XII в. обнаружены 22 экз.¹); *грушевидные бубенчики с линейной прорезью и тройным рельефным пояском* (распространены от последней четверти XI в. до второй половины XIII в.; найдено 20 экз.).²; *шаровидные бубенчики с линейной прорезью* (существовали с XI до начала XIV в.; 85 экз.; отмечено, что некоторые отлиты из меди, но большинство – из двух тисненных половинок)³; *грушевидные бубенчики с линейной прорезью и поперечным литьевым швом*.⁴

Подобное разделение бубенчиков по форме на четыре типа сохранилось в другой работе М.В. Седовой, где она, как и в предыдущей, декларирует исходный принцип классификации: “Такое типологическое деление бубенчиков совпадает с технологическими особенностями их изготовления”. И далее: “В целом бубенчики являются надежным материалом для хронологических атрибуций” (Седова, 1997. С. 69, 70. Табл. 54, 27–31 – номера рисунков не соответствуют тексту. – В.П.).

Однако очевидно, что данный вариант типологии разработан на формальных отличиях бубенчиков, иногда без учета особенностей их производства. В третьем и четвертом его типах перемешаны бубенчики литые и тисненные; их хронология стала расплывчатой, а количественные соотношения в группах сместились. Кроме того, в качестве четвертого типа представлены бубенчики *грушевидные с линейной прорезью и поперечным литьевым швом*, которых нет в типологии Н.В. Рындинои.

В обоих типологических вариантах не остается места многим разновидностям бубенцов. Они нуждаются в дополнениях и уточнениях, что ведет к созданию нового варианта. Необходимость его связана также с открытием новых образцов и с отсутствием в отчетах единого подхода к оценке ежегодно находимых экземпляров.

В 1975–2002 гг. в Новгороде обнаружено в виде обломков или целыми не менее 177 бубенчиков; отходы производства говорят еще примерно о 32 сделанных, хотя и не найденных, бубенчиках. До сих пор исследователи отметили два способа их изготовления. Первый – литье по восковой модели с сохранением двусторонней глиняной формы; второй – пайка из двух тисненных половинок. Недавно выявлен третий способ – литье по восковой модели с потерей формы (Поветкин, 2004.

¹ На рис. 62, 1–5 у М.В. Седовой показаны литые образцы.

² На рис. 62, 6–8 у М.В. Седовой литые образцы.

³ На рис. 62, 9–11, 15–17 у М.В. Седовой показано: 9–10 – литые, остальные тисненные.

⁴ “Изготовлены способом литья по восковой модели с сохранением формы. Грубый шов выступает примерно посередине их высоты. <...> Их найдено 77 в слоях от второй половины XIII до конца XIV в.”. На рис. 62, 12–14 показано: 12 – тисненный, 13–14 – литые.

С. 80–84). Предлагается новое разделение бубенчиков на типы – в трех основных технологических традициях производства и в соответствии с наблюдаемыми формальными признаками. Очевидна и обратная связь: способы производства узнаются в той мере, в какой этому способствуют результаты визуального изучения форм бубенцов.

Но прежде отметим исключительную разновидность бубенчиков. **Литые – округлые четырехлепестковые (крестопрорезные)** – в большей или меньшей мере шаровидные, иногда граненые со скругленными углами. Нижние их лепестки нередко украшают пересекающиеся в углах тонкие насечки. Встречены в захоронениях и на поселениях вне Новгорода, чаще в финно-угорских, с VIII–XI вв. (Голубева, 1987. С. 58. Табл. XVII, 29; Могильников, 1987. С. 174. Табл. LXXI, 17; С. 177. Табл. LXXII, 7; одна случайная находка – на Городище у истоков Волхова). Нижняя граница их бытования более ранняя, чем бубенчиков, найденных в Новгороде, где известны лишь два образца, найденные в 1956 и 1959 гг. на Неревском раскопе в слоях второй половины XII в. (Нер.-15–20–1167; 21–1707/1708, яма). Бубенчики этой группы изготовлены с высоким мастерством, вероятно, для конской сбруи по заказу знатных лиц. После отливки их искусно дорабатывали, выглаживали, в итоге с их поверхности исчезали признаки, указывающие на способ литья: по двум формам, например, или одной. Оставляем эти бубенчики за пределами нашего типологического деления до специального их обследования.

Находки 1975–2002 гг. рассмотрим в трех основных технологических традициях, или, согласно Л.А. Голубевой (1979. С. 10), группах. Группы разделим на типы, типы – на варианты.

1. Бубенчики двухчастнолитые (литые с использованием двух симметричных половин разъемной формы)

Наблюдаемый технологический признак – наличие следов вертикального литейного шва между половинками. По морфологическим признакам делятся на типы.

А – граненые крестопрорезные (грушевидные) снизу, как правило, украшались изящной параллельной насечкой (рис. 1, 1–6). Подобные бубенчики с Неревского раскопа изготавливали, согласно А.А. Коновалову (1974) – привески-бубенчики, из свинцово-оловянной и оловянной бронзы – сплавов, характерных для Новгорода, а также из многокомпонентного сплава V типа с преобладанием цинка, вероятно, неновгородского происхождения. Время их активного использования в быту новгородцев – XI в. (из 20 бубенчиков X–XII вв. в слоях конца X в. найден один; XI в. – 17 экз., начала и конца XII в. – два). Среди них редкое исключение составляют бубенчики с ин-

дивидуальными формами, у которых грани заметно скруглены;

Б – округлые продольнопрорезные: с тройной опояской – бытовали от середины XII в. до второй половины XIII в. (всего 18 экз., по девять экз. в слоях XII и XIII вв.). Подобные образцы с Неревского раскопа отлиты из свинцово-оловянной бронзы (Коновалов, 1974). Различимы две разновидности: в первой – подавляющее большинство образцов, у которых тройной поясок обозначен выпуклыми дорожками (рис. 1, 7–11). Во второй – очень редкие бубенчики, у которых тройной поясок образован вдавленными дорожками (рис. 1, 12); с двойной опояской (крайняя редкость; в рассматриваемый период раскопок не встречены); с одинарной опояской – обнаружено всего пять, в слоях от начала XII в. (три) до конца XIII в. (два). Характерные образцы – крупные, слегка сплюснутые с боков, грубоатой выделки, со следами доработки напильником (рис. 1, 13–15). Некоторые по форме и выделке близки бубенчикам с тройной опояской; **без опояски** – обнаружено в слоях середины XII в. – два, второй половины XIII в. – пять, второй половины XIV в. – один (вероятно, из перекопа). Итого – восемь (рис. 1, 16–19). По сути все их формы узнаются в бубенчиках с тройной и одинарной опоясками; неслучайно и основное время их бытования – XII–XIII вв.

В целом технологическая традиция бубенчиков **двухчастнолитых** укладывается в Новгороде в X–XIII вв. По морфологическим признакам они делятся на два типа: 1-А – *граненые крестопрорезные*, исполнены в высоком художественном стиле, в пределах Новгорода самые древние. Время их преобладания – XI в. Вне Новгорода присущи финским погребениям, часто детским (Седов, 1987. С. 38. Табл. X, 12; Башенькин, 1985. С. 77–81. Рис. 2; Хвошинская, 2004. С. 78, 130, 134, 135, 139. Табл.); 1-Б – *округлые продольнопрорезные*, бытовали в Новгороде в XII–XIII вв. (один экземпляр XIV(?) в.). Среди них разновидность с тройной опояской наиболее показательна: от середины XII в. до второй половины XIII в. Все они в обиходе новгородцев пришли на смену 1-А – *граненым крестопрорезным*. За пределами Новгорода отмечаются в финно-угорских древностях, иногда довольно рано (Розенфельдт, 1987. С. 129. Табл. LVII, 18; С. 150, 151. Табл. LXIII, 25).

2. Бубенчики тисненые (паянные мягким или твердым припоем из тисненных половинок)

Наблюдаемые технологические признаки – наличие горизонтального открытого или закрытого паяного шва между верхней и нижней половинками; гладкая поверхность тисненных половинок; вставные со следами припоя ушки. По морфологическим показателям делятся на типы:

А – шаровидные (разнопрорезные): основной вариант – с прорезью-двоеглазкой; редкие вари-

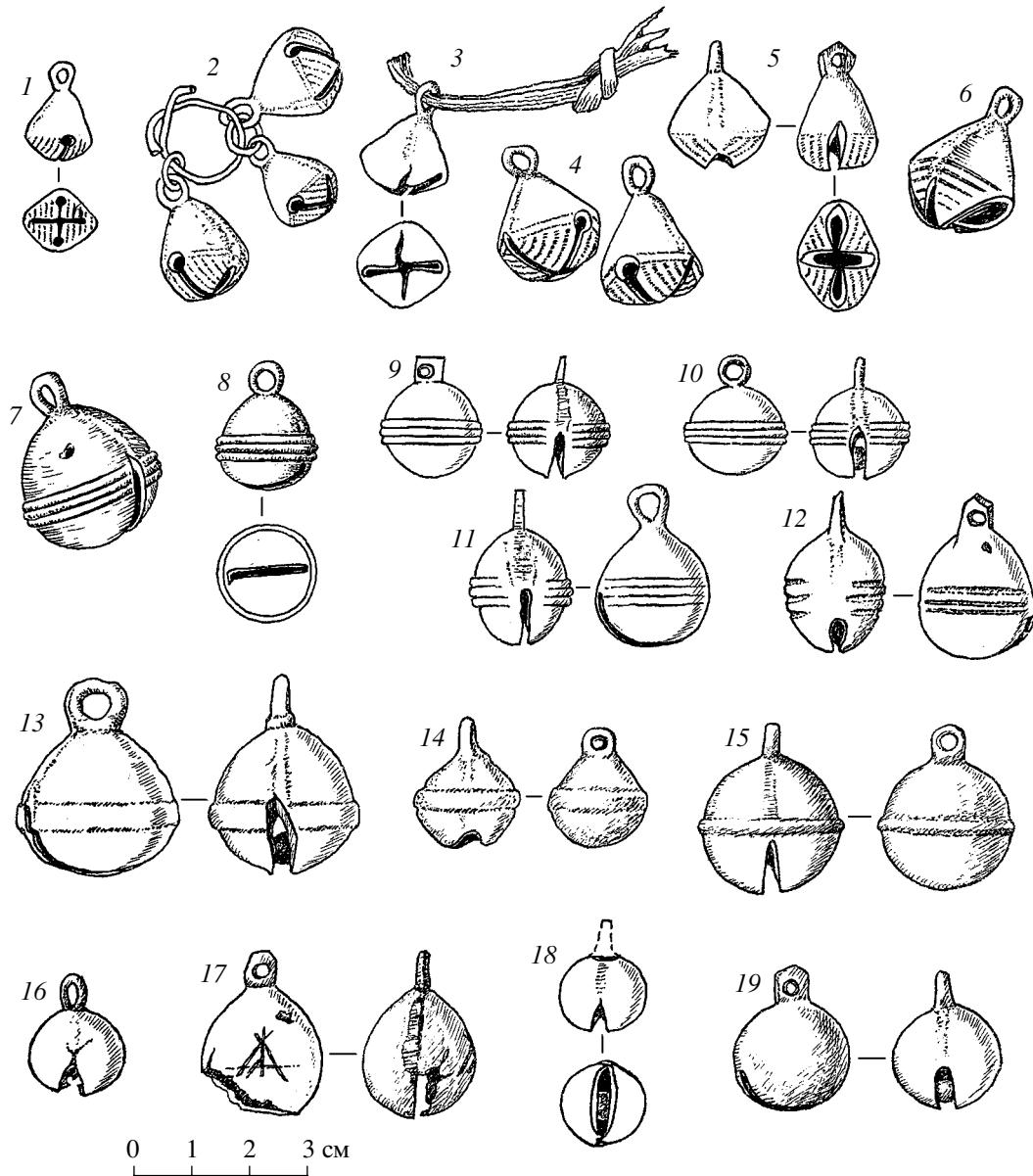


Рис. 1. Бубенчики двухчастнолитые. 1-А – граненые крестопрорезные (конец X – конец XII в.): 1 – Тр.-17-757; 2 – Тр.-16-684; 3 – Тр.-15-1398; 4 – Тр.-17-1314, два экз.; 5 – Тр.-9-1281; 6 – Ф-17-413. 1-Б – округлые продольнопрорезные/с тройной опояской (середина XII – вторая половина XIII в.): 7 – Тр.-16-460; 8 – Тр.-12-331; 9 – Тр.-8-713; 10 – Тр.-12-769; 11 – Тр.-6-1352; 12 – Тр.-11-106; с одинарной опояской (начало XII – конец XIII в.): 13 – Тр.-9-774; 14 – Тр.-14-1225; 15 – Тр.-10-316; без опояски (середина XII – середина XIV в.): 16 – Ф-18-254, ушко из проволоки; 17 – Тр.-4-758; 18 – Тр.+4-957; 19 – Ф-18-10.

анты – с прорезью-крестоглазкой; с долевой прорезью и парой боковых глазков; с четырьмя глазками; с двумя глазками; без глазков и прорезей; приплюснутые.

Характернейший материал для их изготовления – тонкая листовая красная медь. Такие же бубенчики с Неревского раскопа, по определению А.А. Коновалова, изготавливали из “чистой” меди – 88% (Коновалов, 1974). Обычно маленькие, пригодные быть пуговицами, диаметром от 8 до 14, редко 18 мм. Свидетельств о таких бубенчиках

обнаружено 126: в слоях XII в. – 94, XIII в. – 31, начала XIV в. – один (среди них примерно 32 не найденных, но исчисляемых из отходов производства XII в.). Особенно активно они использовались в период первой половины XII – середины XIII в. (рис. 2, 1–13). Чаще встречаются бубенчики с прорезью-двоеглазкой, то есть с тонкой долевой прорезью, в окончаниях снабженной отверстиями (рис. 2, 2, 8). Остальные разновидности единичны или очень редки. Большое количество образцов обнаружено вместе с отходами и инструм-

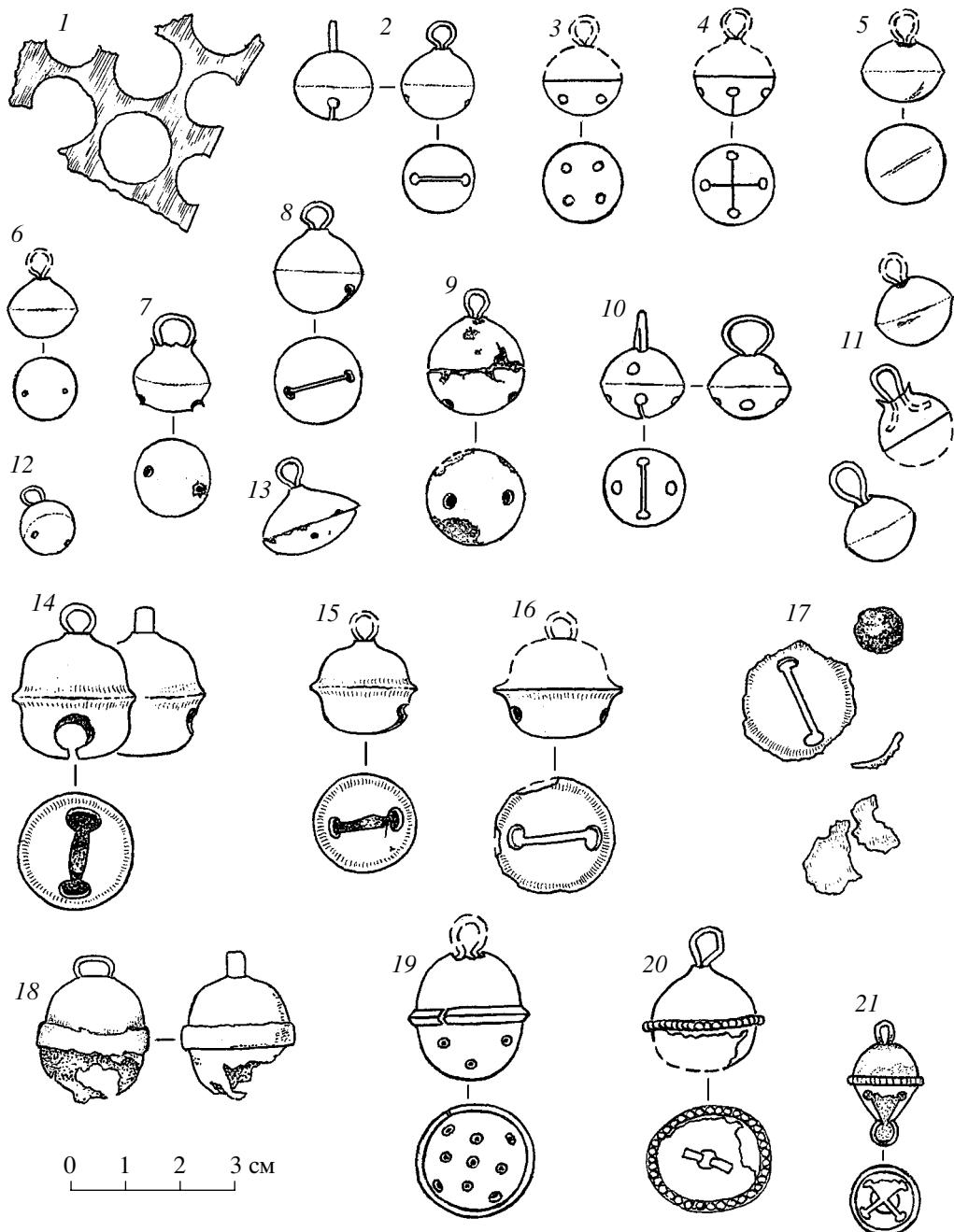


Рис. 2. Бубенчики тисненые. 2-А – шаровидные (начало XII – начало XIV в.): 1 – Тр.-16-254, № 8; 2 – Тр.-6-1256; 3 – Тр.-14-111; 4 – Тр.-14-251; 5 – Тр.-17-170; 6 – Тр.-16-254, № 88; 7 – Тр.-15-243; 8 – Тр.-9-604; 9 – Тр.-11-365; 10 – Тр.-16-482; 11 – Тр.-16-255, три экз.; 12 – Дуб.-28-21; 13 – Тр.-7-1066; 2-Б – бочонкообразные (первая половина XIII – вторая половина XIV в.): 14 – Тр.-5-372; 15 – Тр.-7-539; 16 – Дуб.-26-28; 17 – Тр.+3-883; 2-В – особые, с накладным пояском (первая половина XIII – первая половина XIV в.): 18 – Тр.-8-1445; 19 – Дуб.-27-2; 20 – Тр.-8-292; 21 – Тр.-1-831.

ментами мастерской по производству бубенчиков в Людином конце в слоях первой половины – третьей четверти XII в. (рис. 2, 4–7, 10, 11). Данный комплекс содержит 44 бубенчика целых и половинок, а также 14 красномедных с округлыми вырезами пластин, из которых было изготовлено не менее 27 бубенчиков (рис. 2, 1). Здесь же обнару-

жены куски проволоки и инструменты – пuhanсон-секач для нарубки круглых пластин и чекан для тиснения половинок бубенчиков (Колчин и др., 1981. С. 129–135; Колчин, 1985. С. 261, 264. Табл. 107, 16, 17). Разброс свидетельств этого комплекса весьма широк. Вероятным его продолжением была точно такая же, как четырнадцать предыду-

щих, медная с вырезами пластина, из которой древний мастеровой сделал примерно пять бубенцов (Тр.-III – 18–135). Включаем эту, пятнадцатую, пластину в означенный комплекс, хотя слой ее залегания соответствует XI в.; учтем, что при устройстве здесь на береговом склоне в XVI в. Малого земляного города слои перекапывались. Найдки бубенчиков показывают, что в процессе производства в верхней их половинке изнутри пробивалось отверстие, в него снаружи вставлялось проволочное ушко, кончики которого опять-таки изнутри разводились, чтобы ушко не выпало (рис. 2, 11). В нижней половинке сверлили или пробивали обычно два боковых отверстия-глазка диаметром 1–2 мм (этую операцию иногда осуществляли на конечном этапе производства, после пайки). Затем края обеих половинок подравнивали на оселке и вплотную подгоняли друг к другу; в верхней закрепляли ушко посредством припоя. По правилам данной мастерской, в бубенчик вкладывали камешек, который мог со временем разрушиться, и бубенчик переставал звенеть. В некоторых бубенцах дробинки не предполагалось изначально: вероятно, это были взаимоударяющиеся звонцы. Когда дробина или камушек был вставлен, тем же припоеем спаивали половинки. Наконец, между двумя боковыми отверстиями в нижней половинке бубенчика делали тонкий пропил, иначе, долевую прорезь. Неоконченный пропил виден у бубенчика, не снабженного отверстиями (рис. 2, 5). Поэтому о бубенчиках с парой отверстий-глазков или без таковых можно думать как о незавершенных (в условиях рассмотренной мастерской). Очевидно также, что часть из них неумелой, возможно, ученической выделки. В подобной мастерской делали и тисненные пуговички, похожие на бубенцы, только без дробинки и прорезей.

Н.В. Рындина (1963. С. 247) заметила: "...если другие типы бубенчиков распространены в мас- совом количестве среди всех славянских и чуд- ских племен, то тисненные бубенчики с линейной прорезью неизвестны почти нигде, кроме Новго- рода". По сути это верно, но сейчас выявляется очень важный факт. Разновидности тисненных бубенчиков, пусть не так часто, как в Новгороде, есть в комплексах с преобладанием или очевидным присутствием славянских вещей – в Ново- грудке (Гуревич, 1981. С. 91, 96. Рис. 71, 5; 76, 2), Мстиславле (Алексеев, 1980. С. 176. Рис. 26, 3), Старой Рязани (Даркевич, 1974. С. 68. Рис. 44, 4; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 150, 182, 203, 379, 435. Табл. 12, 10; 49, 17; 89, 8; 146, 5; 151, 3), Суз- дале (Седова, Беленькая, 1981. С. 112. Рис. 4, 19) на селище Лебедка в земле вятичей (Никольская, 1981. С. 53. Рис. 21, 10). В Пскове помимо обсуждаемых образцов обнаружены еще бубенчики из группы 2-Б, о которых далее пойдет речь (Королева, 1996. С. 283, 296. Табл. VII, 16; XXV, 8–10).

Б – бочонкообразные (с крупной прорезью-двоеглазкой). В Новгороде найдено 12 (в слоях первой половины и середины XIII в. – два экз.; XIV в. – 10 экз.). Изготавливались из желтой и золотисто-желтой листовой латуни (рис. 2, 14–17); сравнительно крупные – диаметром 15–22 мм. Большинству бубенчиков присуща долевая прорезь, в окончаниях снабженная большими вырезами-глазками (диаметр 4–7 мм). Ушко гнулось обычно из полоски той же листовой латуни. Вставлялось и закреплялось оно по известной схеме в верхней половинке. Тисненыые половинки снабжались плавно отогнутым по окружности бортиком, после пайки у бубенчика образовывалась упругий поясок, он заполировывался, шов получался еле заметным и оставался открытым. С обломками одного бубенчика уцелела шаровидная железная дробина диаметром 8 мм (рис. 2, 17).

В – особые, или с накладным пояском (разно-прорезные). У таких бубенчиков, выкраивавшихся из латунных листов, паяный шов скрыт под разновидностью накладного пояска. За 1975–2002 гг. найдено четыре экз.: с широким пояском из слоя первой половины XIII в. (рис. 2, 18); с узеньким пояском, имитирующим зернь, первой половины XIV в. (рис. 2, 20); необычен бубенчик с уголковым в сечении пояском и девятью мелкими глазками в нижней его половинке – XIII в. (рис. 2, 19). Из общего ряда выпадает маленький бубенчик-звонец с крестовидной прорезью, снабженной в окончаниях глазками; нисходящая на конус нижняя половинка завершается крохотным крестопрорезным полым шариком (рис. 2, 21). Этот бубенчик выполнен с исключительным мастерством. На нем видны остатки позолоты, возможно, во второй половине XIII в. он украшал блеском и звоном ризу архиерея.

В целом технологическая традиция, обосновавшая производство тисненных бубенчиков, отмечается в XII–XIV вв. Но при этом бубенчики типа 2-А – шаровидные, бытовавшие в XII и отчасти XIII–XIV в., предшествуют типам бубенцов 2-Б – бочонкообразным и 2-В – особым, для XIII и особенно XIV вв. характерным. Эти типы бубенчиков, очевидно, различаются: шаровидные изготавливали из красной листовой меди, а бочонкообразные – из листов желтого или золотистого оттенка, свойственного латуни. Последние были популярны в Западной Европе. Уместен вопрос об их зарубежном происхождении.

3. Бубенчики единичночлопитые (литые по восковой модели с потерей единичночной, цельной, глиняной формы)

Наблюдаемые технологические признаки: полное отсутствие следов литейного шва (или линии разъема форм) как снаружи, так и изнутри; наличие остатка (не опиленного излома) литника, присоединявшегося обычно к ушку; слегка шеро-

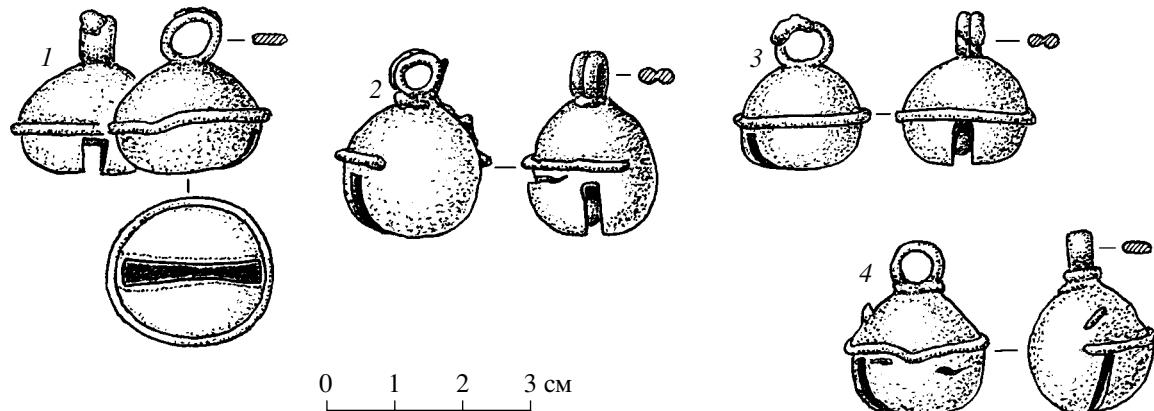


Рис. 3. Бубенчики единочастнолитые. 3-А – окружные со жгутиком-опояской (конец XIII – конец XIV в.): 1 – Нут.-16-38; 2 – Ф-кв.172, № 22; 3 – Тр.-4-1440; 4 – Тр.-5-1213, № 1.

ховатая, матовая, без следов механической обработки после отливки поверхность. По художественным признакам вне Новгорода обнаруживают некоторое разнообразие, но в Новгороде составляют один тип:

A – со жгутиком-опояской (продольнопрорезные). Собрano 16 экземпляров: по одному для конца XIII в. и рубежа XIII–XIV вв., почти все остальные – из слоев середины – конца XIV в. (рис. 3, 1–4). А.А. Коновалов назвал их привесками-бубенчиками с линейной прорезью и рельефным валиком в средней части туловища и определил, что их отливали в основном из оловянной бронзы, редко из свинцово-оловянного сплава (Коновалов, 1974). Считалось, что у этой разновидности бубенчиков посередине высоты выступает грубый по-перечный литейный шов (Седова, 1981. С. 156, 157. Рис. 62, 13, 14). Но это не шов между верхней и нижней половинками, а украшение и одновременно жесткость в виде жгутика-опояски поверх цельного корпуса бубенчика. Особенно наглядны образцы, у которых опояска неполная: на свободной части корпуса нет (и не могло быть) следов стыковки двух половинок (рис. 3, 2, 4). Технология изготовления по существу та же, что у полых шумящих подвесок-амулетов (для отливки последних, кстати, также применяли оловянистые и свинцово-оловянистые бронзы: Коновалов, 1974). Прибавились лишь незначительные операции, диктуемые формой полого с дробиной бубенца. Учитывая наработки предыдущих исследователей на тему древних литейных технологий, опишем способ производства таких бубенчиков вкратце. Из песка и глины лепили временную форму внутренней части бубенчика (пользуясь языком литейщиков, стержень или болван) с заранее вставленным шариком-дробиной. Стержень равномерно, вероятно, неоднократным погружением в расплавленный воск, покрывали восковым слоем на толщину стенок бубенчика. При изготовле-

нии ушка в одних случаях брали восковой жгутик диаметром от 1.5 до 2 мм, который слегка прокатывался, уплощался и гнулся в одинарное колечко. В других случаях из воска раскатывали жгутик диаметром от 1 до 1.5 мм, из него по спирали в два оборота сворачивали двойное колечко. Одинарное или двойное колечко посредством горячей металлической спицы вплавлялось в верхушку восковой модели бубенчика и служило ушком. На среднем уровне модели той же разогретой спицей припаивали восковой жгутик-опояска. После чего в нижней половинке на толщину восковой стенки прорезалась дорожка шириной от 2 до 4 мм – будущая долевая прорезь бубенчика. Затем из воска лепили конусообразный литник и тонким его кончиком припаивали чаще всего к ушку. С припаянным литником модель покрывалась смесью глины и песка, высыпалась и приобретала наружную литейную форму. При этом наружная форма в нижней части модели через долевую прорезь – важнейшее обстоятельство – соединялась со стержнем, превращаясь в монолит. После высыхания такой модельный блок разогревался, воск выплавлялся, и вместо него зливался расплавленный металл (бронза). По застыании металла наружная форма разрушалась. Затем отламывался литник; на многих образцах, на ушке, хорошо видны его остатки и место излома, которые далее не подвергались механической обработке (не заглаживались напильником). Наконец, глинистую внутреннюю форму, стержень, разрушали в горячей воде через долевую прорезь, делая подвижной дробину. Весь процесс позволял получить один бубенчик – вот почему в данной группе все они, при технологическом и художественном единстве, обладают индивидуальными, живыми чертами, – среди них и шаровидные, и грушеобразные, и приплюснутые, и удлиненные.

Таблица 1. Хронология новгородских бубенчиков (раскопки 1975–2002 гг.)

Технологические группы, типы и варианты	Века				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1 – двухчастнолитые					
1-А – граненые крестопрорезные		■			
1-Б – округл. продольнопрорезные:				■	
– с тройной опояской				■	
– с одинарной опояской				■	
– без опояски				■	
2 – тисненые					
2-А – шаровидные		■			
2-Б – бочонкообразные		■			
2-В – особые		■			
3 – единочастнолитые					
3-А – со жгутиком-опояской				■	

Традиция производства бубенчиков *единочастнолитых* отмечена в Новгороде редкими образцами конца XIII – первой половины XIV в. (возможно, дата нуждается в уточнении), а самое характерное время их производства – от середины до конца XIV в. Заметим, что именно этим пятидесятилетием датируется комплекс из десяти (!) таких же бубенчиков, открытый в 2002–2003 гг. на Никитинском раскопе (Поветкин, 2004. С. 83). За пределами Новгорода такие бубенчики (другими авторами иначе классифицированные) прослеживаются в курганах Ленинградской и Псковской областей, что отметил А.А. Коновалов (1974) и у прикамских финнов, причем, похоже, в более раннее время, чем в Новгороде, и в разных вариантах художественного оформления (Розенфельдт, 1987. С. 129. Табл. LVII, 18; С. 150, 151. Табл. LXIII, 25).

Доказано, что во второй половине I тыс. – первых веках II тыс. н.э. способом литья по восковой модели с последующим разрушением глиняной формы, изготавливая шумящие подвески, пользовались финно-угорские женщины и даже девочки. Позднее появились мужчины-литейщики (Рыбаков, 1948. С. 90–94; Голубева, 1987. С. 31–34). Кто в условиях древнего Новгорода занимался литьем бубенчиков, составивших группу *единочастнолитых* 3-А, пока неясно.

Сопоставление по-новому классифицированных новгородских бубенчиков с материалами древних городищ, курганных и прочих захоронений ведет к следующему заключению. Истоки производства представленных разновидностей *двухчастнолитых* и *единочастнолитых* бубенчиков следует искать в финно-угорских и других иноэтнических традициях, выходивших далеко за

пределы Новгорода. Производство же бубенчиков *тисненных* типа 2-А – *шаровидных*, возможно, осуществлялось с преобладающим участием новгородских мастеров славянского происхождения.

Результат проделанной работы воплощен в хронологическом графике (табл. 1) показывающем, применительно к истории Новгорода, очередьность и продолжительность основных технологических традиций изготовления бубенцов. Периоды активного производства обозначены жирной и особо жирной линией, тонкой – время пассивности. Можно наблюдать, как происходила смена типов бубенцов, а также периоды их параллельного существования. Типы бубенчиков, периоды бытования которых отмечены жирной линией, обретают или могут обрести свойства датирующих.

Хронология бубенчиков, разделенных в трех основных технологических группах на типы и варианты, стала более детальной. Одни бубенцы попали в узкие временные рамки, другие показывают свое длительное бытование. В новой классификации сравнительно с прежними типологиями количественные соотношения существенно иные, соответственно изменились и хронологические периоды. Так, бубенчики *единочастнолитые* 3-А – со жгутиком-опояской представлены здесь 16 экз. со временем активного бытования от середины до конца XIV в. Подобная же группа в классификации М.В. Седовой – *грушевидные бубенчики с линейной прорезью и поперечным литейным швом* – состоит из 77 экз. второй половины XIII – конца XIV в. Многочисленность и широкий период бытования объясняются тем, что в означенную группу вошли бубенчики, сделанные по различным технологиям.

Таблица 2. Паспорта бубенчиков, открытых в Великом Новгороде в 1975–2002 гг.

1 – бубенчики двухчастнолитые; тип 1-А – граненые крестопрорезные					
№	Год	Раскоп	Ярус–пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1977	Троицкий-IV	19-224, № 23	п.п. XI в.	Целый
2	1987	Троицкий-VIII	15-657, № 9	к. XI в.	Ушко утрачено
3	1987	Троицкий-VIII	16-684, № 36	в.п. XI в.	3 экз. целые
4	1987	Троицкий-VIII	17-757, № 36	с. XI в.	Целый
5	1991	Федоровский-III	20-172, № 22	к. XI в.	Целый
6	1992	Федоровский-I	21-53, № 50	в.п. XI в.	Целый
7	1992	Федоровский-II	21-101, № 44	в.п. XI в.	Поврежден
8	1992	Троицкий-IX	10-842, № 261	к. XI в.	Целый
9	1993	Троицкий-IX	12-882, № 53	в.п. XI в.	Поврежден
10	1993	Федоровский-V	17-413, № 15	н. XII в.	Целый
11	1993	Федоровский-V	19-400, № 3	к. XI в.	Целый
12	1996	Троицкий-X	9-1281, № 36	к. XII в.	Целый
13	1997	Троицкий-XI	17-1278, № 19	н. XI в.	Поврежден
14	1998	Троицкий-XI	18-1225, № 27	п.п. XI в.	Целый
15	1999	Троицкий-XII	15-1398, № 68	к. XI в.	Целый с ремешком
16	1999	Троицкий-XII	17-1314, № 28	с. XI в.	2 экз. целые
17	2000	Троицкий-XII	20-1362, № 85	к. X в.	Поврежден
Итого: 20 экз.					
1 – бубенчики двухчастнолитые; тип 1-Б – окружные продольнопрорезные с тройной опояской					
№	Год	Раскоп	Ярус–пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1975	Троицкий-II	11-106, № 5	в.п. XIII в.	Целый
2	1978	Дубошин	33-24, № 20	XII в.	Поврежден
3	1978	Дубошин	33-37, № 1	XII в.	Поврежден
4	1979	Троицкий-V	10-316, № 12	с. XIII в.	Целый
5	1980	Троицкий-V	12-331, № 1	с. XIII в.	Целый
6	1980	Нутный	23-74, № 2	к. XII в.	Обломок
7	1981	Троицкий-VI	Колодец	XIII в.	Два обломка
8	1982	Троицкий-VI	16-460	к. XII в.	Целый
9	1982	Троицкий-VI	18-413, № 4	с. XII в.	Обломок
10	1985	Троицкий-VIII	5-698, № 9	п.п. XIII в.	Целый
11	1985	Троицкий-VIII	6-649, № 67	п.п. XIII в.	Целый
12	1985	Троицкий-VIII	8-713, № 77	к. XII в.	Целый
13	1986	Троицкий-VIII	12-769, № 213	с. XII в.	Целый
14	1990	Троицкий-X	3-1173, № 522	п.п. XIII в.	Обломок
15	1990	Михаилоарх.	11-43, № 14	в.п. XII в.	Целый
16	1996	Троицкий-XI	6-1270, № 69	в.п. XIII в.	Целый
17	1997	Троицкий-XII	6-1352, № 96	в.п. XIII в.	Целый
18	1998	Троицкий-XII	11-1349, № 66	с. XII в.	Целый
Итого: 18 экз.					
Тип 1-Б – окружные продольнопрорезные с одинарной опояской					
№	Год	Раскоп	Ярус–пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1979	Троицкий-V	10-316, № 12	к. XIII в.	Целый
2	1981	Нутный	21-27-57, № 3	к. XII в.	Целый
3	1986	Троицкий-VIII	9-774, № 19	к. XII в.	Целый
4	1993	Федоровский-V	14-406	к. XIII в.	Обломок
5	1997	Троицкий-XI	14-1225, № 32	н. XII в.	Целый
Итого: 5 экз.					

Таблица 2. Продолжение

Тип 1-Б – округлые продольнопрорезные без опояски					
№	Год	Раскоп	Ярус–пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1975	Троицкий-III	11-106	в.п. XIII в.	Целый
2	1979	Троицкий-V	10-316, № 12	к. XIII в.	Целый
3	1984	Троицкий-VIII	4-758, № 64	в.п. XII в.	Целый, со знаком
4	1985	Троицкий-VIII	5-698, № 92	с. XIII в.	Целый
5	1988	Троицкий-IX	+4-957, № 13	с. XIV в.	Ушко обломано
6	1989	Троицкий-IX	2-848, № 188	в.п. XIII в.	Обломок
7	1991	Федоровский-I	18-10, № 15	с. XII в.	Целый
8	1992	Федоровский-IV	18-254, № 30	с. XII в.	Целый
Итого: 8 экз.					
2 – бубенчики тисненые. Тип 2-А – шаровидные (разнопрорезные)					
№	Год	Раскоп	Пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1975	Троицкий-II	10-100, № 29	кон. XII в.	Целый
2	1975	Троицкий-II	11-88, № 49	тр. ч. XII в.	В. половинка
3	1975	Троицкий-II	13-104, № 21	в.ч. XII в.	Поврежден
4	1975	Троицкий-II	13-104, № 28	в.ч. XII в.	Целый
5	1975	Троицкий-II	13-107, № 11	в.ч. XII в.	Поврежден
6	1975	Троицкий-II	14-103, № 18	п.ч. XII в.	2 экз. обломки
7	1975	Троицкий-II	14-106, № 38	п.ч. XII в.	Обломок
8	1975	Троицкий-II	14-106, № 2	п.ч. XII в.	Два обломка
9	1975	Троицкий-II	14-108, № 42	п.ч. XII в.	Без ушка
10	1975	Троицкий-II	14-111, № 48	п.ч. XII в.	Н. половинка
11	1975	Троицкий-III	18-135, № 17	XI/XII в.	Отх. пр.; 5 экз.
12	1976	Троицкий-IV	11-183, № 10	п.п. XIII в.	В. половинка
13	1976	Троицкий-IV	15-?, № 18	в.п. XII в.	Н. половинка
14	1977	Троицкий-IV	14-234, № 140	кон. XII в.	Целый
15	1977	Троицкий-IV	14-251, № 24	кон. XII в.	Н. пол. крестопр.
16	1977	Троицкий-IV	14-253, № ?	кон. XII в.	Целый
17	1977	Троицкий-IV	15-234, № 40	кон. XII в.	В. половинка
18	1977	Троицкий-IV	15(?)236, № 14	кон. XII в.	Помят
19	1977	Троицкий-IV	15-239, № 11	кон. XII в.	В. половинка
20	1977	Троицкий-IV	15-243, № 32	кон. XII в.	Целый
21	1977	Троицкий-IV	15-254, № 148	кон. XII в.	Без отв. с дроб.
22	1977	Троицкий-IV	14/16-з.тр., № 5	в.п. XII в.	Помят
23	1977	Троицкий-IV	16-252, № 18	тр.ч. XII в.	Целый
24	1977	Троицкий-IV	16-252, № 26	тр.ч. XII в.	Без отв. с дроб.
25	1977	Троицкий-IV	16-254, № 8	тр.ч. XII в.	Отх. пр. (11 экз.)
26	1977	Троицкий-IV	16-254, № 38	тр.ч. XII в.	Отх. пр. (16 экз.)
27	1977	Троицкий-IV	16-254, № 88	тр.ч. XII в.	=16 экз.
28	1977	Троицкий-IV	16-255, № 37	тр.ч. XII в.	=12 экз.
29	1977	Троицкий-IV	16-255, № 119	тр.ч. XII в.	Без ушка
30	1977	Троицкий-IV	17-170а, № 72	с. XII в.	Без ушка

Таблица 2. Продолжение

2 – бубенчики тисненые. Тип 2-А – шаровидные (разнопрорезные)

№	Год	Раскоп	Пласт–квадрат	Дата	Примечания
31	1978	Дубошин	27-7, № 47	XIII в.	Целый
32	1978	Дубошин	27-з.тр. № 7	XIII в.	Поврежден
33	1978	Дубошин	28-21, № 155	XIII в.	С 2 глазками
34	1978	Дубошин	31-27, № 84	XIII в.	В. половинка
35	1979	Троицкий-V	9-318, № 21	с. XIII в.	Поврежден
36	1979	Троицкий-V	9-323, № 17	с. XIII в.	Поврежден
37	1981	Троицкий-VI	11-365, № 30	в.п. XIII в.	С 2 глазками
38	1982	Троицкий-VI	16-482, № ?	к. XII в.	С глазк. и прорез.
39	1984	Троицкий-VII	7-593, № 35	п.п. XIII в.	Целый
40	1984	Троицкий-VII	9-604, № 19	н. XIII в.	Целый
41	1984	Троицкий-VII	9-604, № 30	н. XIII в.	Н. половинка
42	1984	Троицкий-VII	9-618, № 19	н. XIII в.	Целый
43	1984	Троицкий-VII	10-533, № 25	к. XII в.	Целый
44	1985	Троицкий-VIII	7-774, № 129	п.п. XIII в.	Поврежден
45	1989	Троицкий-IX	1-843, № 127	в.п. XIII в.	В. пол. б. ушка
46	1989	Троицкий-IX	2-884, № 393	в.п. XIII в.	Целый
47	1989	Троицкий-IX	2-889, № 156	в.п. XIII в.	Без ушка
48	1990	Троицкий-IX	4-965, № 230	н. XIII в.	Целый
49	1990	Троицкий-IX	4-965, № 660	н. XIII в.	Целый
50	1990	Троицкий-X	4-1070, № 50	п.п. XIII в.	В. половинка
51	1990	Троицкий-X	4-1157, № 54	п.п. XIII в.	Н. половинка
52	1990	Троицкий-X	4-1172, № 103	п.п. XIII в.	Без ушка
53	1990	Троицкий-X	5-1162, № 4	с. XIII в.	Без ушка
54	1990	Троицкий-X	5-1186, № 11	с. XIII в.	Целый
55	1990	Троицкий-X	5-1218, № 74	с. XIII в.	Целый
56	1991	Троицкий-X	6-1128, № 102	н. XIII в.	Без ушка
57	1991	Троицкий-X	6-1154, № 4	н. XIII в.	Целый
58	1991	Троицкий-X	7-1058, № 6	н. XIII в.	Целый
59	1991	Троицкий-X	7-1066, № 70	н. XIII в.	Сплюснутый
60	1991	Троицкий-X	7-1133, № 58	н. XIII в.	Без ушка
61	1991	Федоровский	18-10, № 15	в.п. XII в.	Целый
62	1991	Федоровский-II	19-106, № 7	п.п. XII в.	Целый
63	1992	Федоровский-IV	18-254, № 30	в.п. XII в.	Целый
64	1995	Троицкий-XI	3-1227, № 77	н. XIV в.	Обломок
65	1996	Троицкий-XI	6-1256, № 153	в.п. XIII в.	Целый
66	1998	Троицкий-XII	10-1411, № 82	в.п. XII в.	Целый
67	1998	Троицкий-XII	11-1326, № 90	с. XII в.	В. половинка
68	1998	Троицкий-XII	11-4010, № 46	с. XII в.	Без ушка
69	1999	Троицкий-XII	13-1343, № 46	п.п. XII в.	Смят
70	1999	Андреевский	п. материк, кв. 108	в.п. XIII в.	Без ушка
Итого: 129 экз.					

Таблица 2. Окончание

2 – бубенчики тисненые. Тип 2-Б – бочонкообразные

№	Год	Раскоп	Пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1978	Дубошин	26-28, № 109	п.п. XIV в.	Н. половинка
2	1980	Нутный	15-23, № 12	с. XIV в.	Н. половинка
3	1980	Нутный	15-75, № 9	с. XIV в.	Н. половинка
4	1981	Троицкий-VI	5-372, № ?	в.п. XIV в.	Целый
5	1981	Троицкий-VI	12-445, № ?	с. XIII в.	Н. половинка
6	1981	Троицкий-VI	8-422, № ?	п.п. XIV в.	Н. половинка
7	1984	Троицкий-VII	7-539, № 33	п.п. XIII в.	Без ушка
8	1984	Троицкий-VIII	3-789, № 80	н. XIV в.	Без ушка
9	1988	Троицкий-IX	+1-879, № 367	п.п. XIV в.	Без ушка
10	1988	Троицкий-IX	+3-883, № 91	в.п. XIV в.	Обл-ки, дробина
11	1989	Троицкий-X	+1-1145, № 10	с. XIV в.	Поврежден
12	1989	Троицкий-X	+1-1142, № 52	с. XIV в.	2 части, поврежд.
Итого: 12 экз.					

2 – бубенчики тисненые. Тип 2-В – особые/с накладным пояском

№	Год	Раскоп	Пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1978	Дубошин	27-2, № 67	XIII в.	8 глазков
2	1979	Троицкий-V	8-292, № 11	п.п. XIV в.	Поврежден
3	1989	Троицкий-IX	1-831, № 186	в.п. XIII в.	Золоч. крестопр.
4	1997	Троицкий-XII	8-1445, № 4	п.п. XIII в.	Поврежден
Итого: 4 экз.					

3 – бубенчики единичночленные, тип 3-А – со жгутиком-опояской

№	Год	Раскоп	Пласт–квадрат	Дата	Примечания
1	1976	Троицкий-IV	5-230, № 11	к. XIV в.	Целый
2	1976	Троицкий-IV	7-216, № 16	в.п. XIV в.	Целый
3	1980	Нутный	16-38, № 32	в.п. XIV в.	Целый
4	1984	Троицкий-VIII	+2-664, № 71	к. XIV в.	Помят
5	1989	Троицкий-IX	+1-807, № 1	с. XIV в.	Целый
6	1989	Троицкий-X	+2-1078, № 8	в.п. XIV в.	Целый
7	1989	Троицкий-X	+2-1182, № 82	в.п. XIV в.	Целый
8	1989	Троицкий-X	+1-1106, № 62	с. XIV в.	Целый
9	1989	Троицкий-X	1-1142, № 82	п.п. XIV в.	Целый
10	1991	Троицкий-X	5-1213, № 1	руб. XIII-XIV в.	Целый
11	1992	Федоровский	кв. 172, № 22	XIV в.	Целый
12	1995	Андреевский	12-46, № 2	XIV в.	Целый
13	1996	Троицкий-XI	4-1289, № 31	с. XIV в.	Целый
14	1996	Троицкий-XI	6-1270, № 42	кон. XIII в.	Обл-к, дробина
15	1996	Троицкий-XII	4-1440, № 57	п.п. XIV в.	Целый
16	2002	Никитинский	Отвал, № 5	к. XIV в.	Ц. с ремешком
Итого: 16 экз.					

Наглядным стал процесс смены литейных традиций изготовления бубенчиков в условиях древнего Новгорода: бубенчики *двухчастнолитые*, активные вплоть до конца XIII в., сменяют (возможно, не тотчас, а ближе к середине XIV в.) бубенчики *единочастнолитые*.

Выявились самостоятельные разновидности бубенчиков, например, среди *тисненых*, такие как образцы, отнесенные к типам 2-Б – *бочонкообразным* и 2-В – *особым/с накладным пояском*. Причем хронологический график показывает, что основная их часть принадлежит XIV в., а в XII–XIII вв. остаются бубенчики типа 2-А – *шаровидные*.

Наш принцип разграничения бубенчиков – в трех основных технологических традициях их производства – позволяет по мере надобности дробить соответствующий тип на варианты и дополнять его любыми новыми разновидностями бубенчиков, открытыми при раскопках. Кроме тех, разумеется, которые будут свидетельствовать о принципиально иной технологии их производства. В этом случае они займут место в соответствующей новой технологической традиции. В псковских древностях, например, встречаются бубенчики *литые пятилепестковые* (Поветкин, 2003, С. 231, 232. Рис. 3, 3, 4). Недавно в Новгороде был найден сравнительно поздний бубенчик *крестопрорезного*, состоявшего когда-то из *верхней и нижней половинок*, но не *тисненных*, а *литых* с последующей ручной доработкой (Поветкин, 2004. С. 80, 81. Табл. 1, 8). Особого изучения заслуживают отдельные образцы с Неревского раскопа. Материалы такого рода могут быть учтены в специальной типологии с расширенными хронологическими и географическими границами.

Разбивка на типы и варианты осуществлена с учетом лишь основных наблюдаемых показателей образцов: они не были разделены, скажем, на крупные и мелкие; опущены индивидуальные детали (им можно посвятить специальные исследования). Дополнительная внутритиповая разбивка возможна вплоть до отдельных образцов.

При описании находок бубенчиков рекомендуется указывать их технологическую группу, затем индекс, тип и вариант, например: бубенчик двухчастнолитой 1-Б – округлый продольнопрорезной/с тройной опояской (см. табл. 2).

Данный вариант типологического деления окажет помощь художнику, готовящему материалы о бубенцах к публикации. Их грамотное изображение сопряжено с выявлением не только общих формальных черт, но и характерных технологических признаков. Напомним: у бубенчиков двухчастнолитых – *следы вертикального литейного шва*; у тисненных – *горизонтальный паяный шов*; у единочастнолитых – *остатки обломан-*

ных неопиленных литников. Такие свидетельства желательно обозначать всегда (даже если они едва видны, но есть уверенность в их наличии). Желательно графически или письменно сообщать, сохранилась ли в бубенчике дробина, каков ее материал и способ изготовления.

Искренне признателен профессору Н.В. Рындиной за важные критические замечания, сделанные в ходе данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
- Башенькин А.Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Былины Печоры. Свод русского фольклора. Т. 2. СПб.; М., 2001.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59.
- Голубева Л.А. Прибалтийские Финны. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.
- Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Ефимова Л.В. Русский народный костюм. Альбом. М., 1989.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Колchin Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
- Коновалов А.А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Королева Э.В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Т. 1. Псков, 1996.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.
- Новгородский областной словарь / Авт.-сост. А.В. Клевцова, В.П. Строгова. Вып. 2. Новгород, 1992.
- Новгородский областной словарь / Авт.-сост. А.В. Клевцова, В.П. Строгова. Вып. 12. Новгород, 1995.
- Онежские былины. Летописи / Под ред. Ю.М. Соколова. Кн. 13. М., 1948.
- Поветкин В.И. Гудебные сосуды древних псковичей. Ч. 1 // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 1. М., 2003.
- Поветкин В.И. Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2004.

- Розенфельдт Р.Л.* Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. МИА. 1963. № 117.
- Седов В.В.* Прибалтийские финны. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981.
- Седова М.В.* Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М., 1997.
- Седова М.В., Беленъкая Д.А.* Окольный город Сузdal // Древнерусские города. М., 1981.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. Л., 1985.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992.
- Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989.
- Хвоцкая Н.В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.

Zvontsy bells from Ancient Novgorod (usage, manufacture, typology and chronology)

V. I. Povetkin

S u m m a r y

Starting from 1951, over 400 bells were discovered in Novgorod cultural strata of the 10th–15th cc. They were used in the household and for musical activities; the shape, size and means of their manufacturing from copper alloys varied in different periods. In the 1960-s, the task was to develop a classification and to use the objects for dating purposes. Starting from 1981, the bells were differentiated typologically according to shape. Two means of production were known: lost-wax casting which preserved the two parts of the casting mold, and soldering the two embossed halves. Now a third method was discovered: lost-wax casting with destruction of the casting mold. Due to this, and to the accumulation of finds, a new typological differentiation of the bells is offered: in accordance with the three basic technological traditions of manufacturing and in accordance with the formal characteristics. Dividing the items into three technological groups allows to divide the type in question into variants and to add to it any new varieties discovered in the course of excavations. The results of the study are presented in a chronological chart (Table 1). In comparison with the previous typological definitions, the chronological periods for types and variants have changed, and independent varieties of bells have been identified.

О КОМПЛЕКСЕ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ НИКИТИНСКОГО РАСКОПА В НОВГОРОДЕ

© 2009 г. Г. Е. Дубровин

Институт археологии РАН, Москва

Охранные археологические работы на Никитинском раскопе проводились в 2002–2004 гг. Раскоп располагался на ул. Оловянка (бывш. Тимура Фрунзе) на месте будущего строительства жилого дома, неподалеку от северного берега ныне засыпанного Федоровского ручья на территории древнего Плотницкого конца Новгорода между средневековыми улицами Никитиной и Маницыной (рис. 1). Площадь раскопа ок. 640 м², мощность средневековых напластований XIII – середины XV в. – до 2,5 м.

На территорию раскопа попали три средневековые усадьбы (все частично). Две из них (А и Б) относятся к Маницынной улице и одна (В), наиболее богатая, к Никитиной. К сожалению, мостовые обеих указанных улиц оказались за границами исследованной территории (рис. 2).

За три полевых сезона обнаружено более 5300 единиц индивидуальных находок. Среди них наибольший интерес представляет комплекс из 11 берестяных грамот (40–50-е годы XIV – 30-е годы XV в.), которому и посвящается предлагаемая статья.

Рассмотрение Никитинских берестяных грамот производится в соответствии с усадебными комплексами. Прочтение и перевод текстов, а также палеографическая датировка даются по В.Л. Янину и А.А. Зализняку. Тексты грамот приведены по сайту gramota.ru.

УСАДЬБА НИКИТИНОЙ УЛИЦЫ (В)

1. № 948. Ярусы 8/7(!) (10–50-е годы XIV в.) (наиболее вероятная дата/с учетом внестратиграфической датировки А.А. Зализняка/60–70-е годы XIV в./40–50-е годы XIV в.), 4 фрагмента (паспорт: 25-82/229//гл. 491 см; 25-82/243//гл. 495 см; 25-88/б/н; 25-88/б/н) (рис. 3).

Следует отметить, что большая часть фрагментов грамоты была найдена на территории усадьбы Б. Однако в ярусах 8 и 7 на этой усадьбе, во-первых, никакой упорядоченной застройки еще не существовало, а во-вторых, не было обозначенной частоколом или постройками границы между ней и усадьбой В, что может свидетельствовать о том, что усадьбы В и Б образовывали в это время единую территорию (в отличие от от-

деленной частоколом другой маницынской усадьбы А). Кроме того, грамота № 949 с усадьбы В (см. ниже) говорит о связи адресата грамоты № 948, Еремея, с этой усадьбой.

Текст:

приказъ ш парефя(къ) крэм—
что про роже мину[л]—не хо—(—)
да про выжла посл[ю] -(к)сент[е]юмо
к остави· [и]же бүде[ш] не юда=

Перевод: “Наказ от Парфея Еремею. Что касается ржи...”. Конец второй строки, предположительно: минул[л]ося не хо(ди) “[то эта нужда] миновала – не ходи”. Далее: “А насчет гончей: я пошлю [ее] с Оксентием к Остафье. Если (или: Что) ты не отдал...” (Зализняк и др., 2004. С. 21, 22; Зализняк, 2004. С. 572).

Что можно сказать об упомянутых в грамоте персонажах?

А) *Парфей*, по-видимому, иерархически выше *Еремея*, поскольку отдает ему распоряжение относительно ржи. Одновременно с этим он сообщает *Еремею* о передаче *Остафье* гончей собаки (выжли) с *Оксентием* (последний выполняет здесь чисто служебную функцию). По-видимому, собаку должен был передать *Еремей*, равно как и выполнить поручения, связанные с рожью. *Парфей* эти поручения отменяет.

Вероятно, *Еремей* мог быть или слугой *Парфея* (приказчиком), или его родственником, например сыном.

Б) *Парфей*, равно как и *Остафья*, судя по всему, обладал достаточно высоким социальным и экономическим статусом, свидетельством чему является передача гончей собаки. Вряд ли простые, несостоятельные горожане могли позволить себе заниматься гончей охотой и держать у себя предназначенных для такой охоты, безусловно, весьма дорогих собак¹.

¹ Гончая собака (выжля) упоминается также в берестяной грамоте № 135 с Неревского раскопа (последнее десятилетие XIV в.), явившейся членением от Иева к Василию Игнатьевичу – новгородскому тысяцкому,нуку посадника Матфея Варфоломеевича (Коски) (Зализняк, 2004. С. 627), что лишний раз подтверждает тезис о том, что гончие могут являться своеобразным индикатором высокого имущественного и общественного положения их владельцев.

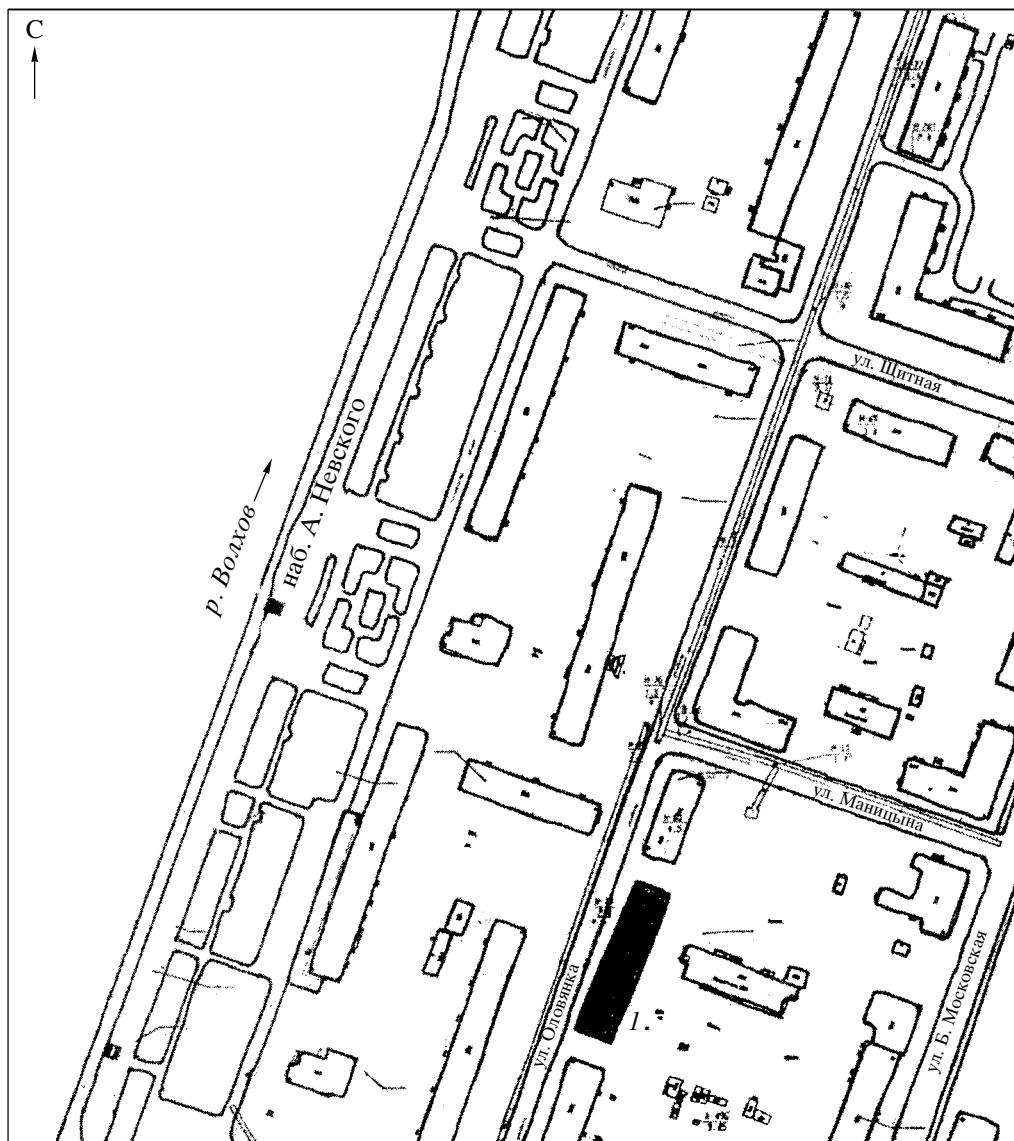


Рис. 1. Ситуационный план Никитинского раскопа. 1 – Никитинский раскоп.

Если попробовать сопоставить персонажей этой грамоты с людьми, известными из других источников, то, пожалуй, можно высказать некоторые предположения только относительно Осташфы. Не мог ли здесь иметься в виду Осташфья Дворянинец? Он был постоянным представителем в посадничестве от Плотницкого конца в 1335–1346 гг., а до 1335 г. – тысяцким. В 1346 г. Осташфья был убит на вече по оговору литовского князя Ольгерда (Новгородская четвертая..., 2000. С. 260, 265, 276, 602, 626; Софийская первая..., 2000. С. 419; Летопись Авраамки..., 2000. С. 64, 68, 78, 87; Новгородские летописи, 2002. С. 211; Янин, 2003. С. 25, 33, 43, 47, 48, 60, 255, 256, 258, 259, 423). Известны его сын Варфоломей (1331 г.) (Новгородская первая..., 2000. С. 343, 344) и брат

Александр, сменивший Осташфью в представительстве в посадничестве от Плотницкого конца в 1346 г. (Новгородская четвертая..., 2000. С. 286; Софийская первая..., 2000. С. 429(?); Летопись Авраамки..., 2000. С. 87; Янин, 2003. С. 25, 33, 43, 254–271, 278, 305, 308).

Высокий социально-имущественный статус обитателей усадьбы В (и Б?) в это время подтверждает и вещевой материал. В напластованиях, синхронных берестяной грамоте № 948, в частности были найдены: фрагмент ажурной накладки (по-видимому, западноевропейского происхождения) из рога лося с изображением гусляра (царя Давида?), бронзовая накладка со вставкой (фрагмент оклада иконы или книги?), актовая печать владычного наместника (анонимная) и заготовка

печати, западноевропейская свинцовая товарная пломба.

2. № 949. Ярусы Е/Д (40–80-е годы XIV в.) (паспорт: 25-114/266/) (рис. 4).

Текст:

ПОКЛОНЪ ѿ ПОТРА КО СМОНЦУ И КО ГАКОВОУ
И КО ЕРЕМЬИ И СТЕПАНОУ ЧТО БЫ МА
КСТЕ ЖАЛОВАЛЪ ПРО СВОЕ КОУНЪ И НЫ=
НЪ [МА] ЖАЛОУИТЕ ВЪЗМИТЕ ДВА РОУ=
(БЛА) [ЕСЛ] И П[ОУЗ]=

Перевод: “Поклон от Петра Семену, Якову, Еремею и Степану. Пожаловали бы вы меня за ваши деньги. А именно, теперь [так] меня пожалуйте: возьмите два рубля...” В дальнейшем тексте упоминался пузъ – мера сыпучих тел, в основном зерна. По-видимому, Петр занимался сбором долгов или податей в пользу своих адресатов и теперь просит за это вознаграждения. Отсутствие предлога “ко” перед “Степану”, если это только не случайный пропуск, может определяться тем, что Еремей и Степан чем-то объединены (скажем, это братья или компании) (Зализняк и др., 2004. С. 22; Зализняк, 2004. С. 572).

Стратиграфически эта грамота несколько более поздняя, чем предыдущая.

Для представленных в ней персонажей: адресанта – *Петра* и адресатов – *Семена, Якова, Еремея* и *Степана* можно предположить следующие иерархические отношения. Петр, скорее всего, занимает здесь нижнюю ступеньку, выполняя, причем не бескорыстно, поручения своих адресатов (например, он может быть их наемным приказчиком), за что и просит вознаграждения.

Что же касается его работодателей-адресатов, то весьма вероятно, что они перечислены в адресе грамоты по иерархическому принципу. Здесь может быть представлена группа родственников, владевших каким-то земельным участком (или соседствующими участками). Однако не исключено, что они являлись не связанными родственными отношениями совладельцами какого-то “вопчего” участка.

В то же время, как уже было показано выше, по мнению А.А. Зализняка, *Еремей* и *Степан* могли быть как-то объединены. Одновременно, связь *Еремея* и, как показывают более поздние грамоты, *Семена* с усадьбой В (см. ниже) как будто делает более предпочтительным первый, т.е. “родственный” вариант. Кстати, общий приказчик также более уместен для родственников, а не для соседей.

Вследствие вышесказанного можно предположить существование группы из четырех родственников, двое из которых (*Еремей* и *Семен*) связаны с усадьбой В, причем *Семен* в этой группе может быть иерархически старшим, хотя, судя по

Маницына улица

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54
55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66
67	68	69	70	71	72
73	74	75	76	77	78
79	80	81	82	83	84
85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96
97	98	99	100	101	102
103	104	105	106	102	108
109	110	111	112	113	114
115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126
127	128	129	30	131	132
133	134	135	136	137	138
139	140	141	142	143	144
145	146	147	148	149	150
151	152	153	154	155	156
157	158	159	160	161	162
163	164	165	166	167	168
169	170	171	172	173	174

Никитина улица

Рис. 2. Усадьбы Никитинского раскопа.

всему комплексу грамот с усадьбы В, он по возрасту был, по-видимому, младше Еремея.

Однако при этом все-таки не надо полностью исключать и того, что перечень адресатов мог быть составлен вне всякой иерархии.

Ярус 7 (50-е годы XIV в.)

1	2(H-19) 1351 г.	3	4	5	6
7	8 1351 г.	9	10	11	12
13	14 15(H-94)	15	16	17	18
19	20 1351 г.	21	22	23	24
25	26 1351 г.	27	28	29	30
31	32 1351 г.	33	34	35	36
37	38 1351 г.	39	40	41	42
43(H-89)	44	45	46	47 1375 г.	48(H-88)
49	50 1351 г.	51	52	53	54
55	56 1351 г.	57	58	59	60
61	62 1351 г.	63	64	65	66
67	68(H-91)	69	70	71	72
73	74 1351 г.	75	76	77(H-96)	78
79	80 1351 г.	81	82	83(H-80)	84
85	86 1351 г.	87	88	89	90
91	92 1351 г.	93	94	95	96
97	98 1351 г.	99	100	101	102
103	104 1351 г.	105	106	107	108
109	110 1351 г.	111	112	113	114
115	116 1351 г.	117	118	119	120
121	122 1351 г.	123	124	125	126
127	128 1351 г.	129	130	131	132
133	134 1351 г.	135	136	137	138
139	140 камни	141	142(H-92) 1348 г.	143	144
145	146 148(H-103)	147	149	150	
151	152 154	153	155	156	
157	158 160	159	161	162	
163	164 166	165	167	168	
169	170 172	171	173	174	

Ярус E (40–60-е годы XIV в.)

Ярус 6 (кон. 60-х – нач. 80-х годов XIV в.)

1	2(H-79) 1351 г.	3	4	5	6
7	8 1379 г.	9	10	11(H-71) 1379 г.	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23(H-81) 1375 г.	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35(H-85) 1352 г.	36
37	38(H-72) 1372 г.	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54
55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66(H-74)
67	68	69	70	71	72
73	74	75(H-75)	76	77	78
79	80	81	82	83(H-77) 1368 г.	84
85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95(H-83) 1373 г.	96
97	98	99	100	101	102
103	104(H-93) 1373 г.	105	106	107	108
109	110	111	112	113	114
115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126(H-84) 1379 г.
127	128(H-95)	129	130	131	132
133	134	135	136	137	138
139	140	141	142(H-954) 1348 г.	143	144
145	146	147	148	149	150(H-97a)
151	152	153	154	155	156
157	158	159(H-956)	160	161	162
163	164	165	166	167	168
169	170	171	172	173	174

Ярус Д (70-е – нач. 80-х годов XIV в.)

Рис. 3. Местоположение находок фрагментов берестяной грамоты № 948.

3. № 942. Ярусы Д(!)/Г (70-е годы XIV в. – рубеж XIV/XV вв.) (наиболее вероятная дата – 70-е – начало 80-х годов XIV в.) (паспорт: 23-153/141/гл. 452 см/) (рис. 4).

Рис. 4. Местоположение находок берестяных грамот № 937, 942, 949.

Текст:

...[а къ]
жени своим үлыгани по=
идь симъ какъ стога

Перевод: “[Наказ от...] к жене своей Ульяне. Пойди сюда немедленно”. То есть грамота содержит приказ мужа жене /Ульяне/ немедленно прибыть (Зализняк и др., 2004. С. 19; Зализняк, 2004. С. 634, 635).

Как видим, имя адресанта в грамоте, к сожалению, не сохранилось. Однако *віа* в конце его имени свидетельствует о том, что им мог являться или известный из двух предыдущих грамот (№ 948, 949) *Еремей*, или же *Парфей* (грамота № 948) (варианты начала текста: “*приказъ ѿ кремѧ...*”; “*приказъ ѿ парфея...*”/другие имена из перечня грамоты № 949 не подходят/). В то же время, конечно, здесь могло быть и лицо, не упомянутое в предыдущих грамотах.

Если говорить об археологическом контексте находок берестяных грамот № 949 и 942, то им сопутствовал вещевой материал, свидетельствующий о высоком статусе обитателей усадьбы В. Среди находок 70–80-х годов XIV в. можно упомянуть бронзовую книжную застежку, иконку нательную из белого металла и три креста-тельника (два металлических и один каменный), костяную орнаментированную накладку с изображением зайца и птиц, актовую печать прусского посадника Григория Богдановича (Гайдуков, Янин, 2004. С. 158), фрагменты гудка и деревянной оправы зеркала, серебряную монету (новгородку), фрагмент сосуда рейнской керамики, предметы вооружения: фрагмент кольчуги и наконечник копья (сулицы).

На попавшей на территорию раскопа части усадьбы В в этой время были сосредоточены хозяйственные постройки², связанные преимущественно с ремесленным производством. В частности, была исследована мастерская по изготовлению украшений из янтаря. Было здесь представлено также литейное производство изделий из цветных металлов (в частности, свинцовых грузиков), сапожное и шерстобитное производства. То есть, перед нами предстает хозяйственная зона богатой усадьбы, весьма напоминающая аналогичные зоны боярских усадеб, исследованных на Неревском раскопе. Там были сосредоточены разнообразные мастерские зависимых вотчинных ремесленников, работавших как непосредственно на нужды своих хозяев, так и на рынок (Янин, Колчин, 1978. С. 32). Можно полагать, что аналогичная картина имела место и на усадьбе В Никитинского раскопа.

4. № 939. Ярусы Г/В (начало 80-х годов XIV в.–20-е годы XV в.) (паспорт: 23-100/252/) (рис. 5).

Текст (по: Зализняк и др., 2004. С. 19; Зализняк, 2004. С. 641):

...

кѹ со женои дан коробъю рж[и] а

...

² Жилые сооружения, по-видимому, находились восточнее исследованной территории.

Ярус 5 (нач. 90-х годов XIV в.– нач. XV в.)

Ярус В (руб. XIV/XV вв.– 20-е годы XV в.)

Рис. 5. Местоположение находок берестяных грамот № 930, 932, 933, 939.

Являясь распоряжением выдать какому-то “...ку с женой” коробью ржи, указанный текст никакой дополнительной информации для ономастикона усадьбы В, к сожалению, не дает.

5. № 932. Ярусы В(!)/Б1 (рубеж XIV/XV – первая половина 30-х годов XV в.) (наиболее вероятная дата – рубеж XIV/XV – 20-е годы XV в.) (паспорт: 21-153/55//гл. 413 см/) (рис. 5).

Текст:

костанина Оста=
фынина самсона
иwan{ ав } ова кузм=
у з дитми силв{ н } а=
нова.

Здесь представлен связанный, вероятно, с судебным разбирательством, список новгородских бояр (свидетелей?), включающий в себя известного неревского посадника Самсона Ивановича, фигурирующего в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов в списке посадников XV в. Он также упоминается как посадник в актах 1434 и 1448 гг. и в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов под 1417 г. как участник похода на Устюг (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 164, 407; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 67. С. 107; № 73. С. 120; текст и комментарии: Зализняк, Янин, 2003. С. 104, 105; Зализняк, 2004. С. 676, 677).

Как видим, данная грамота содержит список имен, не совпадающих с именами, упомянутыми в предудущих грамотах. Разве что Константина Остафьина можно предположительно связать с Остафьей берестяной грамоты № 948, но особых оснований для этого нет.

В то же время можно полагать, что кто-то из обитателей усадьбы В (тот же *Семен*) был связан с этим судебным разбирательством или же с судебными разбирательствами вообще. Если первое из этих предположений верно, то факт упоминания в списке известного неревского посадника Самсона Ивановича можно гипотетически рассматривать на фоне традиционного противостояния неревской и прусско-плотницкой боярских группировок³.

Археологический контекст находок берестяных грамот № 939 и 932 следующий. На исследованной части усадьбы В на рубеже XIV/XV вв. происходит перепланировка, в результате чего здесь появляются весьма представительный комплекс жилых и хозяйственных построек (от него сохранилась мощная единая фундаментная рамная конструкция с размерами не менее 16 × 5 м). Севернее и западнее этого комплекса, как и раньше, прослеживается территория усадебного двора с хозяйственными сооружениями. Вотчинное ремесло по своему характеру, по сравнению с более ранним временем (см. выше), принципиально не изменилось и представлено бронзолитеином,

сапожным и шерстобитным производствами (янтарная мастерская, существовавшая в 70–80-х годах XIV в., прекратила свое существование).

Вещевой материал по-прежнему свидетельствует о зажиточности и относительно высоком культурном уровне хозяев усадьбы. Среди находок: береста с буквами ЩК, актовая печать прусско-плотницкого посадника Филиппа Фоминича (племянника посадника *Василия Есифовича Носа* /см. ниже/), кожаный чехол для писала, две деревянные оправы зеркал, пять крестов-тельников (два бронзовых и три янтарных), стеклянная бусина, кожаная прорезная аппликация, три перстня из сплавов, предметы вооружения: фрагмент кольчуги, железные наконечники сулицы и стрелы.

6. № 931. Ярусы В/Б(!) (рубеж XIV/XV – первая половина 30-х годов XV в.) (наиболее вероятная дата – первая половина 30-х годов XV в.) (21-110/40). Целый документ (рис. 6).

Текст:

приказ къ смену {○ же=
ни} ○ женѣ цо бѣы иси оуго=
мон{ о }ъ доспѣль по про=
сту а мене здѹци а=

зъ тобѣ целомъ бѣю

Перевод “Наказ Семену от жены. Утихомирил бы ты [всех] попросту и ждал бы меня. А я тебе членом бью”.

По мнению В.Л. Янина и А.А. Зализняка, из текста грамоты следует, что до Семеновой жены дошло, что в ее отсутствие возник некий конфликт или внутрисемейнаяссора, и она требует от мужа утихомирить конфликтующих “попросту”, т.е. без полного выяснения того, кто прав и кто виноват, и ждать ее возвращения (Зализняк, Янин, 2003. С. 102–104; Зализняк, 2004. С. 676).

Перед нами еще одно упоминание *Семена*, вероятно, того же, что и в грамоте № 949 (см. выше), что лишний раз подтверждает связь этого персонажа с усадьбой В.

Археологический контекст: общая планировка усадьбы В и наличествующие в ее хозяйственной зоне ремесленные отрасли остались в основном теми же самыми, что и на рубеже веков (см. выше). Говорить об изменении социального и имущественного положения, а также культурного уровня обитателей усадьбы также не приходится, о чем свидетельствует вещевой материал. В частности, в синхронных грамоте напластованиях были найдены: бронзовый энколпион, богато украшенная кожаная сумка, игрушечный деревянный кораблик с зеркальной надписью “А, Б, В”, актовая печать Великого Новгорода, деревянные оправы для зеркала, погудалец (смычок?) и т.д.

7. № 928. Ярусы Б№/Б(!) (30-е годы XV в.) (наиболее вероятная дата – первая половина 30-х годов) (паспорт: 19-148/58//гл. 364/380 см/). Средняя часть

³ Плотничанин Семен (или какой-то другой обитатель усадьбы В) мог противостоять в этом разбирательстве пе-речисленным в грамоте № 932 неревским (?) боярам.

Ярус 3 (II пол. 20-х – 40-е годы XV в.)

1	2	3	4	5	6
7	8 (H-36)	9	10	11 (H-23)	12
13	14 1407	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36
37	38	39	40 (H-27)	41	42
43 (H-38)	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54
55	56 (H-29)	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66
67	68	69	70	71	72
73	74 (H-43)	75	76 (H-9)	77	78
79	80	81	82	83 1433 г.	84
85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96
97	98	99	100 (H-44)	101	102
103	104	105	106 1433 г.	107	108
109	110	111	112	113	114
115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126
127	128	129	130	131	132
133	134	135	136 (H-30)	137	138 1432 г.
139	140	141	142	143	144
145	146	147	148	149	150
151	152	153	154 (H-58)	155	156
157	158	159	160	161	162
163	164	165	166 (H-56)	167	168
169	170	171	172	173	174

Ярус Б1 (30-е годы XV в./I пол. ?/)

Рис. 6. Местоположение находки берестяной грамоты № 931.

документа, от которого сохранилось пять полных строк и три неполных (рис. 7).

Текст:
ю [гр]амицию -[ол]...

Ярус 3 (II пол. 20-х – 40-е годы XV в.)

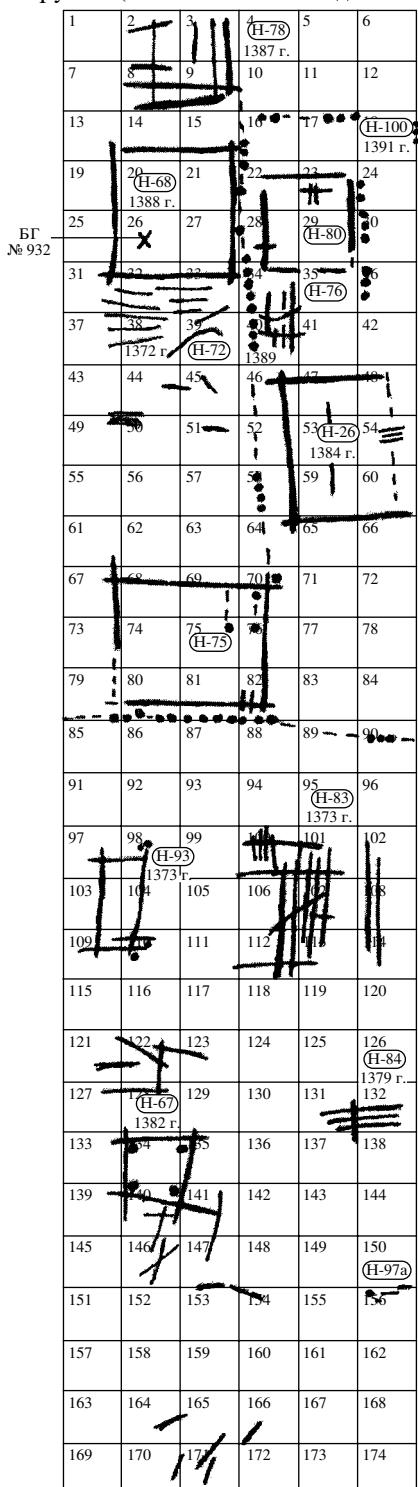
1	2	3	4	5	6
7	8 (H-36) 1407 г.	9	10	11 (H-23)	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36
37	38	39	40 (H-27) 1435 г.	41	42 1435 г.
43 (H-38)	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54
55	56 (H-29)	57	58	59 1426 г.	60
61	62	63	64	65	66
67	68	69	70	71	72
73	74 (H-43) 1437 г.	75	76 (H-9)	77	78 1433 г.
79	80	81	82	83	84
85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96
97	98	99	100	101	102
103	104	105	106 (H-44) 1433 г.	107	108
109	110	111	112	113	114
115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126
127	128	129	130	131	132
133	134	135	136 (H-30) 1432 г.	137	138
139	140	141	142	143	144
145	146	147	148	149	150
151	152	153	154 (H-47)	155	156
157	158	159	160	161	162
163	164	165	166 (H-49)	167	168
169	170	171	172	173	174

Ярус Б (30-е годы XV в./II пол. ?/)

Рис. 7. Местоположение находки берестяной грамоты № 928.

и въ кловую изъ кловон на путь {и} на
шстроеискон шстрорве=
скимъ путемъ шстроеискон межи {w[s]} по
шстроеискон ме=

Ярус 5а (80-е – нач. 90-х годов XIVв.)



Ярус Г (нач. 80-х годов XV в. – руб. XIV/XV вв.)

Рис. 8. Местоположение находки берестяной грамоты № 938.

**жи с махновескои межи на великии путь
старои межен**

**в лубницию в ручеи ве^рх{о}чъ на болоце з
бoloцьца на ве^рхо=**

**вык дубницкого ручья дубницкимъ ручьемъ
в низъ до см=**

**(снова ру[цъ]а) сменови^мъ ручьемъ
{в}сме^н^о^в^а ручьемъ на логъ
.... — [л]уговой клан[ь](ю)**

...

Перевод: “[по такую-то] границу...”. После разрыва: “...в еловую. Из еловой [рощи(?)] на Островскую дорогу. Островской дорогой до Островской межи. По Островской меже с Махновской межи на большую дорогу, старой межой в ручей Лубница [и] вверх на болотце. С болотца на верховье Дубницкого ручья. Дубницким ручьем вниз до Семенова ручья и [далее] Семеновым ручьем. С Семенова ручья на лог”. После разрыва: “...луговой еланью (прогалиной)”.

Фрагмент раздельной грамоты: указывается, как пролегает граница некоего земельного владения (пока география идентификации не поддается) (Зализняк, Янин, 2003. С. 98, 99; Зализняк, 2004. С. 680, 681).

Учитывая зажиточность и, по-видимому, высокий социальный статус обитателей усадьбы В, находка грамоты, связанной с вопросами землевладения, вполне закономерна. Появление этого документа могло быть обусловлено куплей-продажей или каким-то конфликтом, связанным с земельным размежеванием.

Особый интерес вызывает топоним “Семенов ручей”. Если речь идет об участке, принадлежавшем уже известному из предыдущих грамот *Семену*, то нет ничего удивительного в том, что ручей получил свое название по имени владельца территории.

Археологический контекст грамоты № 928 в основном тот же, что наблюдался на усадьбе В, начиная с рубежа XIV/XV вв. (см. выше). Среди синхронных грамот находок можно упомянуть кожаный чехол для писала, актовую печать Великого Новгорода, деревянную утицу (деталь струнодержателя), деревянную оправу для зеркала, железную ажурную застежку с крестами, два янтарных креста-тельника и кожаные орнаментированные ножны.

Таким образом, рассмотрение комплекса берестяных грамот с усадьбы В показало:

1. К возможным обитателям усадьбы могут быть отнесены, по крайней мере, два персонажа: *Еремей* (грамоты № 948, 949, 942/?; середина XIV в. – 80-е годы XIV в./рубеж XIV/XV вв.?) и *Семен* (грамоты № 949, 931, 928(?); 80-е годы XIV – 30-е годы XV вв.).

2. *Еремей* и *Семен*, по-видимому, были связаны родственными отношениями. Не исключено, что их родственниками являлись также *Яков* и *Степан*, упомянутые в берестяной грамоте № 949, а также *Парфей* – адресант грамоты № 948.

3. Семен, вероятно, иерархически выше Еремея, но при этом Еремей мог быть старше по возрасту, поскольку являлся адресатом более раннего документа (грамота № 949).

4. И Еремей, и Семен обладали достаточно высоким имущественным и социальным статусом⁴, хотя о боярстве их было бы говорить преждевременно, поскольку в текстах они представлены без отчеств и без титулов.

В то же время, если принять версию о том, что грамота № 932 связана с судебным разбирательством, и предположить, что в этом разбирательстве участвовал кто-то из жителей усадьбы В, то безусловное боярство представленных в документе с отчествами людей (в том числе и посадника Самсона Ивановича) (см. выше) позволяет предположить высокий социальный уровень (боярство?) всех участников этого юридического процесса. Кроме того, если придерживаться гипотезы об отождествлении Остафии из грамоты № 948 с посадником Остафьей Дворянинцем, то контакты с ним Парфея и Еремея (передача выжли – гончей собаки) как будто бы могут свидетельствовать об их богатстве и знатности (?).

УСАДЬБЫ МАНИЦЫНОЙ УЛИЦЫ (А И Б)

Усадьба Б

1. № 948. Как уже отмечалось, эта грамота, большая часть фрагментов которой была найдена на территории будущей усадьбы Б, тем не менее может быть предположительно отнесена к комплексу грамот никитинской усадьбы В (см. выше).

2. № 937. Ярусы 6(!)/5а (70-е годы XIV – начало XV в.) (предположительно 70-е – начало 80-х годов XIV в.) (паспорт: 23-78/119/) (рис. 4).

Текст:

Ѡ юреѧ к носѹ послале ѡсемъ с=
о миҳалъкою сто коробѣи м=

...

Послание от Юрия к Носу о посылке с Михалкой 100 коробей солода/?/ (после “коробѣи”, возможно, стояло “м/олодога/ солоду”) (Зализняк и др., 2004. С. 18, 19; Зализняк, 2004. С. 634).

Адресатом этой грамоты мог являться один из двух хорошо известных плотницких бояр – потомков посадника Михаила Павшинича: Есиф Захарьинич или его сын Василий Есиевич, которые оба носили фамильное прозвище Нос.

Есиф Захарьинич впервые появляется на страницах летописи в 1384 г. в качестве тысяцкого. Тогда служилый литовский князь Патракий Нариманович “посоуломъ” поднял Славенский ко-

⁴ О чем, кроме текстов грамот, также свидетельствует богатый вещевой материал с усадьбы В.

нец. Этому событию предшествовал приезд с жалобой в Новгород представителей городов, данных князю в кормление (Новгородская первая..., 2000. С. 379; Новгородская четвертая..., 2000. С. 340). Остальные новгородские концы выступили против Патракия и Славенского конца, в результате чего в течение двух недель функционировали два вечи: славлян на Ярославовом дворе, всего остального Новгорода – у св. Софии.

В летописном тексте особо подчеркивалось, что на вече Софийской стороны ходили “тысячики Есифъ Носъ⁵...Плотничани и добрыи люди”. Кончилось это хождение на Софийскую сторону тем, что славляне “оудариша...на тысячкого на Есифовъ дворъ с вѣча”, однако плотничанам удалось их отбить⁶. Затем три софийских конца решили осуществить вооруженное нападение на Славенский конец. Их вроде бы вначале поддержали плотничане, но затем почему-то отступились от своего решения, заняв, судя по всему, нейтральную позицию. Чтобы избежать нападения, славляне разобрали Великий мост, а затем было достигнуто соглашение, в результате чего у Патракия были отняты ранее пожалованные города, а вместо этого ему дали Руссу, Ладогу и Наровский берег (Новгородская первая..., 2000. С. 379; Новгородская четвертая..., 2000. С. 340, 341).

В том же году, вскоре после конфликта, Есиф Захарьинич ездил с другими боярами (Юрием Онцифоровичем и др.) на Ям “города ставити” (Новгородская четвертая..., 2000. С. 341). Следует отметить, что в данной летописной статье он назван не тысяцким, а воеводой.

В 1388 (6896) г. Есиф уже был посадником и во главе новгородцев безуспешно просил архиепископа Алексия не отказываться от владычества (Новгородская четвертая..., 2000. С. 348).

В том же году на Есифа Захарьинича восстают три конца Софийской стороны. В доспехах и с оружием они нападают на его усадьбу и разрушают ее. Есиф бежал за реку в Плотницкий конец⁷. За него встала вся Торговая сторона, но кровопролития не произошло: посадничество было передано неревлянину Василию Ивановичу (Новгородская первая..., 2000. С. 382; Янин, 2003. С. 502).

В дальнейшем Есиф Захарьинич упоминается как посадник в 1394 (Новгородская первая..., 2000. С. 386, 387; Псковские летописи, 2003. С. 25;

⁵ Прозвище Есифа – Нос обозначено в четырех списках Новгородской четвертой летописи (С. 340. Прим. 40): Голицынском, Новороссийском, Академическом и Толстовском.

⁶ Здесь перед нами прямое свидетельство того, что один из дворов Есифа Захарьинича Носа находился в Плотницком конце.

⁷ Стало быть, его разрушенная усадьба была на Софийской стороне и скорее всего, учитывая его родственные связи, на Прусской улице. Таким образом, получается, что у Есифа одна усадьба была здесь, а другая – в Плотницком конце (см. выше).

2000. С. 30), 1398 (Новгородская первая..., 2000. С. 393) и 1405 гг. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 48. С. 85, 86).

Умер *Есиф Захарьинич* в 1409 (6917) г. (Новгородская первая..., 2000. С. 401).

Сын *Есифа Захарьинича Василий Есиевич* с 1405 г. известен как степенной тысяцкий⁸. Посадником он стал в 1416 (?) (1418) г. Умер *Василий Есиевич*, скорее всего, в 20-е годы XV в. (Новгородская четвертая..., 2000, С. 410, 415, 424, 427, 514, 626; Летопись Авраамки, 2000. С. 159, 163, 170; Новгородские летописи, 2002. С. 39, 45, 54, 55, 260; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 85, 86, 88, 98–100, 292; Янин, 2003. С. 28–30, 33, 45, 50, 300, 303, 321–324, 326, 327, 329, 330, 333, 337, 344, 346, 347). В 1409 г. в немецком документе упоминается тысяцкий *Василий Нос*, что собственно и позволило В.Л. Янину (1994. С. 31) предположить, что *Василий Есиевич* и *Василий Нос* являлись одним и тем же лицом. Принадлежность *Василия Есиевича* вслед за своим отцом *Есифом Захарьиничем* к представительству в посадничестве от Плотницкого конца весьма вероятна.

Таким образом, получается, что усадьба Б Никитинского раскопа могла быть связана с боярами *Есифом Захарьиничем*, и/или *Василием Есиевичем*, носившими фамильное прозвище *Нос*, один из которых, судя по всему, являлся адресатом берестяной грамоты № 937. Предпочтение относительно адресата, по-видимому, следует отдать *Есиfu Захарьиничу*, поскольку, во-первых, летописные источники прямо связывают его с Плотницким концом, где собственно и была обнаружена грамота, а во-вторых, датировка указанной грамоты (70-е – начало 80-х годов XIV в.) в большей степени соответствует времени жизни и деятельности *Есифа*, нежели его сына *Василия*. Что же касается самой усадьбы Б, располагавшейся на Маницыной улице Плотницкого конца, то, скорее всего, она имела отношение (по крайней мере в какой-то период) и к *Есиfu Захарьиничу*, и к *Василию Есиевичу*.

В то же время, проявляя определенную осторожность, надо принять во внимание и то, что прозвище *Нос* в средневековые было не таким уж редким. Так оно представлено в берестяной грамоте № 36 из Старой Руссы (Путила Носович; 20–50-е годы XII в.⁹) и, может быть, в грамоте № 286 (*Нос/?*¹⁰; 10–60-е годы XIV в.)¹¹. В свинцо-

⁸ Степенным посадником в этом году был его отец *Есиф Захарьинич* (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 85. № 48).

⁹ Здесь же упоминается женщина по прозвищу Носатка.

¹⁰ "...А уцюеши а не поиду к Но(су?) и ты тогодь иди...".

Впрочем, как следует из содержания грамоты (в ней говорится о сборе карельской дани на Каяне море/Ботническом заливе/), здесь может быть представлен не антропоним, а топоним. *Нос* = мыс (Фасмер, 1971. С. 84).

¹¹ Зализняк, 2004. С. 332, 595, 596.

вой грамоте № 1 фигурирует некий *Носко*¹². В купчей первой половины 40-х годов XV в. Григория у Антонии Фатьяновой жены и ее детей на село Павшинское в Курье в качестве послуха представлен "Остафеи Носе" (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 273. С. 275; Янин, 1991. С. 318–320). Примеры использования клички *Нос* в XV–XVI вв. приведены в "Ономастиконе" С.Б. Веселовского¹³. Поэтому повод для сомнений все-таки остается.

И тем не менее мы будем рассматривать версию о связи *Есифа Васильевича Носа* и/или *Василия Есиевича Носа* с усадьбой Б Никитинского раскопа как основную рабочую гипотезу, позволяющую сопоставить между собой письменные и археологические источники.

Синхронные грамоте № 937 археологические находки с усадьбы Б подтверждают высокий социально-экономический и культурный уровень ее обитателей. Здесь были найдены фрагменты глиняного орнаментированного водолея с изображениями сказочных или мифологических сцен, настольная бронзовая иконка и шесть крестов-тельников (четыре бронзовых и два янтарных), деревянная утица (деталь струнодержателя); обломок железного клинка, по-видимому, западноевропейского происхождения; западноевропейские же две свинцовые товарные пломбы, фрагмент морской раковины и стеклянная бусина. В застройке усадьбы в это время сочетались жилые (в южной части исследованной территории) и хозяйственные (в северной части) постройки, заметных следов ремесленного производства не выявлено (возможно, основная хозяйственная зона осталась за границами раскопа).

3. № 930. Ярусы 5/4 (80-е годы XIV – первая половина 20-х годов XV в.) (наиболее вероятная дата – до 1407) (внестратиграфическая дата: не ранее 80-х годов [предпочтительно 80–90-е годы] XIV в.) (паспорт: 21-4/13/). Верхняя половина листа, вырванного из берестяной книги (рис. 5).

Текст:

стъи сисинги и сиханль съдац (е н)[а] горахъ си=
наистин смотряще на море · и [бѣ] щюмъ с нє=
бесъ велико · и страшно · и види англа лєтѧ=
ща с нбесъ стъго сисиням и сиха(ила) [н]ару=
ци имѹще леданы · а в руку д[ѣ][ржати]ша ⊕
ружъя пламена [·] но ави(е) [въ]змѹти=
са море · изнидоша · з· женъ. простовла=
стъхъ · Оканни . видѣниемъ изтым=
аны въыша силою · невимаго црл · и рѣ=
ша стъи [и сис](инии) [и] сиханль...

¹² Первое двадцатилетие XII в. (Зализняк, 2004. С. 261).

¹³ Например: Григорий Андреевич Большой Нос Колычев (начало XVI в.), кн. Федор Семенович Дубовый Нос Шехонский (вторая половина XV) (Веселовский, 1974. С. 223).

Перевод: “Святой Сисиний и Сихаил сидели (букв.: сидя) на горах Синайских, смотря на море. И был шум с небес, велик и страшен. И увидел ангела, летящего с неба, – святого Сисиния и Сихаила, носящего наручни (части воинского доспеха) ледяные, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жен простоволосых, окаянные на вид; они были схвачены силою невидимого царя. И сказали святой Сисиний и Сихаил...”.

Один из вариантов распространенного в средние века в славянских странах (но известного также в греческой, армянской, сирийской и других традициях) заговора против лихорадки – так называемой Сисиниевой молитвы. Данная его запись старше самых ранних из известных доныне славянских записей (Зализняк, Янин, 2003. С. 101, 102; Зализняк, 2004. С. 694).

К сожалению, эта интереснейшая грамота не дает никакой дополнительной информации по персональной идентификации обитателей усадьбы Б, хотя и, безусловно, свидетельствует об их достаточно высоком культурном уровне, что в какой-то степени работает на гипотезу о связи этой усадьбы с посадниками Есифом Захарьиничем и/или Василием Есифовичем. По остроумному замечанию В.Л. Янина, грамота № 930, содержащая заговор от лихорадки, как нельзя лучше соответствует условиям, в которых жили обитатели усадеб Никитинского раскопа – на болотистой, подтопляемой во время паводков местности.

Археологический контекст. Основная планировочная схема застройки усадьбы в это время остается той же, что и наблюдалась в 70-х – 80-х годах XIV в. (см. выше). Разве что хозяйствственные постройки на севере усадьбы сменяются незастроенным и вымощенным настилами и гатями двором. Найдки же по-прежнему свидетельствуют о высоком социально-имущественном уровне обитателей усадьбы. Среди них писало в кожаном чехле, актовая печать двинского наместника Ивана Борисовича (Янин, Гайдуков, 2003. С. 366), три креста-тельника (два бронзовых и янтарный), свинцовая западноевропейская товарная пломба и морская раковина.

Усадьба А

1. № 938. Ярус 5а (80-е годы XIV в. – начало XV в.) (паспорт: 23-26/10/). Целый документ (рис. 8).

Текст (по: Зализняк и др., 2004. С. 19; Зализняк, 2004. С. 641):

у савѣтъ у пацина полъ коробы ржи
в землѣ у братана полъ коробы
ржи

Типичная долговая запись, свидетельствующая о том, что некие Савва Пацин с братаном за-должали автору грамоты по пол-коробы ржи. К

сожалению, о самом авторе здесь ничего не сказано, хотя и можно предполагать его достаточно устойчивое экономическое положение: не он должен, а ему должны, в том числе и его родственник – братан (двоюродный брат).

Берестевые находки, сопутствующие этой берестяной грамоте, весьма ординарные. В основном это обычные бытовые предметы, которые не могут свидетельствовать о высоком статусе обитателей усадьбы А. Среди них можно выделить железную шпору, актовую печать неревского посадника Юрия Ивановича (Гайдуков, Янин, 2004. С. 158) и деревянную игрушку – коника.

2. № 933. Ярусы 5/4(!). (80-е годы XIV – первая половина 20-х годов XV в.) (наиболее вероятная дата – начала XV в. – первая половина 20-х годов XV в.) (паспорт: 21-57/156//гл. 420 см/) (рис. 5).

Текст:

приказъ [Щ] (посади)=
ика Щ ивана к [и]=
гумн[и] и ко вс[е]=
мы стаду по цт[и]=
о намъ к{д}здити
Щ васъ на посе=

лык аже имъ зе=
мли не досмотрит=

ь сиротъ не росм=

отритъ н

Перевод: “Наказ от посадника Ивана игумену и всей пастве. Зачем нам ездить от вас на село, если нам [все равно] земли не досмотреть и крестьянских [дел] не рассмотреть? Н”.

По мнению В.Л. Янина и А.А. Зализняка, возможно, здесь представлен черновик (а, стало быть, вероятно, и автограф?). Грамота, по-видимому, недописана: автор остановился, написав всего одну букву очередного слова. Вероятно, игумен предлагал посаднику для разрешения какого-то спорного дела направить своих людей (даже съездить самому) в монастырское село (Зализняк, Янин, 2003. С. 105–107; Зализняк, 2004. С. 675).

Археологический контекст грамоты № 933 нельзя назвать очень выразительным и свидетельствующим о высоком социальном и имущественном уровне обитателей усадьбы: среди находок можно упомянуть две стеклянные и две янтарные бусины, хрустальную вставку перстня и kostянную брунчалку.

Грамота интересна с точки зрения возможной идентификации ее автора, т.е. посадника Ивана.

В.Л. Янин предположил, что его можно сопоставить с прусско-плотницким боярином Иваном Лукиничем Щокой, избранным на посадничество между 1435 и 1438 гг. (Зализняк, Янин, 2003. С. 106, 107). В пользу этой версии можно добавить то,

что, во-первых, *Иван Лукинич* был внуком *Василия Есишевича Носа*, который (и/или его отец *Есиф Захарьинич*) был связан с соседней усадьбой Б (см. выше), а, во-вторых, *Иван Лукинич* в посадничестве, как его дед и прадед, представлял именно Плотницкий конец. В 1448 г. на переговорах в Нарве с Ливонским орденом принимали участие пять новгородских посадников, что само по себе подразумевает кончанско-представительство в этой делегации. В Нарву приехали Самсон Иванович, представитель Неревского конца (Янин, 1991. С. 69; Лавочные книги..., 1930. С. 174), славенский посадник Дмитрий Васильевич Глухов (Янин, 1991. С. 67) и три посадника от прусско-плотницкой группировки: *Иван Лукинич (Щока)*, Есиф Андреевич (Горошков) (Янин, 1994. С. 39; Новгородская первая..., 2000. С. 417; Новгородская четвертая..., 2000. С. 434; Летопись Авраамки, 2000. Стб. 214) и Богдан Есипов (Есишевич) (сын Есифа Васильевича Носова и еще один внук *Василия Есишевича Носа*) (Псковские летописи, 2000. Вып. 2. С. 138; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 73. С. 120). Можно полагать, что Плотницкий конец традиционно должен был представлять один из правнуоков плотницкого посадника *Есифа Захарьинича Носа* (или внуков *Василия Есишевича Носа*), т.е. Богдан Есипов или *Иван Лукинич*. Известно, что Богдан Есипов незадолго до “мирного похода” Ивана Васильевича в Новгород 1475–76 гг. был замешан в нападении на плотницкие Славкову и Никитину улицы (Софийская вторая..., 2001. С. 246; Янин, 1991. С. 71, 72), в чем был обвинен старостами и уличанами, арестован великим князем и отправлен в Москву вместе с другими организаторами этого нападения (Софийская вторая..., 2001. Стб. 246–249). Вряд ли можно допустить, что плотницкий представитель в посадничестве мог принимать участие в “наезде” на улицы своего же конца. Значит, входя в прусско-плотничью боярскую группировку и являясь правнуком плотницкого посадника *Есифа Захарьинича Носа*, Богдан Есишевич, тем не менее, Плотницкий конец в посадничестве уже не представлял. То есть, плотницким посадником, исходя из вышесказанного, был другой правнук *Есифа Захарьинича* – *Иван Лукинич Щока*. Однако время посадничества *Ивана Лукинича* не совпадает со стратиграфической датировкой грамоты (см. выше), хотя, конечно, можно допустить, что в результате перекопа грамота оказалась в более ранних напластованиях.

А если никакого перекопа не было? Тогда более подходящими кандидатурами на авторство становятся избранные в 1421–1423 гг. посадники Иван Васильевич, Иван Данилович и Иван Яковлевич. Однако ввиду неопределенной кончанской принадлежности указанных посадников, В.Л. Янин не стал рассматривать их в качестве

возможных авторов документа (Зализняк, Янин, 2003. С. 106, 107).

Тем не менее эти трое с точки зрения хронологии в большей степени, чем *Иван Лукинич*, подходят на данную роль. Что же касается их кончанской принадлежности, то неопределенность в этом вопросе вовсе не свидетельствует о том, что хотя бы один из них не мог быть связан с Плотницким концом.

В то же время можно предложить еще одну кандидатуру на авторство берестяной грамоты № 933. Это славенский посадник *Иван Александрович*. Аргументы в его пользу следующие.

1. Хронология. *Иван Александрович* до получения посадничества в 1409 г. был тысяцким, о чем свидетельствует его актовая печать (Янин, 2003. С. 482). От его имени, как степенного посадника, в 1411 и 1413–1414 гг. составлены грамоты Новгорода Колывани, а в 1414–1415 гг. он в том же качестве представлен в грамоте Ливонскому ордену (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 50. С. 88, 89; № 56. С. 94, 95; № 53. С. 91, 92; Янин, 1991. С. 98, 99, 102–104). Умер *Иван Александрович* в 1417 г. во время эпидемии (Новгородская первая..., 2000. С. 408). Все эти даты как нельзя лучше ложатся на стратиграфическую датировку грамоты № 933 (см. выше).

2. Территориальная принадлежность посадника *Ивана* с Славенскому концу обозначена в подтверждительной грамоте о передаче кончанских земель Славенского конца Савво-Вишерскому Вознесенскому монастырю и сомнений не вызывает (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 91. С. 148).

Каким же образом в таком случае берестяная грамота № 933, если считать ее автором именно *Ивана Александровича*, могла попасть на усадьбу А Никитинского раскопа, располагавшуюся на территории Плотницкого конца? Здесь, кроме элемента чистой случайности, можно принять во внимание следующие обстоятельства.

Первая из вышеуказанных грамот Новгорода Колывани свидетельствует о том, что в 1411 г. две высшие исполнительные должности в Новгороде занимали соответственно *Иван Александрович* (степенной посадник) и *Василий Есишевич Нос* (степенной тысяцкий) (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 50. С. 88, 89). По высказанной выше версии, основанной на имени адресата грамоты № 937, *Василий Есишевич Нос* мог быть (как и его отец *Есиф Захарьинич*) связан с Никитинской усадьбой Б, соседствовавшей с усадьбой А. Вполне допустимо, что деловые отношения между *Василием Есишевичем* и *Иваном Александровичем*, сложившиеся не позднее 1411 г. в бытность их высшими новгородскими магистратами, могли сохраняться и в дальнейшем. Поэтому вполне вероятно, что *Иван Александрович* по-

сещал усадьбу *Vasilia Nosca*, где и потерял (или выбросил) черновик письма к игумену и братии одного из новгородских монастырей¹⁴.

Теперь попытаемся предположить, в какой монастырь могла быть адресована грамота?

Как уже отмечалось выше, около 1417 г. Вознесенскому Савво-Вишерскому монастырю посадниками *Иваном Александровичем* и Федором Тимофеевичем был передан участок кончанской земли Славенского конца (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. № 91. С. 148; № 112. С. 172). А не могли ли быть адресатами берестяной грамоты игумен и монахи указанного монастыря?

Однако самого факта передачи земли в сочетании с гипотезой о том, что именно *Иван Александрович* являлся автором берестяной грамоты № 933, адресованной в некий монастырь, явно недостаточно для того, чтобы отождествить этот монастырь с Савво-Вишерским.

Но есть дополнительные аргументы в пользу предлагаемой версии. Дело в том, что в тексте грамоты отражена довольно любопытная юридическая коллизия, подразумевающая просьбу монастырского игумена к посаднику разобраться в каком-то конфликте с крестьянами, жившими на монастырских землях. Посадник, вполне естественно, отказывается это сделать, поскольку это не входит в его обязанности, ввиду судебного иммунитета, которым обладали новгородская церковь вообще и монастыри в частности (Данилова, 1955. С. 54, 55; Янин, 1977. С. 38, 39; Хорошев, 1980. С. 132, 133; Мартышин, 1992. С. 38, 39). Исключением здесь могли являться сугубо уголовные дела (убийство, разбой) (Янин, 1977. С. 38), но, судя по всему, о такого рода преступлениях речь здесь не идет.

Почему же все-таки игумен обращается к посаднику? Можно предположить, что земля и крестьяне, о которых говорится в грамоте, оказались в каком-то неопределенном с юридической точки зрения положении, что и явилось причиной недоразумений между ними и монастырем. По-видимому, такая ситуация могла возникнуть в связи с передачей собственности на землю от одного владельца к другому, т.е. крестьяне оказались в зависимости от монастыря совсем недавно и, по-видимому, считали себя, как и раньше, связанными определенными обязательствами с прежними хозяевами земли.

Подобные обстоятельства хорошо моделируются для славенских кончанских земель, переданных незадолго до этого Савво-Вишерскому мона-

стырю. Поэтому вполне объяснимым при таком развитии событий было обращение игумена для разрешения конфликта к осуществившему передачу этих земель славенскому посаднику *Ивану Александровичу*.

В этой связи вырисовывается и персонификация адресата грамоты № 933. Это сам прп. Савва Вишерский. Около 1417 г. он основал монастырь на реке Вишере по благословению архиепископа Симеона, а в 1418 г. там уже была построена деревянная церковь Вознесения (Новгородские летописи, 2002. С. 257, 259; Макарий, 2003. С. 627, 628). Учитывая то, что Симеон был рукоположен в 1416 г., а посадник Иван Александрович умер в 1417 г. (Новгородская первая..., 2000. С. 406, 408), можно относить и передачу славенских кончанских земель монастырю, и письмо посадника Ивана к промежутку между этими двумя событиями.

Таким образом, вполне возможно, что автором берестяной грамоты № 933 действительно мог быть славенский посадник *Иван Александрович*, а сама грамота являлась черновиком письма к прп. Савве Вишерскому и его братии в ответ на их просьбу о разрешении конфликта с крестьянами, проживавшими на переданном незадолго до этого их монастырю участке кончанской земли Славенского конца. Разрешение конфликта не входило в компетенцию посадника, о чем он в своем послании и сообщал игумену и монахам.

Рассмотренные в статье тексты берестяных грамот позволяют сделать следующие выводы:

1. Комплекс берестяных грамот с Никитинского раскопа в сочетании с прочим археологическим материалом позволяет оценить социально-имущественный и культурный уровень обитателей трех исследованных средневековых усадеб, а также высказать предположения относительно персонификации некоторых из них.

2. Усадьбы Б и В, безусловно, принадлежали представителям социальной верхушки Плотницкого конца.

Усадьбу Б, начиная с 70–80-х годов XIV в., можно связать с известными плотницкими боярами, тысяцкими, а затем и посадниками *Есиформом Захарьиным* и/или его сыном *Василием Есиформичем*, известными из летописных и актовых источников и носившими фамильное прозвище *Nos*. Судя по всему, адресованная *Nosу* и найденная на этой усадьбе берестяная грамота № 937, являлась посланием к *Есишу Захарьиничу Nosу*, но нельзя исключить и того, что адресатом мог быть *Василий Есиформич Nos*, хотя хронология и стратиграфия залегания грамоты делают более предпочтительным первый вариант.

Высокий культурный уровень обитателей усадьбы Б подтверждает и грамота № 930, представляющая собой лист берестяной книги с тек-

¹⁴ О том, почему и как грамота попала на соседнюю усадьбу, остается только догадываться, но в житейском аспекте здесь нет ничего удивительного: например, грамоту за ненадобностью просто выбросили за забор к “добрым соседям”.

стом заговора против лихорадки (так называемой Сисиниевой молитвой), а также вещевой материал (роговая накладка с изображением гусляра, обломок западноевропейского клинка, орнаментированный водолей и т.д.).

Что касается усадьбы *B*, то, во-первых, она не только не уступает по богатству усадьбе *Есифа и/или Василия Носов* (*B*), но даже, возможно, и превосходит ее (о чем свидетельствуют обнаруженные здесь следы разнообразного вотчинного ремесла), во-вторых, уже самая ранняя грамота, связанная с этой усадьбой (№ 948), говорит о том, что ее обитатели (*Еремей* и, может быть, *Парфей*) содержали гончих собак (безусловный социальный индикатор) и имели какие-то связи с аристократией Плотницкого конца (например, как может следовать из текста грамоты № 948, с посадником Остафьей Дворянинцем). Более поздние грамоты с этой усадьбы дают информацию для ономастикона ее обитателей, вероятно родственников.

Самым старшим по возрасту можно считать упомянутого в грамотах № 948, 949 и 942(?)¹⁵ *Еремея*, который в то же время находился в подчиненных отношениях к адресанту грамоты № 948 *Парфею*.

Далее следует *Семен* – персонаж берестяных грамот № 949, 931 и 928 (?). Поскольку в списке адресатов грамоты № 949 он назван первым, можно полагать, что он занимал в семейной иерархии более высокое место, чем *Еремей* (хотя по возрасту, вероятно, был младше).

Грамота № 949 позволяет предположить, что среди родственников *Еремея* и *Семена* были некие *Яков* и *Степан*, причем все они, по-видимому, совместно владели какими-то земельными владениями, хозяйством которых занимался автор грамоты № 949 *Петр*. Раздельная грамота № 928 с описанием границ земельного участка подтверждает, что обитатели усадьбы *B* действительно были землевладельцами.

К сожалению, тексты Никитинских берестяных грамот не дают оснований для отождествления обитателей усадьбы *B* с какими-то историческими персонажами, известными из других письменных источников, но, судя по их имущественному положению, они были как минимум жителями или даже боярами. Об этом можно судить по грамоте № 932 с боярским списком, по-видимому связанным с судебным разбирательством. Если предположить, что кто-то из владельцев нашей усадьбы относился к другой тяжущейся стороне в этом процессе, то его боярство (и боярство остальных обитателей усадьбы) становится весьма вероятным.

¹⁵ Если адресантом этой грамоты был действительно он, то его жену звали *Ульяной*.

3. Усадьба *A* Никитинского раскопа заметно отличалась от усадеб *B* и *V*. Здесь нет находок, свидетельствующих о богатстве ее обитателей, нет и следов вотчинного ремесла.

Первая из грамот, найденная на этой усадьбе (№ 938), типичная долговая запись, причем сумма долга здесь не так уж и велика: всего два раза по пол-коробью ржи.

Зато вторая грамота (№ 933), автором которой являлся посадник Иван, как будто бы заставляет изменить взгляд на сравнительно невысокий статус владельцев усадьбы *A*. С одной стороны, ее автором мог быть *Иван Лукинич Щока* – плотницкий посадник и внук связанного с соседней усадьбой *B* *Василия Есифовича Носа*. Некоторое противоречие между стратиграфической датой грамоты и временем деятельности *Ивана Лукинича* может быть обусловлено перекопом.

По другой версии можно отождествлять посадника *Ивана* со славенским посадником *Иваном Александровичем*, которого, судя по письменным источникам, связывали деловые отношения с тем же *Василием Есифовичем Носом*. Это позволяет предположить, что грамота № 938 скорее может быть условно отнесена к числу документов с соседней усадьбы *B*. Особый интерес этой грамоте придает и то, что ее адресатами могли быть прп. Савва Вишерский и его братия.

4. В целом можно говорить о том, что археологический материал Никитинского раскопа, в частности берестяные грамоты, показал, что Никитина и Маницына являлись богатыми и аристократическими улицами Плотницкого конца. Повидимому, именно здесь во второй половине XIII в. стало селиться боярство с Прусской улицы, в частности Михаил Павшинич (происходивший из рода знаменитого прусского посадника Твердислава Михалковича) со своим потомством (внуком Михаила был уже неоднократно упоминавшийся посадник *Есиф Захарьинич Нос* – возможный владелец Никитинской усадьбы *B*, располагавшейся на Маницыной улице). Они размещались на еще не освоенных землях к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, поскольку территории к югу от него уже были заняты сотенным внекончанским населением, освоившим эту часть Торговой стороны (между Славно и ручьем) уже к концу XI – началу XII в. (Дубровин, Тарабардина, 2004).

Вероятно, именно в районе Никитиной и прилегающих к ней улиц и образовалось “гнездо” той самой части боярства “молодого” Плотницкого конца, которая, имея родственные связи с Прусской улицей (и даже усадьбы на ней), составила основу плотницкого крыла мощной прусско-плотницкой боярской группировки, игравшей значительную роль во внутренней и внешней политике Новгорода в XIV–XV вв.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Никитинский раскоп в Новгороде” № 07-01-00094а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Новгород, 2004.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
- Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А.* Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения, посв. столетию со дня рождения А.В. Арциховского. Новгород, 2004.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А.А., Носов Е.И., Янин В.Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 года // Вопросы языкоznания. № 3. М., 2004.
- Зализняк А.А., Янин В.Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Новгород, 2003.
- Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930.
- Летопись Авраамии // ПСРЛ. 2000. Т. XVI.
- Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. СПб., 2003.
- Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
- Новгородские летописи. Рязань, 2002.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 2000. Т. III.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. 2000. Т. IV. Ч. 1.
- Псковские летописи // ПСРЛ. 2003. Т. V. Вып. 1.
- Псковские летописи // ПСРЛ. 2000. Т. V. Вып. 2.
- Софийская первая летопись // ПСРЛ. 2000. Т. VI. Вып. 1.
- Софийская вторая летопись // ПСРЛ. 2001. Т. VI. Вып. 2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.
- Янин В.Л.* Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1: Прусско-плотницкая группа // Историческая генеалогия. Вып. 4. Екатеринбург; Париж, 1994.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Новгород, 2003.
- Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

On the assemblage of birchbark gramoty from the Nikitinsky excavation site in Novgorod

G. Ye. Dubrovin

Summary

The article offers a social and historical interpretation of the 11 birchbark gramoty dating to the 1340s–1350-s – 1430-s, which were found in 2002–2004 at the Nikitinsky excavation site within the ancient Plotnitskiy konets at three medieval homesteads (interpretation, translation and paleographic dating are given after V.L. Yanin and A.A. Zalizniak, the texts are given after gramoty.ru website). The content of the texts is analyzed in correlation with data from other written sources and with other finds from the dig.

РОЛЬ КОЛОМНЫ И ЕЕ ОКРУГИ В ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

© 2009 г. А. А. Юшко

Институт археологии РАН, Москва

Коломна и ее округа, занимая крайнюю юго-западную часть Московского княжества XIV в., играла особую роль не только в истории княжества, но и в истории всей Северо-Восточной Руси, ибо этот стратегически важный район служил тем коридором, через который обычно двигались степняки на Русскую землю. Кроме того, район этот с его плодородными пашнями являлся житницей всего Московского княжества. Недаром по свидетельству 2-й духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича (1389) размер дани, получаемой с Коломны и волостей (342 р.), намного превышал доходы, поступающие с других регионов Московской земли (Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 35).

История коломенских земель распадается на два резко отличных периода: рязанский, когда город и округа входили в состав Рязанского княжества, и московский, когда в 1304 г. Коломна переходит под юрисдикцию московских великих князей.

Первый, рязанский, период жизни региона наиболее драматичен. Он заполнен жестокими междукняжескими столкновениями, набегами монголо-татар и внутренними распрями рязанских князей. Именно этими обстоятельствами объясняется слабая заселенность коломенских земель в домонгольское время, о чем свидетельствует археологическая карта. Люди боялись селиться на землях, постоянно подвергавшихся набегам.

Второй, московский, период жизни Коломны и округи характеризуется, во-первых, тем, что наблюдается значительный приток сюда древнерусского населения, что характерно и для территории всей Московской земли этого периода. Во-вторых, коломенские земли приобретают особый статус: наравне с Москвой Коломна становится “вотчиной” московских великих князей и в этот период город никогда не выпадал в самостоятельный удел. Московские князья, начиная с Ивана Калиты, верно оценили стратегическую важность и плодородие этих земель.

Судьба Рязанского княжества, в состав которого первоначально входила Коломна, вплоть до начала XIV в. была многогранной. Рязанские земли были зажаты между северным соседом – Владимиро-Суздальским княжеством, Черниговскими землями на западе, степняками на юге, Волжской Булгарией и мордвой на востоке. Основное

ядро княжества размещалось между Окой, Проней и Осетром.

Рязанские князья, находясь в столь сложной ситуации, вынуждены были в своей внешней политике лавировать между своими сильными соседями, привлекая нередко половцев, а позже татар в борьбе с северным соседом и наоборот. Дорога же в Северо-Восточную Русь всегда лежала через Коломну.

История Рязанского княжества XII в. изобилует драматическими событиями борьбы как с половцами, так и с Волжской Булгарией, но мы остановимся подробнее на взаимоотношениях рязанских князей с могущественным северо-восточным соседом, поскольку в этих столкновениях всегда была задействована Коломна. Суздальские князья понимали, что Муромо-Рязанские земли – это открытие торгового пути на юг и восток и в то же время это заслон в борьбе с кочевниками.

Столкновения с ростово-суздальскими князьями начались еще в 40-е годы XII в., когда муромо-черниговский князь Ростислав Ярославич поддержал киевского князя Изяслава Мстиславича в борьбе против Юрия Долгорукого. Тогда сыновья пришли к Рязани, и Ростислав вынужден был бежать к половцам. Поняв, однако, свою неподготовленность к борьбе с Суздалем, Ростислав перешел к союзу с Юрием, благодаря чему он снова вернулся в Рязань.

Преемники Юрия Долгорукого легко распоряжались рязанскими князьями и их воинством в походах на Киев, Новгород. В ходе этих столкновений движение рязанских войск проходило, безусловно, через Коломну, поскольку город был всегда северными воротами княжества. Однако первое упоминание Коломны в летописях относится лишь к 1177 г., когда владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич (Большое гнездо), собрав союзников, двинулся на Глеба Рязанского. “И бывшим им у Коломны, приде весть, аже Глеб шел иным путем к Володимерю...” – сообщает Львовская летопись (Львовская летопись, 1910. С. 132). Святослав Ольгович – черниговский князь, Владимир Глебович – племянник Всеволода, князь Переяславля южного, так что коалиция была сильная.

Однако справедливости ради следует признать, что инициатива этой войны Всеволода с Глебом исходила от последнего. Подстрекаемый

племянником Всеволода Мстиславом Ростиславичем, желавшим получить новгородский стол, князь Глеб осенью 1177 г. пошел походом на Москву, принадлежавшую в то время владимиро-суздальским князьям. В результате были сожжены сам город и окрестные слободы (Лаврентьевская летопись, 1962. С. 162).

Далее военные действия развертывались следующим образом. Князь Глеб, соединившись с половцами, двинулся к Владимиру, взял Боголюбов, пограбил церкви, а жен и детей отдал “на щит” поганым. Всеволод немедленно пошел назад и войска встретились на Колокше. Целый месяц стояли противники в ожидании, когда река станет. Наконец завязался бой, и Всеволод победил опять, взяв в плен самого Глеба, его сына Романа и Мстислава Ростиславича (Радзивиловская летопись, 1989. С. 143). При переговорах было выставлено условие, чтобы Глеб отказался от Рязани и ехал на житье в Русь. Глеб отказался от этого предложения, согласившись лучше принять смерть, чем пойти на эти условия. Дело затянулось, и Глеб действительно умер в 1178 г., а его сын Роман был отпущен в Рязань с условием покориться Всеволоду (Соловьев, 1988. С. 538).

Таким образом, закончилась эта борьба в пользу Всеволода Юрьевича, который, усмирив рязанских князей, стал наводить порядок в своем княжестве.

После смерти Глеба в Рязанской земле начались раздоры между его сыновьями. В 1179 г. младшие Глебовичи Всеволод и Владимир прислали сказать Всеволоду Юрьевичу, что их брат Роман преступил крестоцелование Всеволоду (Радзивиловская летопись, 1989. С. 147). Тот немедленно выступил к Рязани и у Коломны братья встретили его с поклоном, но в Коломне сидел Глеб, сын тестя Романа – Святослава, которого тот послал на помощь Роману. Всеволоду удалось схватить Глеба и в оковах он был отослан во Владимир. Передовой же отряд Романа, переправившийся через Оку, потерпел поражение от передового отряда Всеволода, и Роман был вынужден бежать в степь мимо Рязани. В Рязани же были затворены Романом братья Игорь и Святослав, которые без боя заключили с Всеволодом мир “по всей его воле”. Всеволод роздал всем им волости “кому ждо по старшинству” и возвратился во Владимир.

В 1186 г. Всеволод вновь повел войска на Рязанскую землю и ее “пусту створиша и пожгоша всю” (Лаврентьевская летопись, 1962. Стлб. 406). Движение войск также шло через Коломну.

К этому же году относится одно принципиально важное упоминание о Коломне. Лаврентьевская летопись сообщает, что здесь сел Всеволод Глебович, лишившись Пронска (Лаврентьевская летопись, 1962. С. 169), т.е., видимо, в отдельные периоды своей истории Коломна и ее округа

представляли самостоятельный удел вопреки бытующему в литературе мнению на этот счет. Вот как выглядит мотивировка такого мнения у О.П. Булич: “Коломна была важным в военном и торговом отношении пунктом, чтобы быть отданной в пользование отдельного младшего князя” (Булич, 1928. С. 14). Однако следует привести еще одно летописное свидетельство о Коломне Ипатьевской летописи 1180 г.: “того же лета посла Святослав Глеба, сына своего в Коломну, в Рязанскую волость” (Ипатьевская летопись, 1862. Стлб. 614). Более того, Радзивиловская летопись под 1186 г. содержит прямое указание о том, что в Коломне “седе” Всеволод Глебович, один из младших сыновей Глеба (Радзивиловская летопись, 1989. С. 155). Так что, видимо, свой стол в Коломне раннего периода все же был.

В следующем, 1187 г., Всеволод Глебович примкнул к коалиции князей под руководством великого князя Всеволода в его походе на Рязань. И опять великий князь “взяша села и полон мног” (Львовская летопись, 1910. С. 139).

После этого похода рязанские князья на 20 лет опять оказались в подчинении у Всеволода.

Как видим, большое и богатое Рязанское княжество вынуждено было почти постоянно вращаться в сфере политики своего могущественного северного соседа, причем настолько, что, например, для осуществления известного похода Всеволода с союзниками в 1184 г. на Волжскую Булгарию местом сбора был определен рязанский город Коломна. Во всех походах Всеволода рязанские князья всегда “младшие братья”, иными словами вассалы великого князя.

С 1207 г. начинается новый этап борьбы Всеволода с Рязанью. Войдя в соглашение с черниговскими Олеговичами, рязанские князья пытались освободиться от гегемонизма столицы. И опять Всеволод сурово расправился с непокорными рязанцами. Положение усугублялось распрями между рязанскими князьями. В результате этого похода были схвачены и отправлены во Владимир шесть рязанских князей, а на рязанский стол сел в 1208 г. сын Всеволода Ярослав. Рязанцы присягнув новому князю, замыслили измену. Часть дружиинников Ярослава убили, часть заточили в погреба. Всеволод вновь пошел на Рязань и сжег ее, уведя с собой рязанцев и епископа Арсения. В ответ на это, в следующем, 1209 г. рязанские князья воевали “села около Москвы” (Симеоновская летопись, 1913. С. 46).

После смерти Всеволода на короткое время была восстановлена независимость Рязанского княжества. В 1212 г. Юрий Всеволодович отпустил всех рязанских князей и епископа Арсения.

В 1217 г. рязанский князь Глеб Владимирович и его брат Константин сделали попытку укрепить княжескую власть в Рязани, пригласив всех семе-

рых рязанских князей с боярами в село Усады и всех перебили, кроме Ингвара Игоревича, который не успел приехать на место сбора (Монгайт, 1958. С. 414). Уцелевший князь Ингвар выступил инициатором нового объединения рязанских князей, используя помощь великого князя Юрия. Однако сильная централизованная власть в Рязанском княжестве так и не сложилась, и к началу XIII в. Рязань окончательно попала под власть владимиро-суздальских князей.

Рязанская земля и Коломна являлись воротами на пути следования монголо-татарских полчищ в 1237 г. Татары предварительно сделали попытку дипломатических переговоров, послав “жену чародеицу и два мужа с нею” с требованием “десятины во всем во князех и в людех и в ко-нех”. Рязанский князь Юрий Игоревич с двумя племянниками, а также князья муромский и пронский, не подпуская татар к рязанским городам, вышли им навстречу в Воронеж и объявили: “Когда никто из нас не останется, тогда все будет ваше”. Одновременно они послали гонцов во Владимир к вел. кн. Юрию Всеволодовичу за помощью, однако тот в помощи отказал. Летописец пишет по этому поводу: “князь же Юрий и сам не иде, ни послуша князей Рязанских молбы, но хоте сам особь створити брань” (Московский летописный свод, 1949. С. 127). Видимо, здесь проявилось характерное для периода феодальной раздробленности стремление князей действовать в одиночку.

Взяв в декабре Рязань и опустошив Рязанскую землю, Батыевы полчища двинулись к Коломне. Здесь их ожидал сын великого князя Юрия Всеволода с рязанским князем Романом Ингваричем и воеводою Еремеем Глебовичем. Вот как описывает летописец это сражение: “...и ту оступиша их татарам, и биша крепко и бысть сеча велика, и пригнаша их к надолбам, и ту убиша князя Романа, а у Всеволода воеводу их Еремея, и иных много мужей побиша, а Всеволод в мале дружине прибекав Володимеръ” (Московский летописный свод, 1949. С. 127).

Далее завоеватели двинулись на Владимир, опустошая все на своем пути. Коломна же, расположенная в столь важном стратегическом месте, вскоре вновь возродилась. Однако в 1293 г. татары, воспользовавшись расприями среди русских князей, вновь вторглись в пределы Рязанской земли. На сей раз поход возглавил Дюдень, брат хана Тохты. Завоевателей привел городецкий князь Андрей Александрович. И снова Коломна была вся разорена (Московский летописный свод, 1949. С. 157).

Новый этап в истории Коломны и Рязанской земли наступил в начале XIV в. и связан он с возышением Московского княжества. Набиравшие мощь московские князья, стремясь к увеличению своей территории, обратили взоры на прилегающие к ней соседние земли. С присоединением в 1301 г. Переяславля наступила очередь Коломны.

Точных данных о времени присоединения Коломны к Москве нет, вследствие чего среди историков имеются разногласия по этому вопросу. Канва событий, связанных с присоединением Коломны, выглядит следующим образом.

В 1301 г. московский князь Даниил ходил походом на Рязань. Летописец пишет: “Тое же осени кн. Данило Московский приходил ратью на Рязань и бился у города у Переяславля, и князь Данило Московский изнемогл и бояр избил, а князя Константина Рязанского некою хитростью ял и приведе к себе в Москву” (Симеоновская летопись, 1913. С. 85). Именно с этим походом связывают присоединение к Москве Коломны историк С.М. Соловьев (1988. С. 441) и ряд других историков. В 1303 г. князь Даниил умер. Однако Константин оставался московским пленником вплоть до 1307 г., когда по приказу Юрия Даниловича он был умерщвлен. В Орде был убит его сын Василий. Другие историки – Н.М. Карамзин (1992. С. 103), О.П. Булич (1928. С. 17) – полагали, что присоединение Коломны произошло вслед за этими событиями.

Так или иначе, но в начале XIV в. Коломна отошла к Московскому княжеству. Фиксированным свидетельством этого является духовная грамота Ивана Даниловича Калиты, согласно которой Коломна с волостями отходит старшему его сыну – Семену. Однако борьба за владение Коломной между Москвой и Рязанью продолжалась вплоть до 1385 г.

Как верно подметил А.Б. Мазуров, московские князья вдохнули в Коломну новую жизнь. Произошла трансформация малого города в крупный центр, сомасштабный столичному (Мазуров, 2001. С. 59). Присоединение Коломны к Москве давало последней возможность дальнейших территориальных приращений и расширения торговых связей с Востоком и Поволжьем. Оно способствовало также еще большему возвышению Москвы как торгового и политического центра Северо-Восточной Руси.

Рязань не могла смириться с потерей города. Так, под 1385 г. летописец сообщают о том, что Коломна была взята Олегом Рязанским. Наиболее полно это событие описано в Никоновской летописи: “Олег Рязанский супротивий взя Коломну, пришед изгоном и наместника изымал Александра Андреевича, нарицаемого Остяя, и прочих бояр многих и лучших людей поймав, поведе с собою; и злата и серебра и всякого товара наимався, отъиде в свою землю со многим полоном и с богатством” (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. С. 86). Для нас здесь важно, что Коломна управлялась московским наместником. В этой связи следует отметить, что в московский период Коломна в удел не выпадала, а управлялась наместником старшего из сыновей великого князя. Под-

тврждением этого находим в Никоновской летописи под 1391 г., где назван Остей, “кормиличич князя великого” (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. С. 123).

Летописные упоминания о Коломне XIV в. свидетельствуют о том, что коломенская рать участвовала во всех походах московских князей, как она участвовала в походах владимиро-сузальских князей.

Как о важном событии упоминают летописи о свадьбе великого князя Дмитрия Ивановича и Евдокии, дочери нижегородского князя Дмитрия Константиновича, которая происходила “на Коломне” (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. С. 7). Как верно, видимо, подметил С.М. Соловьев, выбор места проведения свадьбы был определен тем, что оба великих князя не хотели нарушить своего достоинства, и выбрали Колому, лежащую на полпути из Нижнего Новгорода в Москву (1988. С. 486).

И, конечно же, Коломна не избежала разорительного похода Тохтамыша 1382 г., когда татары, идя “вспять от града Москвы со многим полоном и бесчисленным богатством”, “наперед себя пусти рать х Коломне” и “град Колому взяша” (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. С. 80).

Что касается формирования территории уезда, то данные по этому вопросу для рязанского периода истории города и округи весьма ограничены. Вопрос этот смыкается с вопросом о северных границах Рязанского княжества, отделявших его от Владимира-Сузальских земель, поскольку Коломна была крайним северным пунктом Рязанского княжества.

Здесь прежде всего необходимо обратиться к работе А.Н. Насонова. Изучая летописные свидетельства, исследователь пришел к заключению, что Рязань утвердила в низовьях р. Москвы в промежутке конца XI – первых десятилетий XII в. (Насонов, 1951. С. 205, 206). Оконтуривая территорию Рязанского княжества с севера, А.Н. Насонов проводит границу сразу за Коломной, южнее, как он полагал, Черниговского волостного центра Сверилеска, который он отождествлял вслед за Н.Н. Надеждиным и К.А. Неволиным с современным с. Северским близ устья Северки, в 7 км севернее г. Коломны (Насонов, 1951. С. 203, 211, 230). Изучение таким образом проведенных границ показывает, что Коломна оказывается почти полностью лишенной округи в северном направлении, тем более если согласиться, что в рязанский период истории города он был столицей собственного удела. Ошибка А.Н. Насонова кроется в сомнительной локализации Сверилеска. Лингвистические данные не позволяют отождествить Сверилеск с с. Северским (консультация Л.П. Жуковской). Противоречат подобной локализации и археологические данные. Наши двукратные обсле-

дования территории с. Северского показали, что культурный слой на поселении, занимающий территорию современного села, имеет мощность 0.6–0.7 м. Площадь его распространения – 45.5 тыс. м². (Юшко, 1972; 1980). Шурфовка поселения показала, что оно содержит мощные напластования XIV в. Обнаружены также единичные фрагменты домонгольской керамики. Предматериковый слой содержал сетчатую и лепную керамику дьяковского времени. Но самое показательное – топография поселения. Оно расположено в низкой пойменной части реки Москвы и Северки, на левом берегу последней. Подобное открытое поселение никак не могло служить опорной крепостью Чернигова на северо-восточной окраине Черниговского княжества. Бессспорно только отождествление этого поселения с “селом на Северске” духовной грамоты Ивана Калиты. Так что вопрос о локализации летописного Сверилеска, на наш взгляд, остается открытым.

В.А. Кучкин, рассматривая вопрос о южных границах Ростово-Сузальского княжества середины XII в., проводит границу с Рязанью чуть севернее, чем А.Н. Насонов, убрав Сверилеск с карты совсем (Кучкин, 1984. С. 98. Рис. 2). В тексте же работы исследователь конкретизирует владимиро-рязанский рубеж, исходя из анализа летописных событий 1209 г., когда рязанский князь Изяслав Владимирович и пронский Кюр Михаил вторглись в пределы владимиро-сузальских князей и “начата воевати села около Мосеквы” (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 116). Всеволод послал против них своего сына Юрия. Далее В.А. Кучкин, привлекая сведения Летописца Переяславля-Сузальского, пишет, что Юрий встретил противников “у Особого”, разбил их и заставил бежать “за Оку” (Кучкин, 1984. С. 98). С локализацией “Особого” исследователь связывает проведение Владимира-Рязанского рубежа и помещает этот пункт в районе р. Осенки, правого притока Северки. Однако вызывает сомнение то обстоятельство, что владимиро-сузальские земли распространялись так далеко на юг и включали правобережье р. Северки. К тому же следует отметить, что описания сражения у “Особого” нет ни в одном другом из летописных сводов.

При рассмотрении событий 1209 г. следует обратить внимание на то обстоятельство, что Изяслав поджидал противника “на Мерске”. В свое время мы пытались, привлекая летописные свидетельства конца XII – начала XIII в., показать, что р. Нерская была тем рубежом, к которому выходили встречать и провожать высокопоставленных гостей послы рязанских князей и епископы (Юшко, 1991. С. 112, 113). Это обстоятельство косвенно подтверждает, что р. Нерская в значительной части своего течения была рубежом рязанских владений.

Следует отметить, что р. Нерская (нижняя часть ее течения) оставалась северной границей Коломенского уезда и в XVI в., как ее определил С.Б. Веселовский (Веселовский, Перцев, 1993. С. 11). Если это так, то округа коломенских владений значительно расширяется на север, и составляла она, видимо, основной костяк Коломенского уезда XII в., ибо за Оку коломенские волости не распространялись. Трудно с определенностью сказать, как далеко в XII в. коломенские земли простирались на запад, но, думается, что бассейн р. Коломенки эти владения захватывали. На восток коломенские волости 30-х годов XIV в. (Гвоздна, Устьмерьска, Мезыня) идут узкой (15–20 км) полосой вдоль левого берега Москвы. Надо думать, что и в XII в. коломенские владения не выходили за эти пределы.

Вопрос о границах коломенских земель XIV в. смыкается с вопросом о локализации коломенских волостей, поименованных в духовных грамотах первых московских князей. Территория удела простиравась от верхнего течения Нары на западе, на востоке граница удела проходила в восьми километрах восточнее р. Москвы, на юге она шла по течению Оки, на севере включала бассейн р. Нерской (Юшко, 2004. С. 285).

Мы рассмотрели вопрос о политической истории Коломны и ее округи. Теперь обратимся к тем сведениям, которые дает изучение археологических памятников региона. О заселенности этой территории в древности свидетельствует археологическая карта. Она содержит сведения о 112 памятниках. Оказывается, что это наименее заселенная часть Московской земли. Занимая почти четвертую часть княжества 30-х годов XIV в., регион этот содержит всего двенадцатую часть общего числа памятников XI–XIV вв., известных к настоящему времени на территории Московской земли. Плотность их здесь не превышает 10 на 1 км². Объяснение этому обстоятельству может быть только одно: этот стратегически важный район, открывавший дорогу в Орду и далее на восток, был крайне опасен для проживания вплоть до конца XV в. От этой поры до нас дошла серия актов 90-х годов XV в., отражающих тяжбу властей Симонова монастыря за так называемую Коробовскую землю, расположенную на древней Колычевской дороге, ведущей в Коломну. Один из актов свидетельствует, что люди отказались селиться на этой возделанной земле, поскольку она расположена “на дорозе”, на которой была “татба велика” (Акты..., 1958. С. 427. № 140). Что же касается более раннего времени, то здесь хотелось бы сослаться на приводимую нами карту (Юшко, 1991. С. 22. Рис. 2), свидетельствующую о том, что практически все сельские поселения левобережья Оки и низовьев Москвы перестали существовать после монголо-татарского нашествия. Археологическая карта свидетельствует о

том, что памятники в регионе размещены неравномерно: более насыщен ими север – бассейн Оки, Северки, частично р. Москва, в то время как в южной части региона – в бассейне Коломенки, на левобережье Оки, а также в низовьях Москвы – памятники практически единичны. Подобное размещение их, надо думать, объясняется также интересами безопасности. Характерно и еще одно обстоятельство: верхнее и среднее течение рек, таких как Отра, Северка, заселены плотнее, чем их низовья. Полное отсутствие населения в восточной части региона – по правому берегу Цны и левым притокам Москвы: Медведке, Семиславке, Мезенке – объясняется причинами природного свойства. Здесь размещается обширная Мещерская низина, в юго-восточной части заболоченная. Территория эта мало пригодна для проживания, как в древности, так, впрочем, и сейчас. Отсутствуют памятники и по течению Каширки.

Археологические данные свидетельствуют о том, что славянское население начинает проникать в регион несколько ранее XII в. Речь идет о селище у с. Федоровское, городище г. Коломны и городище у с. Городище и др. Всего раннеславянских памятников на территории коломенских земель к настоящему времени известно 13, что составляет примерно 2/3 общего числа поселений этой поры всей Московской земли. Конечно, подсчеты эти предварительные, поскольку новые памятники этой поры выявляются в Подмосковье почти ежегодно, но, думается, что они все же показательны. Видимо, эти плодородные, удобно расположенные земли притягивали сюда население в период, предшествовавший сложению государственности и началу монголо-татарских набегов, когда жить здесь стало опасно и картина размещения памятников сменилась прямо противоположной.

И все же основная часть поселений и могильников в изучаемом регионе, как и на территории всей Московской земли, возникает в XII–XIII вв. Из археологической карты видно, что бассейн Северки заселен плотнее, чем бассейн Москвы, поскольку она была внутренней рекой, а не транзитной, как р. Москва.

Сельских поселений домонгольской поры на территории региона к настоящему времени известно 22. Все они выявлены в процессе сбора подъемного материала. Как правило, они невелики по размерам (до 10 тыс. м²). Значительная часть поселений принадлежит к наиболее защищенному мысовому типу, хотя имеются поселения и с приречным типом заселения. Видимо, их следует относить к категории небольших деревень, либо починко.

Городищ в изучаемом регионе известно 11. На одном из них – у бывшего с. Городищи имеются слои XI в., возникновение остальных относится к

XII–XIII вв. Все они, кроме городища у д. Хлопна, имеют дьяковскую подоснову. Показательна география их размещения. Почти все они тяготеют к устью Москвы. Видимо, в этом опасном регионе население предпочитало селиться в укрепленных местах.

Все городища очень невелики по размерам. Средняя их площадь не превышает 2.4 тыс. м²., что характерно для городищ железного века. Преобладают городища, относящиеся к мысовому типу, но есть городища с прибрежно-овражной планировкой (Федосыно 1). Лишь одно из них – Настасино (Мячково) имеет открытую планировку. Подобное размещение городищ Коломенского уезда весьма показательно: мысовой и прибрежно-овражный типы наиболее безопасны с точки зрения обороны. Что же касается хронологии этих городищ, то только на трех из них (Городена, Городищи и сама Коломна) жизнь продолжалась после монголо-татарского нашествия. Все остальные, видимо, были разорены, и жизнь на них не возродилась.

Основную массу археологических памятников на территории коломенских земель составляют курганы (68 групп и одиночных курганов). Все они попадают в зону вятического ареала. Размещаются они обычно на более высоких береговых террасах, чем синхронные им сельские поселения.

Курганные группы, как правило, количественно невелики. Очень много одиночных курганов, а также групп, состоящих из двух насыпей. Среднее количество курганов в группах – чуть больше шести насыпей. Эти цифры свидетельствуют о том, что и сельские поселения, соответствующие таким небольшим группам, также невелики по размерам, что отмечалось нами выше.

Поражает количество одиночных курганов. Их 22, т.е. почти треть всех курганных могильников. Размещаются они как на Оке и Москве, так и на такой внутренней водной артерии, как Северка. Возникает мысль о том, что это сторожевые курганы. Однако для большинства из них мы не располагаем данными об их высоте. Самый крупный из одиночных курганов – курган “Городёна”, высота его 4 м. В среднем же высота одиночных курганов составляет 2.5 м. Нередко они размещаются на очень высоких береговых террасах, как, например, курган у д. Аргуново.

Из всей этой массы курганов исследованы были лишь две группы: группа Суворовских курганов (Анастасьев, 1876) и группа курганов у д. Кременье (Рыбаков, 1928).

Суворовские курганы раскопаны А.М. Анастасьевым почти полностью. Обнаружен обычный вятический инвентарь. В курганной группе у д. Кременье Б.А. Рыбаковым в 1927 г. были раскопаны три насыпи, причем в двух случаях обнаружены мужские погребения без вещей. При

женском погребении были найдены семилопастные височные кольца (одно из них с каплевидными лопастями), ажурные перстни, горного хрусталя бусы, пластинчатые браслеты. Курган может быть датирован рубежом XI и XII вв.

Подытоживая все сказанное выше, следует отметить, что Коломенский уезд, один из самых экономически и стратегически важных, называемых в источниках наравне с Москвой “отчиной” московских великих князей, имел полную драматизацию историю, особенно в рязанский период своей истории.

Славянское население проникает сюда впервые с XI в., но памятники этой поры крайне немногочисленны. Основная же масса славянского населения оседает здесь в XII–XIII вв., причем оседает оно неравномерно: более насыщен памятниками север региона – бассейн Отры, Северки, частично Москвы, в то время как в южной части – в бассейне Коломенки, на левобережье Оки – они единичны.

Такое размещение населения диктовалось интересами безопасности, ибо угрозу набегов всегда приходилось ожидать из-за Оки.

Начиная с XIV в. для изучения Коломны и ее округи возможно привлечение обширного круга письменных источников: духовных и договорных грамот, летописей, актового материала, писцовых книг. Весь этот комплекс письменных источников позволяет проследить судьбу сел и деревень уезда на протяжении двух столетий, т.е. в период, когда уездная столица наравне с Москвой стала “отчиной” Московских великих князей и завещалась всегда старшему из наследников.

Духовная грамота Ивана Калиты (около 1336 г.) впервые дает нам перечень коломенских волостей, который в духовных грамотах последующих князей несколько варьирует. Картографирование их показывает, что территория коломенских волостей XIV – начала XV в. почти соответствует территории времени писцовой книги 1577–1578 гг. и была даже несколько большей, чем в XVI в. Основная часть волостей (Гжеля, Ивани деревни, Брошева и др.) остается неизменной из завещания в завещание. Однако в духовных грамотах 1358–1406 гг. появляется ряд новых волостей (Кошира, Мещерка, Раменка и др.). Все они размещались на южных и юго-восточных рубежах уезда. Видимо, образование их помимо целей освоения окраин ставило своей задачей укрепление наиболее уязвимых окраин Московского княжества.

Привлечение вышеуказанного круга источников позволяет отыскать сведения почти о 90 селах и населенных пунктах XIV–XV вв., причем более половины их составляют села, упоминаемые в духовных и договорных грамотах. Однако следует отметить, что репрезентативность этого

вида источников на деле оказывается весьма ограниченной. Дело в том, что полного перечня коломенских сел в завещаниях нет (кроме духовных Ивана Калиты и Ивана Ивановича). Перечислены лишь те села, которые из удела старшего наследника попадают во владения потомков, чаще всего княгинь. Общий же перечень сел, как правило, кроется за общей фразой “Коломну... и с селы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1958.
- Анастасьев А.М.* О раскопках курганов в Коломенском уезде // ИОЛЕАиЭ. 1876. Т. XX. Кн. 2. Вып. 1.
- Булич О.П.* Коломна. Пути исторического развития города. М., 1928.
- Веселовский С.Б., Перцев В.Н.* Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. II.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
- Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1856. Т. VII.
- Львовская летопись // ПСРЛ. 1910. Т. XX.
- Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой половине XVI в. М., 2001.
- Монгайт А.Л.* Муромо-Рязанское княжество // Очерки истории СССР. Ч. 1. М., 1958.
- Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. 1949. Т. XXV.
- Насонов А.Н.* “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. XI.
- Радзивиловская летопись // ПСРЛ. 1989. Т. XXXVIII.
- Рыбаков Б.А.* О раскопках вятических курганов в Микинине и Кремене в 1927 г. // Собрание научно-археологического кружка I МГУ. М., 1928.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. 1913. Т. XVIII.
- Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988.
- Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1991.
- Юшко А.А.* Округа поселения // Средневековое поселение Настасынино. Тр. Подмосковной экспедиции. Т. 2. М., 2004.
- Юшко А.А.* Отчет о работе в Московской и Смоленской областях в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 5077.
- Юшко А.А.* Отчет о работах в Московской обл. в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9081.

The role of Kolomna and its environs in the history of the Moscow lands

A. A. Yushko

Summary

The article is devoted to the study of one of the important regions of the Moscow lands, – Kolomna and its environs. This strategically important region was the corridor through which inhabitants of the steppe usually found their way to Rus. The fertile land of the region allowed it to become the breadbasket for the entire Principality of Moscow. The history of the Kolomna lands is divided into two periods: the Ryazan' period, when the town and its environs were part of the Principality of Ryazan', and the Moscow period, after 1304 when Kolomna passed into the jurisdiction of the Great Princes of Moscow. The Ryazan' period is the more dramatic one, since it abounds in drastic conflicts between the Princes, hence the low population density of the Kolomna lands in pre-Mongol times, as testified to by the archeological map. During the Moscow period, Kolomna acquires special status, becoming, together with Moscow, a hereditary domain of the Moscow Great Princes. After that, the demographic situation in the region changed for the opposite.

ВОЗМОЖНОСТИ КАЛИБРОВАНИЯ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ ДЛЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНOK СТЕПНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© 2009 г. Д. В. Киосак

Институт археологии НАН Украины, Одесса

В последнее время радиоуглеродный анализ превратился из дорогого и не слишком точного способа датирования в привычную процедуру в ходе изучения памятников эпохи камня и палеометалла. Количество определений стремительно растет. Да и точность их значительно повысилась – по большей части благодаря внедрению метода ускоренной масс-спектрометрии (AMS) (Currie, 2000. Р. 185–217). Увеличение объема дат вызывает необходимость в особых способах их обработки и сопутствующему сопоставлению с абсолютной хронологией.

Вскоре после открытия В.Ф. Либби выяснилось, что простого подсчета содержания ^{14}C в образце недостаточно для определения времени его существования. Сегодня даже “очевидный возраст”, предоставляемый лабораторией, есть результат многочисленных поправок и коррекций (Stuiver, Polach, 1977. Р. 355–363). Но и он нуждается в исправлении с учетом изменений концентрации радиоактивного углерода в атмосфере. История калибровки дат – это история постоянных улучшений и уточнений калибровочных кривых.

В последнее время было разработано несколько калибровочных кривых для позднего плеистоценового периода. Т.Х. Андел в 1998 г. предложил достаточно простой график (Andel, 1998. Р. 26–33). Почти сразу после этого было указано на ряд несоответствий в наших сведениях относительно датирования изменений содержания ^{14}C в атмосфере в течение фингляциала (Plicht, 1993. Р. 119–123). Однако вскоре было представлено еще две кривые – Г.Дж. Фейрбенкса с соавторами и Б. Венингера и О. Йориса (Jöris, Weninger, 1998. Р. 465–504; Fairbanks et al., 2005. Р. 1781–1796). Последние детально учли аргументацию критиков и разработали компьютерную программу для калибрования до-голоценовых дат. А недавно была утверждена новая калибровочная кривая IntCal04, которая продолжается до 26 тыс. лет д.н.д. и позволяет анализировать самые поздние палеолитические даты (Reimer et al., 2004. Р. 1029–1058).

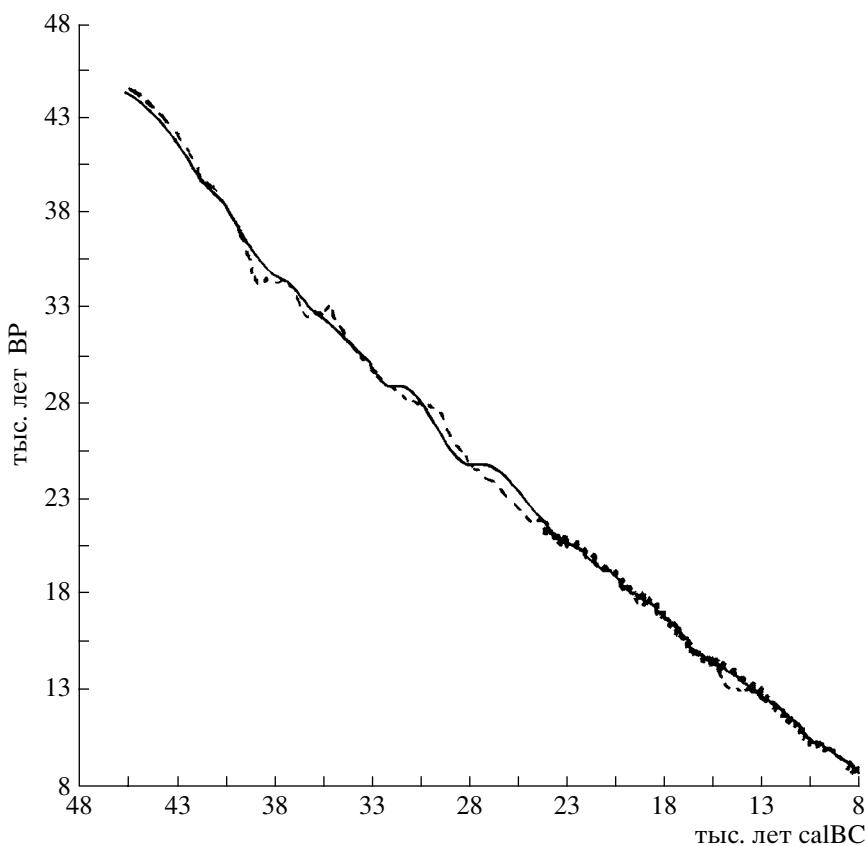
Скорее всего, эти кривые с годами еще будут улучшаться и изменяться как это произошло с голоценовыми графиками. Однако, по нашему мнению, именно их использование должно указывать

направления для улучшения и усовершенствования процедуры калибрования. Кроме того, применив их, мы сможем себе представить степень неточности в абсолютном датировании позднего палеолита. Ведь применение некалиброванных дат создает иллюзию меньших погрешностей, чем есть в действительности.

Значительный вклад в развитие представлений о датировке событий позднего палеолита Восточной Европы внесли работы Г.И. Зайцевой, А.А. Синицына, Л.Д. Сулержицкого, В.И. Тимофеева. Методика изучения абсолютной хронологии с помощью создания базы дат и их последующей калибровки была разработана на материалах эпохи энеолита и бронзы (Черных и др., 2000). Наиболее полная сводка дат древнего каменного века стала основой для всякого регионального хронологического исследования (Синицын и др., 1997). В коллективной статье авторы не только представили исчерпывающую базу дат, но и впервые попытались сопоставить даты палеолитических стоянок и климатических событий последнего оледенения на календарной временной шкале (полученной для гренландских кернов) (Zaitseva et al., 1998. Р. 759–767). В труде П.М. Долуханова с соавторами была предпринята калибровка плеистоценовых дат некоторых стоянок степной зоны (Dolukhanov et al., 2001. Р. 699–712). При этом она проводилась путем прибавления к конвенциальному определению некой постоянной поправки, что, безусловно, является не слишком точной методикой.

Цель этой работы – провести калибровку дат для позднего палеолита степной зоны Украины с использованием различных калибровочных кривых.

Наличная региональная база дат значительно увеличилась в течение последнего десятилетия и насчитывает почти 90 определений с 26 стоянок. Конечно, этого мало для создания надежной абсолютной хронологии для периода длительностью в десятки тысяч лет. Тем не менее не следует отказываться от их использования на том основании, что их мало или они “некороши”. Дорогу осилит идущий.



Калибровочные кривые (участок 8–48 тыс. лет BP). Точками – INTCAL04, пунктиром – CALPAL 2005 SFCP, сплошной – Fairbanks August 2005.

Для калибрования была применена программа CalPal. Мы провели эту процедуру, воспользовавшись тремя имеющимися современными кривыми: CALPAL 2005 SFCP, Fairbanks August 2005, INTCAL04. Результаты в виде интервальных оценок с уровнем вероятности 0.95 (2s) сведены в таблицу.

Разные калибровочные кривые дают отличные результаты. Если для голоцене они почти полностью идентичны, то в плейстоцене ход графиков сильно отличается (см. рисунок).

Несовпадения кривых вызваны как разными наборами исходных данных, по которым они были построены, так и разными методами их формирования.

На участке 11–13 тыс. лет BP кривая CALPAL 2005 SFCP лежит ниже двух других и проходит под более острым углом к оси абсцисс. Значит, ее использование будет приводить к меньшим датам calBC (приблизительно на 500 лет) и большим интервальным значениям (см., например, даты Ki-6357, Ki-6206, Ki-6202, Ki-5825, OxA-778, GIN-2940, GIN-7921, GIN-7922). В пределах 16–21 тыс. лет BP кривые хоть и не совпадают полностью, однако настолько значительных отклонений

не отмечено. В целом график CALPAL 2005 SFCP наименее гладкий, а следовательно, пытается отобразить меньшие по продолжительности колебания содержания ^{14}C в атмосфере. На промежутке 21–48 тыс. лет BP различия между кривыми значительные и разнообразные. Точность их уменьшается и разнобой в результатах растет. Безусловно, разницу между графиками следует учитывать, цитируя результаты калибрования.

В результате перехода к календарным датам погрешности становятся большие. Однако интервал-следствие калибрования лучше отображает объективную реальность, чем конвенционная дата. Такой промежуток указывает на степень неопределенности относительно того, когда именно состоялось событие. Попытки искусственно его уменьшитьискажают действительность (Plicht, 1993. P. 231–237). Свертывание определения к точечной оценке имеет значение лишь как способ увеличения наглядности, а в случае существенного анализа должен учитываться весь отрезок, в котором, возможно, имел место факт. Дата-отрезок имеет большую погрешность, чем точечная, но она более точная (т.е. ближе к действительному положению вещей).

Калибровка дат позднепалеолитических стоянок Степного Причерноморья (Станко, Свеженцев, 1988. С. 116–120; Кротова, 2003. 183–198; Сапожников, 2005. С. 14–31)

Лабораторный номер	Конвенционная дата, BP	Погрешность, SD	Календарная дата, calBC, 2σ		
			CALPAL 2005 SFCP	Fairbanks August 2005	INTCAL04
Каменная Балка II					
OxA-699	10900	400	11 740–9740	11 820–9740	11 700–9740
OxA-778	13 600	180	15 460–14 620	14 670–13 630	14 740–13 70
GIN-2940	15 400	1200	19 330–14 130	19 260–13 340	19 180–13 420
GIN-2941	13 200	500	15 800–12 360	15 060–12 220	15 070–12 190
GIN-3472	15 350	550	17 750–15 590	17 790–15 230	17 760–15 120
GIN-2940a	12 050	2100	17 800–6 840	17 750–6 750	17 710–6 750
GIN-7921	14 800	400	16 980–15 300	17 050–14 770	17 110–14 710
G1N-7922	12 700	700	15 790–11 070	14 850–11 210	14 880–11 160
GIN-3772	15 100	700	17 780–15 06	17 840–14 320	17 800–14 360
GIN-3716	11 400	1300	15 570–7 770	14 790–7 870	14 830–7 870
GIN-4024	10 000	750	11 570–7 570	11 570–7 570	11 580–7 580
GrA-17349	15 610	80	17 080–16 680	16 980–16 740	17 070–16 790
GrA-17937	15 590	80	17 070–16 670	16 960–16 720	17 060–16 780
GrA-964	14 850	80	16 710–15 950	16 630–15 910	16 700–15 740
Каменная Балка I					
AA-4797	14 670	105	16 240–15 720	16 210–15 610	16 250–15 330
Амвросиевка, костище					
Le-1637	15 250	150	16 930–16 130	16 880–16 240	17 040–16 080
Le-1805	20 620	150	23 490–21 890	23 640–21 880	23 830–21 910
Le-3403	21 500	340	24 260–23 300	24 180–23 580	24 390–23 630
OxA-4890	18 700	240	20 970–19 810	20 790–19 870	20 790–19 710
OxA-4891	18 860	220	21 230–20 190	20 950–20 150	20 920–20 040
OxA-4892	18 700	220	20 900–19 860	20 740–19 940	20 730–19 810
OxA-4893	18 620	220	20 780–19 780	20 700–19 780	20 700–19 580
OxA-4894	18 220	200	20 570–19 490	20 410–19 250	20 350–19 070
OxA-4895	18 660	220	20 820–19 820	20 730–19 850	20 720–19 680
Ki-9704	18 040	200	20 510–18 830	20 230–18 990	20 220–18 780
Ki-9705	18 350	200	20 630–19 590	20 510–19 430	20 460–19 220
Ki-9706	18 240	200	20 580–19 500	20 430–19 270	20 370–19 090
Ki-9709	17 800	200	20 010–18 530	19 840–18 560	19 740–18 500
Ki-10307	15 900	200	17 570–16 810	17 560–16 760	17 570–16 810
Амвросиевка, стоянка					
Ki-9707	18 450	200	20 660–19 660	20 570–19 570	20 560–19 320
Ki-9708	18 700	200	20 860–19 900	20 700–20 020	20 680–19 880
Анетовка II					
Le-4066	18 265	1650	23 850–16 170	23 760–16 120	23 900–16 100
Le-2424	18 040	150	20 230–19 390	20 090–19 130	20 120–18 880
Le-2947	19 170	120	21 630–20 390	21 440–20 400	21 320–20 360
Le-2624	24 600	150	28 300–27 220	28 490–25 890	—
Le-4610	19 090	980	23 200–18 560	23 220–18 380	23 380–18 260

Таблица. Продолжение

Лабораторный номер	Конвенционная дата, BP	Погрешность, SD	Календарная дата, calBC, 2σ		
			CALPAL 2005 SFCP	Fairbanks August 2005	INTCAL04
Мира I					
Ki-8152	27600	370	31520–28920	30850–29810	–
Ki-8153a	27200	380	30670–28870	30570–29570	–
Ki-8154	27300	390	31080–28800	30660–29620	–
Ki-8158	27050	350	30010–28970	30440–29520	–
Ki-10283	26610	400	29570–28690	30240–29160	–
Ki-10284	27080	400	30390–28870	30520–29480	–
Ki-8381	28450	1100	34050–28610	33880–29280	–
GrA-20019	26590	490/460	29700–28570	30330–29060	–
Мира II/1					
Ki-8155	26800	390	29670–28870	30340–29300	–
Ki-10346	27160	390	30590–28870	30570–29530	–
GrA-20020	27830	580/540	32310–28900	31820–29680	–
Мира II/2					
Ki-8156	27200	360	30540–28900	30550–29590	–
Ki-8201	27510	400	31490–28850	30820–29740	–
GrA-20033	27750	590/550	32250–28840	31650–29640	–
Мураловка					
Le-1601	19630	200	22210–20730	22140–20700	22140–20700
Le-1438	18780	300	21380–19740	21140–19780	21090–19650
Золотовка					
GIN-1968	17400	700	20600–17200	20550–17150	20480–17160
GIN-8002	13600	1000	17110–11510	17060–11500	17070–11430
Сагайдак					
Le-1602a	21240	200	24160–22840	24100–23060	24310–23190
Le-1602b	20300	200	23020–21740	22810–21850	22900–21860
Лески					
Le-2946	19200	200	21700–20380	21730–20330	21600–20280
Le-4456	23770	1540	29760–22800	30200–22840	–
Дмитровка					
Ki-5826	16520	95	18040–17480	17900–17500	17990–17470
Леонтиевка					
Ki-6201	12150	90	12640–11840	12250–11930	12280–11840
Вознесенка IV, н.ш.					
Ki-6359	16900	100	18560–17840	18370–17850	18360–17840
Вознесенка IV, осн. ш.					
Ki-6358	19400	80	21680–20760	21680–20720	21620–20620
Нововладимировка II					
Ki-6203	19340	95	21660–20660	21650–20610	21550–20550
Солоне озеро Ia					
Ki-6357	12700	60	13370–12970	13140–12820	13250–12810

Таблица. Окончание

Лабораторный номер	Конвенционная дата, BP	Погрешность, SD	Календарная дата, calBC, 2σ		
			CALPAL 2005 SFCP	Fairbanks August 2005	INTCAL04
Солоне озеро VI					
Ki-6206	13030	70	14680–13320	13560–13200	13710–13190
Ki-6202	12890	100	14560–12920	13470–12950	13560–13000
Солоне озеро IX					
Ki-5825	13460	80	15270–14790	14160–13720	14340–13740
Солоне озеро IXa					
Ki-6360	14800	80	16440–15880	16620–15820	16680–15600
Федоровка, шар 2					
Ki-10354	15200	110	16820–16140	16770–16410	16970–16090
Федоровка, шар 1					
Ki-10355	14600	110	16240–15600	16150–15430	16180–15180
Ямы					
Ki-10356	19300	180	21730–20490	21770–20450	21680–20400
Говоруха					
Ki-10357	20190	180	22640–21680	22500–21820	22670–21790
Рогалик VII					
Ki-8476	11400	140	11670–11030	11750–11030	11590–11070
Бирючья Балка II, 3					
Beta-183589	31560	200	35150–34030	35400–34120	–
Beta-177776	26390	200	29350–28790	29890–29250	–
Бирючья Балка II, 3а					
Beta-183588	26630	230	29430–28950	30060–29380	–
Бирючья Балка I, 3					
Beta-183587	36000	280	40310–39350	40130–38650	–
Ильинка					
Ki-11681	27500	210	30590–29110	30570–29930	–
Пещера Нордмана	26930	980	32300–27740	31620–27900	–
Большая Аккаржа					
Ki-11307	19200	200	21700–20380	21730–20330	21600–20280
Ki-11340	19055	200	21620–20300	21500–20220	21360–20160
Ki-11306	18760	210	21010–19970	20760–20080	20750–19950

Некалендарные датировки с погрешностью, большей 500 лет, при калибровании переходят в промежутки длительностью в тысячи лет, т.е. фактически ничего не датируют. Анализ результатов, приведенных в таблице, показывает, что реалистичная оценка времени определенного события, состоявшегося в позднем плейстоцене, должна охватывать 600–700 лет. Для того, чтобы ее получить, нужно определить первичную дату с погрешностью не большей 100–120 лет.

К тому же, были периоды (“плато”), когда концентрация ^{14}C в атмосфере временно увеличивалась и организмы получали большее количество

атомов углерода. Соответственно, в настоящий момент кажется, что их остатки одновременны с образцами, которые в действительности младше, – иногда на тысячи лет. Следовательно, в такие периоды радиокарбонный метод будет давать одинаковые определения для проб разного возраста. Когда имеющийся возраст оказывается в таком интервале, погрешность значительно увеличивается – фактически до границ самого “плато”.

Потому попытка отнести стоянку лишь на основании радиоуглеродной даты к определенному этапу финглициала (беллингу, алереду и др.), которые длились, как правило, относительно недол-

го, – методически некорректна. В большинстве случаев имеющаяся точность датирования не позволяет этого делать с полной определенностью. Необходима корреляция данных абсолютного датирования со сведениями, полученными другими путями, – прежде всего, благодаря комплексному археологическому исследованию памятника.

Неопределенность часто пытаются уменьшить серийным датированием объекта. Повторный анализ часто дает другой результат, и возникает проблема выбора из нескольких показателей. Серии дат охватывают большие промежутки времени, некоторые из них значительно отстоят от основной совокупности определений, часто выделяются сильно различающиеся группы дат. Такая ситуация объясняется двумя основными подходами к проблеме. Некоторые авторы склонны допускать, что разногласия между датами – реальные и отображают намного большую длительность использования площади стоянки – в несколько тысячелетий (Сулержицкий, 2004). Другие ученые считают такое разнообразие определений вызванным случайными факторами.

Именно исходя из второго подхода, П.М. Долуханов с соавторами предложили следующую последовательность исследования такого набора датировок (Dolukhanov et al., 2001. P. 699–712). Сначала выясняют, являются ли даты статистически одновременными. Если есть достаточные основания допускать, что длительность существования комплекса была значительно меньше погрешности радиокарбонного датирования, то все анализы по ^{14}C должны образовывать нормальное (Гауссово) распределение. То есть, их отличия обусловлены случайными факторами, а не происходят от разницы в возрасте проб. В случае если это действительно так, они считаются статистически одновременными. Является ли распределение нормальным, в статистике обычно проверяют с помощью критерия χ^2 (Турчин, 1999. С. 125–137). Именно этот критерий и применяют в большинстве случаев для проверки одновременности группы дат.

Неодновременные даты отбрасывают, остальные комбинируют. Комбинированием дат можно пользоваться лишь в тех случаях, когда определения были сделаны по тому же образцу, или есть весомые основания считать, что они касаются одного короткого по длительности события. В результате получим усредненное распределение с меньшими значениями погрешности, чем у начальных датировок. Археологическим примером может быть захоронение, по материалам которого проведено несколько анализов. Их комбинирование может значительно повысить точность датирования.

Однако относительно позднего палеолита, длительность существования стоянок и отдельных их

структурных элементов – дискуссионная проблема. В частности, кажется, предположение о кратковременности палеолитических жилищ не достаточно хорошо обосновано в упомянутом труде П.М. Долуханова и соавторов.

Потому, скорее всего, нужно искать другие пути улучшения датирования палеолитических комплексов – это более глубокое изучению “контекста”, из которого брали пробу на датировку, и сочетание разных методов: как естественных наук, так и собственно археологических.

Палеоклиматические реконструкции позднего плейстоцена опираются в большинстве случаев на некалиброванную временную шкалу. Календарный возраст климатических событий и процессов определен для атлантического участка северного полушария в ходе изучения кернов из ледников Гренландии. Однако их применимость к нашему региону еще нуждается в доказательствах. Тем не менее считается, что отдельные события имели глобальное значение и состоялись почти одновременно на всем земном шаре (Alley, 2000. P. 1331–1334). Речь идет о максимуме последнего гляциала (около 19 тыс. лет calBC или, точнее, 21–17 тыс. лет calBC) (North Greenland..., 2004. P. 147–151) и начале голоцена (9550 ± 90 calBC – керн GRIP, $9640 \pm \pm 250$ calBC – керн GISP 2) (Goslar et al., 1995).

Таким образом, по имеющимся калиброванным датам к стоянкам времени максимума последнего оледенения можно с относительно большой вероятностью отнести Амвросиевку, Анетовку II и Мураловку.

Следовательно, калибрование радиоуглеродных датировок плейстоценовых стоянок – один из кратчайших путей к построению абсолютной хронологии позднего палеолита. Применение этого метода в практике изучения памятников этой эпохи встречается с рядом трудностей и “подводных камней”. Отмечены разногласия между разными калибровочными кривыми. Точность полученных дат ограничена. Серии дат плохо совпадают. Нет региональной календарной палеоклиматической шкалы, с которой можно было коррелировать датированные археологические объекты. Все же калибровка позднепалеолитических дат представляется полезной – прежде всего как реальная оценка погрешностей абсолютного датирования на современном уровне знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кротова О.О. Проблеми датування та періодизації пам'яток степової зони доби верхнього палеоліту // КДУ. 2003. Вип. 4.
- Сапожників І. Хронологія і періодизація пізнього палеоліту Східної Європи // Матер. дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2005. Вип. 9.
- Синицьин А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего

- палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- Станко В.Н., Свеженцев Ю.С.* Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // БКИЧП. 1988. № 57.
- Сулержицкий Л.Д.* Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3.
- Турчин В.М.* Математична статистика. Київ, 1999.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Alley R.B.* Ice-core evidence of abrupt climate change // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2000. V. 97.
- Andel T.H., van.* Middle and Upper Palaeolithic environments and the calibration of ^{14}C dates beyond 10 000 BP // Antiquity. 1998. № 72.
- Currie L.A.* The Remarkable Metrological History of Radiocarbon Dating [II] // J. Research National Institute Standards Technology. 2004. V. 9. № 4.
- Dolukhanov P., Sokoloff D., Shukurov A.* Radiocarbon Chronology of Upper Palaeolithic Sites in Eastern Europe at Improved Resolution // J. Archaeological Science. 2001. № 28.
- Fairbanks R.G., Mortlock R.A., Tzu-Chien Chiu et al.* Radio-carbon calibration curve spanning 0 to 50000 years BP based on paired $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}/^{238}\text{U}$ and ^{14}C dates on pristine corals // Quaternary Science Reviews. 2005. № 24.
- Goslar T., Arnold, Pazdur M.F.* The younger dryas cold event – was it synchronous over the north atlantic region? // Radiocarbon. 1995. V. 37. № 1.
- Jöris O., Weninger B.* Extension of the ^{14}C calibration curve to ca. 40000 cal BC by synchronizing Greenland 180/160 ice core records and North Atlantic foraminifera profiles: a comparison with U/Th coral data // Radiocarbon. 1998. № 40 (1).
- North Greenland Ice Core Project members. High-resolution record of Northern Hemisphere climate extending into the last interglacial period // Nature. 2004. V. 431.
- Plicht J., van der.* The Groningen radiocarbon calibration program // Radiocarbon. 1993. № 35 (1).
- Plicht J. van der.* Radiocarbon calibration for the Middle/Upper Palaeolithic: a comment // Antiquity. 1999. № 73.
- Reimer P.J., Baillie M.G.L, Bard E. et al.* IntCal04 Terrestrial radiocarbon age calibration, 26–0 ka BP // Radiocarbon. 2004. № 46.
- Stuiver M., Polach H.A.* Reporting of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 1977. № 9 (3).
- Zaitseva G.I., Dergachev V.A., Timofeev V.I., Sementsov A.A.* ^{14}C Chronology of Archaeological sites in European Russia and Changes in Environmental Processes: a database investigation // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 2.

Calibration possibilities and dating of the Upper Paleolithic sites of Steppe Pontic region

D. V. Kiosak

S u m m a r y

The paper is devoted to the application of newly developed pleistocene calibration curves to a particular case of dating of Upper Paleolithic sites of Northern Black Sea littoral. The discrepancies between curves and their influence on dating exactness are discussed.

ПУБЛИКАЦИИ

ГРУНТОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

© 2009 г. М. В. Ивашов, Е. Н. Мельников

Липецкий государственный педагогический университет

Грунтовые могильники – редкий вид археологических памятников. На территории Среднего Дона изучено большое число курганных могильников эпохи бронзы, но известны также и грунтовые погребения (Петропавловский, Мосоловский, Новохарьковский, Самотоевский, Терешковский Вал, Таганский), которые помогают решить ряд проблем, связанных прежде всего с социальным устройством, этническим составом, идеологическими представлениями обществ эпохи бронзы (Синюк, 1999. С. 69, 70; Матвеев, Цыбин, 2004. С. 22, 23). В бассейне Верхнего Дона, полностью входящем в лесостепную зону, известно значительно меньше курганных могильников, хотя поселений выявлено более 700. Долгое время на территории современной Липецкой области был известен только один грунтовый могильник – Никольский (Москаленко, 1950), затем был изучен Введенский курган, одно из погребений которого исследователи также склонны относить к грунтовым (Синюк, Килейников, 1976). В последние несколько лет на территории области было выявлено сразу несколько грунтовых могильников, относящихся к эпохе бронзы (рис. 1, I). Целью данной публикации является обобщение всех имеющихся сведений об известных и вновь выявленных как одиночных грунтовых погребениях, так и могильниках эпохи бронзы в пределах липецкого участка Верхнего Подонья.

Никольский могильник был обнаружен А.Н. Москаленко у д. Никольское на р. Дон в 1950 г. (Москаленко, 1950. С. 1–5) (рис. 1, I; 2). В 1949 г. местными жителями ей были переданы три целых глиняных сосуда и череп человека, найденные в карьере. Первый сосуд с высокой шейкой и округлыми боками орнаментирован (рис. 2, I–1). Второй сосуд – с высоким, слегка растресканным горлом и шаровидным туловом, также орнаментирован (рис. 2, I–3). Третий горшок отличается формой и отсутствием орнамента – это невысокий колоколидный сосуд (рис. 2, I–2), именно рядом с ним и был найден череп. В 1950 г. А.Н. Москаленко вдоль карьера был заложен раскоп и несколько шурfov общей площадью около 40 м². В ходе исследований было выявлено еще несколько сосудов. Один из них горшковидной формы, с S-видным профилем, вылеплен из хорошо промешан-

ной глины с примесью толченой раковины, орнаментирован (рис. 2, I–4). Следующий сосуд – баночной формы, был найден недалеко от предыдущего и также орнаментирован. В тесте была примесь раковины, но, к сожалению, он развалился при расчистке. Третий сосуд, баночной формы, без орнамента, плохо сохранился и распался при расчистке аналогично предыдущему. В другом шурфе был обнаружен еще один сосуд колоколидной формы, со слегка отогнутым венчиком, без орнамента, с примесью толченой раковины в тесте (рис. 2, I–5). Автором раскопок отмечается, что коллекция посуды обнаружена на разной глубине (от 30 см до 1 м). Рядом с ними найдены лишь отдельные фрагменты человеческих костей (Москаленко, 1950. С. 3–5).

На основании данных материалов А.Н. Москаленко делает вывод о существовании на этом месте могильника (1952. С. 105). В то же время П.Д. Либеров связывал этот памятник только с поселением (1964. С. 114). Позднее А.Д. Пряхин интерпретировал это место как могильник абаевской и катакомбной культур наряду с поселением абаевской культуры (1971. С. 93). С целью определения характера памятника в 2005 г. был заложен раскоп площадью 12 м², в котором было расчищено два детских погребения (Земцов, 2005).

Погребение 1 (рис. 2, II–1) выявлено на глубине 0.45–0.5 м от уровня современной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживаются. Кости плохой сохранности, представлен лишь фрагментами отдельных костей, судя по которым умерший лежал скорченно на боку (левом?), головой на С. У ног находился целый сосуд, лежавший на боку (рис. 2, II–3). Он горшковидной формы, с невысоким плавно отогнутым венчиком, при переходе в туло изнутри образовано ребро. Верхняя часть орнаментирована. В тесте – примесь толченой раковины. Цвет поверхности – красно-коричневый.

Погребение 2 (рис. 2, II–2) выявлено в 2 м южнее предыдущего. Контуры могильной ямы не прослеживаются. Скелет зафиксирован на глубине 0.35–0.37 м от уровня современной поверхности. Он очень плохой сохранности и представлен отдельными костями черепа и ног, по расположению которых определена ориентировка головой в восточную часть сектора. В 0.6 м к Ю от головы на-

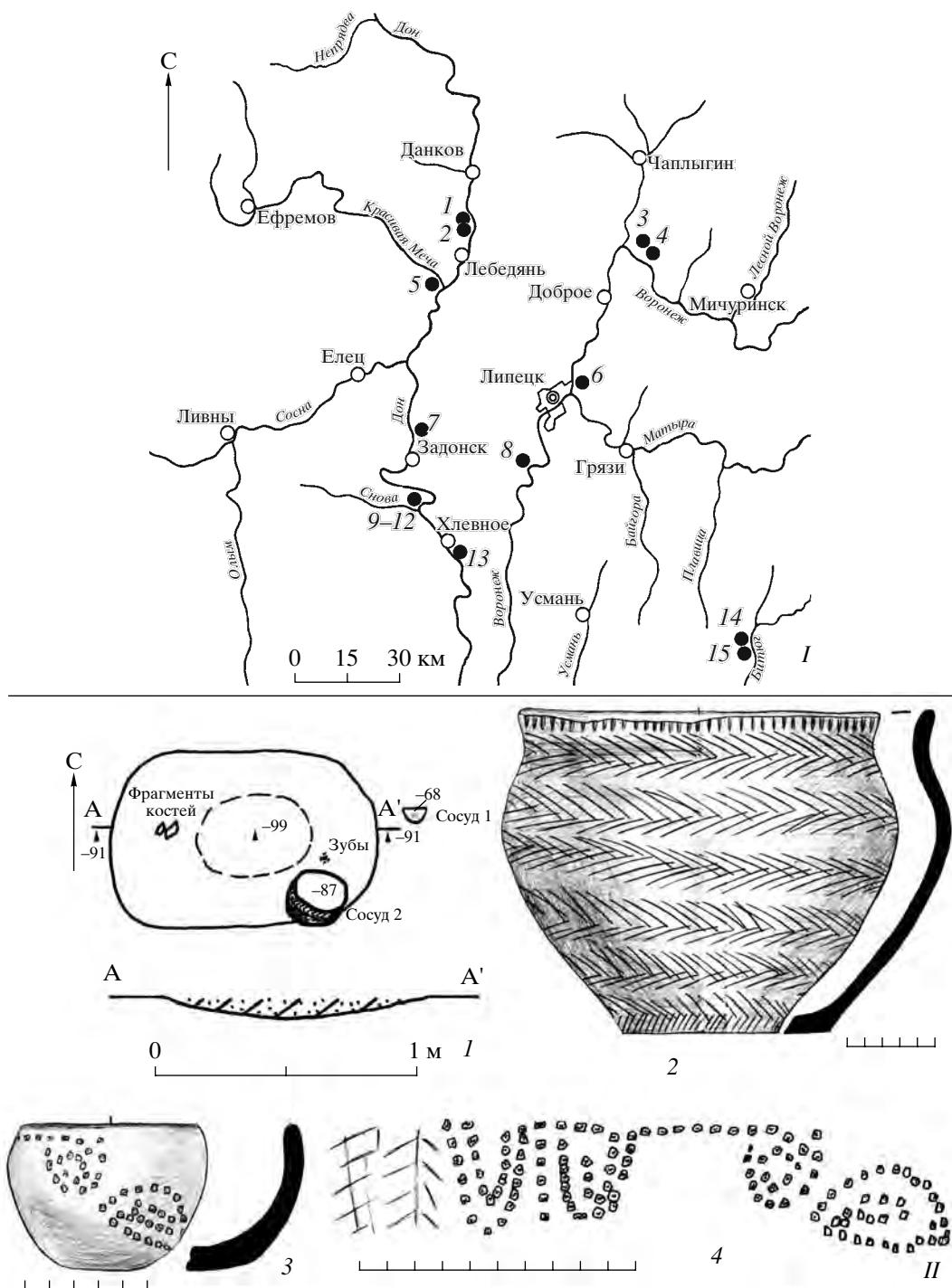


Рис. 1. I – карта грунтовых погребений и могильников в Липецкой части Верхнего Дона: 1 – Ольховец; 2 – Новое Ракитино; 3 – Буховое 9; 4 – Васильевский Кордон 1; 5 – Тютчево; 6 – Ссёлки; 7 – Никольский могильник; 8 – Крутогорский могильник; 9–12 – Ксизово 16, 17, 17А, 19; 13 – Конь-Колодезь; 14 – Паршиновка; 15 – Ровенка 5; **II** – погребение на поселении Васильевский Кордон 1: 1 – план; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 1; 4 – развертка орнамента сосуда 1.

ходился раздавленный сосуд (рис. 2, II–4), сохранившиеся его части были хрупкие, расслаивающиеся, но по ним удалось реконструировать форму. Он представлял собой небольшой горшок, с невы-

соким плавноотведенным, слегка приостренным по краю венчиком, диаметр которого немножко превышал диаметр тулова. Сосуд был украшен орнаментом из прочерченных линий в три зоны. По-

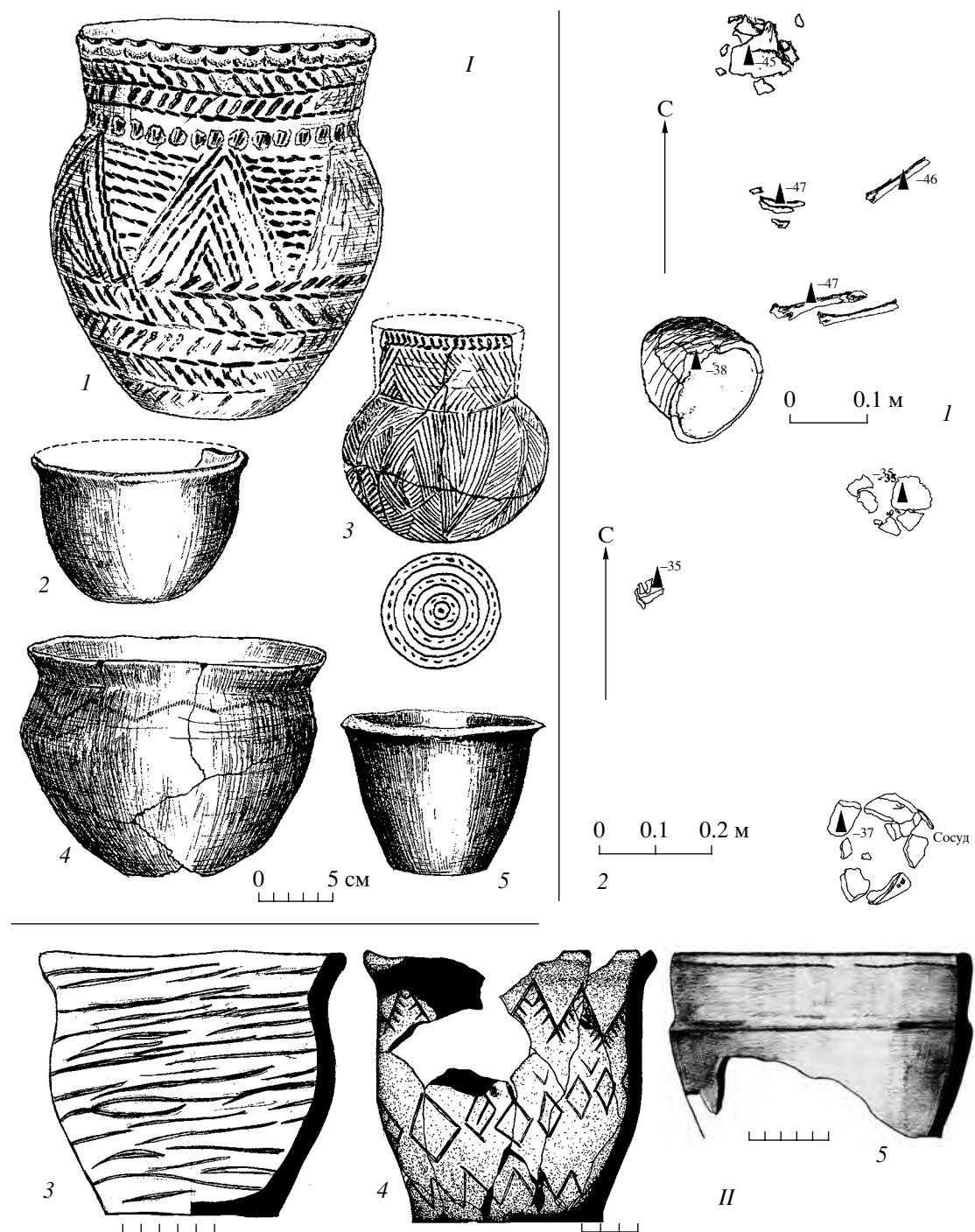


Рис. 2. Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы. I – сосуды (отчет А.Н. Москаленко, 1949–1950 гг.); II – погребения и сосуды, 2005 г.: 1 – п. 1; 2 – п. 2; 3 – сосуд, п. 1; 4 – сосуд, п. 2; 5 – развал сосуда, культурный слой.

верхность сосуда красновато-оранжевого цвета, в тесте – примесь толченой раковины и песка.

Кроме погребений в западной части раскопа был выявлен развал неорнаментированной верхней части горшка, который имеет своеобразное ребро-уступ в верхней части (рис. 2, II-5). Поверхность его тщательно заглажена и слегка подлоще-

на, цвет – темно-коричневый, изнутри имеются крупные расчесы. В глиняном тесте содержится примесь песка, шамота и толченой раковины.

Исследования памятника были продолжены осенью 2006 г., вскрыто еще 116 м², выявлено два детских погребения абашевской культуры и 15 развалов сосудов абашевской и срубной куль-

тур, небольшое количество отдельных фрагментов керамики, человеческих и животных костей (Ивашов, 2006).

В 1959 г. Верхнедонским отрядом ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея под руководством В.П. Левенка (1959) в разных частях Липецкой области было выявлено сразу четыре пункта с грунтовыми погребениями, которые отнесены первооткрывателем к эпохе бронзы (рис. 1, I).

Первый пункт (34-а – по отчету В.П. Левенка) – на правом высоком берегу р. Дон, напротив с. Ольховец (рис. 1, I). Более подробных сведений о нем нет. По мнению автора, найденное погребение относится к бронзовому веку.

Второй пункт выявлен также на правом берегу р. Дон у с. Новое Ракитино (рис. 3, II). Одно погребение обнаружено рядом с поселением, на котором в обнажении берега выявлен срубно-абашевский материал. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. В районе таза найдено широкое дисковидное пряслице из известняка. Автор отнес погребение к срубной культуре. Второе погребение уничтожено распашкой, поэтому подробного описания трупоположения, позы и ориентировки нет, ясно лишь, что это не сожжение. В.П. Левенок собрал отдельные кости человеческого скелета на распашке, на некоторых из них фиксировались следы окиси бронзы от украшений. Рядом с костяком было обнаружено скребло на массивной кварцитовой пластине, которое автор также связывает с разрушенным погребением (рис. 3, II-2).

Третий памятник обнаружен на правом берегу р. Красивая Мечка у с. Тютчево (пункт 53-а) (рис. 1, I). В обрыве берега было расчищено погребение: скелет взрослого человека, ориентированного на СЗ, положен скорченно на левом боку, колени у груди, кисти рук у лица (рис. 3, III). Инвентарь в погребении не обнаружен (Левенок, 1959).

Четвертый пункт был выявлен В.П. Левенком на левом берегу р. Воронеж, у юго-западной окраины с. Ссёлки (пункт 101) (рис. 1, I). На пашне собрана керамика срубно-абашевского облика и кости скелета человека (рис. 3, I) (Левенок, 1959).

Грунтовое погребение срубной культуры было выявлено в 1988 г. разведочным отрядом Липецкого госпединститута под руководством А.Н. Бессуднова у с. Конь-Колодезь (1989. С. 28, 29). Погребение обнаружено в обнажении левого берега р. Дон, высота которого над уровнем реки 14 м (рис. 1, I). Оно совершено в гумусированном слое на глубине 0.8 м от уровня поверхности. Признаков врезки погребальной ямы в материк нет. Погребение большей частью разрушено. От костяка сохранились лишь кости ног, по которым можно судить, что погребение было скорченным на левом боку и ориентировано головой примерно на СВ или ССВ

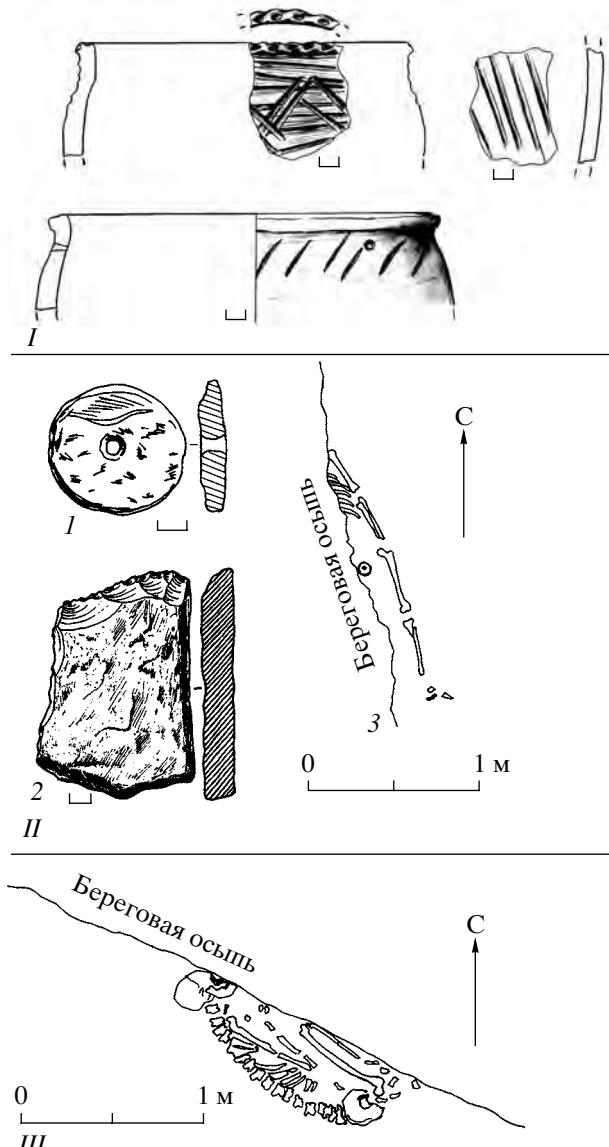


Рис. 3. Грунтовые погребения, выявленные в 1959 г. В.П. Левенком. I – керамика из разрушенного п. (?) пункта 101 у с. Ссёлки; II – п. у с. Новое Ракитино: I – пряслице из известняка; 2 – скребло на кварцитовой пластине; 3 – план; III – план безынвентарного п. у с. Тютчево.

(рис. 4, II). Погребальный инвентарь не выявлен. При осмотре склона обрыва ниже погребения найдены мелкие фрагменты костей и обломки лепного сосуда, из которых был восстановлен сосуд бачочной формы, украшенный насечками под краем венчика.

В 1990 г. на поселении Буховое 9 Б.А. Фоломьевым было исследовано еще одно грунтовое погребение. Памятник находится на дюне в пойме правого берега р. Воронеж (рис. 1, I). В шурфе была расчищена овальная яма (1.95 × 1.0 м), ориентированная по линии С–Ю. В юго-восточном углу

ямы обнаружен сосуд с короткой, слегка отогнутой шейкой, раздутым туловом и плоским дном, орнаментирован. В нем находился сосуд 2 баночной формы, без орнамента. К северу от сосуда 1 выявлен сосуд 3, который был перевернут. Он характеризуется слабо отогнутой шейкой, яйцевидным туловом, плоским дном, орнаментирован. Сосуд 3 относится к раннему этапу среднедонской катакомбной культуры. Б.А. Фоломеев полагает, что весь комплекс можно считать грунтовым погребением (1991). Каких-либо остатков погребенного в яме не обнаружено. Мы склонны соотносить этот комплекс с катакомбной культурой более осторожно, так как он выявлен в результате разведочных работ и при полномасштабных исследованиях данного памятника в 2006 г. следы других погребений не найдены.

В 1996 г. близ с. Крутогорье на правом берегу р. Воронеж И.А. Козмирчуком обнаружен грунтовый могильник раннего этапа катакомбной культуры, в котором было изучено пять погребений, одно из которых разрушено оврагом (рис. 1, I). К сожалению, выявленные комплексы до сих пор не опубликованы, за исключением краткой характеристики их в работе А.Т. Синюка (1999. С. 64). Четыре погребения были выявлены в небольших ямах. В них захоронены дети до 3 лет, в скорченном положении на правом боку, с ориентировкой на ЮВ. Во всех погребениях находилось по сосуду, относящемуся к раннему этапу катакомбной культуры, так как в орнаменте имеются донецкие черты. Кроме керамики в одном из погребений найдены топорик из рога и бронзовая подвеска, в другом – кремневый отщеп (Синюк, 1999. С. 63, 64). Пятое погребение разрушено оврагом, скорее всего оно принадлежало взрослому.

Наиболее вероятно, что погребенные дети происходили из семей высокого социального статуса. Об этом можно судить по наличию искусственной деформации всех черепов и погребальному инвентарю. Следует отметить, что погребенные располагались вплотную друг к другу и на одной глубине, что свидетельствует об их захоронении если не одновременно, то в очень короткий временной отрезок.

В 1997 г. при разведочных работах на поселении 5 у с. Ровенка В.А. Чивилевым было также исследовано грунтовое погребение (1997; 2000. С. 113–115) (рис. 1, I). Памятник расположен на площадке пологой пойменной террасы правого берега р. Битюг, возвышающейся на 1 м над старичным озером. Погребальный инвентарь представлен керамикой срубной культуры. Погребение перекрывало яму (колодец?), стратиграфия которой следующая (рис. 4, III–3): до 0.2 м – культурный слой поселения; до 0.3 м – чернозем с пятнами золы; 0.3–0.4 м – по краям ямы слой материковой желтой глины; 0.4–0.5 м – чернозем с вкраплениями

углей; 0.5–0.7 м – гумусированный слой с примесью глины и вкраплениями углей; 0.7–0.9 м – чернозем с включениями кусков обожженной глины и участков прокаленного грунта; материк – белая глина. На высоте 0.12–0.14 м от пола в стенках ямы обнаружен неглубокий подбой с выложенным камышом дном. В заполнении ямы найдено 13 фрагментов керамики срубной культуры.

Погребение было совершено в юго-восточной стороне колодца (рис. 4, III–2). Могильная яма имела размеры 0.5 × 0.7 м. Погребенный лежал скорчено на левом боку, кисти рук располагались на груди, ориентирован на ВСВ. Ноги у ступней видимо были связаны, а сами ступни отсутствовали. На большой берцовой кости правой ноги, недалеко от тазобедренного сустава имеются визуальные признаки прижизненной раны. Кости таза и позвоночника сползли в яму. У лица захороненного находился неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 4, III–1) (Чивилев, 2000. С. 114).

В 2002 г. было исследовано грунтовое погребение в с. Паршиновка (рис. 1, I), расположенному на правом берегу р. Битюг (Мельников, 2002).

Погребение было найдено местными жителями при рытье канавы. После получения информации от них сразу были предприняты меры по его доисследованию. Скелет взрослого человека, возможно женщины, находился в подпрямоугольной яме с закругленными углами, размерами 1.3 × 0.75 м при глубине в материке от 0.1 до 0.2 м (рис. 4, I–4). Заполнение могилы – чернозем. Погребенный был захоронен скорчено на левом боку, головой на С. Руки сложены так, чтобы кисти оказались у лица, ноги согнуты в коленном и тазобедренном суставах. Интересно, что при общей очень хорошей сохранности скелета в могиле полностью отсутствовали кости стоп ног и кистей рук (рис. 4, I–4).

Керамический инвентарь погребения представлен двумя сосудами абашевской культуры – колоколовидным и баночным (рис. 4, I–1, 2). Сосуд 1 находился перед лицом погребенного, в 8 см от него, рядом с костями рук. Это лепной горшок колоколовидной формы с заметной ребристостью. Он имеет примесь толченой ракушки, шамота и охры в тесте. Внешняя поверхность, заглаженная mestами до лощения, имеет коричневый цвет, а внутренняя – черная от нагара. Под шейкой, в верхней части туловища, сосуд орнаментирован. Ниже тулона до самого дна покрыто наклонными расчесами (рис. 4, I–1). Сосуд 2 находился в 5 см юго-восточнее первого. Это небольшая банка, заглаженная изнутри и снаружи. Поверхность коричневого цвета, в тесте – примесь ракушки и шамота. По срезу венчика нанесены косые вдавления гладким штампом (рис. 4, I–2).

Единственное бронзовое украшение было обнаружено на черепе в районе правого виска, ближе к глазнице. Это желобчатая подвеска в полтора

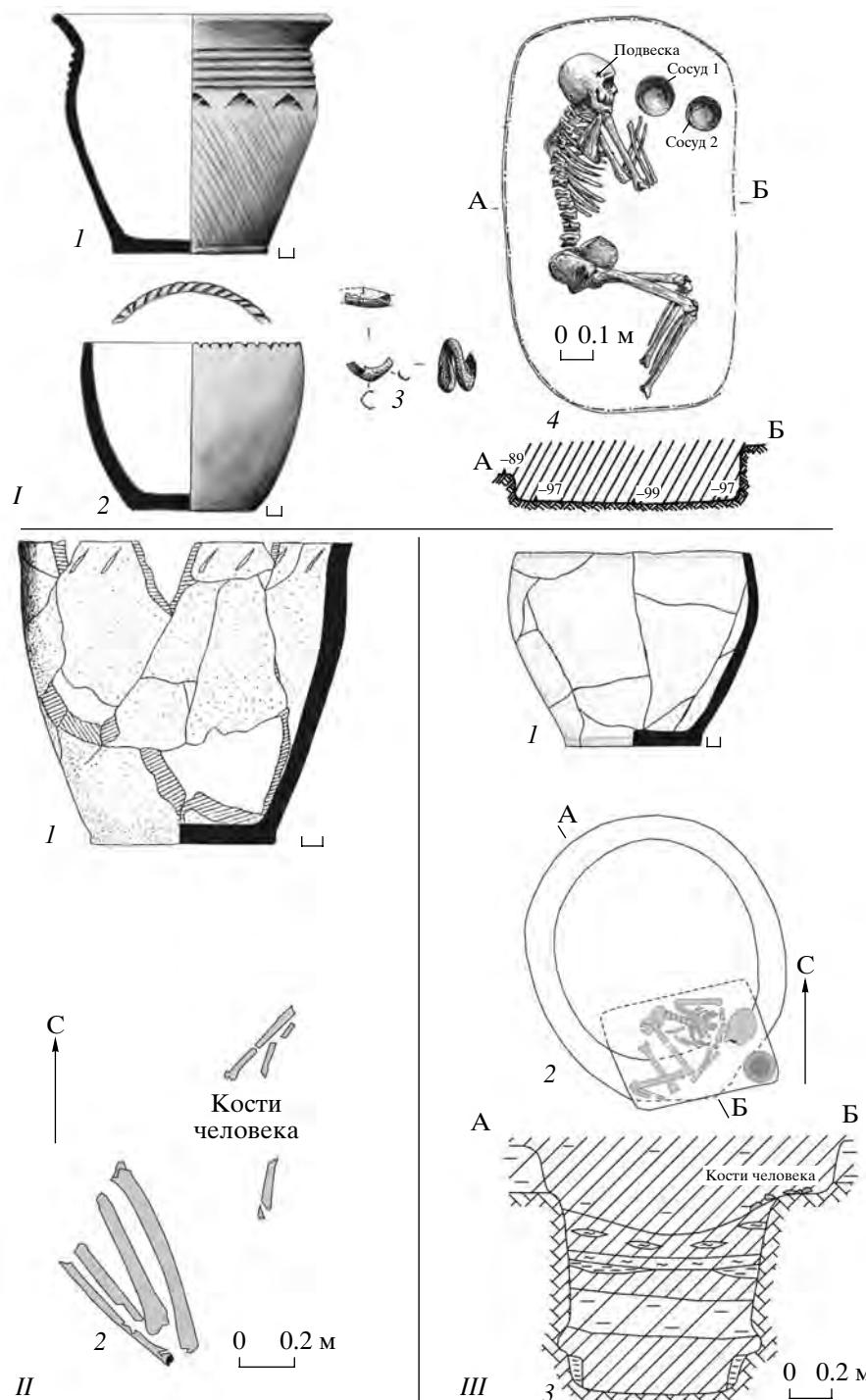


Рис. 4. Грунтовые погребения эпохи бронзы. I – у с. Паршиновка: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – бронзовая подвеска; 4 – план; II – сосуд и план п. у с. Конь-Колодезь; III – п. на поселении 5 у с. Ровенка: 1 – сосуд; 2 – план; 3 – стратиграфия ямы.

оборота из бронзовой листовой полоски (рис. 4, I–3). Грунтовый характер погребения подтвержден палеопочвоведом Ю.Г. Ченцевым.

В 2003–2005 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН под руководством А.М. Обломского бы-

ли проведены исследования нескольких многослойных поселений у с. Ксизово (рис. 1, I). На них выявлен и незначительный слой срубной, абашевской и катакомбной культур. Кроме этого, в культурном слое сразу нескольких поселений (Ксизо-

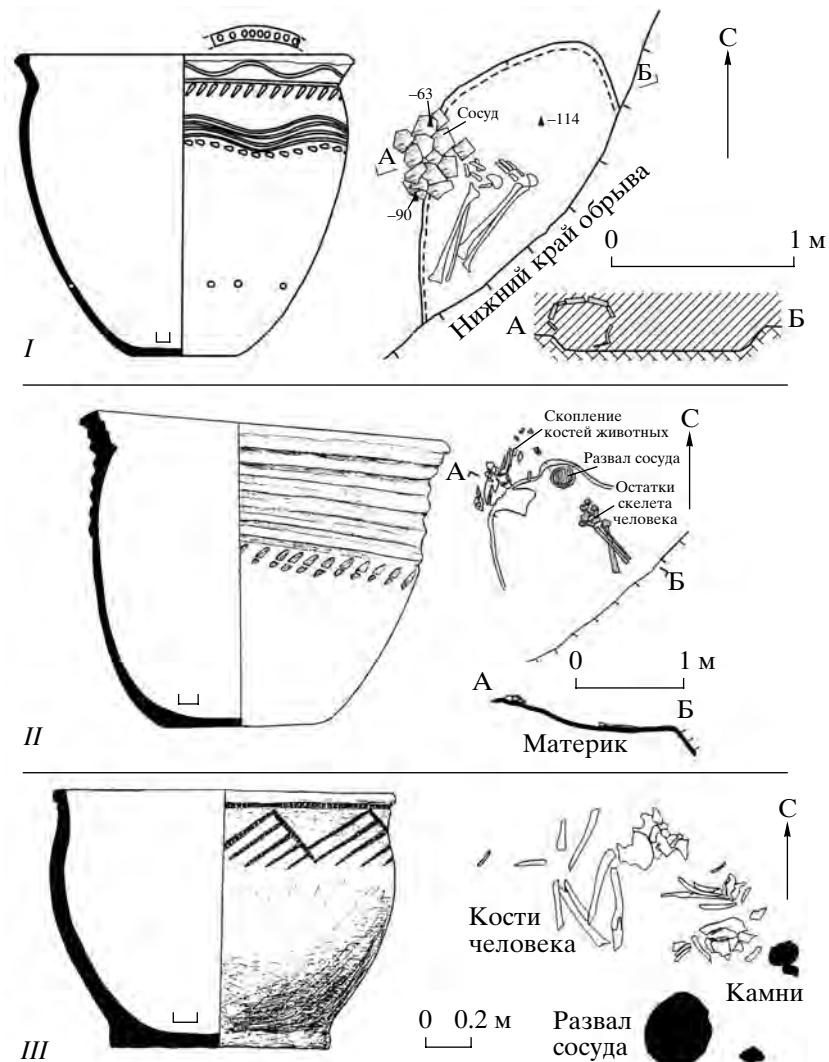


Рис. 5. Грунтовые погребения на поселениях у с. Ксизово. I – Ксизово 16, сосуд и план п. 1; II – Ксизово 16, сосуд и план п. 5; III – Ксизово 17А, сосуд и план п. 1.

во 16, 17, 17А и 19) были обнаружены грунтовые погребения эпохи бронзы (Обломский, 2003; 2004). Памятники расположены на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Дон, на высоте 20–25 м от уровня реки, 10–13 м от поймы. Культурный слой их интенсивно разрушается. Все погребения были выявлены при изучении участков в непосредственной близости от реки, показательно при этом, что погребения разных культур находились отдельно, на разных участках берега, но в то же время недалеко друг от друга, на соседних мысах.

На поселение Ксизово 16 исследовано два погребения, относящиеся к абашевской культуре. Погребение 1 (рис. 5, I) сохранилось частично, на краю обрыва прослежено пятно могильной ямы подпрямоугольной формы. Размеры сохранившегося участка 0.9 × 1.2 м. От скелета взрослого че-

ловека (мужчина, 30–40 лет¹) сохранились только кости ног ниже колен. Судя по их расположению, погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на Ю. Рядом с ногами, дном вверх, находился сосуд абашевской культуры с примесью ракушки в тесте. Это орнаментированный горшок колоколо-видной формы. В нижней части тулоно имеет ряд сквозных отверстий (рис. 5, I–I).

Погребение 5 (рис. 5, II) также сохранилось частично. Прослежен северный край могилы шириной до 1 м. От скелета остались кости ног ниже колен. Изначально погребенный (подросток старше 14 лет) лежал скорченно на левом боку, головой на

¹ Антропологические определения погребений у с. Ксизово сделаны доктором естественных наук, научным сотрудником Института охраны памятников истории и культуры г. Мост (Чешская Республика) Я. Главовой.

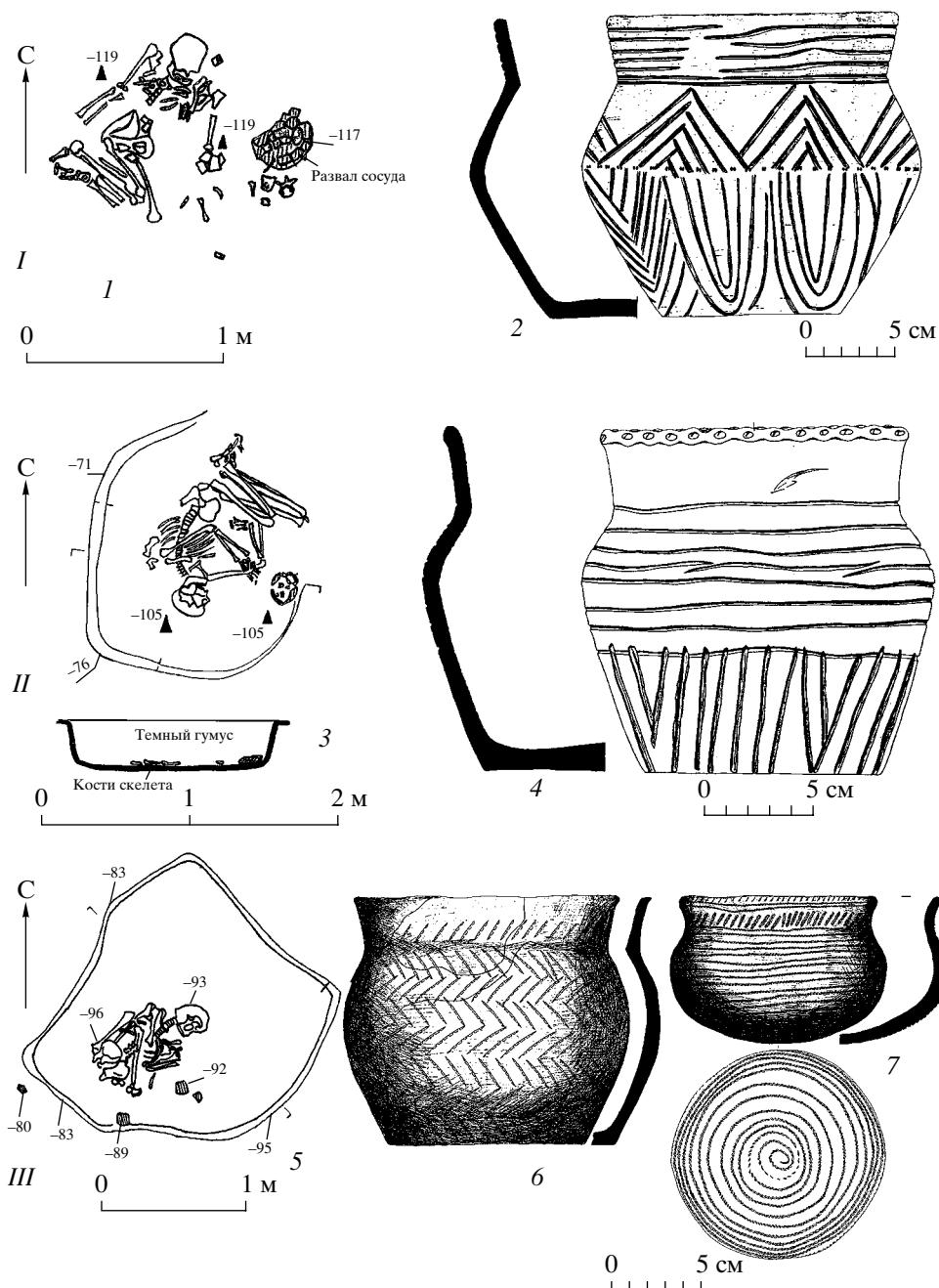


Рис. 6. Грунтовые погребения катакомбной культуры на поселении Ксизово 19. I – п. 1: 1 – план; 2 – сосуд; II – п. 3: 3 – план; 4 – сосуд; III – п. 4: 5 – план; 6 – сосуд; 7 – сосуд, стоявший неподалеку от п. (скопление 19).

Ю или ЮВ. Над северо-западным краем ямы прослежено скопление костей животных. В северо-восточном углу стоял небольшой сосуд абашиевской культуры. Это асимметричный колоколовидный горшок с хорошо заглаженной поверхностью и примесью толченой ракушки в тесте, орнаментирован.

В 2003 г. на поселении Ксизово 19 было изучено четыре погребения катакомбной культуры.

Погребение 1 представляло собой захоронение двух человек: взрослого и младенца (рис. 6, I). Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет взрослого человека (женщина, 16–25 лет) лежал на спине и был ориентирован головой на ССВ. Ноги согнуты в коленях и положены налево. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая несколько отведена в сторону (рис. 6, I–I). Сохранность скелета – средняя. Частично повреждена нижняя

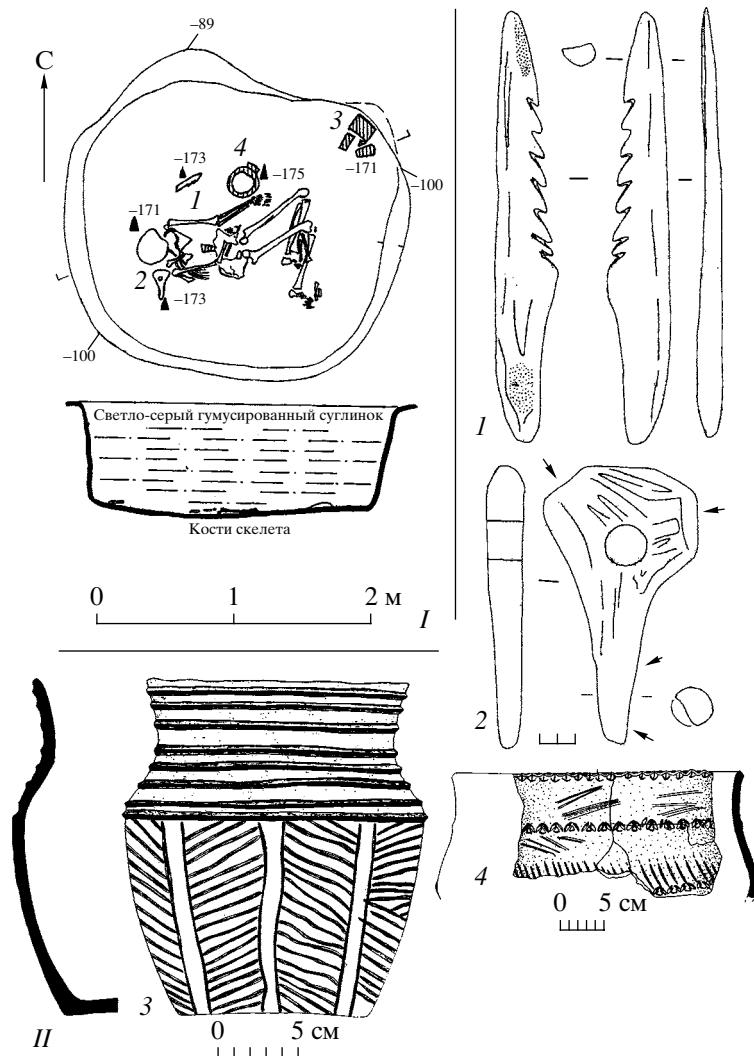


Рис. 7. Грунтовое погребение 2 на поселении Ксизово 19. I – план: 1 – гарпун из рога; 2 – топор-клевец из рога; 3 – сосуд 1; 4 – сосуд 2; II – находки: 1 – гарпун; 2 – топор-клевец; 3 – сосуд 2; 4 – сосуд 1.

челюсть, ее кусок лежал с левой стороны от черепной крышки. Утрачены кости кистей рук. Центральная часть скелета также разрушена грызунами. От погребения младенца (возраст 6 ± 3 месяца) сохранились фрагменты черепной крышки и несколько костей, по-видимому, от рук и ног. Череп младенца лежал в месте, где должен был находиться локоть левой руки взрослого – у нижнего конца плечевой кости. В 20 см к В от левой руки скелета взрослого находился раздавленный землей горшок (рис. 6, I–2). Он приземистый, биконический, с невысоким, резко отведенным от туловища венчиком, внутри при переходе образовано ребро. Диаметр верха сосуда 16 см, туловища – около 20, дна – 10, высота – 16.5 см. Сосуд орнаментирован в три зоны, выполнен из плотного теста с примесью шамота и незначительного количества органики. Цвет поверхности снаружи – светло-коричневый; изнутри – черный, присутствуют расчесы.

Погребение 2 (рис. 7) совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной длинной стороной по линии З–В, размерами 2.5×2.2 м по верхнему краю и 2.2×2.0 м по дну. Стенки сужены книзу почти по всему периметру и лишь в северо-восточном углу слегка расширены. Глубина ямы в материке 0.71–0.75 м.

На дне ямы в центральной ее части на спине лежал скелет взрослого человека (мужчина, 40–60 лет), ориентированный головой на З. Ноги погребенного были согнуты в коленях и положены налево, голова лежала на левом боку. Левая рука согнута в локте, кисть находилась в районе таза. Правая рука вытянута вдоль туловища, но также слегка согнута в локте. На последних фалангах кисти заметны следы охры. В 20 см к С от плеча острием к востоку лежал гарпун длиной 23.5 см, изготовленный из рога (рис. 7, II–1), а у левого плеча – топор-клевец из того же материала (обухом в

сторону черепа) длиной 15.6 см, шириной 8.5 у обуха и 1.2–2 см у острия. Диаметр отверстия – 2.3 см (рис. 7, II–2). В северо-восточном углу ямы находились куски верхней части сосуда 1. Другой горшок (сосуд 2), сохранившийся целым, стоял у кисти правой руки, примыкая к ней с севера.

Сосуд 1 (жаровня?) (рис. 7, II–4), представлен большим фрагментом верхней части тарного орнаментированного сосуда (диаметр по краю венчика 32 см). Венчик высокий, плавно отведен от туловы. Внешняя поверхность темно-коричневого цвета, местами черные и ярко-красно-оранжевые пятна, имеются следы расчесов. Внутренняя поверхность темного серо-коричневого цвета, местами также черные и пепельные пятна (следы от углей?), иногда подложенная, со следами расчесов. На изломе прослеживается двухслойность обжига: внешний слой – красно-коричневый; внутренний – темно-коричневый. Тесто, из которого изготовлен сосуд, плотное, с примесью шамота и незначительного количества органики.

Сосуд 2 (рис. 7, II–3) представляет собой высокий стройных пропорций орнаментированный горшок с плавно отведенным наружу венчиком (диаметр верха – 16 см; туловы – 19, дна – 11, высота – чуть более 20). Снаружи сосуд светло-коричневого цвета, местами с темными пятнами, подтеками, внутри – темно-коричневый, черный, со следами расчесов, в изломе – черный. В качестве отощителей глиняной массы использовались мелкий шамот и органика в малых количествах.

Погребение 3 (рис. 6, II) – захоронение взрослого человека (женщина?, 35–45 лет), совершено в подпрямоугольной яме, точные контуры которой прослежены с трех сторон. Размеры ее – 1.4 × 1.7 м по верхнему краю и 1.6 × 1.3 м в нижней части. Глубина ямы в материке составила 29–34 см. Ориентирована она по линии С–Ю (рис. 6, II–3).

Скелет лежал на дне ямы в центральной ее части в скорченной позе на правом боку, головой к Ю. *In situ* сохранились практически все кости. Правая рука была отведена в правую сторону, согнута в локте. Кисть находилась у бедра. Левая рука также была согнута в локте, кисть лежала на локте правой. Ноги сильно согнуты в коленях. В 10 см к В от локтя правой руки стоял раздавленный землей невысокий орнаментированный горшок с высоким горлом, слегка отогнутым наружу венчиком и биконическим туловом (рис. 6, II–4). Диаметр верха сосуда – 14 см, максимальное расширение туловы – 17, дно – 11, высота – 16. Сосуд изготовлен из плотного теста с примесью песка и крупного шамота. Снаружи поверхность сосуда темного серо-коричневого, местами светло-коричневого цвета, внутри и в изломе – темно-коричневого. На внутренней поверхности – глубокие расчесы.

Погребение 4 (рис. 6, III) совершено в яме неправильной прямоугольной формы, размерами

1.8 × 1.9 м. Контуры ее прослежены на поверхности материка на глубине 83–95 см от репера, дно находилось на уровне 96–97 см. Общая глубина ямы составляла 10–14 см. Она была заполнена однородным серым гумусированным суглинком.

В юго-западной части ямы спиной кверху и головой к СВ лежал скелет (мужчина, до 50 лет) с согнутыми в коленях и подогнутыми к животу ногами и руками, согнутыми в локтях и сложенными перед грудью (рис. 6, III–5). Сохранились почти все кости, за исключением нескольких ребер, которые, вероятно, были вынесены наверх в культурный слой кротами.

Погребение относится к катакомбной культуре, о чем свидетельствуют несколько фрагментов горшка, найденные в заполнении ямы к ЮВ от погребенного на глубине 89–92 см от репера. Еще несколько обломков того же сосуда были обнаружены выше захоронения в культурном слое. Сосуд (рис. 6, III–6) представлен фрагментами, позволяющими реконструировать полный профиль. По форме это приземистый горшок с невысоким резко отведенным от туловы венчиком, внутри при переходе образуется ребро. Диаметр верха сосуда – 15.5 см, туловы – около 17, дна – 12, высота – около 15. Он орнаментирован, изготовлен из плотного теста с примесью шамота и песка. Цвет поверхности снаружи – светло-коричневый; изнутри – черный, присутствуют расчесы.

Данный сосуд имеет большое число аналогий в курганных могильниках Среднего Дона (Павловский, Прилепы II, Герасимовка и т.д.) и относится к раннему этапу среднедонской катакомбной культуры начала II тыс. до н.э. (Синюк, 1996).

Интересен сосуд, развал которого выявлен недалеко от погребения (скопление 19) (рис. 6, III–7). Это небольшой округлодонный горшок, с невысоким венчиком, плавно отведенным от выпуклого туловы; диаметр по краю венчика – 10 см, максимальное расширение туловы – 12, а высота – всего 8 см. По краю венчика он украшен гребенчатым штампом, под которым – два ряда мелкой веревочки. Шейка сосуда орнаментирована косо поставленными “личинками” (76 штук), под которыми идут ряды горизонтальной мелкой веревочки, опускающейся по спирали ко дну (24 оборота). Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, внутренняя – черная, со следами расчесов. Тесто плотное, с примесью мелкого шамота, песка и незначительного количества органики. Пока удалось найти только одну аналогию подобному сосуду – это находка из погребения 1 кургана 8 Ильменского могильника, раннего этапа среднедонской катакомбной культуры.

На соседнем от катакомбного могильника мысу расположено поселение Ксизово 17. В 2004 г. на нем было исследовано пока единственное на Верхнем Дону погребение ямной культуры (рис. 8, I).

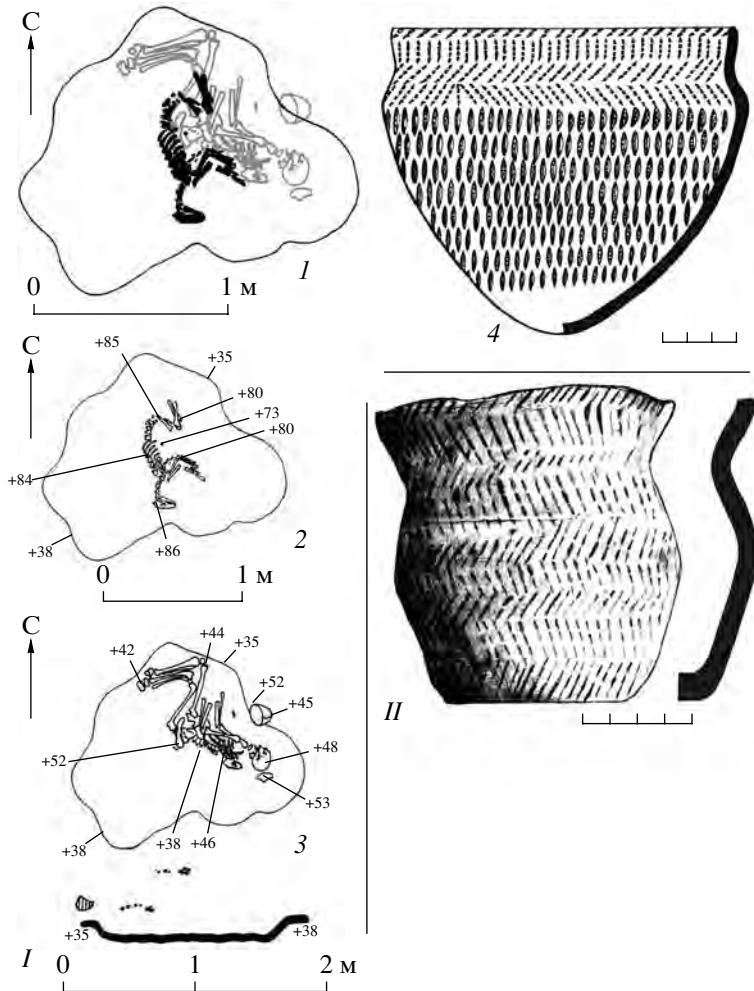


Рис. 8. Грунтовое погребение ямной культуры на поселении Ксизово 17. *I* – план: *1* – сводный план погребения собаки и человека; *2* – верхний уровень п., захоронение собаки; *3* – нижний уровень п., захоронение человека; *4* – сосуд; *II* – сосуд катакомбной культуры из разрушенного п. (?), переданный местными жителями с. Ксизово.

Оно выявлено на глубине примерно 15–80 см от уровня дневной поверхности. Такой разброс значений глубины обусловлен тем, что захоронение было совершено на двух уровнях. На первом, глубиной от 15 до 30 см от поверхности, расчищен скелет крупной собаки, которая была помещена в могилу на правом боку с подогнутыми ногами и ориентирована головой на Ю (рис. 8, *I–I*, *2*). Скелет животного практически полный, не сохранились лишь мелкие кости хвостового отдела позвоночника и конечностей. Контуры могильной ямы на этом уровне не прослеживались. В засыпке погребения отмечены мелкие фрагменты лепных сосудов, раковины моллюсков, отдельные кости других животных, попавшие в заполнение могильной ямы, очевидно, из культурного слоя поселения. На втором уровне, на глубине 50–65 см от дневной поверхности, найден скелет человека (рис. 8, *I–I*, *3*) (мужчина, 40–50 лет). Погребенный лежал на правом боку с подогнутыми ногами, прижатыми к ту-

ловищу плечами и вытянутыми вперед предплечьями. Ориентирован головой на ЮВ. Скелет неполный: отсутствуют кости кистей рук и стоп (кроме пяткочных костей и единичных костей плюсны или фаланг пальцев), часть позвонков шейного отдела позвоночника, ребер. Прочие кости зафиксированы в анатомическом порядке. В захоронении присутствовал сопроводительный инвентарь. К С от скелета, на расстоянии 15 см от черепа, обнаружен лепной сосуд с яйцевидным дном, покрытый штампованным орнаментом. Очевидно, он был помещен в заполнение могильной ямы в стоячем положении. Кроме того, к Ю от головы погребенного, непосредственно рядом и несколько выше затылочной кости черепа, найден крупный фрагмент кости животного (остатки заупокойной пищи?). При расчистке скелета отмечены немногочисленные фрагменты лепных сосудов и мелкие кости животных, однако их связь с погребением не бесспорна. В предметиковом слое наметились

контуры ямы погребения 10, однако четко зафиксировать их удалось лишь на уровне материка. Яма имеет неправильную в плане форму, приближенную к многоугольнику со скругленными углами. По оси З–В ее максимальный размер по верхнему краю – 180 см, по оси С–Ю – 135 см. Нижний контур объекта повторяет очертания верхнего, дно плоское. В восточной части ямы стенки близки к вертикальным, в прочих же частях – более пологие, суживающиеся книзу, ее глубина в материковом слое 14 см. Яма погребения заполнена темно-серым гумусированным суглинком с включениями материковой глины, у дна и непосредственно над скелетом заполнение имеет более светлый оттенок.

Лепной сосуд из захоронения – остродонный, с почти вертикальным венчиком и плечом, оформленным в виде слаженного ребра (рис. 8, I–4). Его размеры: диаметр венчика – 14 см, шейки – 13.8, наибольшего расширения тула – 15; общая высота – 12.4, высота от венчика до наибольшего расширения – 3.3 см. Горшок орнаментирован рядами отпечатков гребенчатого штампа. Дно не орнаментировано.

На этом же памятнике (Ксизово 17А) в 2004 г. археологической экспедицией под руководством А.М. Обломского было исследовано грунтовое погребение срубной культуры. Скелет захороненного ребенка был обнаружен на глубине 35–40 см от уровня дневной поверхности. Костяк лежал в скорченной позе на левом боку с поджатыми ногами, голова ориентирована на ЮВ (рис. 5, III). Кости рук не сохранились. В 10 см к В от головы лежал камень размерами 10×15 см. В 20 см к Ю от черепа находился развал сосуда горшковидной формы с плавным переходом от тула к венчику, подчеркнутому горизонтальной линией из штампа. Орнаментация выполнена мелкозубчатым штампом. Внешняя поверхность сосуда хорошо заглажена, местами до лощения “по сухому”. В качестве примесей присутствуют мелкий шамот и меловая (известковая) крошка. Необходимо добавить, что на этом памятнике выявлены материалы поселения срубной культуры.

В 2005 г. местным жителем с. Ксизово А. Швыревым во время проведения там археологических раскопок экспедицией ЛГПУ был передан для прорисовки сосуд катакомбной культуры, который, по его словам, был найден во время работы на его огороде в материковой глине. Рядом с ним были “какие-то кости”, которые не сохранились. Огород находится на правом высоком берегу р. Дон, в 500 м ниже по течению от перечисленных погребений. Вероятнее всего, мы имеем дело с еще одним грунтовым погребением катакомбной культуры. Выявленный горшок был небольшим (высота 11.5 см), серо-коричневого цвета, достаточно небрежно вылеплен. Орнаментирован гребенча-

тым штампом, (рис. 8, II), в глиняном тесте – примесь песка и мелкого шамота.

Осенью 2005 г. при проведении разведочных работ в верховых р. Воронеж разведочным отрядом ЛГПУ под руководством Р.В. Смольянинова в правобережной пойме реки, на дне было выявлено еще одно грунтовое погребение катакомбной культуры (поселение Васильевский Кордон 1). Погребение ребенка находилось в неглубокой яме, овальной формы, размерами 1.0×0.7 м, вытянутой по линии В–З (рис. 1, II). В 23 см выше уровня ямы, над ее восточной частью, был выявлен миниатюрный сосуд 1, над которым зафиксировано пятно из охры диаметром около 10 см.

Верхняя часть второго сосуда выявлена также выше заполнения ямы, в ее юго-восточной части, сосуд, по всей видимости, стоял на ее дне. Стенки ямы пологие, заполнение – темно-серая супесь. В ней были расчищены остатки костяка очень плохой сохранности. В частности, у сосуда 2 были найдены шесть молочных зубов, а в западной части ямы – две кости (рис. 1, II, I). Судя по расположению костей и зубов, костяк был ориентирован по линии З–В. Что касается керамической посуды, то сосуд 1 представляет собой небольшой сосудик баночной формы с округлым дном, поверхность которого подлощена (рис. 1, II–3). Сосуд орнаментирован (рис. 1, II–4), в глиняном тесте примесь песка и незначительное количество органики. Цвет поверхности – темно-коричневый.

Сосуд 2 – горшок с невысоким плавноотогнутым венчиком, яйцевидным туловом и небольшим плоским дном. Край венчика закруглен, под ним располагается орнамент, покрывающий все туло-во сосуда (рис. 1, II–2). Поверхность подлощена, темно-коричневого цвета, в качестве отощителей глиняной массы присутствует песок и незначительное количество органики.

Таким образом, на территории Верхнего Дона к настоящему времени выявлено 15 памятников с грунтовыми захоронениями, включающими в себя около 30 погребений, относящихся к эпохе бронзы. Кроме этого, отдельные памятники можно отнести к грунтовым могильникам с определенной долей сомнения (Буховое 9, сосуд из Ксизово). Как видно из приведенной карты, данный вид памятников тяготеет к бассейнам крупных рек. С позиций топографии расположение их приурочено в основ-ном к высоким террасам и мысам. Характерно, что рассмотренные погребения относятся к разным археологическим культурам эпохи бронзы, но при этом большинство из них оставлены населением катакомбной и срубной культур. Очень интересен факт выявления погребения ямной культуры, так как свидетельств пребывания этой культуры на Верхнем Дону почти нет. Судя по количеству бытовых памятников эпохи бронзы, верхнедонской регион был очень хорошо освоен в

эту эпоху. Поэтому мы уверены, что в перспективе следует ожидать открытия большего числа грунтовых погребений.

Изучение Никольского могильника в 2005 г. проведено при финансовой поддержке “Благотворительного фонда Борцова”.

Авторы выражают глубокую признательность А.М. Обломскому и Р.В. Смольянинову за предоставленную возможность публикации материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессуднов А.Н.* Отчет о разведочных работах в Хлевенском районе Липецкой области в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1989.
- Земцов Г.Л.* Отчет о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. 2005.
- Ивашов М.В.* Отчет к Открытому листу № 413 о проведении археологических исследований на Никольском грунтовом могильнике эпохи бронзы в Задонском районе Липецкой области в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2006.
- Левенок В.П.* Отчет о работах Верхне-Донского археологического отряда Ленинградского отделения Института археологии Академии Наук СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1959 г. // Архив ИА РАН. 1959.
- Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В.* Таганский грунтовый могильник. (Археологические памятники Донского бассейна). Вып. 6. Воронеж, 2004.
- Мельников Е.Н.* Отчет об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2002.
- Москаленко А.Н.* Отчет к Открытым листу № 18 на археологические разведки с правом производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской области // Архив ИА РАН. 1950. Ф. 1. Р. 1. № 527.
- Москаленко А.Н.* Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // КСИИМК. 1952. XLIII.
- Обломский А.М.* Отчет о раскопках раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово в Задонском районе Липецкой области в 2003 г. // Архив ИА РАН. 2003.
- Обломский А.М.* Отчет о раскопках раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово Задонского района Липецкой области и о разведках в его окрестностях в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2004.
- Прахин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т.* О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
- Синюк А.Т., Килейников В.В.* Курган у с. Введенки на Дону // СА. 1976. № 1.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции в 1991 г. в Чаплыгинском районе Липецкой области // Архив ИА РАН. 1991.
- Чивилев В.А.* Отчет об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997.
- Чивилев В.А.* Группа памятников срубной культуры у с. Ровенка Добринского района Липецкой области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Матер. междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972). Саратов, 2000.

Bronze Age ground burials in the Upper Don region

M. V. Ivashov, E. N. Melnikov

S u m m a r y

The article considers the materials from all currently known Bronze Age ground cemeteries on the territory of the Upper Don. The burials belong to different archeological cultures, – Catacomb, Abasheevskaya and Srubnaya. Ground burials appear to have been the dominant type of burial on the territory of the Upper Don in the Bronze Age, so the discovery of a large amount of sites belonging to this type should be expected in the future.

ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО УЧАСТКА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

© 2009 г. В. В. Кропотов

Институт археологии НАН Украины, Киев

В ходе комплексного изучения столицы позднескифского царства, проведенного в 1945–1950 гг. Тавро-скифской экспедицией ИИМК АН СССР и ГМИИ им. А.С. Пушкина под общим руководством П.Н. Шульца, был открыт и исследован целый ряд интереснейших археологических объектов. Среди них комплекс общественных зданий (так называемый Южный дворец), мавзолей и “погребение аланского военачальника”, расположенные на территории городища близ центральных ворот; группа вырубных склепов, курган и грунтовый могильник, находившиеся на восточном склоне; таврское поселение и несколько поздних захоронений, обнаруженные на нижней террасе у Алуштинского шоссе, и т.д. (Шульц, 1957. С. 61–93). Из всех этих памятников только “Южный дворец”, мавзолей и “погребение аланского военачальника” опубликованы более или менее полно (Шульц, 1953; Погребова, 1961; Высотская, 1979. С. 58–71, 202–204; Зайцев, 1997; 1998; 2002; 2003 и др.), остальные объекты введены в научный оборот лишь частично (Бабенчиков, 1949; 1957; Дашевская, 1951а, б; 1958). В числе последних и участок грунтового некрополя, выявленный в 750 м к ЮВ от городища, в 200 м к Ю от раскопанного в 1956–1958 гг. Э.А. Сымоновичем Восточного могильника (Сымонович, 1983. С. 8–10).

Здесь в 1947–1948 гг. небольшим отрядом под руководством В.П. Бабенчика было вскрыто 28 погребальных сооружений, среди которых 3 склепа и 25 подбойных могил (23 – с одной и 2 – с двумя погребальными камерами), пронумерованные в порядке их обнаружения с 1 по 29¹. Изученные захоронения были расположены в два ряда – один выше (могилы 1–12, 15, 17, 21, 23–29), другой ниже (могилы 13, 14, 16, 18–20, 22) по склону, и сохранились к началу раскопок в неподревоженном виде. Все подбойные могилы были вытянуты с СЗ

на ЮВ (т.е. не вдоль склона, а поперек него, что нетипично для этого типа погребальных сооружений) и содержали от одного до четырех погребенных, расположенных обычно один над другим. Очень интересны раскрытие В.П. Бабенчиковым склепы. Ориентированные перпендикулярно подбойным могилам, они имели подпрямоугольную в плане погребальную камеру и вмещали от 8 до 15 усопших: наиболее поздние погребения располагались в центре камеры в правильном анатомическом порядке, а более ранние были смешаны и отодвинуты к ее дальней стенке. У всех склепов пол погребальной камеры ниже дна входной ямы на 0,2–0,3 м. В двух случаях (склепы 13 и 14) прослежен соединяющий их короткий коридорчик-дромос. Последний, возможно, был и у склепа 16, входная яма которого в поисках захоронений была обкопана В.П. Бабенчиковым по периметру. Перечисленные признаки резко отличают исследованные в 1947–1948 гг. склепы от склепов Восточного могильника и сближают их с аналогичными погребальными сооружениями Нейзацкого некрополя. Распространение последних в могильнике Нейзац авторы раскопок связывают с переселением в Крым с Северного Кавказа аланских племен (Храпунов, Мульд, 2004. С. 310–313).

Несмотря на столь интересные особенности, хорошую сохранность и выразительный инвентарь, данный участок некрополя Неаполя Скифского остается по существу малоизвестным широкому кругу исследователей. Помимо двух кратких сообщений (Бабенчиков, 1949. С. 111–119; 1957. С. 119–131), дающих лишь общее представление о могильнике, В.П. Бабенчиков другой информации не опубликовал. Вместе с тем памятник, несомненно, представляет большой научный интерес для освещения заключительного этапа жизни столицы позднескифского царства и заслуживает более полной публикации.

Данная статья вводит в научный оборот только три погребальных сооружения – подбойные могилы 5, 19 и 20. Эти комплексы, расположенные в южной (могила 5), центральной (могила 20) и северной (могила 19) частях изученного участка, являются типичными захоронениями этого некрополя и позволяют близко ознакомиться с особенностями его погребального обряда и инвентаря.

¹ Номер 10 получила подпрямоугольная в плане неглубокая яма, доверху забитая бутовым камнем. Поскольку в ней никаких следов захоронения обнаружено не было, весомых оснований относить ее к числу могил нет. Кроме того, два номера – 21 и 21а, В.П. Бабенчиков присвоил разным погребальным камерам одной подбойной могилы. С учетом именно этих объектов общее число исследованных в 1947–1948 гг. комплексов, отмеченное в краткой предварительной публикации результатов исследования памятника (Бабенчиков, 1957. С. 120), равнялось 30.

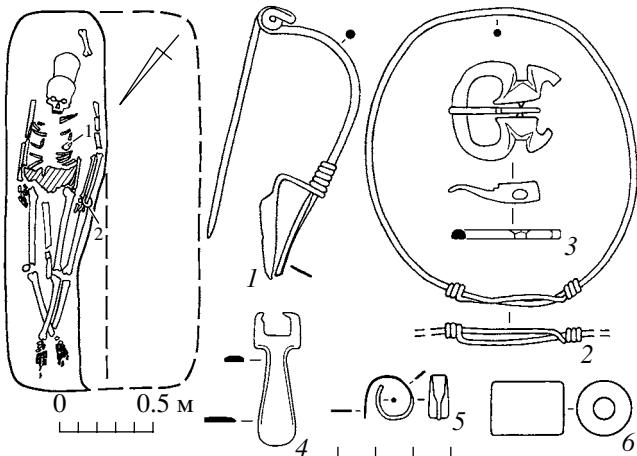


Рис. 1. План и инвентарь подбойной могилы 5: 1 – фибула, 2 – браслет, 3 – пряжка, 4 – наконечник ремня, 5 – кольцо, 6 – бусина из меловой породы. 1–5 – бронза.

Могила 5 находилась вблизи южного края верхнего ряда захоронений (южнее ее располагались только могилы 25 и 26). Входная яма могилы, до верха заполненная камнями, была вытянута с СЗ на ЮВ. Ее точные контуры и размеры зафиксировать не удалось, так как она была обкопана со всех сторон в поисках погребальной камеры. Последняя обнаружена под восточной стенкой ямы и имела в плане почти правильную подпрямоугольную форму. Ее размеры 2.0 x 0.52 м, пол находился на глубине около 0.7 м от поверхности раскопа, свод обрушился в древности.

В камере выявлено два расположенных одно над другим погребения: верхнее – женское, нижнее – мужское (антропологические определения проводил сотрудник Тавро-скифской экспедиции И.Т. Глобенко). Оба захоронения были уложены на спину головами на ЮВ, руки вытянуты вдоль туловища, ноги скрещены в голенях. Скелеты сильно истлели, но верхний сохранился лучше (рис. 1).

При покойных обнаружены: в изголовье близ южного угла погребальной камеры – кость животного (по определению В.П. Бабенчика – левое бедро оленя), в районе груди – бронзовая фибула (рис. 1, 1), на запястье левой руки нижнего захоронения – бронзовый браслет (рис. 1, 2); точное местонахождение других вещей – бусины из меловой породы (рис. 1, 6), сильно корродированного железного предмета (не сохранился) и бронзовых кольца, пряжки и наконечника ремня (рис. 1, 3–5) – В.П. Бабенчиков не указал ни в отчете, ни в полевом дневнике.

Бронзовая фибула из этой могилы – одночленная подвязная с четырехвитковой пружиной и верхней тетивой, длина – 7.2 см. В своей фундаментальной работе А.К. Амброз отнес ее к 4-му вари-

анту I серии лучковых подвязных застежек и датировал, как и все такие изделия, второй половиной II – началом III в. н.э. (1966. С. 50). Однако в литературе уже не раз отмечалась частая совместность этих фибул с образцами типологически более позднего 5-го варианта, что служит основанием для расширения их датировки до первой половины III в. н.э. (Абрамова, 1996. С. 102, 103).

Бронзовые браслеты с завязанными концами – хронологически малоинформативный тип изделий. Подобные украшения широко бытовали во II в. до н.э. – III в. н.э. и известны практически на всех крымских могильниках (Бабенчиков, 1957. С. 122; Богданова, 1989. С. 38; Богданова и др., 1976. С. 144; Высотская, 1994. С. 110; Гущина, 1974. С. 42; 1982. С. 24; Сымонович, 1983. С. 94 и др.). Размеры данного образца – 7.8 x 7.2 см, сечение проволоки – 0.2 см.

Гораздо более редкая находка – литая бронзовая пряжка с фигурной рамкой и подвижным язычком, ее размеры – 2.9 x 2.6 см. А.А. Труфанов относит такие предметы к варианту Б “укооченных дугоконечных пряжек” и датирует серединой II – началом III в. н.э., отмечая бытование отдельных экземпляров вплоть до последней трети III в. (2004. С. 167, 168). По-видимому, этим же временем датируется и бронзовый фасетированный наконечник ремня. Длина последнего – 3.5 см.

В качестве серьги, вероятно, использовалось небольшое проволочное колечко, один конец которого раскован в узкую расширяющуюся книзу пластинку; его диаметр 1.2–1.4 см (рис. 1, 5). Простые проволочные серьги – очень распространенный в первые века н.э. тип украшений, однако полной аналогии публикуемому образцу нам найти не удалось. Возможно, этот экземпляр был переделан из какого-то другого проволочного украшения, сильно износившегося и пришедшего в негодность.

Единственная найденная в могиле бусина, хотя и сделана из рыхлой меловой породы, имеет правильную цилиндрическую форму. Ее длина – 1.9 см, диаметр – 1.4 см. Подобные пронизи Е.М. Алексеева относит к типу 7 изделий из меловой породы и датирует I–IV вв. н.э. (1982. С. 29).

Могила 19 являлась самым северным сооружением нижнего ряда захоронений и находилась в 65 м к ССЗ от могилы 5. Ее подпрямоугольная в плане входная яма, ориентированная с СЗ на ЮВ, была доверху забита камнями; размеры 2.0 x 1.15 м, глубина 1.3 м. Погребальная камера вырублена в юго-западной стенке входной ямы и отгорожена от нее шестью вертикально стоящими каменными плитами. Подобные плиты были установлены и вдоль северо-восточной стенки входной ямы, что позволяло предположить наличие здесь второй погребальной камеры, однако это предположение в ходе последующих работ не подтвердилось.

Единственный в могиле подбой, овальный в плане, имел размеры 2.1×0.5 м. Его свод обрушился в древности. Пол располагался немного ниже дна входной ямы, переход оформлен в виде ступеньки (рис. 2).

В подбое обнаружены два погребения, расположенные одно над другим. Верхнее захоронение (вероятно, женское) было совершено вытянуто на спине, головой на ЮВ, скелет сильно истлел. От нижнего – сохранились лишь отдельные кости конечностей, расположение которых указывало на ориентацию в том же юго-восточном направлении. Вокруг погребенных прослежен тонкий слой коричневого тленя, интерпретированный В.П. Бабенчиковым как остатки войлочной ткани – кошмы, в которую они были завернуты. С нашей точки зрения, зафиксированный исследователем в ряде случаев на могильнике коричневый тлен (в том числе и в подбойных могилах 19 и 20) скорее всего являлся остатком деревянных конструкций типа колод или гробов. Последние в Крыму в первые века н.э. известны на многих памятниках и прослеживаются как в виде отдельных фрагментов полуистлевшего дерева, так и в виде слоя коричневатого тленя различных оттенков. На Усть-Альминском могильнике найдены даже целые дощатые гробовища с двускатными крышками, сколоченные деревянными гвоздями (Высотская, 1994. С. 58, 59).

В могиле обнаружен следующий инвентарь. На груди верхнего захоронения с левой стороны находилась бронзовая фибула (рис. 2, 3). Рядом, поверх левой руки – краснолаковая тарелка с костью животного (рис. 2, 1). На шее и у щиколоток ног – разнообразные бусы (рис. 2, 4). Краснолаковый кувшин, найденный опрокинутым почти в центре камеры вдоль ее дальней стенки, по-видимому, был связан с нижним захоронением (рис. 2, 2). К этому же захоронению, возможно, относились и найденные под правой голенью верхнего погребения бусы (рис. 1, 4).

Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, отогнутым наружу венчиком, скошенной стенкой с ребром на месте ее соединения с бортиком, на кольцевом поддоне относится к широко распространенному в первые века н.э. типу. Ее высота 4 см, диаметр венчика 14.4, диаметр кольцевого поддона 5.9. Идентичные этому экземпляру тарелки в классификации А.А. Труфанова отнесены к варианту III-Д-1 и датированы II в. н.э. (Труфанов, 1997. С. 188).

Краснолаковый кувшин с яйцевидным туловом на кольцевом поддоне, орнаментированным двумя параллельными врезными линиями воронковидным горлом, со скошенным внутрь венчиком и украшенной двумя продольными желобками уплощенной ручкой также не является редкостью. Его высота 17.4 см, диаметр венчика 6.3, диаметр коль-

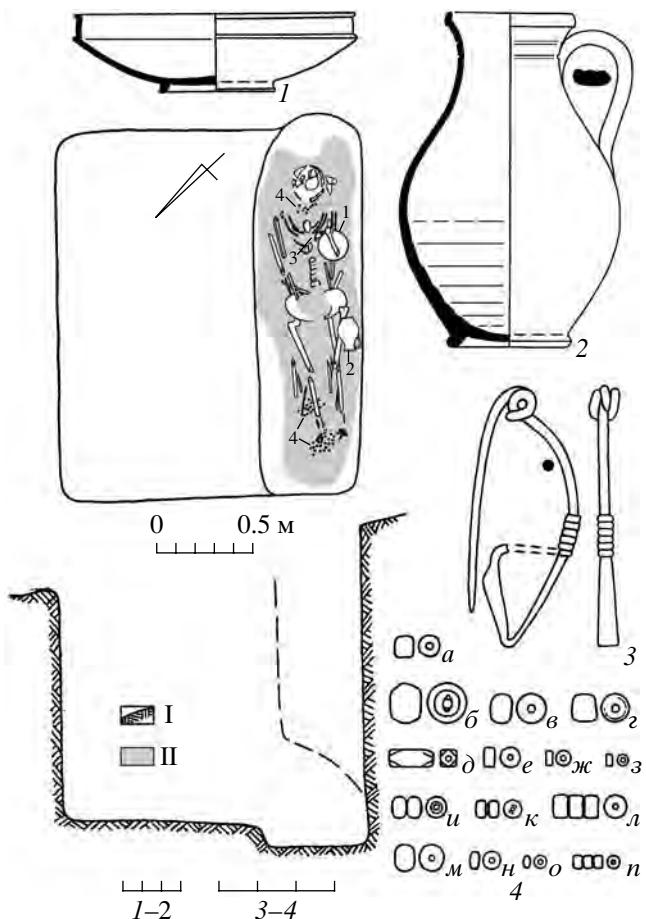


Рис. 2. План и инвентарь подбойной могилы 19 (I – материк, II – коричневый тлен): 1 – краснолаковая тарелка, 2 – краснолаковый кувшин, 3 – бронзовая фибула, 4 – бусы.

цового поддона 6. Подобные кувшины известны на многих крымских некрополях первых веков н.э., в том числе в Усть-Альминском, Заветнинском, Скалистинском и Бельбекских (III и IV) могильниках, где их относят к I–III или II – началу III в. н.э. (Богданова и др., 1976. С. 125; Богданова, 1989. С. 29; Высотская, 1994. С. 78; Гущина, 1974. С. 35; 1982. С. 21).

Бронзовая одночленная гладкопроволочная фибула с подвязным приемником и трехвитковой пружиной с нижней тетивой длиной 6.7 см в свод А.К. Амброза не попала, но подобные застежки были отнесены исследователем к варианту 1 серии II (“инкерманской”) лучковых подвязных фибул (группа 15) и датированы второй половиной II – III в. н.э. (Амброз, 1966. С. 52).

Найденные в могиле бусы принадлежат к следующим типам (здесь и далее используется типология Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982): окружные поперечноскатые из глухого белого стекла (тип 2, 60 экз.) (рис. 2, 4а–г), такие же из глухого

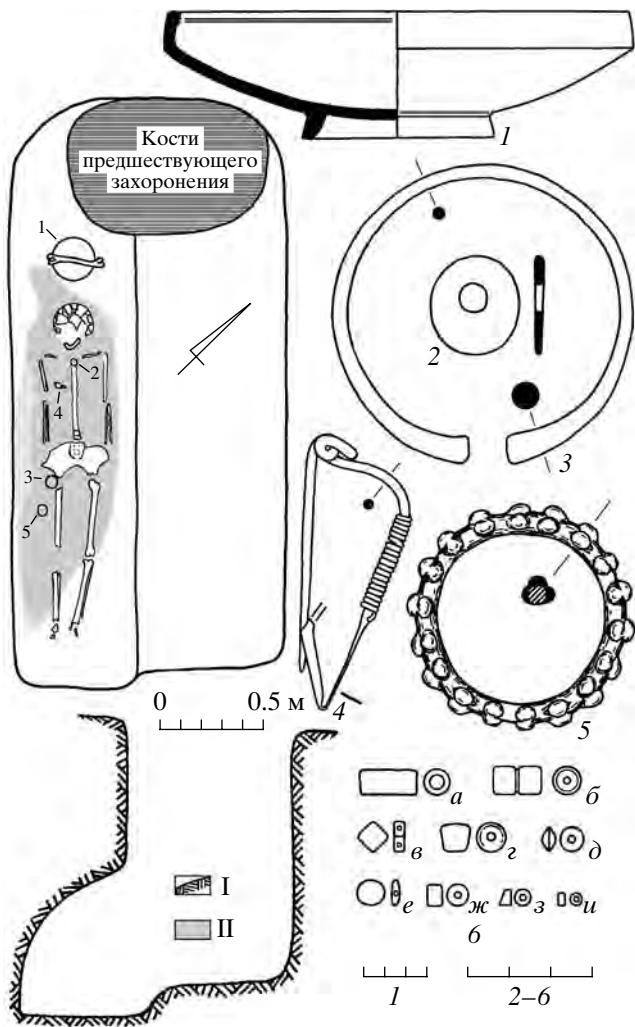


Рис. 3. План и инвентарь подбойной могилы 20 (I – материк, II – коричневый тлен): 1 – краснолаковая миска, 2 – подвеска, 3 – браслет, 4 – фибула, 5 – кольцо, 6 – бусы. 2–5 – бронза.

красного стекла (тип 3, 24 экз.) (рис. 2, 4н, о) и из полупрозрачного синего, две из которых объединены в нерасчененный столбик (тип 15, 32 экз.) (рис. 2, 4и, м), 14-гранные из полупрозрачного коричневатого стекла (2 экз.) (рис. 2, 4д), цилиндрические из полупрозрачного зеленого стекла, объединенные по три в нерасчененный столбик (2 экз.) (рис. 2, 4л), цилиндрические из глухого красного стекла, объединенные в нерасчененный столбик по две (3 экз.) и по три (2 экз.) (рис. 2, 4к, н), короткоцилиндрические гагатовые (тип 27а, 8 экз.) (рис. 2, 4е, ж) и из египетского фаянса голубоватого и белесого оттенков (тип 9, 145 экз.) (рис. 2, 4з). Все они бытуют очень долго: либо в течение первых веков н.э. (рис. 2, 4е, з, к, л, н), либо даже всю античную эпоху (рис. 2, 4а–г, и, м–о). Более или менее узко, II–III вв. н.э., Е.М. Алексеева

датирует только пронизи 14-гранных форм (рис. 2, 4д) (1978. С. 62, 70).

К сожалению, точной информации о том, какие из перечисленных бус составляли ожерелье, а какие находились в ногах, не сохранилось. В.П. Бабенчиков в полевом дневнике лишь вскользь отмечает: "...в районе шеи – пронизи черные и белые бусы; и те, и другие мелкие – $h = 0.4$ см. Много бус разноцветных в ногах и у колена".

Могила 20 находилась в 25 м к ЮВ от могилы 19, в 40 м к северу от могилы 5 и замыкала нижний ряд исследованных в 1947–1948 гг. захоронений. Ее подпрямоугольная в плане входная яма, ориентированная с СЗ на ЮВ, имела размеры 2.6×0.8 м, глубину 1.2 м и была доверху забита камнями. Погребальная камера, также подпрямоугольная в плане, вырублена в юго-западной стенке входной ямы и отгорожена от нее крупными вертикально стоящими каменными плитами, поставленными на более мелкие камни. Размеры подбоя – 2.8×0.6 м, высота свода – 0.7 м. Его пол – немного ниже дна входной ямы, переход оформлен в виде пологой ступеньки (рис. 3).

В подбое находилось погребение женщины, совершенное вытянуто на спине, головой на СЗ. Скелет сильно истлел: сохранились лишь отдельные трубчатые кости, от остальных – только желтоватый костный тлен. Вокруг погребения и поверх его прослежен слой коричневого тленя (от гроба или колоды. – В.К.). В.П. Бабенчиков в полевом дневнике упоминает также сопровождавшее женщину детское захоронение, от которого сохранились лишь молочные зубы и слабая окраска глины трухой от истлевших костей. Однако на плане это захоронение отмечено не было, поэтому положение его в могиле остается невыясненным. Кроме того, в северо-западной части входной ямы были обнаружены сваленные в кучу человеческие кости, очевидно, принадлежавшие предшествующему погребению, выброшенному из камеры при подзахоронении женщины.

В могиле обнаружен следующий инвентарь. В северо-западной части подбоя за головой женщины находилась краснолаковая миска (рис. 3, 1) с костью животного и железным ножом (не сохранился). На шее погребенной – бронзовая подвеска-медальон (рис. 3, 2), с правой стороны груди – бронзовая фибула (рис. 3, 4), вдоль правой бедренной кости – бронзовые браслет и кольцо (рис. 3, 3, 5). Кроме того, из этой же могилы происходит набор разнообразных бус (рис. 3, 6). Последние скорее всего были найдены уже при разборке погребения, так как ни на плане, ни в полевом дневнике отмечены не были. По аналогии с другими захоронениями Неаполя Скифского можно предположить, что они находились на шее или у ног погребенной и, возможно, составляли обшивку подола ее платья.

Краснолаковая миска с вертикальным бортиком, скошенной стенкой, на высоком кольцевом поддоне украшена прорезными линиями с внутренней стороны утолщенного венчика и на внешней поверхности в месте перехода стенки сосуда в дно. Ее высота 6.1 см, диаметр венчика 22, диаметр кольцевого поддона 9. Подобные миски относятся к числу редких в Северном Причерноморье форм. В Крыму их находки известны в некрополях у с. Левадки и Суворово, в могильнике Совхоз 10 и в Тиритаке и датируются III в. н.э. (Храпунов и др., 2001. Рис. 16, 10; Зайцев, 1997а. Рис. 61; Стржалецкий, 1962. Рис. 166; Гайдукевич, 1952. Рис. 27). К более позднему времени, концу III – первой половине IV в. н.э., относятся экземпляры из Курского и Харакса (Труфанов, Колтухов, 2001–2002. Рис. 14, 3; Блаватский, 1951. Рис. 13, 5).

Хронологически нейтральной находкой является бронзовая подвеска-медальон в виде монетки. Ее размеры 2.3 × 2.1 см, диаметр отверстия 0.6 см. Монеты часто служили различного рода украшениями. В античную эпоху их обычно использовали в качестве медальона в ожерельях, для чего на диске пробивали отверстие. В данном случае вместо монетки была использована обычная бронзовая пластинка.

Круглопроволочные браслеты с несходящимися утолщенными концами – один из наиболее распространенных в первые века н.э. видов украшений. Кроме публикуемого комплекса, на исследованном В.П. Бабенчиковым участке они были найдены в подбойных могилах 9, 15 и 18. Диаметр данного образца – 7.5 см, сечение проволоки – 0.3–0.6.

Бронзовая одночленная подвязная фибула с украшенной сплошной проволочной обмоткой дужкой и четырехвитковой пружиной с верхней тетивой длиной 6.6 см однотипна фибуле из могилы 5. Ее дата – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (см. выше).

Интересной находкой является бронзовое кольцо диаметром 5.1 см, украшенное по ободу тремя рядами равномерно расположенных шишечек. Такие изделия в Северном Причерноморье известны на протяжении почти всей античной эпохи. Общепризнано их латенское происхождение, но в отличие от кельтского мира, где подобные кольца широко использовались в виде украшений, считается, что здесь они служили в ритуальных целях, поскольку ни разу не были найдены на костях рук или ног погребенных (Высотская, 1994. С. 111; Богданова, 1989. С. 50; Богданова и др., 1976. С. 144; Гущина, 1974. С. 42).

Происходящие из могилы бусы представлены следующими типами: бочонковидные поперечно-скжатые из глухого белого стекла (тип 21, 3 экз.) (рис. 3, 6г), цилиндрические из глухого красного стекла (тип 57, 22 экз.) (рис. 3, 6а), дисковидные из

того же материала (тип 71, 2 экз.) (рис. 3, 6е), линзовидные из прозрачного грязно-синего стекла (тип 86, 2 экз.) (рис. 3, 6д), спаренные цилиндрические из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой (тип 5, 8 экз.) (рис. 3, 6б), короткоцилиндрические из египетского фаянса бирюзового и голубоватого оттенков (тип 9, 32 экз.) (рис. 3, 6и), гагатовые короткоцилиндрические (тип 27а, 58 экз.) (рис. 3, 6ж, з) и ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий (тип 37, 12 экз.) (рис. 3, 6в). Все они датируются широко первыми веками н.э. Лишь линзовидные пронизи из прозрачного грязно-синего стекла Е.М Алексеева относят к III–IV вв. н.э. (1978. С. 68).

В.П. Бабенчиков датировал открытый им некрополь I–III вв. н.э. Инвентарь же подбойных могил 5, 19 и 20 укладывается в хронологические рамки второй половины (или конца) II – первой половины III в. н.э. При этом дата могилы 20 может быть даже ограничена первой половиной III в. н.э. Проведенный ранее анализ фибульного материала, происходящего из раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 гг., позволил распространить эту датировку на весь исследованный им участок (Кропотов, 2004. С. 40–42).

Однообразные наборы краснолаковой посуды, однотипные бронзовые украшения, сходные наборы бус и т.п., происходящие из раскрытых могил, при почти полном отсутствии изделий из драгоценных металлов (единственное исключение – золотая проволочная серьга из подбойной могилы 7) позволили В.П. Бабенчикову интерпретировать открытый им памятник как некрополь беднейших слоев населения Неаполя Скифского (на это, по его мнению, указывало и его периферийное местоположение). Такой вывод в значительной степени был основан и на сравнении выявленных могил с известными на то время роскошными вырубными каменными склепами восточного склона и Петровской Балки и царскими погребениями мавзолея. Вместе с тем изученные позднее синхронные захоронения Восточного некрополя и других погребальных памятников Центрального и Юго-Западного Крыма в целом дали те же наборы инвентаря. На всех крымских могильниках в погребениях конца II – первой половины III в. н.э., при редкости изделий из драгоценных металлов, мы встречаем те же формы лепной и краснолаковой посуды, простые бронзовые (реже железные) украшения: зеркала, фибулы, браслеты, серьги, кольца и т.п., что отражает быт рядового населения Крымского полуострова накануне Готских походов середины III в. н.э.

Периферийное же расположение открытого В.П. Бабенчиковым могильника объясняется не принадлежностью его беднейшим слоям населения Неаполя Скифского, а общей перегруженностью в конце II – первой половине III в. н.э. двух ос-

новных его некрополей – Восточного и Западного, и необходимостью освоения для погребений новых территорий.

Автор выражает глубокую признательность М.М. Петровой и С.И. Финогеновой за оказанную помощь в работе с архивными и музеиними материалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 2. М.; Армавир, 1996.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
- Амброд А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э.–IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Бабенчиков В.П.* Новый участок некрополя Неаполя скифского // ВДИ. 1949. № 1.
- Бабенчиков В.П.* Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19.
- Богданова Н.А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 4.
- Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скіфов. Киев, 1979.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Гущина И.И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Гущина И.И.* О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
- Дашевская О.Д.* Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского // ВДИ. 1951а. № 2.
- Дашевская О.Д.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры // КСИИМК. 1951б. Вып. XXXIX.
- Дашевская О.Д.* Симферопольское раннетаврское поселение // СА. 1958. № 3.
- Зайцев Ю.П.* Южный дворец Неаполя скифского // ВДИ. 1997. № 3.
- Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997а.
- Зайцев Ю.П.* Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 1998.
- Зайцев Ю.П.* Скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя скифского // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский (II в. до н.э.–III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Кропотов В.В.* Фибулы некрополя Неаполя Скифского из раскопок В.П. Бабенчика 1947–1948 гг. // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.
- Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.
- Стржалецкий С.Ф.* Отчет о раскопках могильника III–IV вв. н.э. в Инкерманской долине, к югу от горы “Сахарная головка”, на территории парникового хозяйства совхоза “Севастопольский” (№ 10) в 1962 г. // Научный архив ИА НАНУ. 1962. Д. 4056.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
- Труфанов А.А.* Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. I. Симферополь, 1997.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 1.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. 2. Симферополь, 2001.
- Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.
- Шульц П.Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Niche graves of the southeastern section of the necropolis at Neapolis Scythica

V. V. Kropotov

Summary

The article publishes the results of investigating three niche graves in the southeastern section of the necropolis at Neapolis Scythica. The graves were excavated by V.P. Babenchikov in 1947–1948 and are typical of the cemetery in question, providing insight into the peculiarities of funeral rite and funeral inventory. Analysis of the latter allowed the author to date the structures published in the present article to the second half (or the end) of the 2nd – first half of the 3^d cc. AD. Their similarity to other synchronous burials at Neapolis proves the error of the prevailing concept that the graves discovered by V.P. Babenchikov belonged to the poorest population strata of the late Scythian kingdom capital.

МАТЕРИАЛЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ СЕМИБРАТНЕГО ГОРОДИЩА

© 2009 г. О. В. Шаров

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

Семибратнее городище (Лабрит) является одним из наиболее известных античных памятников среднего Прикубанья. Материалы его раскопок Н.В. Анфимовым до сих пор не изданы, и его хронология базируется на выводах из текстов трех публикаций (Анфимов, 1941; 1951; 1953). Городище, судя по этим публикациям, существовало в классическую и эллинистическую эпохи и было одним из важнейших опорных пунктов региона. Продолжалась ли на нем жизнь в римское время, установить, исходя из опубликованных данных, многое сложнее. Лишь при раскопках так называемого эллинистического здания в 1938–1940 гг. в верхних слоях были выявлены немногочисленные находки римской эпохи. Вместе с тем тексты и рисунки в отчетах Н.В. Анфимова говорят о более интенсивной жизни на городище в этот период. Обратимся к описанию древностей, которые можно отнести к римскому времени.

В ходе разведок 1937 г., когда памятник впервые был обследован Н.В. Анфимовым, в северо-восточной его части, в районе двух траншей, вырытых колхозниками для добычи камня, был обнаружен многочисленный археологический материал. Н.В. Анфимов пишет, что помимо предметов классического и эллинистического времени были встречены “мелкие фрагменты краснолаковой керамики. Они были покрыты лаком плохого качества II–III вв. н.э.” (Анфимов, 1937. Л. 27а).

В 1938 г. начались планомерные исследования, и на месте двух траншей был заложен раскоп “А”. В ходе работ были изучены северо-западный угол здания и прилегающая к нему наружная территория. Н.В. Анфимов описал стратиграфию вскрытого участка и предварительно выделил три строительных этапа на городище (1938. Л. 10). Мощность культурного слоя на исследуемой территории составляла 3–3.2 м. Под дерном залегал рыхлый темно-серый гумус, содержавший большое количество мелкого бутового камня. Именно из него происходит материал римского времени. С 3–4-го штыков, с глубины 0.7–0.75 м, начинался сплошной каменный завал, занимавший всю площадь раскопа. Под ним на глубине от 1–1.1 м до 1.9–2.4 м фиксировался слой светло-желтого гумуса, содержавший большое количество мусора и золы. Он сформировался в эллинистическое время. Третий слой – темно-желтый гумус

с зольной прослойкой – имел мощность до 1 м и залегал до материка (до глубины 3–3.2 м). Он накапливался в классическую эпоху (Анфимов, 1938. Л. 11).

В 1939 г. были вскрыты помещения “А”, “В”, “С”, внутренний дворик “Д” и западные части помещений “Е” и “F”. По Н.В. Анфимову, культурные напластования с наружной стороны стен разделяются на три слоя. Первый слой, нижние горизонты которого соответствуют времени возникновения города, относится к классическому времени, второй – к эллинистическому и третий – к римскому: I–IV вв. н.э. (Анфимов, 1939. Л. 11об). Архитектурные сооружения в классическом слое на данном участке городища обнаружены не были. К эллинистическому периоду относится само каменное здание, в римском горизонте были найдены незначительные остатки каменной кладки. «Характер заполнения северной и южной частей здания достаточно резко отличался по своему составу. Северные помещения “А” и “С” были завалены бутовым камнем из разрушившихся стен, перемешанным с суглинистым грунтом. Завалы камня шли сплошным слоем в несколько рядов. Если в верхних слоях преобладающим материалом являлся материал римского времени и находки более раннего времени были единичными, то на 12–14 штыках (курсив мой. – О.Ш.) количество эллинистического материала увеличилось, но при этом наравне с ним продолжала встречаться *керамика римского времени* (курсив мой. – О.Ш.). В грунте с каменными завалами найдены желобчатые ручки римских амфор светло-желтой глины, фрагменты раннеримских амфор с двустольными ручками светло-желтой глины» (Анфимов, 1939. Рис. 1–3). «Также в этом слое встречены фрагменты краснолаковых мисок средних размеров с прямым высоким бортиком и небольшим горизонтальным венчиком, несколько выступающим наружу. Лак темный, с коричневатым оттенком, тусклый» (Анфимов, 1939. Рис. 12). Были найдены две медные боспорские монеты: одна, зафиксированная на полу помещения “С”, принадлежит к чеканке Фанагории эпохи Митридата Евпатора (до 63 г. до н.э.), вторая, лежавшая на полу помещения “Е”, – к чеканке Митридата III (VIII) 39–45 гг. н.э. Южная часть здания – помещение “В”, западная часть помещения “F” и внутренний дворик “Д” – по характеру заполне-

ния резко отличалась от северной. С глубины 0.9–1.1 м начинался рыхлый зольный грунт, в котором были встречены куски угля и расположенные в беспорядке массивные квадры от наружных стен. Отличительная особенность этого слоя – необычайно сильная насыщенность его фрагментами керамики, среди которых найдены целые сосуды, лежавшие вверх дном (Анфимов, 1939. Л. 23). Подавляющее большинство керамического материала составляет лепная местная сарматская посуда серой или красно-коричневой глины. Характерным типом амфор для данного слоя являются раннеримские амфоры светло-желтой глины с сильно вытянутым корпусом, широким горлом, двуствольными ручками и желудеобразным дном (Анфимов, 1939. Л. 23об.).

Нижние слои (13-й–14-й штыки) у самого пола помещений “В” и “F” и у вымостки внутреннего дворика различались как по характеру грунта, так и по составу находок (Анфимов, 1939. Л. 26). У пола помещений залегал суглинок желтоватого цвета с зольными прослойками, содержащий меньшее количество материала. Материал этот был смешанным, **римско-эллинистического времени**. Н.В. Анфимов в археологическом отчете за 1939 г. сделал несколько предварительных выводов о времени строительства и гибели исследованного здания. По его мнению, сооружение было построено во второй половине III в. до н.э. и просуществовало вплоть до римской эпохи (Анфимов, 1939. Л. 27).

Снаружи здания также очень легко выделяются слои римского времени. Их толщина согласно отчету составляет 1.1–1.2 м. Архитектурных остатков в них не обнаружено, за исключением нескольких небольших квадров прямоугольной формы. Камни зафиксированы на глубине 0.32 м и, возможно, по мнению Н.В. Анфимова, представляют собой фундамент саманной постройки. Среди керамических находок преобладает местная сарматская посуда, как грубая лепная, так и гончарная (Анфимов, 1939. Рис. 66–68). Также встречены обломки узкогорлых светлоглиняных амфор и единичные фрагменты краснолаковой керамики. С южной наружной стороны сооружения была найдена двуручная чаша с накладным орнаментом в виде гирлянды, исполненным в барботинной технике. Чаша покрыта зеленоватой глазурью с металлическим отливом и относится к эпохе Августа (Анфимов, 1939. Л. 32). В заключении к отчету за 1939 г. Н.В. Анфимов на основании полученных при раскопках данных пишет, что “город мог существовать с V в. до н.э. до III в. н.э. (курсив мой. – O.Ш.). В римское время облик города сильно изменился. Население города варваризуется и в составе его преобладающее место начинают занимать сарматы, которые в это время играли большую роль во всей истории Боспора” (Анфимов, 1939. Л. 33).

В 1940 г. работы на раскопе “A” были продолжены с целью доследования восточной и южной частей каменного здания (восточной части помещения “E”, юго-восточной части помещения “F” и южной части внутреннего дворика “D”). Зольно-углистый слой в помещениях “F” и “D” был насыщен находками, многие из них имели следы пребывания в огне, а некоторые были ошлакованы. Автор раскопок отмечал на этих участках преобладание местной посуды из серой глины, как лепной, так и гончарной. Материал из зольного слоя также был датирован римским временем. Над помещением “F”, в самых верхних слоях, на глубине 0.4 м, была обнаружена кладка южной и восточной стен, составляющих угол фундамента здания **позднеримского времени**. Южная стена, сохранившаяся на высоту одного яруса, состояла из двух рядов прямоугольных плит известняка, ее длина 1.2 м, ширина 0.88 м. Восточная стена, расположенная впритык к южной, также состояла из двух рядов квадровых плит, поставленных на ребро, и сохранилась на один ярус (Анфимов, 1940. Л. Зоб.). Выяснилось, что снаружи к центральному входу в сооружение примыкала вымостка из шести больших плит. С восточной и южной сторон от нее расположены кладки небольших стенок, огораживавших главный вход и открывавших его только с запада. Эти стены, судя по материалу и характеру кладки, являются “*позднейшей пристройкой римского времени* (курсив мой. – O.Ш.)” (Анфимов, 1940. Л. Зоб.).

Раскопки здания в 1940 г. были полностью завершены. Оно имело прямоугольную форму и было вытянуто с востока на запад. Его длина 22.5 м, ширина 19.5 м, общая площадь 439 м². В архитектурном плане, по мнению Н.В. Анфимова, сооружение не является чисто греческим, а имеет ряд местных самобытных черт, представляя, возможно, образец **синдской архитектуры**. Здание было построено во второй половине III в. до н.э. и просуществовало до первых веков н.э. (Анфимов, 1940. Л. 4).

Проанализируем стратиграфию, выявленную при раскопках рассматриваемого комплекса. Важно отметить, что, несмотря на различия в характере заполнения северных помещений “A”, “C”, “E” и южных “B”, “D”, “F”, на глубине до 12-го–13-го штыков из них происходит, согласно данным отчетов, почти однородный материал, относящийся к римскому времени: I в. до н.э.–I в. н.э. На уровне 14-го штыка, на глубине 1.9–2.1 м, слегка увеличивается количество эллинистических находок, но еще преобладают предметы римского периода. Начиная с 15-го штыка эллинистический материал превалирует, и такая ситуация отмечается до уровня фундамента здания, т.е. до глубины 2.5 м. Под фундаментом, на 17–20-ом штыках, залегает культурный слой, содержащий находки классической эпохи. Уровень по-

лов открытых помещений различен – он зафиксирован на отметках от 1.8 до 2.1 м, т.е. на 12–15-ом штыках; но слои на глубине 12-го–14-го штыков содержат в основном керамику римского времени с минимальной долей эллинистического материала. Основываясь на анализе стратиграфии и керамического массива, можно предполагать, что в помещениях существовало несколько полов: на глубине 14-го–15-го штыков они относились ко времени строительства и функционирования здания в эллинистическую эпоху, а на глубине 12-го–13-го штыков были связаны с функционированием постройки уже в римский период. Возможно, население, использовавшее помещение в римское время, было иным, чем в эллинистическую эпоху. Таким образом, информация, представленная в отчетах Н.В. Анфимова, позволяет думать, что исследованное им большое общественное здание активно использовалось в римское время. В дальнейшем необходимо более точно определить все этапы его перестройки и полностью издать материалы отчетов раскопок Семибратнего городища Н.В. Анфимова.

Представленные данные позволяют сделать вывод, что городище не было покинуто жителями в римское время, и жизнь на Лабрите в I в. н.э. продолжалась. Несомненно, многие вопросы остаются еще в той или иной степени нерешенными, и ответы на них можно получить только при

широкомасштабных полевых исследованиях Лабрита и его хоры.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 07-06-00311-а “Семибратнее городище: комплексное исследование методами естественных, технических и гуманитарных наук”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В. Отчет об обследованиях низовья реки Кубань // Рукописный архив ИИМК РАН. 1937. Ф. 2. Оп. 1. Д. 190.
- Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратного городища близ станицы Варенниковской Темрюкского района Краснодарского края в 1938 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. 1938. Ф. 35. Оп. 1. Д. 19.
- Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратного городища близ станицы Варенниковской Темрюкского района Краснодарского края в 1939 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. 1939. Ф. 35. Оп. 1. Д. 9.
- Анфимов Н.В. Краткий отчет о полевой научно-исследовательской работе по археологии за 1940 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. 1940. Ф. 35. Оп. 1. Д. 114.
- Анфимов Н.В. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. № 7.
- Анфимов Н.В. Раскопки Семибратного городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37.
- Анфимов Н.В. Исследования Семибратного городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51.

Roman materials from Semibratne fortified settlement

O. V. Sharov

Summary

The article considers N.V. Anfimov's publications and reports about the 1937–1940 investigations at the Semibratne fortified settlement in the Kuban. The investigations revealed a “Hellenistic public building”, which, according to N.V. Anfimov, had existed in the middle of the 3^d – middle of the 1st cc. BC. Analysis of the stratigraphy as recorded in the reports showed that the building must have had several floor levels, with the earliest dating to Hellenistic time when the structure had been built, and the later, which yielded mainly Roman pottery, – to Roman time. Hence the assumption that the large public building will have functioned in Roman time as well, which does not accord with N.V. Anfimov's conclusions. Analysis of the stratigraphy and pottery allows to say that the public building will have ceased to function as late as the end of the 1st c. AD.

ПРИЖИЗНЕННАЯ ТРАВМА НА СКЕЛЕТЕ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2009 г. Т. Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН, Москва

В последние годы наметилась тенденция расширенного использования палеоантропологического источника, традиционно применявшегося для выяснения вопросов происхождения древнего населения. Новые методические подходы позволяют воссоздавать различные аспекты жизни палеопопуляций, исследовать состояние здоровья, продолжительность жизни, физические особенности людей в зависимости от давления природных и социальных факторов (Историческая экология, 1998). Контекстуальное рассмотрение скелетных останков человека открывает путь для экспертиз находок из отдельных погребений, создавая основу для биоархеологических реконструкций по данным антропологии.

Сведения о травматизме среди представителей различных археологических культур представляют особый интерес, поскольку позволяют наиболее аргументированно судить о степени агрессивности социальной среды (Бужилова, 2005). В частности, исследование повреждений на черепах некоторых представителей абаевской культуры эпохи средней бронзы позволило детализировать способы ведения боевых действий и соотнести различные виды травм с определенным оружием (Медникова, 2001; Медникова, Бужилова, 2002).

Регион Восточного Приаралья является перспективным для проведения биоархеологических реконструкций, поскольку в древности эта обширная территория служила контактам кочевого населения евразийских степей и земледельцев Средней Азии (Бужилова, Медникова, 1993; Медникова, 1993; Медникова, Бужилова, 1996). На берегах древних русел рек Пракувандары и Кувандары, в местах традиционных “зимовок” скотоводческих племен и пересечения миграционных, торговых путей располагались памятники своеобразной джетыасарской археологической культуры, распространенной с середины I тыс. до н.э. по VIII в. н.э. (Левина, 1994. С. 3). В сферу исследования Хорезмской археологической экспедиции Российской академии наук (1986–1991 гг.) попали некрополи в окрестностях комплекса городищ, известных под названием Алтын-Асар. Раскопано более 490 курганов, получена представительная палеоантропологическая серия.

Высказывались предположения, что часть джетыасарского населения в I тыс. н.э. участвовала в глобальных миграционных процессах. В ряде случаев отмечаются и следы инокультурных влияний. Так, по предположению Л.М. Левиной, удается проследить несколько разновременных миграционных волн. В последние века до н.э. – первые века н.э. выявляются связи с культурами верховьев Ишима, Тобола, Иртыша, затем почти одновременно – с предгорными и горными районами Тянь-Шаня, с ранними хуннами Забайкалья. В IV в. в исследуемом регионе появляется новая волна хуннов, а позднее – и ранних тюрок (Левина, 1994. С. 84, 85). Можно предположить, что контакты представителей разных племен, консолидированных в рамках джетыасарской традиции, не всегда были мирными. Подтверждением этому могут служить палеоантропологические материалы. Поэтому особенно важной задачей является описание травм, причиненных боевым оружием.

Оружие присутствует во всех мужских погребениях и частично – в женских. Являясь обязательной принадлежностью мужских и многих женских погребений, мечи и кинжалы были наиболее желанной добычей для грабителей. Мечи имели двулезвийные клинки, линзовидные, уплощенные или двояковыпуклые, шириной 4–6, длиной 68–90 см. Однолезвийные и двулезвийные клинки имели в среднем длину 25 см, ширину – 4 см (Левина, 1994). Этот факт, так же как и присутствие в погребениях конской упряжи, может свидетельствовать о значительной военизированности джетыасарского сообщества и важной роли всадничества.

При помощи остеоскопический и палеопатологической методик, а также при использовании программы фиксации маркеров физиологического стресса нами были исследованы скелетные останки мужчины 40–49 лет из погребения IV в. н.э. (курган 44, погребение 3).

Под насыпью кургана 44 находилось пять одновременных погребений. Он был окаймлен рвом диаметром 15.5 и шириной 1.5 м с перемычкой на юго-юго-востоке (Левина, 1994. С. 23). Четыре из них, в том числе центральное (погребение 3), были совершены в ямах с нишками и одно в простой

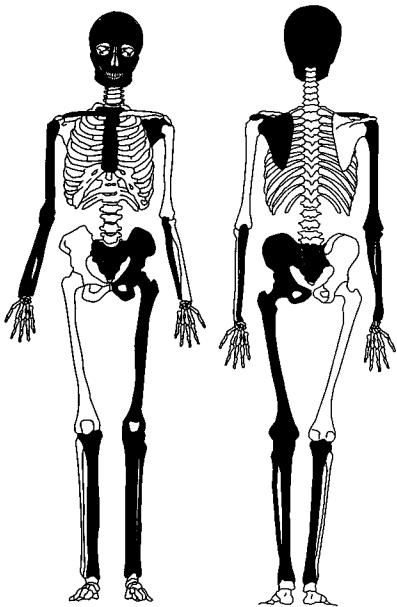


Рис. 1. Курган 44, погребение 3. Сохранность скелета.



Рис. 2. Следы рубленого ранения лицевой области.

яме (погребение 2). Погребение 1, в информации о котором нам приходится опираться на полевые археологические данные в связи с отсутствием материала в коллекции (Левина, 1994. С. 23, 24), принадлежало девушки-подростку, череп которой носил следы искусственной деформации. Погребения 2 и 5 – детские, сильно фрагментированные. Из-за мелкой фрагментированности костей скелета из погребения 4 определение пола и возраста оказалось невозможным. В центральной могильной яме площадью 2.7×0.9 м было вскрыто захоронение взрослого мужчины. Хотя могила была ограблена еще в древности, в заполнении и на дне ямы сохранились бронзовые обоймы дере-



Рис. 3. Зубные патологии: кариес, абсцесс.

вянного сосуда, обломки железного меча, бронзовы и серебряные накладные бляшки с гранатовыми и стеклянными вставками.

Целостность скелета была нарушена в результате действий древних грабителей в короткое время после погребения (рис. 1). Лицевая часть черепа несет следы прижизненной рубленой травмы, проходящей по левой скуловой кости, нижняя часть которой отсутствует (рис. 2).

Следы ранения также можно заметить на внутренней части верхнечелюстного синуса, что свидетельствует о глубокой проникающей способности использованного оружия и может послужить основой для реконструкции его типа. Затронута также верхняя часть левой ветви нижней челюсти. Глубина раны позволяет заключить, что она была нанесена мечом или кинжалом с широким лезвием. Характер нанесения (снизу и слева) свидетельствует о том, что жертва находилась в выпрямленном положении, возможно, верхом на лошади во время удара мечом, лезвие которого располагалось под острым углом к горизонтальной проекции.

In situ череп мужчины был обернут полосками ткани грубого плетения, такие же полоски ткани найдены на дне в центре могилы. Это может косвенно свидетельствовать о том, что индивид выжил непосредственно после ранения, но отсутствие следов регенерации свидетельствует о его кончине вскоре после ранения лица. Некоторые другие особенности его скелета позволяют воссоздать характерный для этого человека стиль жизни. Например, в середине диафиза правой большеберцовой кости на медиальной поверхности обнаружена зажившая травма овальной формы, продольно ориентированная, размером 25×20 мм. Особое внимание привлекает состояние зубо-челюстного аппарата. Двусторонний кариес на первых молярах в сочетании с одонтогенным остео-

миелитом свидетельствуют об ослаблении иммунной системы (рис. 3). Примечательно, что кариес может формироваться у мигрантов при смене геохимической ситуации (Бужилова, 2005). Зубной камень, обнаруженный на молярах и премолярах верхней и нижней челюстей, свидетельствует о питании вязкой, волокнистой пищей.

Итак, биоархеологическая экспертиза костных останков мужчины из погребения 3 кургана 44, IV в. н.э., некрополя Алтын-Асар 4 в Восточном Приаралье позволяет подробно воссоздать ситуацию получения тяжелой рубленой раны, ставшей причиной гибели индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бужилова А.П. *Homo sapiens. История болезни.* М., 2005.
- Бужилова А.П., Медникова М.Б. Опыт палеодемографической реконструкции населения Восточного Приаралья в последние века до н.э. – VIII в. н.э. (по материалам из склепов джетыасарской культуры) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2. М., 1993.
- Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Левина Л.М. Джетыасарская культура. Могильники Алтынасар 4. М., 1994.
- Медникова М.Б. Древнее население Восточного Приаралья по данным остеометрии (по материалам могильника Косасар-2) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. М., 1993.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П. Социальные особенности джетыасарского общества по данным антропологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // РА. 2002. № 2.

Intravital trauma on a male skeleton from the Eastern Aral region of the Great Migration period

T. Yu. Shvedchikova

Summary

The article discusses the case of a slashed facial wound on the skeleton of a 40–49-year-old male from the central burial in kurgan 44 of Altynasar cemetery (Dzhetyasar culture, Eastern Aral region). Analysis of the trauma allows to reconstruct the consequences of arms usage in the 4th c. AD (sword or short sword with wide blade) and illustrates the aggressive social environment of the Great Migration period.

ПОДРАЖАНИЕ ЗОЛОТОМУ ВИЗАНТИЙСКОМУ ПОЯСНОМУ НАБОРУ VII в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦ

© 2009 г. А. В. Комар*, М. А. Стрельник**

* Институт археологии НАН Украины, Киев

** Национальный музей истории Украины, Киев

Киевский Национальный музей истории Украины (КНМИУ) в 2001 г. получил в дар от коллекционера С.Н. Платонова небольшую коллекцию “археологических древностей”, состоящую из подлинных вещей плохой сохранности, а также из фальшивок двух типов: копии и новоделы с элементами фантазии и археологические артефакты из бронзы или серебра, дополнительно покрытые инкрустацией золотым листом с напаянными вставками из стекла. Музей отдал дань благодарности коллекционеру, временно разместив полученные предметы в экспозиции, но возникла проблема их атрибуции и научной экспертизы.

Настоящая публикация посвящена бронзовому с позолотой поясному набору, привлекшему внимание одного из авторов еще в 1999 г. во время первого экспонирования коллекции Платонова (Комар, 1999. С. 118). Все предметы, за исключением пряжки, плохой сохранности: бронза хрупкая, позолота сохранилась лишь частично. Среди подделок коллекции, приобретенных до 1999 г., подобная технология “старения” вещей не используется, как не использовалась на них и техника ручного амальгамирования бронзы золотом. В пользу подлинности набора говорит и отсутствие для него полной аналогии – к моменту покупки набора составить подобную “компиляцию” можно было лишь на основании глубокого изучения труднодоступной европейской литературы. Наконец, “словесная легенда” к набору сообщала, что он был куплен в составе “оптовой партии” материалов V–VIII вв. из грабительских раскопок середины 1990-х годов в Юго-Западном Крыму, наиболее представительные материалы из которой (двупластинчатые и пальчатые фибулы, орлиноголовые пряжки и т.д.) одновременно экспонировались в составе коллекции С.Н. Платонова.

Публикуемый поясной набор (рис. 1) состоит из двенадцати предметов: пряжки, ременной обоймы, двух двушитковых бляшек, двух U-образных бляшек, четырех наконечников свисающих ремешков, ременного наконечника и фигурной обоймицы.

Бронзовая позолоченная пряжка (рис. 1, 1; 2, 12) общей длиной 6 см состоит из литых рамки, щит-

ка и язычка, соединенных при помощи шарнира. Рамка подсегментовидная; размеры 42 × 26 мм, ширина прорези под ремень – 35. Язычок массивный, выступает за рамку, на тыльном конце расположен большой подпрямоугольный выступ-фиксатор с гнездом под вставку; длина язычка 33 мм. Щиток фигурный: нижний контур в виде геральдического щита, но на лицевой стороне с подкаплевидным возвышением; края слегка скошены; размеры 28 × 32 мм. На лицевой стороне декорирован тремя углубленными параллельными линиями; на обратной стороне – три литые петли для крепления.

Бронзовая ременная обойма (рис. 1, 2; 2, 10) спаяна из двух прямоугольных пластин, слегка повреждена; размеры 38 × 12 × 5 мм. На обратной стороне обоймы – остатки двух шпеньков для крепления к ремню; лицевая же декорирована надчеканкой и позолотой. По контуру изображена имитация рубчатого бордюра, внутри которого – стилизованный трехлепестковый цветок.

Остальные детали (рис. 1, 3–12) выполнены в едином технологическом и орнаментальном стиле, хотя изделия и различны по форме и конструкции. Форма и декор придавались деталям прессовкой тонкой бронзовой заготовки при помощи матрицы, после чего их лицевая часть покрывалась позолотой.

Обе двушитковые бляшки (рис. 1, 4, 5; 2, 1, 2) из набора повреждены, их длина реконструируется в 48 мм, ширина – 28; крепились к ремню при помощи двух шпеньков, припаянных на обратной стороне. Верхний U-образный щиток с изображением двух противостоящих птиц больше по размерам, чем нижний с изображением трехлепесткового цветка; по контуру бляшек прессовкой на-несена имитация бордюра из зерни.

Две U-образные бляшки с изображением двух противостоящих птиц располагались на поясе ровным краем книзу (рис. 1, 6, 7; 2, 3, 4). Бляшки повреждены, размеры устанавливаются по более целой: 31 × 28 мм, крепились к ремню при помощи двух шпеньков, припаянных с обратной стороны.

Четыре коробчатых U-образных наконечника свисающих ремешков также декорированы па-



Рис. 1. Поясной набор из собрания КНМИУ. Фото. Бронза с позолотой.

рой противостоящих птиц и псевдозернью по контуру (рис. 1, 9–12; 2, 5–8). Они состоят из прессованной бляшки, запаянной с обратной стороны бронзовой пластиной. Ремешок пропускался внутрь наконечника и крепился при помощи бронзового гвоздика по центру верха наконечника. Размеры деталей несколько различаются: длина – 30–32 мм, ширина – 25–27.

Основной наконечник ремня (рис. 1, 3; 2, 9) аналогичен по конструкции и способу крепления к ремню маленьким наконечникам. Его размеры 66 × 31 мм, что закономерно заставило несколько усложнить декор: между двумя вертикально расположенными парами противостоящих птиц изображен круг с греческой крестовидной монограммой, а справа и слева от него – стилизованный растительный декор. Монограмма нечеткая: справа неразборчивый знак (Δ , P , B ?), слева – O , вверху – лигатура OY , снизу – Λ (или A ?). Надеемся, более точное прочтение монограммы станет возможным после реставрации.

Фигурная обоймица (рис. 1, 8) спаяна из двух частей: прессованной верхней и плоской нижней, между которыми припаяна перегородка (рис. 2, 11). Размеры детали – 25 × 20 мм. По контуру лицевая часть декорирована псевдозернью, внутри – еще один бордюр с малопонятным сюжетом.

Грабительское происхождение комплекса, к сожалению, не позволяет сделать реконструкцию пояса по находкам *in situ*, но в целом она не вызывает сложностей, благодаря различиям в типе крепления деталей и ориентировке их декора (рис. 2, 13). Подборки византийских мозаик, подсвечников и шелка с изображениями византийских поясов со свисающими ремешками конца VI–VII в., выполненные Ч. Балинтом и М. Шмаудером (Balint, 2000. Taf. 5, 6, 11; Schmauder, 2000. Abb. 5–13), показывают, что бляшки пояса обычно располагались в месте крепления к ремню свисающих ремешков. Изображение же пояса на фреске VIII в. из церкви Св. Марии в Риме (Rettner, 2000. Abb. 4) свидетельствует, что и основной наконечник свисал вниз. Провисающим оставлялся пояс и на участке от пряжки до ременной обоймы, что

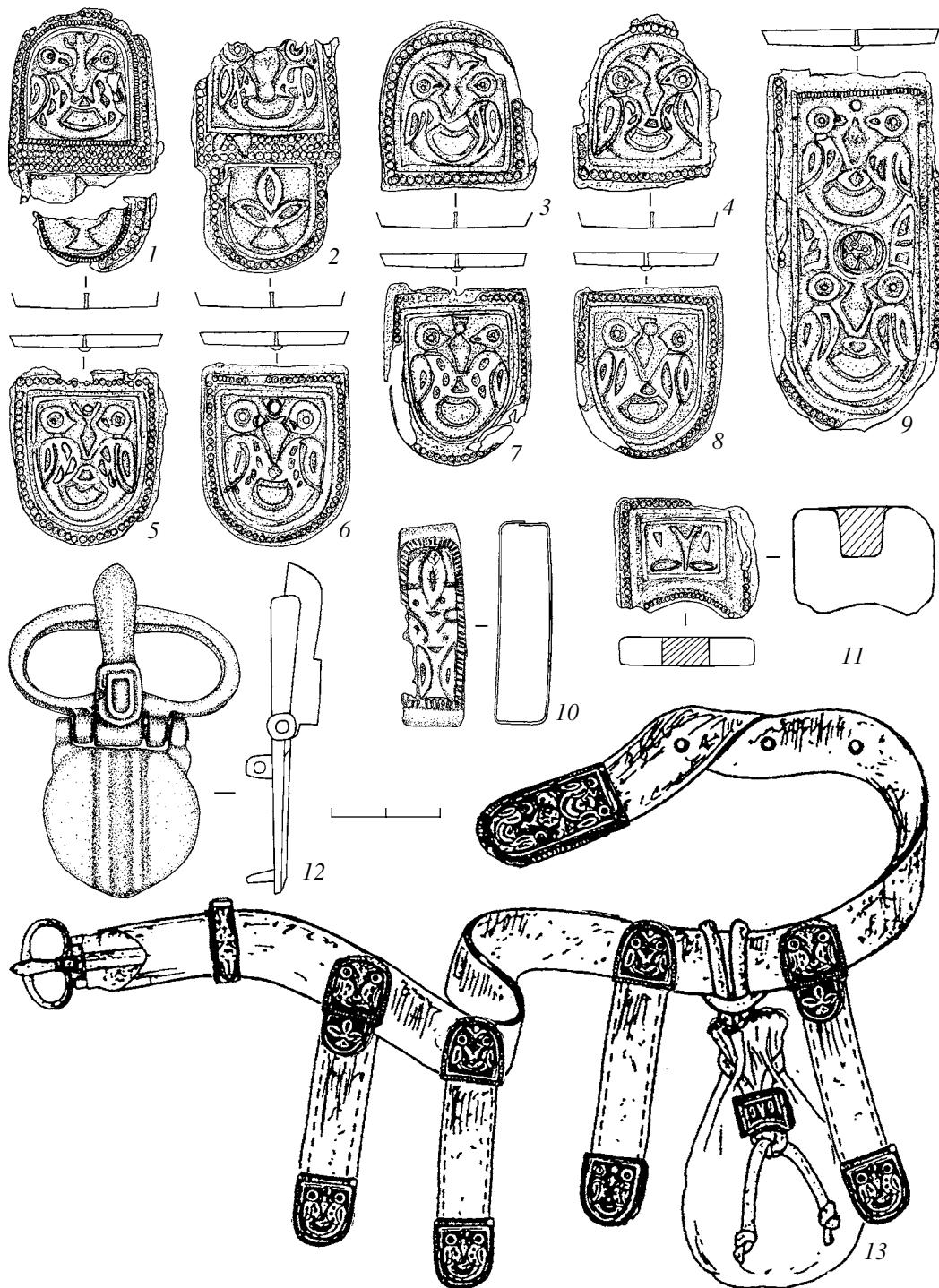


Рис. 2. Поясной набор из собрания КНМИУ: 1–12 – детали набора, прорисовка; 13 – вариант реконструкции пояса.

позволяло открыть взору щиток пряжки. Не совсем понятно лишь предназначение фигурной обоймицы. На ней отсутствуют шпеньки для крепления, а внутри находится перегородка. В современной кожгалантерейной промышленности похожие обоймицы используются как фиксаторы для ремешков-завязок сумочек. Вполне возмож-

но, что и в нашем случае обоймица служила фиксатором сумочки (кошеля), подвешенной к поясу при помощи тонкого ремешка или шнуря (рис. 2, 13).

Морфология деталей относит пояс к изделиям византийского круга VII – начала VIII в. Сходные пряжки в европейской литературе с начала XX в.



Рис. 3. Византийские пряжки VII – начала VIII в.: 1 – Szeged-Fehérvár A, п. 34 (Чаллань, 1954); 2 – Шиловка, к. 1 (Багаутдинов и др., 1998); 3 – Novi Kneževac (Гарам, 2001); 4, 9 – Эски-Кермен, склеп 257 (Айбабин, 1990); 5, 11 – Самос, п. 5 и 4 (Martini, Steckner, 1993); 6 – Bóli, п. 21/a (Гарам, 2001); 7, 8 – Сицилия (Ross, 1965); 10 – Подгорненское IV, к. 14 (Везуглов, Науменко, 1999); 12 – Mylitene (Yeroulanou, 1999); 13 – Кесария (Risser, Winter, 1996).

носят общее название “византийского типа с U-образным щитком” (рис. 3, 1–7, 9, 10), но в этот тип объединяются изделия с различным оформлением рамки (плоские, овальные или круглые в сечении, с углублением, выступами-ограничителями для язычка или же без них) и щитка (U-об-

разные, в виде геральдического щита с прямыми или прогнутыми сторонами), а также с различным декором. Ближайшие аналогии в Крыму происходят из склепа 257 Эски-Кермен (Айбабин, 1982б. Рис. 10, 9) и склепа 1 Узень-Баш (Амброз, 1971. Рис. 7, 22). Близкие пряжки известны в авар-

ских п. 34 Szeged-Fehértó A (Чаллань, 1954. Табл. VII, 1), п. 21/a Bóli и Novi Kneževac (Garam, 2001. Taf. 54, 2; 55, 2), а также к. 1 Шиловки из Поволжья (Багаутдинов и др., 1998. Табл. X, 1). Пряжки в целом аналогичны по форме рамки и язычка, вся серия кочевнических аналогий – бронзовые с позолотой, но щитки различаются в деталях. Как показывает пряжка из п. 34 Szeged-Fehértó A (рис. 3, 1), византийский оригинал был оформлен в стиле поясных деталей с “пламеневидным” верхом, плохо понятым изготовителями кочевнических дериватов, лишь наметившими борозды вверху (рис. 3, 2–4). На этих щитках нет выделенного каплевидного медальона, т.е. пряжки не могут быть точными аналогиями пряжке из коллекции КНМИУ.

Бронзовая пряжка с имитацией щитка с миндалевидным медальоном происходит из п. 4 Самоса (рис. 3, 11). Она сопровождалась пряжкой типа “Сиракузы” и шестью монетами, позднейшая Константа II (659–665 гг.) (Martini, Steckner, 1993. S. 125, 126. Abb. 38). В соседнем п. 5 Самоса находились две пряжки с U-образными декорированными щитками (рис. 3, 5) и малой пряжкой с крестовидным щитком (Martini, Steckner, 1993. S. 127–129. Abb. 39). Еще одно литое подражание известно из п. 4 Саламины на Кипре (Chavane, 1975. № 468а). Небольшие бронзовые литье подражания золотым пряжкам с круглым медальоном на щитке распространяются в Византии уже в правление Ираклия (Schultze-Dorrlamm, 2002. S. 184, 185; Waldbau, 1983. Pl. 44, 691); известны и прессованные подражания из золота или позолоченной бронзы (Chavane, 1975. № 473; Rom und Byzanz, 1998. Kat. 350; Айбабин, Хайрединова, 2005. Рис. 1).

Лировидные щитки золотых пряжек с медальонами разных форм обычно удлиненных пропорций (рис. 3, 11, 12), но есть и экземпляры с укороченным щитком из Кесарии Приморской (Risser, Winter, 1996) и сицилийского клада из коллекции Dumbarton Oaks (Ross, 1965. № 5), впрочем, с сердцевидными медальонами (рис. 3, 8, 13). По форме и пропорциям щитка пряжка из собрания КНМИУ выступает как бы “усредненным” вариантом между пряжками с U-образным щитком и пряжками со щитком с каплевидными медальонами, напоминая также щитки пряжек типа “Сиракузы” (Айбабин, 1990. Рис. 42, 5–8).

Набор прессованных поясных деталей из КНМИУ принадлежит к типу поясов с изображением птиц по Е. Гарам (Garam, 2001. S. 148–150.

Taf. 111) или серии “Лелехай” по И.О. Гавритухину (2001. С. 115, 116. Рис. 42). Последний отделяет серию “Лелехай” с изображениями птиц, сросшихся хвостами, от деталей из Херсонеса, Adony и Környe, а также пояса из “Северного Ирана”, для которых исследователь предполагает более раннюю дату (Гавритухин, 2001. С. 115). Наиболее близки поясу из собрания КНМИУ бляшки из п. 549 Ciko и Nagykoros и матрица из Burgenland-Seewinkel (рис. 4, 2, 4, 5). Более стилизовано изображение на бляшках из п. 64 Abony, п. 194 Gyor-Teglavetodulo (рис. 4, 1, 6, 8, 10), еще больше – п. 53 Kiskőrös-Pohibuj-Macko-dűlő (Török, 1975. Fig. 5) и п. 48 Szeged-Csengele (рис. 4, 3, 7, 9, 11). Поясной наконечник из к. 14 Подгорненского IV (Bezuglov, Naumenko, 1999. Fig. 5, 8) сильно поврежден, в том числе отсутствуют определяющие тип изображения верхняя и средняя части, но сохранившийся обрывок лицевой стороны все же напоминает рисунок бляшек из п. 53 Kiskőrös (рис. 4, 12).

Несколько другой сюжет изображен на деталях из Херсонеса (Айбабин, 1982а), п. 140 Környe (Salamon, Erdelyi, 1971. Taf. 24) и Adony (Fettich, 1926. Taf. VI) (рис. 4, 13–16). Он ближе изображению птиц на реальных византийских поясных деталях VII в. из коллекций Walters Art Gallery (Early Cristian and Byzantine Art, 1947. Cat. 457) и Dumbarton Oaks (Ross, 1965. № 43) (рис. 4, 17, 26). Еще дальше сюжеты на пряжке из Walters Art Gallery (Baldini Lippolis, 1999. Cat. 2.VIII.4d.18) и более поздних пряжках из Мюнхенского музея (Byzanz, 2001. Kat. IV.94) и Taormina (Сицилия) (Maurici, 2002. Fig. 12, 43), наконечнике из Микульчице (Daim, 2000. Abb. 46) (рис. 4, 21, 23). На крымской пряжке из Баклинского Оврага (Айбабин, Хайрединова, 2005. Рис. 1) птицы разделены не только растительной осью, но и двумя листами, а с интересующими нас наборами их сближает изображение голубей (рис. 4, 20).

Оригинальный сюжет, представлявший двух павлинов, пьющих из фонтана, по происхождению римский, заимствован ранним христианством (Arts Chrétiens, 1991. P. 19). Как символ райских птиц он широко использовался в скульптуре, торевтике и оформлении рукописей (Coche de la Ferté, 1982. Fig. 94, 202, 208; Cuteri, 1994. Fig. 6; Weitzmann, 1996. Kat. 94, 96, 144; Die Welt von Byzanz, 2004. Kat. 297). Особенно популярными в Византии VII в. стали женские серьги с изображением двух павлинов (Yeroulanou, 1999. Cat. 387–563).

Рис. 4. Поясные детали с изображением птиц VII–VIII вв.: 1, 6, 10 – Gyor-Teglavetodulo, п. 194; 2 – Burgenland-Seewinkel; 3, 7, 11 – Kiskőrös, п. 53; 4 – Nagykoros; 5 – Ciko, п. 549; 8 – Abony, п. 64; 9, 18 – Szeged-Csengele, п. 48 (1–11, 18 – Garam, 2001); 12 – Подгорненское IV, к. 14 (Bezuglov, Naumenko, 1999); 13, 14 – Környe, п. 140 (Salamon, Erdelyi, 1971); 15 – Херсонес (Айбабин, 1990); 16 – Adony (Fettich, 1926); 17 – Aleppo (Ross, 1965); 19, 23, 24 – Скалистое: 19, 23 – склеп 641; 24 – склеп 149 (Айбабин, 1990); 20 – Баклинский Овраг (Айбабин, Хайрединова, 2005); 21, 26 – Walters Art Gallery (Baldini Lippolis, 1999; Yeroulanou, 1999); 22 – Hinojar del Rey (Ripoll Lopez, 1999); 23 – Микульчице (Daim, 2000).



В IX–XI вв. художники часто меняли экзотическое изображение павлинов на более понятное – голубя (*L'Art Byzantine, Art Européen*, 1964. Kat. 463; Farioli, 1977. Pl. 171, 172, 183; Weitzmann, 1996. Kat. 87, 88, 95, 98, 145, 452, 476; *Byzanz*, 2001. Kat. IV.94). В VII в. это ярко проявилось у “варваров”, например франков, изображавших противостоящих голубей на пряжках, монетах и барельефах (*Arts Chrétiens*, 1991. Р. 116, 159, 161, 178), а также у авар, заменивших на голубей классических павлинов серег (Garam, 2001. Taf. 3). Визиготский же мастер, заимствуя форму и декор византийской пряжки, распознал павлинов как фантастических грифонов (Ripoll Lopez, 1999. Fig. 11, 6) (рис. 4, 22).

На матрицах из Херсонеса и Adony (рис. 4, 15, 16) сюжет представлен еще в классическом варианте: два павлина возле фонтана; на остальных рассмотренных аналогиях изображены голуби, а на бляшках из п. 140 Kögne – вороны. Стилизованный фонтан угадывается на деталях из КНМИУ, п. 549 Ciko, Burgenland-Seewinkel, п. 194 Gyor-Teglavetodulo и Nagykoros. На деталях же из п. 64 Abony, п. 53 Kiskőrös и п. 48 Szeged-Csengele он превратился в растение (рис. 4, 7–9), впрочем, такая вариация известна и на собственно византийских изделиях VII в.

Двущитковые бляшки с птицами представлены только в трех из рассматриваемых поясов – из КНМИУ, п. 194 Gyor-Teglavetodulo и п. 53 Kiskőrös (рис. 4, 1–3). Нижний щиток бляшки оформлен растительным декором, представленным на византийских поясных наборах стиля Акалан (Мавродинов, 1936. Обр. 231; Garam, 2001. S. 133–135; Taf. 98; 100, 5; Гавритухин, 2001. С. 113. Рис. 40). В первых двух комплексах “трилистник” более стилизован, ближе к оригиналу он на бляшке из п. 53 Kiskőrös, даже несмотря на большую схематичность этого набора. А вот аналогии на конечнику пояса из КНМИУ в аварских погребениях нам пока не известны. Впрочем, его декор построен по классической схеме византийских (Кондаков, 1896. Таб. XIX, 15; Ross, 1965. № 40, 44; Magistra Barbaritas, 1984. Fig. 402) и среднеаварских наконечников византийского облика: в центре круг, обычно с монограммой, выше и ниже от которого симметрично повторяется один сюжет (Garam, 2001. Taf. 87; 99; 100, 5; 103, 1; 108–110; 113). Обломок наконечника с изображением противостоящих голубей происходит из п. 3 склепа 641 Скалистого (рис. 4, 19), в п. 1 которого найден комплектный щиток пряжки с круглым медальоном с изображением птицы (рис. 4, 24) (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 104, 10, 11).

Деталь оформления пояса из КНМИУ, на которую следует обратить внимание: это довольно четкая проработка местами ободка, имитирующего проволочную псевдозернь (рис. 1, 4, 10), хо-

тя в основном он довольно “смазанный”. Подобная ситуация может объясняться как недостаточным разогревом бронзовой пластины перед прессовкой, так и неравномерностью проработки деталей самой матрицы, которая в таком случае скорее всего была отлита по оттиску в глине оригинального изделия. Примером конструкции византийского прототипа может быть золотой пояс из п. 1 Nocera Umbra, детали которого были вначале оттиснуты по матрице, а затем дополнены напаянной проволочной псевдозернью (Magistra Barbaritas, 1984. Fig. 402); в близкой технике выполнен и золотой поясной набор из Вознесенки (Комар, 2006. Рис. 11). Но оригинал не обязательно должен быть украшенным именно так, поскольку известны и византийские варианты с хорошей проработкой псевдозерни прессовкой (Andrasi, 2000. Fig. 10). Ременная же скоба из КНМИУ так же, как и в наборе из п. 1 Nocera Umbra, согнута из узкой пластины и декорирована надчеканкой.

Ремесленник несомненно имел в своем распоряжении реальный византийский вариант пояса, но, в то время как подражания золотым пряжкам и деталям, происходящие с византийской территории, воспроизводят оригиналы схематически и в уменьшенных размерах, пояс из КНМИУ механически копирует пояс знатного византийца, вплоть до монограммы, маркирующей имя собственника.

Остатки мастерской по производству наборов с изображением противостоящих птиц исследованы в Херсонесе (Айбабин, 1982а; 1999. С. 168). Но относительно неплохо исследованные могильники Юго-Западного Крыма в последней трети VII – начале VIII в. не демонстрируют моды на прессованные поясные наборы византийского стиля, в то время как отдельные выплески ее наблюдаются в степных комплексах (Вознесенка, Новые Санжары, Ясиново, Глодосы) и на Северном Кавказе (Мокрая Балка, Камунта, Директорская Горка), а памятники Аварского каганата изобилиуют подобными находками. Причины, несомненно, лежат в политической и культурно-экономической плоскости, установить же их помогает изучение хронологии.

Абсолютный ориентир времени бытования у авар наборов с изображениями птиц дает подражание монете Константина IV (669–674 гг.) из п. 53 Kiskőrös (Somogyi, 1997. S. 50–52). Монеты данного выпуска – последнее заметное поступление к аварам (чуть позже – лишь имитация солида 674–681 гг. из п. 82 Seged-Fehértó B (Somogyi, 1997. S. 80, 81), после чего абсолютная граница между средне- и позднеаварским периодами определяется лишь интуитивно (Дайм, 2002. С. 307). Строго говоря, разница между чеканкой оригинальной монеты и датой создания конкретного набора из п. 53 Kiskőrös может быть довольно большой. Но,

как показывает пример наборов стиля Акалан, доживающих в “варварской” среде до середины VIII в. (Плетнева, 1989. Рис. 40), подобные аналогии не всегда справедливы для Византии и тем более не влияют на дату возникновения самого стиля.

Современные представления о хронологии византийских украшений VII в. базируются на материалах кладов (Baldini Lippolis, 1999. Р. 37–41) и ограниченного количества погребений с инвентарем (Sodini, 1993. Р. 165–168), что заставляет широко использовать данные хронологии соседних с Византией “варварских” культур: визиготов, лангобардов, авар, гото-аланского населения Крыма (Чаллань, 1954; 1956; Werner, 1955; Амброз, 1971; Айбабин, 1990 и др.).

Украшения времени конца правления Ираклия – начала правления Константа II (30–40-е годы VII в.) известны преимущественно по малоазийским кладам. В кладах 626, 639–654 гг. непосредственно поясных деталей с изображениями противостоящих птиц нет. Представлены такие сюжеты только на женских украшениях: каплевидные подвески клада из Кесарии (Ringel, 1975. Pl. XIX, 2; Yeroulanou, 1999. Fig. 186), подвеска ожерелья из Mylitene (Yeroulanou, 1999. Fig. 70), застежки ожерелья клада из коллекции Dumbarton Oaks (Ross, 1965. № 4) и луновидные серьги из Мерсины (Bank, 1985. Cat. 97). Появление последнего типа украшений традиционно относили уже к VI в., как датировала мерсинские экземпляры и А.В. Банк (Bank, 1985. S. 287), хотя закрытых комплексов для подобной даты нет. Также существовало и ограничение верхней границы VII в., до находки на Beit Shean аналогичных серег, но с противостоящими львами вместо птиц, в слое, датированном монетами середина VIII в. (Deppert-Lippitz, 1990. S. 55). В настоящее время доказательно можно говорить лишь о распространении сюжета с птицами, начиная с кладов 639–644 гг., т.е. в заключительные годы правления Ираклия, но на его развитие, несомненно, понадобилось время, что позволяет с оговорками включать и первую треть VII в. (Yeroulanou, 1999. S. 131–134).

Следующий период представлен кладами из Сицилии (Baldini Lippolis, 1999. Р. 39, 40). Происхождение сицилийского клада из коллекции Dumbarton Oaks M. Росс связывает с придворным Константа II времени его пребывания на Сицилии (663–668 гг.), закончившегося заговором и убийством императора (Ross, 1965. S. 8, 9. № 5). В кладе появляется целый ряд новых элементов: восьмеркообразная прорезь сегментовидной рамки (вместо В-образной), U-образный щиток, декорирование щитка пряжки мелкими геометрическими углублениями, заполненными разноцветной эмалью (рис. 3, 7, 8). Наиболее близкие аналогии в Восточной Европе – поясной набор из Сирмия (Popović, 1997. Fig. 31–37), а также большие пряж-

ки из Kunbabony (Toth, Horvath, 1992. Fb. Taf. 1) и Перещепины (Залесская и др., 1997. Кат. 8), выполненные при императорском дворе как дипломатический дар для варварских вождей.

Гипотеза Й. Вернера о принадлежности комплекса из Перещепины булгарскому правителю Куврату заставила исследователя отнести изготовление пряжек из Перещепины и Kunbabony ко времени Ираклия (Werner, 1984. S. 40–42), что некритично воспроизводится ныне последователями данной исторической гипотезы. В реальности в круге изделий в целом стилистически близких кладов 639–644 гг. пока нет ни аналогичных пряжек, ни поясных деталей. Но главное – в них нет ни одного изделия в аналогичной технике, а мелкий “геометрический” стиль пока лишь контурно намечается на пряжках.

Рассмотрение исторической ситуации и византийско-кочевнических отношений 30–50-х годов VII в. позволили нам предложить другие даты изготовления наборов для наиболее вероятных посольств: Перещепина – 652 г., Kunbabony – 654–655 гг., Сирмий – 657–658 гг. (Комар, 2006. С. 192–213), которые вполне согласуются с мнением М. Росса о том, что пряжки из сицилийского клада были изготовлены в Константинополе в правление Константа II. Набор из Сирмия при этом иллюстрирует очевидное развитие “геометрического” стиля в направлении покрытия им площади не только пряжки, но и поясных деталей и других украшений. В этом стиле также выполнены наконечник и браслеты из Перещепины (Залесская и др., 1997. Кат. 9, 10), наконечник из коллекции Dumbarton Oaks (Ross, 1965. № 44), крест из Lambousa (2-й кипрский клад 653/654 г.) (Yeroulanou, 1999. Fig. 310). Прессованное подражание золотой пряжке в этом же стиле происходит из крымского могильника Баклинский Овраг (рис. 4, 20), а литая позолоченная пряжка была найдена в п. 5 Директорской Горки (Абрамова, 1982). Отдельные прессованные поясные детали с имитацией мелкого геометрического декора известны и в среднеаварских погребениях (Garam, 2001. Taf. 100, 2; 101, 2; 111, 6; 113, 3; 139, 2) (рис. 4, 18), но этот стиль у варваров в целом не получил распространения: то ли в силу излишней элитарности моды, то ли из-за ее смены в правление Константина IV, увлекавшегося, судя по оформлению монет, стилями эпох Юстиниана и Ираклия.

На большой константинопольской пряжке из Kunbabony (Toth, Horvath, 1992. Fb. Taf. 1) наблюдаем стилизованный сюжет из двух повернутых в разные стороны голов птиц или грифонов, представленный также на пряжках из Sabaoeni (Balint, 1992. Taf. 31, 14) и собрания Мюнхенского музея (Die Welt von Byzanz, 2002. Kat. 441), а также на поясных деталях их Dailaman (Сирия) и Вильховчика, а в несколько другой вариации – в Bocsa и

ряде кавказских и кочевнических комплексов (Balint, 1992. Taf. 31, 1–10). Данная линия вряд ли прямо связана с интересующим нас сюжетом, появление которого на деталях пояса пока маркирует пряжка из Баклинского Оврага. Самы птицы здесь декорированы в том же стиле, что и листья, создавая впечатление, что ювелир лишь усложнил традиционный растительный орнамент. Круглый медальон пряжки с широким рубчатым ободком и мелким геометрическим декором выполнен в стиле пряжек из сицилийского клада 668 г. (рис. 3, 7, 8; 4, 20). Прессованная имитация наконечника в этом же стиле находилась в составе пояса из п. 48 Szeged-Csengele (рис. 4, 18) вместе с малым наконечником (Garam, 2001. Taf. 111, 6), аналогичным экземпляру из п. 175 Allatyan-Tulat с прессованными бляшками круга Papa-Urdomb – подражаниями изделиям горизонта Bocsa-Kunbabony (Garam, 1987. Taf. 14; 2001. Taf. 114, 1), а также близким наконечнику из п. 261 Halimba (с наконечником стиля Фельнак) (Garam, 2001. Taf. 112, 1).

Декор указанных малых наконечников напоминает декор основного наконечника пояса из “Северного Ирана” из коллекции Freer Gallery of Art (№ S1987.201a-ii). И.О. Гавритухин отнес последний к кругу поясных наборов с птицами (Гавритухин, 2001. С. 115), хотя изображение бляшек на самом деле крайне стилизовано под растительный орнамент, близкий пальметтам большого наконечника из Перещепины (Залесская и др., 1997. Кат. 9). К сожалению, ошибочна и прорисовка декора наконечника, которая обусловила и крайне отдаленные аналогии (Гавритухин, 2001. С. 113. Рис. 42, 26). Пряжка данного пояса (Werner, 1974. Pl. 15) – дериват пряжек с пальметтовидным щитком, экземпляр которых из п. 33 Арамея относится к арабскому периоду (Schultze-Dörrlamm, 2002. S. 207, 208; Kazanski, 2003. Р. 44, 45; Fig. 2, 7, 10). Не исключено, что и пояс из “Северного Ирана” был стилизован в исламское время; впрочем, схожесть растительных завитков с птицами может быть и случайной (ср.: Garam, 2001. Taf. 107, 7, 8; IV; XXXIV, 5).

Вторая сюжетная линия с двумя павлинами, занимающими только верхнюю часть бляшки, представлена беспаспортным византийским наконечником из коллекции Walters Art Gallery и двумя парными наконечниками из Aleppo. Морфология наконечников из Aleppo (рис. 4, 17) аналогична аварским и раннесалтовским наконечникам VIII в., а декор – пряжке VIII в. из Сардинии, что и определяет их дату (Комар, 1999. Табл. 3, 108, 110–118; Daim, 2000. S. 110–122. Abb. 35; Kazanski, 2003. Р. 47, 48). Наконечник из Walters Art Gallery (рис. 4, 26) А. Еролану отнесла к середине VII в. по прорезному декору (Yeroulanou, 1999. S. 233), но из-за отсутствия прямых аналогий для него трудно предложить дату уже, чем вторая половина VII – начало VIII в. Херсонесская ювелир-

ная мастерская, из которой происходит матрица наконечника, функционировала во второй половине VII в. (Айбабин, 1982а; 1999. С. 168). Набор же матриц из аварского комплекса Adony (Fettich, 1926. Taf. VI) включает образцы разных хронологических периодов: от наконечников “геральдического” стиля до бляшек финального средневарского горизонта Игар, что указывает на его скрытие не ранее рубежа VII–VIII вв.

Сложнее с датой обломка наконечника из п. 3 склепа 641 Скалистого (рис. 4, 19). И птицы, и растительный декор на нем полностью аналогичны щитку пряжки с круглым медальоном из этого же склепа, причем нижняя пластина пряжки найдена именно в районе п. 3. Аналогичная пряжка была и в склепе 149 Скалистого (рис. 4, 24, 25). А.И. Айбабин отнес указанные погребения к группе 12 второй половины VIII – первой половины IX в. (Айбабин, 1999. С. 282–284), главным основанием для чего, очевидно, послужило стереотипное для VIII–XIV вв. изображение голубя с веткой, представленное в Скалистом на ойнохое из склепа 307а (Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 44, 1–3). Можно согласиться, что скалистинские пряжки созданы несколько позже, чем исходные византийские экземпляры этого типа, а также пряжки из Баклинского Оврага и склепа 10 Лучистого (Айбабин, 1994. Рис. 7, 3), но трудно согласиться с тем, что их разделяет более чем столетие. Прессованные подражания элитным золотым пряжкам в самой Византии появляются не позже середины VII в. (Chavane, 1975. № 473; Rom und Byzanz, 1998. Kat. 350). Наиболее поздняя пряжка такой конструкции в Северном Причерноморье – пряжка с U-образным щитком из Вознесенки (Комар, 2006. Рис. 31, 1), а в Подунавье – пряжка из Брестовача (Хорватия) (Daim, 2000. Abb. 9, 1). Обе различаются слишком резко, чтобы быть даже отдаленной аналогией скалистинским. Во второй половине VII в. появляются и литые бронзовые пряжки с круглым медальоном с различными изображениями, но только беспаспортный экземпляр из Walters Art Gallery (Baldini Lippolis, 1999. Cat. 2.VIII.4d.19) обладает рамкой пряжек VIII в. Приходится констатировать, что скалистинские пряжки выглядят совершенно чужими для развитого VIII в. и по типу, и по технике исполнения, и по декору.

Время бытования в Крыму наиболее близких исходным византийским формам пряжек с круглым медальоном определяет п. 4 склепа 10 Лучистого (Айбабин, 1994. С. 133–136. Рис. 7). И.А. Гавритухин выделяет этот горизонт Лучистого в фазу Д, хронологически следующую после “нижнего слоя” Суук-Су (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 67). А.И. Айбабин относил сначала слой 2 к группе 10 последней четверти VII в. (Айбабин, 1990. С. 62–64), в более новой работе группировка несколько изменена, и слой 2 склепа 10

отнесен к группе 9 крымских древностей, датированной более широко второй половиной VII в. (Айбабин, 1999. С. 277–280). Пряжка из Баклинского Оврага (рис. 4, 20) найдена грабителями и поэтому лишена археологического контекста, что заставляет использовать для ее датировки лишь аналогии – уже упоминавшиеся выше пряжки константинопольской работы из Перецепины, Сирмия и сицилийского клада из коллекции Dumbarton Oaks. Это изделия 50–60-х годов VII в., которые, вероятно, реплицировались в более простых формах и в начальные годы правления Константина IV. Если баклинская пряжка маркирует только появление нового стиля с растительным декором и птицами, то скалистинские пряжки выступают репликами уже следующего поколения, развивающими стиль далее.

Очень похожую картину наблюдаем и при оценке хронологической позиции пряжки набора из КНМИУ. Бронзовая литая пряжка с миндалевидным медальоном из п. 4 Самоса датирована монетой Константа II 659–665 гг., но это, как указано выше, лишь ориентир *terminus post quem*. Ей, несомненно, синхронны и пряжки с U-образными щитками из соседнего п. 5 (Martini, Steckner, 1993. S. 119–129). В склепе 257 Эски-Кермен, где также найдены пряжки с U-образными щитками, в п. 4 найдена монета Константина IV (668–685 гг.) (Айбабин, 1982б. С. 186), но само п. 4, несомненно, более позднее, его дата по железной пряжке – не ранее начала VIII в. Группа погребений склепа 2–4 сметила более ранние, в том числе с интересующей нас пряжкой с U-образным щитком (рис. 3, 4). Также к более ранним предметам относится и пряжка с растительным декором из п. 5 (рис. 3, 9). Фибулы из него не коррелируются с другими крымскими погребениями, а пряжка находит отдаленную аналогию лишь в более поздних пряжках из Taranto (Италия) и из хазарского к. 14 Подгорненского IV (рис. 3, 10). Более надежный абсолютный ориентир для склепа 257 дает п. 6 с половинкой солида Ираклия 629–641 гг., крест и подвеска ожерелья которого близки по форме экземплярам из кладов периода 639–654 гг. из коллекции Dumbarton Oaks (Ross, 1965. № 4, 6), Lambousa (653/654 г.) и Мерсины (ок. 644 г.), а фибулы – горизонту “антских кладов” (Гавритухин, Обломский, 1996). Комплекс украшений из п. 6 был актуален во время Константа II, что относит пряжки интересующих нас разрушенных погребений склепа 257 Эски-Кермен, а также п. 5 уже к периоду Константина IV или к последующему.

Весь комплекс рассмотренных аналогий поясным деталям из собрания КНМИУ свидетельствует, что возникновение оригинального византийского типа пряжки и формирование стиля поясного набора с противостоящими птицами, несомненно, связаны с заключительным периодом правления Константа II – началом правления Константина IV

(60–70-е годы VII в.). Распространение моды на прессованные подражания византийским наборам у авар приходится в основном на последнюю четверть VII в., в то время как у гото-аланского населения Крыма этот процесс, маркированный пряжками из Баклинского Оврага и Скалистого, почему-то был прерван. Главной причиной могло стать хазарское вторжение ок. 680 г., археологические следы которого хорошо фиксируются в Крыму (Aibabin, 2006).

Оригинальный византийский набор, скопированный варварским ремесленником, скорее всего был создан незадолго до 680 г. Разграбленное же погребение, из которого происходит пояс из КНМИУ, было совершено в последней четверти VII в. и иллюстрирует так и не реализованный до конца стиль византийского влияния, обусловившего в это же время начало яркого “среднеаварского” периода в истории Среднего Поднавья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. 1982. № 2.
- Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982а. № 3.
- Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982б.
- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Айбабин А.И. Комплексы с большими двупластичными фибулами из Лучистого // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
- Амбродз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Гавритухин И.О. Хронология “среднеаварского” периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
- Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И. и др. Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.
- Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Комар А.В. Перецепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Востока // СА. 2006. № 2.

- сточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.
- Кондаков Н.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. I. СПб., 1896.
- Мавродиновъ Н.* Прабългарската художествена индустрия // Мадара. Разкопки и проучвания. Кн. II. София, 1936.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Чаллань Д.* Памятники византийского металлообращающегося искусства // *Acta Antiqua*. 1954. Т. II. F. 3, 4.
- Чаллань Д.* Памятники византийского металлообращающегося искусства // *Acta Antiqua*. 1956. Т. IV. F. 1–4.
- Aibabin A.* Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the north of the Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Р., 2006.
- Andrasi J.* A gold belt-end from the Ashmolean Museum, Oxford // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Arts Chrétiens.* Atlas des monuments paléochrétiens de la France. Р., 1991.
- Baldini Lippolis I.* L’Oreficeria nell’Impero di Costantino tra IV e VII secolo. Bari, 1999.
- Balint Cs.* Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe // *Awarenforschungen*. B. 1. Wien, 1992.
- Balint Cs.* Byzantisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6–7 Jahrhundert. Budapest, 2000.
- Bank A.* Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985.
- Bezuglov S.I., Naumenko S.A.* Kazar kori kurgan az Also-Donnal // *Studia Archaeologica*. T. V. Szeged, 1999.
- Byzanz.* Das Licht aus dem Osten. Mainz am Rhein, 2001.
- Chavane M.-J.* Salamine de Chypre. V. VI. 1975.
- Cocque de la Ferté E.* L’Art de Byzance. Р., 1982.
- Cuteri F.A.* La Calabria nell’Alto Medioevo (VI–X sec.) // La Storia dell’Alto Medioevo italiano (VI–X sec.) alla luce dell’archeologia. Firenze, 1994.
- Daim F.* “Byzantinische” Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Deppert-Lippitz B.* Jewellery // Early Christian & Byzantine Art. Longmead, 1990.
- Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. München, 2004.
- Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947.
- Farioli R.* Ravenna Romana e Bizantina. Ravenna, 1977.
- Fettich N.* Das kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn // *Archaeologia Hungarica*. T. I. Budapest, 1926.
- Garam E.* Der awarische Fundstoff im Karpatenbecken // Die Völker Sudosteupuras im 6. bis 8. Jahrhundert. Berlin, 1987.
- Garam E.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001.
- Kazanski M.* Qal’at Sem’an. V. IV. Fasc. 3. Beyrouth, 2003.
- L’Art Byzantine, Art Européen. Athènes, 1964.
- Magistra Barbaritas. I Barbari in Italia. Milano, 1984.
- Martini W., Steckner C.* Das Gymnasium von Samos. Das frühbyzantinische Klostergrut. Bonn, 1993.
- Maurici F.* Ancora sulle fibbie da cintura di eta Bizantina in Sicilia // *Byzantino – Sicula IV*. Palermo, 2002.
- Popović I.* Golden Avarian belt from the vicinity of Sirmium. Beograd, 1997.
- Rettner A.* Zu einem vielteiligen Gürtel des 8. Jahrhunderts in Santa Maria Antiqua (Rom) // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Ringel J.* Césarée de Palestine. Etude historique et archéologique. Р., 1975.
- Ripoll Lopez G.* Symbolic life or everyday symbolism: the limits of the question and definition of the subject // The Visigoths from the Migration period to the seventh century: an ethnographic perspective. Woodbridge, 1999.
- Risser M.K., Winter F.A.* Gold from the combined Caesarea Expeditions, 1996 // *The Biblical Archaeologist*. 1996. V. 59. № 4.
- Rom und Byzanz. Archäologische Kostbarkeiten aus Bayern. München, 1998.
- Ross M.C.* Jewelry, enamels, and art of the migration period. V. 2. Washington, 1965.
- Salamon A., Erdelyi I.* Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Kornye. Budapest, 1971.
- Schultze-Dorrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Romisch-Germanischen Zentralmuseum. T. I. Mainz, 2002.
- Schmauder M.* Vierteilige Gürtelgarnituren des 6.–7. Jahrhunderts: Herkunft, Aufkommen und Tragerkreis // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Sodini J.-P.* La contribution de l’archéologie à la connaissance du monde byzantin // *Dumbarton Oaks Papers*. 1993. V. 47.
- Somogyi P.* Byzantinische Fundmunzen der Awarenzeit. Innsbruck, 1997.
- Török G.* The Kiskőrös-Pohibuj-Macko-dűlő cemetery // Avar Finds in Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period / 567–829 / in Hungary). V. 1. Budapest, 1975.
- Toth E.H., Horvath A.* Kunbabony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kieskemet, 1992.
- Waldbau J.C.* Metalwork from Sardis: the finds through 1974. L., 1983.
- Weitzmann K.* Die Byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Wien, 1996.
- Werner J.* Byzantinische Gürtellschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergart // *Kolner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1955. № I.
- Werner J.* Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // *La civilta dei Longobardi in Europa*. Roma, 1974.
- Werner J.* Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.
- Yeroulanou A.* Diatria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens, 1999.

Imitation of a 7th-century Byzantine gold belt set with images of birds**A. V. Komar, M. A. Strelnik****S u m m a r y**

The paper publishes the set of bronze gilded belt ornaments that was received by the Kiev National Museum of the History of Ukraine as a gift from S. Platonov. The set consists of 12 pieces: buckle, long tab for the end of belt, four small tabs that were attached along the belt, two tabs with rounded ends, two tabs composed of two similar elements and two holders of different types. They are all decorated with pairs of birds and floral punched design similar to the finds from Avar cemeteries and Byzantine Syria and Chersonese. At the center of the tongue of the belt is a Greek cruciform monogram. The belt was probably made as a copy of a Byzantine gold belt by a Crimean barbarian craftsman in the last quarter of the 7th c. AD.

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА XII в. ИЗ МОГИЛЬНИКА В ПРИМОКШАНЬЕ

© 2009 г. А. А. Беговаткин

Мордовский республиканский объединенный краеведческий
музей им. И.Д. Воронина, Саранск

В 1990 г. при раскопках Мордовскопаркинского могильника на р. Парка (речная система Парка – Урей – Мокша) в погребении 37 была найдена литейная форма из розового шиферного сланца, служившая для выплавки округлых медальонов с крестом на лицевой стороне. Подобная находка имеет большое значение при рассмотрении ранних этапов взаимоотношений Древней Руси и средневекового мордовского общества.

Мордовскопаркинский могильник находится в 1 км юго-западнее с. Мордовские Парки Краснолебадского района Республики Мордовия, на левом возвышенном берегу р. Парка (рис. 1, А). Впервые памятник упоминается И.Н. Смирновым (1895. С. 18). Могильник исследовался И.М. Корсаковым в 1950 г. и А.В. Циркиным в 1968 г. С 1990 г. работы на памятнике ведутся совместной археологической экспедицией Мордовского государственного университета и Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея. К настоящему моменту на площади Мордовскопаркинского могильника вскрыто 168 погребений, которые датируются двумя периодами: XI – начало XV в. и XVII – первая половина XVIII в. (Акимов, 1991).

Погребение 37 совершено в слое чернозема, из-за чего контур могильной ямы был определен лишь частично – по выявленной западной стенке. Восточная стенка погребальной ямы не определялась. Форма могильной ямы представляла собой, по-видимому, вытянутый по линии ССВ–ЮЮЗ прямоугольник, короткие стороны которого с севера и юга были перерезаны более поздними захоронениями 22 и 30. Сохранившаяся наибольшая длина могилы составила 112 см, при ориентировочной ширине 50 см. Выявленная западная стенка погребального сооружения отвесная, дно ровное. Глубина могильной ямы от уровня современной поверхности составила 83 см (рис. 1, Б).

На дне могильной ямы от костяка сохранились лишь мелкие разрозненные фрагменты костей. Кроме костных останков в погребении обнаружены две половины литейной формы из розового шиферного сланца с желтыми прожилками (рис. 2), под которыми обнаружен металлический слиток белого цвета весом 35.4 г (рис. 3, 2). Рядом с ним

найдено глиняное пряслице (рис. 3, 1). Аналогичные пряслица имеют широкое распространение в материалах мордовских памятников XI–XIV вв. (Мартынов, 2001). У южного, сохранившегося конца могильной ямы находились: небольшой накосник-пулокерь (рис. 3, 6), две мелкие застежки-сюлгамы со слабо расплощенными под треугольными концами (рис. 3, 3, 4), фрагменты застежки-сюлгамы с завернутыми концами (рис. 3, 5). Все вышеперечисленные вещи позволяют датировать погребение 37 Мордовскопаркинского могильника в пределах XII в. (Алихова, 1959. Табл. 1).

Обнаруженная литейная форма относится к числу так называемых двустворчатых. Створки литейной формы из погребения 37 Мордовскопаркинского могильника имеют форму прямоугольных пластин со склоненными торцевыми стенками (во избежание путаницы половину литейной формы, предназначавшуюся для изготовления лицевой стороны изделия, мы будем называть створкой 1, а половину для изготовления обратной стороны – створкой 2).

Створка 1 имеет длину 48 мм, ширину в верхней части 32, в нижней 33 при толщине 10 мм. Она расколота по всей длине на две пластины толщиной по 5 мм, причем у пластины с лицевой частью изделия отсутствует верхняя часть с литником.

В верхнем левом углу лицевой стороны створки 1 находится углубление, служившее для скрепления двух половин формы между собой. Вырезанное на лицевой стороне рельефное изображение представляет собой контур круглого медальона диаметром около 24 мм с нанесенными на него восьмью линиями, сходящимися в центре. Композиционная схема дополняется точками, расположенными по периметру медальона и между линиями, что в итоге образует крестообразный рисунок (рис. 2, 1). Подобные медальоны, но с цельным изображением креста, имеют аналогии в материалах Старой Рязани (Никольская, 1981. С. 236. Рис. 89, 50).

Судя по сохранившейся лицевой стороне створки 1, изготовленные медальоны имели ушко для подвешивания, украшенное тремя валиками. Прорезанные поперечные каналы в створках формы были предназначены для получения при

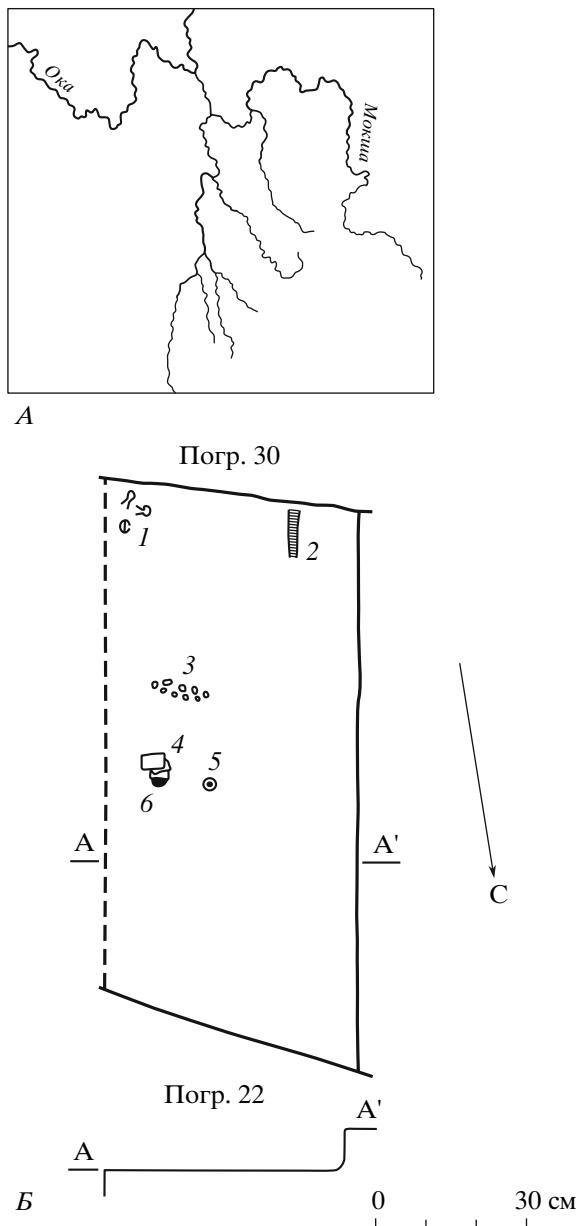


Рис. 1. Местоположение МордовскоПаркинского могильника и план погребения 37. А – местоположение могильника в Примокшанье; Б – план погребения 37: 1 – застежки-сюлгамы; 2 – накосник-пулокерь; 3 – костные останки; 4 – литейная форма; 5 – пряслице; 6 – слиток металла.

литье сквозного отверстия в ушках для подвешивания.

На обратной стороне створки процарапано изображение птицы, композиционно состоящее из спирали с примыкающими к ней с правой стороны лапами, а с левой – головой. Рядом с клювом находится знак в виде квадрата с точкой посередине, в нижней части которого расположены три параллельные линии, еще одна такая же линия направлена в сторону птицы. Ближе к краю

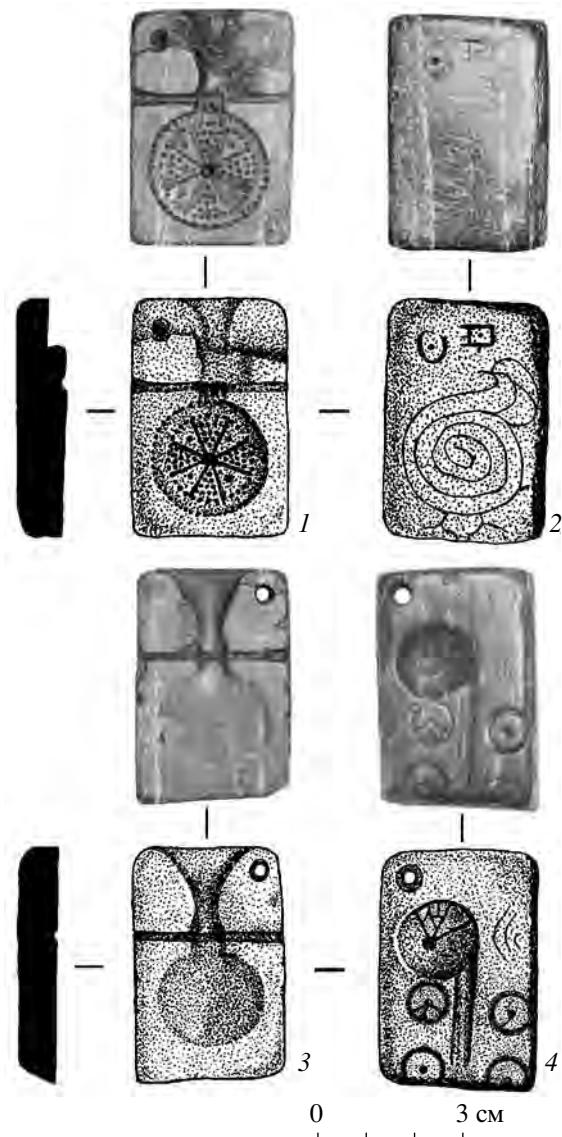


Рис. 2. Литейная форма из погребения 37 Мордовско-паркинского могильника (фото и прорисовки).

створки расположена овал с точкой посередине (рис. 2, 2). Прямые аналогии данному изображению в виде птицы неизвестны.

Створка 2 имеет прямоугольную форму со скошенной нижней стороной, наибольшая длина створки составляет 48 мм, наименьшая – 46 при ширине 32, толщина – 9 мм. Лицевая сторона имеет округлое углубление для отливки тыльной части медальона (рис. 2, 3). На оборотной стороне находятся четыре вырезанных круга диаметром 8 мм с точками посередине. Рядом расположено конусовидное углубление диаметром около 15 мм, глубиной 4. На нем процарапан знак, напоминаю-

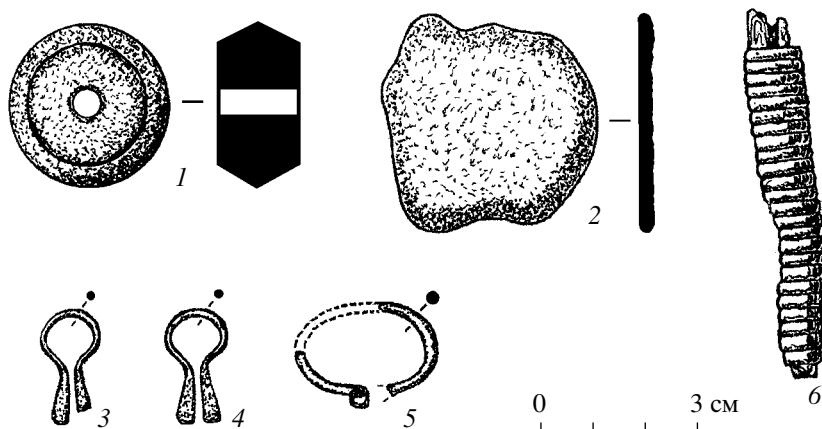


Рис. 3. Инвентарь погребения 37 Мордовскопаркинского могильника. 1 – прядильце (глина); 2 – слиток металла (свинец с добавлением олова); 3, 4 – застежки-сюлгамы с концами в виде подтреугольных лопастей (бронза); 5 – фрагменты застежки-сюлгамы с завернутыми в кольца концами (бронза); 6 – накосник-пулокерь (бронза, дерево, конский волос).

щий монограмму. К указанному углублению приымкает канал, служивший для заливки металла (рис. 2, 4). Данные круги и конусовидное углубление свидетельствуют скорее всего о том, что створка ранее была частью другой литейной формы.

В углублениях створок литейной формы (литник, непосредственно форма изделия, символизирующего крест) сохранились остатки металла. Поскольку в погребении вместе с литейной формой был обнаружен металлический слиток белого цвета, то для нас представляется интерес следующее: 1) определение состава металла слитка и частиц металла, сохранившихся в литейной форме; 2) установление степени сходства металла слитка с частицами металла в литейной форме. С этой целью в экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел Республики Мордовия было проведено исследование слитка металла, а также частиц металла в литейной форме, обнаруженных в погребении 37 Мордовскопаркинского могильника.

Исследование слитка металла проводилось при помощи эмиссионного спектрального анализа в режиме высоковольтной искры с фотофиксацией на дифракционном спектрографе ПГС-2. При расшифровке полученного спектра выявлено, что слиток представляет собой сплав на основе свинца (95%) с незначительной примесью олова (4%). Все остальные элементы, присутствующие в сплаве, являются естественной примесью, и их наличие определяется химическим составом использованного сырья.

Проведенным микроскопическим исследованием представленной разъемной литейной формы (микроскоп МБС-10, увеличение до $\times 28$) установлено, что объемные частицы металла в углублениях частей формы отсутствуют. Обнаружены лишь частицы вещества серого цвета в виде не-

значительных наложений (притертостей), со слабым металлическим блеском.

Дальнейшее исследование литейной формы проводилось при помощи диффузно-контактного метода на предмет определения наличия следов металлизации свинцом (как основы сплава слитка, предположительно применявшегося при литье изделий), так как наложение металла на литейной форме находится в следовых количествах. При этом использовалась отфиксированная фотобумага, растворитель на свинец – раствор уксусной кислоты, проявитель на свинец – раствор сульфида натрия. Было установлено наличие следов металлизации свинцом практически на всей поверхности литейной формы. Однако наибольшая концентрация свинца наблюдается на участке литника и в верхней части формы изделия. Также из сплава на основе свинца состоит представленный на исследование слиток металла. Следовательно, частицы металла в литейной форме в целом совпадают с составом металла слитка.

Сказанное выше позволяет утверждать, что выплавка изделий с христианской символикой производилась непосредственно в местной финно-угорской среде. Появление подобных изделий можно рассматривать как результат довольно активной миссионерской деятельности православного духовенства в Окско-Сурском междуречье.

Существование в Муроме Спасского монастыря, упоминающегося под 1086 г., позволяет рассматривать его как центр христианизации местного финно-угорского населения. Удельный князь Ярослав Святославич в житии, составленном в XVI в., представлен крестителем Мурома и Поочья по подобию Владимира I Святославича (Карташев, 1993. С. 153).

Исходя из изложенного можно предположить, что в XII в. деятельность православных миссионеров на мордовских землях могла иметь достаточно активный характер (особенно в районах, прилегающих к Поочью). Следовательно, в XII – начале XIII в. христианство оказывало более значительное влияние на религиозные верования мордвы, чем это считалось историками ранее.

Автор выражает глубокую признательность Н.А. Акимову за предоставленную возможность публикации материалов раскопок, а также А.А. Устину, заместителю начальника экспертино-криминалистического центра Министерства внутренних дел Республики Мордовия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Н.А.* Археологические исследования 1990 года Мордовскопаркинского могильника в Красносльбодском районе Мордовской АССР // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 14953.
- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993.
- Мартынов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тыс. Арзамас, 2001.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
- Смирнов И.Н.* Мордва. Казань, 1895.

Twelfth-century casting mould from a cemetery in the Moksha river basin

A. A. Begovatkin

Summary

In the 11th c., the territories inhabited by the Mordva fell under the influence of the Ancient Rus state. The weapons, jewelry and household items of Slavonic origin that were discovered in the course of excavations at Mordovian archeological sites date to that time. Christian cult objects are a specific category among the items of Ancient Rus origin. The present article is devoted to a casting mould found in a 12th c. grave at the cemetery near Mordovskie Parki village in the Krasnoslobodsk district of the Republic of Mordovia. The casting mold was used for medallion pendants with a cross on the face side. Metallographic analysis allows to state that the medallion pendants with Christian symbols were manufactured in the local Finno-Ugric environment. This shows a stronger impact of Christianity on the religious beliefs of the Mordva than hitherto assumed.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ 1970–1990-х годов)

Проблема перехода к неолиту, появления присваивающего хозяйства и эволюции обществ юго-востока Китая (нижнее и среднее течение Янцзы) получила новое развитие в связи с несколькими археологическими открытиями, сделанными в 1970-е и, в особенности, в 1980–1990-е годы. До 1970-х годов считалось, что жители юго-востока Китая значительно отставали от населения бассейна Хуанхэ и развивались лишь под влиянием неолитических культур Севера. Один из крупнейших теоретиков китайской археологии Чжан Гуан-чжи выдвинул даже теорию “луншаноидной экспансии”, согласно которой культура Луншань распространялась из устья Хуанхэ на юг, вплоть до крайнего юга нынешней КНР, дав начало развитым неолитическим культурам в III тыс. до н.э. (Chang, 1977). Теория Чжана Гуан-чжи получила всеобщее признание и долгие годы за отсутствием значительных археологических находок на территории Южного Китая господствовала в литературе.

Поворотным моментом в изменении взглядов на развитие Юго-Восточного Китая стала находка в 1973 г. в местечке Хэмуду, провинция Чжэцзян, крупного поселения рисоводов, относящегося к V тыс. до н.э., с предметами высокоразвитой материальной культуры, превосходящей известные в то время памятники неолита Хуанхэ. Результатом интенсификации раскопок в 80-е годы XX в. при одновременном ослаблении центристских установок в идеологии и становлении провинциальной археологии стал ряд других замечательных находок, о которых речь пойдет ниже. Они дали жизнь теории Су Бинци о множестве центров происхождения китайской цивилизации (Су, 2004), которая постепенно начинает утверждаться в китайской науке.

Экономический рост и бурное строительство оказали влияние на интенсификацию полевой работы. К сожалению, публикация материалов, прежде всего отчетов, в КНР значительно отстает по времени от полевых исследований (полный отчет по Хэмуду вышел только два года назад!), поэтому в настоящее время мы располагаем в основном информацией о раскопках до начала 2000-х годов. Не исключено, что новые замечательные открытия в низовьях Янцзы будут сделаны, если уже не сделаны, в ближайшем будущем. К сожалению, осмысления археологического материала после Су Бинци пока не проведено, обзорных работ, выходящих за пределы одной археологической культуры, почти нет, а немногие общие исследования (например, переведенный на японский язык труд Хуан Шилуя и Чжу Найчена) содержат лишь фактический материал (Хуан, Чжу, 2003). Но и по тем данным, которые уже известны, можно представить картину развития неолитических культур на юго-востоке Китая.

В настоящем обзоре археологического материала и созданных на его основе концепций внимание заостряется на определении характера и степени развития общества в нижнем течении Янцзы до III тыс. до н.э.; времени перехода к производящему хозяйству; выявлении регионов и времени существования основных неолитических культур и связей

между ними. Для этой цели из нескольких десятков описанных в литературе памятников выбраны наиболее важные. С рядом находок автор обзора имел возможность ознакомиться *de visu* в коллекциях Японии.

Территория Юго-Восточного Китая имеет размеры примерно 1000 × 800 км и вытянута с севера на юг. На востоке она ограничена Восточно-Китайским морем и Тайваньским проливом (почти 140 км в ширину в самом узком месте). По северной ее части протекает река Янцзы, к северу от которой лежит низина (центральная и северная часть Цзянсу), испещренная руслами маленьких рек и каналов. На западе рассматриваемый регион ограничен двумя высокими горными хребтами Цзюлиншань и Лоцяошань, тянущимися от Янцзы до Гуандуна. На всей этой обширной территории есть только две небольшие равнинные местности – долины вокруг озер Тайху и Поянху, сообщающиеся благодаря реке. Остальная местность гористая (The Macmillan World Atlas, 1966. P. 154–157).

Очерченная территория относится к одной вегетативной зоне с растительностью умеренно-теплого пояса (Wang, 1958. P. 25–49). Средние температуры января колеблются от 4 до 12°C (в долине Тайху и в устье Янцзы – около 0), а июля – около 28°C. Годовая норма осадков в устье и в районе озера Тайху 1000–1500 мм, на остальной территории 1500–2000 мм. Озера к югу от Янцзы служили и служат естественными регуляторами, отводя от реки излишек воды во время половодья. Долины с их аллювиальными почвами хороши для земледелия, это один из самых благоприятных районов для рисоводства.

В период неолита климат, видимо, лишь незначительно отличался от современного. Считается, что среднегодовая температура в районе Шанхая 5000 лет назад была выше на три градуса (Жэнь, 1986. С. 300). За исключением периода 12500–10500 лет назад сохранялся влажный (даже более, чем сейчас) и теплый климат, лишь в конце неолита произошло временное похолодание, после чего климат вернулся к теплому, но менее влажному состоянию (Lu et al., 2002. P. 383).

Присваивающее хозяйство в Юго-Восточном Китае – одно из древнейших в мире. Начало земледелия здесь связывают с концом последнего оледенения, когда на интересующей нас территории распространяются широколиственные и тропические леса. Ледниковый период в данном регионе заканчивается приблизительно 16.5 тыс. лет назад (Yasuda, 2002. P. 126; ср.: 15.5–15 тыс. лет до н.э.: Mingram et al., 2004. P. 57, 58; Lu et al., 2002. P. 383). Примерно к этому времени относятся первые находки сначала керамики, а потом рисовых зерен.

Время начала производства керамики дискутируется, но по крайней мере на трех памятниках наличие ранней керамики не вызывает сомнений. Это Юйцяньянь (провинция Хунань) с радиокарбонной датировкой 13680 ± 270 л.н. (BA95058);

Мяоян (провинция Хунань) с датировкой 13310 ± 270 л.н. (BA92034–1); Сянъжэньдун в провинции Цзянси 12430 ± 80 л.н. (UCR-3561) (Kuzmin, 2006. P. 364, 365; Кузьмин, 2004. С. 80–84).

Для тех же стоянок имеются более ранние даты: 15960 ± 190 л.н. (BA00009) и 15830 ± 160 л.н. (BA00015) для Сянъжэньдуна и 18140 ± 320 л.н. (BA92036–1) для Мяояна, но их связь с керамическими слоями подвергают сомнению (Kuzmin, 2006. P. 364, 365). Намного более древние датировки, приводимые Ясуда Ёсинори, например, 21022 ± 450 л.н. для стоянки Лючжоу в Гуанси-Чжуанском автономном районе, на крайнем юго-западе КНР, и 19780 ± 360 л.н. для Сянъжэньдуна (Yasuda, 2002. P. 138, 139), отвергнуты в результате серьезной и обоснованной критики Я.В. Кузьминым (Kuzmin, 2006. P. 365), да и никаких ссылок или лабораторных индексов Ясуда не приводит.

В мире неолитическая керамика такого возраста найдена только в Японии и на Дальнем Востоке России, где самые ранние из признанных дат 13400 ± 120 л.н. для стоянки Одай Ямamoto I в префектуре Аомори, на северной оконечности острова Хонсю (осреднение датировок NUTA-6510 и NUTA-6507), и 12960 ± 120 л.н. для стоянки Гася в Приморье (ЛЕ-1781). Если не принимать в расчет так называемые собственные данные Ясуда для северного Китая, о которых нет публикаций (Yasuda, 2002. P. 127), остаются три ранних центра производства керамики в Азии (а соответственно и в мире) – Южный Китай, Японские острова и Дальний Восток России. Я.В. Кузьмин считает их независимыми очагами (2004), и с ним вполне можно согласиться. Тем не менее на настоящий момент даты для Южного Китая наиболее древние. Следует отметить, что в Южном Китае указанные находки керамики оказываются сосредоточенными к югу от среднего течения Янцзы, в долине озер Дунтинху и Поянху.

На стоянках Сянъжэньдун и Юйцяньянь обнаружены и зерна риса. Столь ранних рисовых зерен нет нигде в мире, что дает повод предполагать здесь один из очагов доместикации данной культуры. По теории С.И. Вавилова, местом происхождения того или иного растения является регион его наибольшей вариативности, соответственно для риса это район северной Индии, возможно, южного Тибета (1926. С. 133–138). Т.Т. Чан и Ватабэ Кадаё из Международного института риса на Филиппинах и Императорского университета Киото предположили, что очаг одомашнивания риса простирался от Ассама в Индии до провинции Юньнань в Китае; их мнение принято достаточно широко (Yan, 2002. P. 151). С другой стороны, молекулярно-генетический анализ ДНК, проведенный Сато Ёитиро, позволяет предполагать, что огуза японica был выведен из типа огуза rufipogon, дикого риса, в нижнем течении реки Янцзы около 10 тыс. лет назад. Именно там происходит отделение тропического вида огуза японica от огуза japonica умеренных широт, который распространился затем широко на всей территории южного Китая, на Японском архипелаге, в Корее. Гипотезам Ватабэ и Сато не противоречит утверждение, что рассматриваемый нами регион сыграл значительную роль в формировании присваивающего рисоводческого хозяйства Восточной и Юго-Восточной Азии.

Если от наиболее ранней керамики до нас дошли лишь небольшие фрагменты, иногда покрытые гребенчатым орнаментом, то посуда со стоянок Пэнтоушань и Башидан (провинция Хунань, долина озера Дунтинху), относящихся к культуре Пэнтоушань (8500–7000 гг. до н.э.), уже поддается более или менее полной реконструкции (Pei, 2002. P. 167–184). В комплексе Пэнтоушань основная форма – круглодонные сосуды: высокий кувшин со слегка сужающимся гор-

ышком, высокая миска с небольшим ободком, кувшин с двумя ручками и сильно сужающимся горлом, простая неглубокая миска. В Башидане также обнаружена миска, у которой предполагаются три небольшие ножки – видимо, один из ранних образцов трипода – а также башмаковидный сосуд-подставка. Нечто вроде треугольной керамической подставки найдено в Пэнтоушани. Орнамент на посуде простой, линейный, по ободку имеются вдавленные точки. Ясно, что здесь мы встречаем достаточно развитую керамическую традицию, в которой выработаны сосуды на разные случаи жизни, как для приготовления пищи, так и для хранения продуктов. Следует обратить особое внимание на башмаковидный сосуд, который сильно сближает комплекс с керамикой Юго-Восточной Азии.

Традиции Пэнтоушани и Башидана получают дальнейшее развитие в культуре Нижней Цзяоши, расположенной по берегам и в долине озера Дунтинху в нынешней провинции Хунань. Здесь представлены более развитые типы керамики и ее орнаментации. Сохраняются простые круглодонные формы, но появляются и плоскодонные, а также сосуды с приделанной подставкой, которая иногда украшена перфорацией. У некоторых изделий имеется несколько поясов орнамента. Появляется мотив с изображением солнца, который будет играть важную роль в этом регионе в дальнейшем, на протяжении неолита и бронзы. Интересно, что начиная именно с данной культуры распространяются различные формы подставок, которые могут стать и частью сосуда. Набор посуды и ее орнаментация гораздо разнообразнее в сравнении с предыдущим периодом, причем уже можно выделить некоторые формы парадной керамики. Хотя стоянка и вся культура Нижней Цзяоши (около 7 тыс. лет назад) моложе Пэнтоушани и Башидана всего на несколько сот лет (Pei, 2002. P. 167–184), прогресс ее материальной культуры очень заметен.

В долине озера Поянху древнейшие находки керамики и рисовых зерен сделаны на стоянке Сянъжэньдун. Она расположена у входа в естественную пещеру и вокруг нее. Раскопки на стоянке проводились неоднократно с начала 1960-х годов. В обоих культурных слоях, относящихся к эпохе неолита, найдена керамика, орудия из камня, кости и раковин, кости животных; в нижнем слое встречены также человеческие кости. Найдки принадлежат двум периодам, соответствующим слоям. К первому относятся грубые, близкие верхнепалеолитическим, каменные топоры со слабой ретушью и нуклеусы, а также грубые скребки и остроконечные конусы. Из кости и зуба животных изготовлены шилья, иголки, гарпуны. С этим же слоем связан камень с просверленным отверстием (пряслице?). Из керамики первому периоду принадлежит только простая круглодонная миска, украшенная обычным гребенчатым орнаментом. Орудия второго периода совершенно другие. Это хорошо отшлифованные каменные долота, камни с отверстиями посередине, костяные скребки, стрелы, раковины с отверстиями; возрастают ассортимент и количество шильев и гарпунов из кости. Керамики уже много. Сосуды второго периода подвергались реконструкции; в материале отчетливо выделяются венчики и ножки, следовательно, в это время появились трипода на низких ножках. Изменяется набор костей животных: в первый период встречаются только кости оленя и дикого кабана, а во второй к ним добавляются кости барана и разных пород птиц (Го, 1963. С. 637–640, 648; Ли, 1976. С. 23–35; Вонг, 1995. С. 79–85). Охота и рыболовство наряду с земледелием составляли важную сферу деятельности древних людей из пещеры Сянъжэньдун. Однако трудно сказать, было ли у них животноводство; как показывает опыт многих исследователей, отличить

кости дикой свиньи от домашней достаточно трудно (Окамура, 2003. С. 1–18).

Таким образом, район Юго-Восточного Китая является не только одним из древнейших в мире мест производства керамики, но и вероятным местом одомашнивания риса. Столы рано сложившиеся земледельческие культуры в дальнейшем стали основой для формирования нескольких высокоразвитых общностей VI–IV тыс. до н.э.

В нижнем течении Янцзы развитый неолит, видимо, открывает культуру Мацзябан (конец VII тыс. до н.э.– IV тыс. до н.э.), в которую ряд исследователей (в том числе и автор настоящей статьи) включают культуру Хэмуду. Главный ее памятник – стоянка Хэмуду на южном побережье Ханчжоуского залива. В ноябре 1973 – январе 1974 г. здесь прошел первый сезон раскопок (Чжэцзянский..., 1978; Кучера, 1980), было вскрыто свыше 800 м² и найдено древнее поселение. В отличие от полуземлянок, господствующих в архитектуре северного Китая, здесь обнаружены свайные конструкции. Древние обитатели Хэмуду жили в деревянных строениях на высоких сваях, столы характерных для Юго-Восточной Азии и сегодня. Найдены керамика, орудия из камня (в том числе нефрита), кости и дерева, а также зерна риса. Характер материала позволяет считать, что Хэмуду – крупный населенный пункт, жители которого промышляли земледелием и рыболовством. В 1977–1978 гг. здесь был раскопан также некрополь, на котором исследовано более 27 могил и 20 кострищ.

Общая площадь комплекса Хэмуду примерно 40 тыс. м² (в основном не изучена). Это самый значительный по размерам древний памятник провинции Чжэцзян и, видимо, один из самых крупных в Китае того времени (Гун, 2000. С. 18–20; Хуан, Чжу, 2003. С. 55–59). Наиболее ранняя дата для Хэмуду 6960 ± 100 л.н. (Чжэцзянский..., 1978. С. 93; лабораторный индекс в отчете не приводится). Помимо данного поселения в культуру или подкультуру Хэмуду входят еще восемь стоянок и захоронений. Ее датировка следующая: первый период от 7000 до 6500 г. до н.э.; второй – от 6500 до 5900 г. до н.э.; третий и четвертый – от 5900 до 4900 г. до н.э. Постепенно Хэмуду переходит в следующие за ней культуры Сунцзэ и Лянчжу (Ван Хаймин, 2000. С. 15–23).

К первому этапу существования культуры относятся круглодонные сосуды, в основном кувшины с расширяющимся кверху либо треугольным венчиком, а также простые миски с расширяющимся кверху венчиком. По форме некоторые изделия напоминают парадную керамику периода Ранний Дзёмон (VI–IV тыс. до н.э.) в Японии (Lapteff, 2006. P. 254, 255. Fig. 17). Эти же типы сохраняются и на втором этапе, причем возрастает количество их разновидностей. Уже у ряда сосудов первого периода по центру корпуса заметно выделяется декоративное утолщение, род “шва”; часть керамики явно парадная. Во втором периоде появляются даже изделия с двумя швами-ободками. В третьем и четвертом периодах формы круглодонной посуды становятся проще, зато появляются триподы на плоских треугольных приплюснутых ножках. Сохраняется керамика со швом; горышко сосудов становится длиннее.

Имеются изделия из слоновой кости, например пластина, изображающая две птицы головы вокруг, видимо, солнца (позже птица с двумя головами встречается и в других культурах, например Линцзянь, о которой речь пойдет ниже). Она похожа на известные в следующей культуре Лянчжу на головные украшения. Интересны и керамические пряслица с двойной спиралью и орнаментом в форме креста. На одном из керамических сосудов есть рисунок – переплетающаяся

крестом птица. Широко распространено изображение свиньи, имеются и глиняные фигурки этого животного. В культуре Хэмуду уже встречается крашеная керамика, а также лакированные изделия из дерева (Ван Вэйцин, 2000. С. 32–36; Археологический отряд..., 1980. С. 1–15; Хуан Вэйцинь, 1998. С. 62–67; Комитет по охране памятников, 1976. С. 6–14).

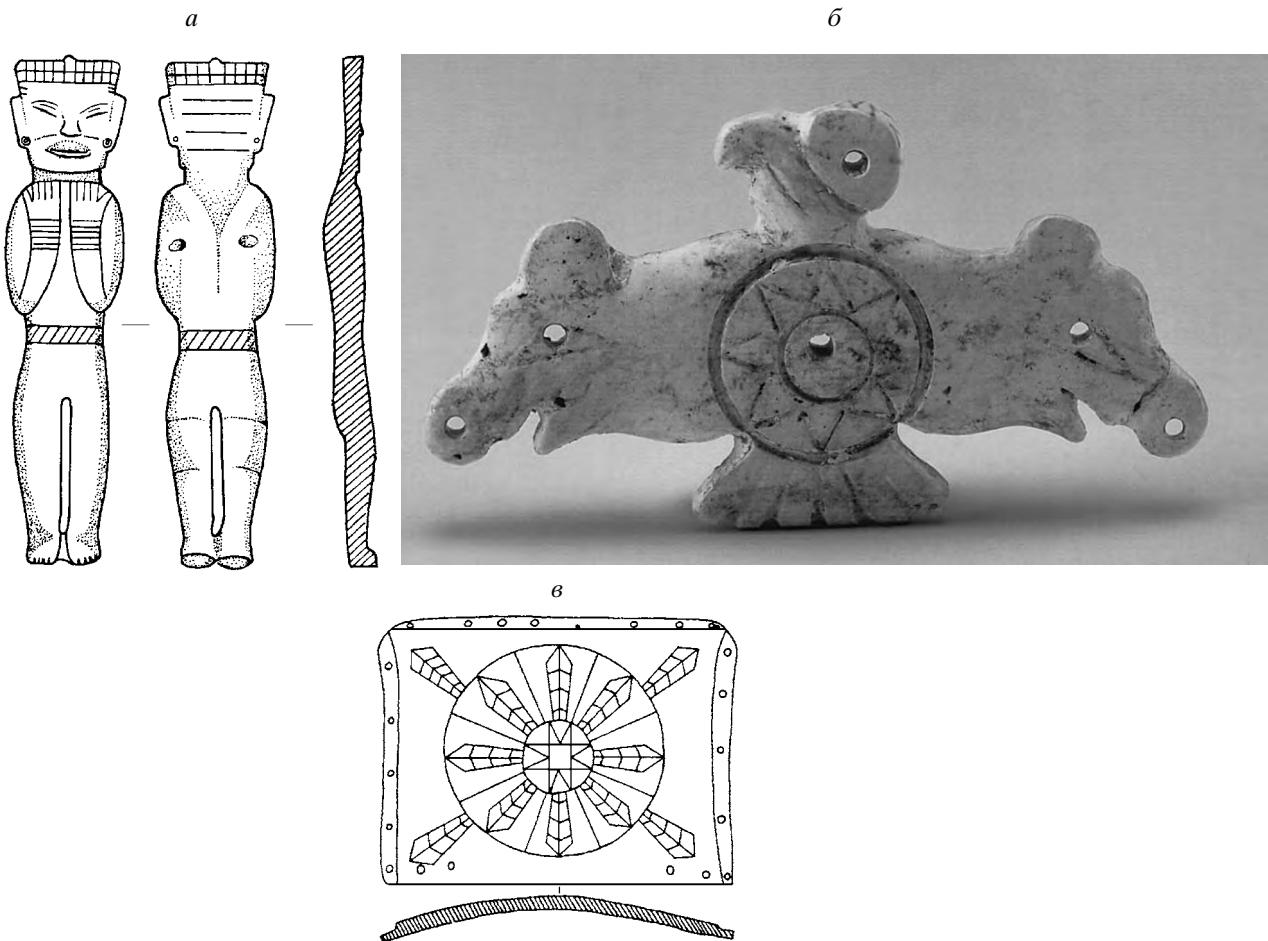
Качество керамики, предметов из слоновой кости и дерева свидетельствует о высоком техническом уровне общества Хэмуду. Следует предполагать специализацию ремесла у древних хэмудусцев: столы совершенные изделия вряд ли делали простые общинники.

Можно говорить и о социальном расслоении общества, поскольку на некрополе выделяются могилы с богатым и простым инвентарем. Например, в погребении № 1 имелись два кувшина, миска, миска со сливом, изделия из нефрита, а во многих других захоронениях не было вещей (могила № 8) либо имелся один кувшин (Археологический отряд..., 1980. С. 1–15). Рядом с некрополем найдены остатки деревянного строения, возможно, культового характера; наличие украшения, условно называемого нами “наголовной пластиной”, указывает на возможность выделения в обществе жреческой прослойки.

Среди находок на поселении Хэмуду много деревянных орудий, прежде всего мотыг. Каменных орудий меньше, в основном это дентальные топоры, расширяющиеся книзу, заточенные с обеих сторон. Огромное количество мотыг говорит о безусловной зависимости жителей деревни от земледелия. Следует обратить внимание на обилие изображений птиц, а также предметов в форме птицы. Часто встречается комбинированное изображение двухголовой птицы с солнцем посередине. Очевидно, птица и солнце здесь – тотемы (позже те же тотемы известны в культуре Линцзянь). Деревянные столбовые жилища хэмудусцев имели достаточно большую площадь (иногда до 160 м²) и были разделены на маленькие комнаты-камеры. Конструкции их столбов и балок технически достаточно сложны.

На полпути между озерами Тайху и Поянху открыт памятник культуры Линцзянь. В 1987 г. здесь был найден двуслойный некрополь, в нижнем слое которого раскопаны три могилы, в верхнем – одна. Для нижнего горизонта получены две термолюминесцентные датировки 4500 ± 500 л.н. и 4600 ± 400 л.н. (лабораторные индексы в отчете не указаны) (Чжан, 1989). Могилы оказались исключительно богаты инвентарем: свыше 100 предметов из нефрита, каменные топоры, керамика. В течение следующих двух сезонов на памятнике было исследовано еще около тридцати богатых захоронений.

Рассмотрим основные типы инвентаря этого некрополя. Из орудий преобладают каменные дентальные топоры с просверленным широким отверстием в центре; топоры, в отличие от Хэмуду, по форме ближе к квадрату. Встречены удлиненные каменные стамески без отверстия, с заточкой одной стороны; каменные кольца-браслеты; много нефритовых браслетов (сплошных и с разъемом посередине) и подвесок (предметы удлиненной формы с небольшим отверстием у одного конца), а также мелкие вещи из нефрита (бусинки, полукруги, конусы и проч.). Встречаются плоские кольцеобразные диски, которые китайские ученыe называют “би”. Вплоть до исторического периода они являются характерной формой нефритовых украшений. Необычен конус в форме елочки из нефрита. Керамики очень немного. Основные типы – плоская миска на трех высоких ножках, плоская миска на одной ножке-подставке, глубокая миска-трипод, горшок на ножке-подставке с крышкой (Выставка национальных сокровищ, 2004; Чжан, 1989. С. 1–9, 30).



Некрополь Линцзянь: нефритовые украшения (Чжан, 1989; Выставка национальных сокровищ, 2004).

Следует обратить внимание на ряд изделий из могилы № 4. Среди них кусок нефрита с изображением птицы, что-то несущей в клюве, нефритовая черепаха, ложка. Широкую известность получила небольшая нефритовая квадратная пластина с множеством сверленых отверстий по бокам (для крепления к одежде или головному убору либо для нанизывания на нити в качестве украшения). Артефакт многократно и по-разному интерпретировали. По мнению автора настоящей статьи, это изображение картины мира древних линцзянцев. Возможно, в центре ее солнце, а четыре внешних пера показывают на четыре стороны света. Вполне очевидно, что это сакральный предмет, использовавшийся в культовой практике (рисунок, в).

Находка комплекса столь редких вещей в одной могиле (№ 4) явно свидетельствует об особом статусе захороненного, видимо, возглавлявшего жреческую и/или племенную верхушку, а также о глубоком расслоении общества.

В верхнем горизонте, в могиле № 1, были найдены три одинаковые фигурки из нефрита (рисунок, а). В 1998 г., во время третьего сезона раскопок, в исключительно богатой инвентарем могиле № 29 были встречены еще три подобных изделия. Это шесть небольших (8–10 см длиной) достаточно плоских изображений босого человека в головном уборе, который прижимает руки к груди или поднимает их перед грудью, очевидно, в позе молитвы. Он подпоясан, на руках, но-

гах и голове видны следы татуировок, а в ушах – отверстия, возможно, для подвесных серег, которые не сохранились (Чжан, 1989. С. 1–9; Ло, 1995. Т. 2. С. 353–360; Выставка национальных сокровищ, 2004. С. 18–23). Чертые лица монголоидные: губы широкие, слегка приплюснутые (характерно для южных монголоидов). Очевидно, это фигура молящегося. В данной связи показательно, что рядом с некрополем Линцзянь открыто и культовое сооружение (о нем ниже).

В могиле № 29 была найдена еще одна фигурка из нефрита, получившая всеобщую известность, – так называемая трехголовая птица (рисунок, б). Она небольшая (6.5 × 3.5 см), изображает птицу, у которой крылья превращаются в головы других птиц. Посередине фигурки очерчен круг, внутри него семиконечная звезда, в ее центре снова круг, внутри которого просверлено отверстие. Здесь, как и у ряда нефритовых колец, правильная форма круга дает основание предполагать существование циркуля или его субститута. Если сравнить эту фигурку с солярными символами и изображениями птиц с двумя головами из Хэмуду, станет очевидной их связь. Так же, как и в Хэмуду, в Линцзянь можно выделить два сакральных символа – солнце и птиц с двумя или тремя головами.

Упомянем и нефритовое кольцо, изображающее сплетение головы и хвоста рептилии (змей или дракон-крокодил). Подобные предметы близки культуре Хуншань на севере

Китая, но на юге ничего подобного раньше не находили. Возможно, это результат обмена товарами с соседними и отдаленными народами. Большой интерес представляет каменный браслет абсолютно круглой формы (Выставка национальных сокровищ, 2004. С. 18–23).

Культовое сооружение Линцзятань – возвышение трехслойной структуры в самом центре некрополя, занимающее площадь около 600 м². Нижний слой толщиной 10–20 см образует желтая глина, средний (20–50 см) состоит из мелких камней, наконец, верхний – опять из глины (около 10 см). Вероятно, наверху насыпи находилась постройка, следы которой сохранились во втором и третьем слоях. Культовый центр в Линцзятань существовал достаточно продолжительное время (Чжан, 1999. С. 14–17; Чжоу, 2001. С. 31–34).

Очевидно, Линцзятань был в период раннего неолита важным центром, но, к сожалению, представление о нем пока можно получить только по материалам некрополя. Другие памятники неолита здесь датируются на целую тысячу лет позже, хотя их и связывают друг с другом (Ван Вэйцин, 2000. С. 32–36). Культура Линцзятань достигла высокого развития: выделяется богатая знать (жрецы и/или вожди); заметно сильное расслоение общества; выявляются сложные религиозные представления; налицо техническое совершенство изделий. Очевидно, культура Линцзятань родственна Хэмуду. Можно предполагать, что они принадлежат одному и тому же народу (или родственным народам) и находят продолжение в культуре Лянчжу (Лаптев, 2006–2007. С. 37–128).

Ряд исследователей (в том числе руководитель раскопок 1998 г. Чжан Цзинго) считают Линцзятань ранней цивилизацией и даже ранним государством (Чжан, 1999), хотя делать такой вывод на материале единственного некрополя, по-моему, преждевременно. Новые раскопки в этом районе должны принести замечательные открытия.

Можно считать доказанным, что к концу IV тыс. до н.э. на территории Юго-Восточного Китая существовала земледельческая цивилизация с определенным расслоением общества, жреческой, племенной верхушкой, которая по своему образу жизни резко отличалась от рядовых общинников. К этому времени у местного населения сложилась и система верований. Было, по-видимому, специализированное керамическое производство (о чем говорят материалы не только Хэмуду и Линцзятань, но и других памятников, см.: Лаптев, 2006–1007. С. 19–36). О большом значении рыболовства свидетельствует обилие предметов из костей рыб, гарпунов и грузил. Находки пряслиц указывают на существование ткачества. Жилая архитектура уже сложна (Хэмуду); появляются и культовые сооружения. Развиваются первичные (математические?) представления, о чём могут свидетельствовать правильные круги. В мифологии господствуют два основных (тотемных?) символа: многоглавая птица и солнце. Изображения антропоморфных божеств (?), найденные в Линцзятане, как отмечают китайские археологи, практически не встречаются на остальной территории страны (Хуан, Чжу, 2003). Возможно как этническое (судя по формам керамики), так и религиозное (распространение солярного культа, схожая манера изображения солнца) родство населявших рассматриваемый регион народов. Можно с определенной уверенностью предполагать и существование близкородственного населения на указанной территории в период развитого неолита.

К особенностям материальной культуры, сложившейся к концу IV тыс. до н.э., относятся: в керамике – плоскодонные сосуды, практически вытесняющие круглодонные; большая доля сосудов на высоких, широких подставках различных

форм, часто перфорированных; наличие триподов с плоскими и конусообразными круглыми в сечении ножками. В камне – полное господство дентальных топоров (с просверленным отверстием посередине, появляющихся в более поздний период, и без отверстия, существующих изначально). В ювелирном деле – распространение изделий из нефрита.

В целом, к сожалению, памятники периода неолита в Юго-Восточном Китае пока раскопаны недостаточно, а имеющиеся материалы публикуются медленно. Но уже можно поставить задачу, выйдя за рамки отдельных культур, приложить усилия к сравнительному анализу региона в целом (пока он практически отсутствует).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологический отряд памятника Хэмуду. Основные результаты второго сезона раскопок памятника Хэмуду, Чжэцзян // Вэньь. 1980. № 5 (на кит. яз.).
- Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Тр. по прикладной ботанике и селекции. 1926. Т. XVI. Вып. 2.
- Ван Вэйцин. Культура Линцзятань была культурой рода Ючао “периода трех императоров” // Дуннань вэнъхуа. 2000. № 11 (на кит. яз.).
- Ван Хаймин. Памятник и культура Хэмуду // Дуннань вэнъхуа. 2000. № 7 (на кит. яз.).
- Вонг Сонг Нгок. Предварительное исследование о передовом и отстающем характере неолитических культур Юга Китая // Сб. статей по археологии Юго-Восточной Азии. Гонконг, 1995 (на кит. яз.).
- Выставка памятников материальной культуры из провинции Цзянси, Китай. Древняя история и красота керамики и фарфора. Гифу, 1988 (на яп. яз.).
- Выставка национальных сокровищ Китая. Токио, 2004 (на яп. яз.).
- Го Юаньвэй (Комитет по охране памятников материальной культуры пров. Цзянси). Исследование и пробные раскопки неолитической стоянки и захоронения в уезде Ваньнянь, Цзянси // Каогу. 1963. № 12 (на кит. яз.).
- Гун Лян (ред.). Крупные археологические открытия Китая. Т. I, II. Цзинань, 2000 (на кит. яз.).
- Жэнь Чжэньцю. Исследование климатически аномальных периодов в Китае за последние 5000 лет и астрономические причины их формирования // Нунъе каогу. 1986. № 1 (на кит. яз.).
- Комитет по охране памятников материальной культуры пров. Чжэцзян. Важный памятник периода первобытного общества, найденный в Хэмуду // Вэньь. 1976. № 8 (на кит. яз.).
- Кузьмин Я.В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) // РА. 2004. № 2.
- Кучера С. Новые материалы по неолиту юга Китая // XI науч. конф. “Общество и государство в Китае”. Ч. II. М., 1980.
- Лаптев С.В. Предыстория и ранняя история народов Вьет: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Т. I–III. М., 2006–2007.
- Ли Цзяхэ (Музей пров. Цзянси). Отчет о втором сезоне раскопок в пещерном памятнике Сянъжэньдун, в Даюань, уезд Ваньнянь, Цзянси // Вэньь. 1976. № 12 (на кит. яз.).
- Ло Эрху. Собрание материалов по неолиту Китая. Т. I–V. Киото, 1995 (на яп. яз.).

- Okamura Kihōri.* Принесенные в жертву животные в захоронениях в Китае в древности // Тохогакухо. 2003. № 74 (на яп. яз.).
- Су Бинци.* Происхождение китайской цивилизации / Пер. Тё Мэйсэй. Токио, 2004 (на яп. яз.).
- Хуан Вэйцзинь.* Новое исследование об орудиях в форме бабочки культуры Хэмуду // Дуннань вэнъхуа. 1998. № 2 (на кит. яз.).
- Хуан Шилинь, Чжу Найчэн.* Важные открытия в археологии Китая / Пер. Такаги Томоми. Токио, 2003 (на яп. яз.).
- Чжан Цзингго.* Краткий отчет о раскопках неолитического некрополя в Линцзятань, уезд Ханьшань, пров. Аньхой // Вэнью. 1989. № 4 (на кит. яз.).
- Чжан Цзингго.* Основные результаты третьего сезона археологических раскопок памятника Линцзятань, уезд Ханьшань // Дуннань вэнъхуа. 1999. № 5 (на кит. яз.).
- Чжоу Вэй.* Предварительное исследование культового сооружения в Линцзятань, уезд Ханьшань, пров. Аньхой, а также о культовых сооружениях культуры Лянчжу // Дуннань вэнъхуа. 2001. № 1 (на кит. яз.).
- Чжэцзянский провинциальный комитет по охране памятников материальной культуры, Чжэцзянский музей.* Первый сезон раскопок в Хэмуду // Каогу сюэбао. 1978. № 1 (на кит. яз.).
- Chang Kwang-chih.* The Archaeology of Ancient China. New Haven; L., 1977.
- Kuzmin Y.V.* Chronology of the Earliest Pottery in East Asia: Progress and Pitfalls // Antiquity. 2006. V. 80. № 308.
- Lapteff S.* Relationships between Jomon Culture and the Cultures of the Yangtze, South China and Continental South East Asia Areas // Japan Review. 2006. № 18.
- Lu Houyuan, Liu Zhenxia, Wu Naiqin et al.* Rice Domestication and Climatic Change: Phytolith Evidence from East China // Boreas. 2002. V. 31. № 4.
- Mingram J., Navaczyk N., Schettler G. et al.* A 78.000 Year Record of Climatic Changes from the South China Coast – the Huguang Maar Lake (Huguangyan) // Monsoon and Civilization. New Delhi, 2004.
- Pei Anping.* Rice Paddy Agriculture and Pottery from the Middle Reaches of the Yangtze River // The Origins of Pottery and Agriculture. New Delhi, 2002.
- The Macmillan World Atlas. N.Y., 1996.
- Yan Wenming.* The Origins of Rice Agriculture, Pottery and Cities // The Origins of Pottery and Agriculture. New Delhi, 2002.
- Yasuda Yoshinori.* Significance of Agriculture in Human History // The Origins of Pottery and Agriculture. New Delhi, 2002.

Институт практического востоковедения, Москва

С.В. Лаптев

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ К. КРИСТИАНСЕНА И Т. ЛАРСОНА

Kristiansen K., Larsson Th.B. *The rise of Bronze Age society. Travels, transmission and transformation.* Cambridge et al., 2005.

Книга Кристиана Кристиансена и Томаса Ларсона “Истоки общества бронзового века” (Kristiansen, Larsson, 2005) – очень нужная, ожидаемая, востребованная. В 2007 г. она получила премию Общества американской археологии за лучшую научную работу.

Большой частью современные археологические исследования носят узко локальный или региональный характер: детальное изучение памятника или культуры, часто – одной категории находок в неких территориальных границах. Впервые после Монтелиуса и Чайлда бронзовый век рассмотрен как определенное единство, причем не просто по общим признакам (как большая ячейка классификации), а по критерию цельности, внутренним связям. Монтелиус связал разные регионы Евразии диффузией с Ближнего Востока. Чайлд добавил к этому странствующих ремесленников, которых он считал спецификой Европы, обусловившей ее превосходство в мире. Кристиансен и Ларсон пришли к заключению, что такие внутренние связи формировались дальними странствиями элиты, которые были отличительной чертой бронзового века, массовым явлением, основанным на социально-экономических особенностях того времени. У названия книги есть подзаголовок: “Путешествия, передачи и трансформации”. Символом эпохи для авторов стал Одиссей.

Кристиансен и Ларсон склонны связывать с отмеченной особенностью бронзового века также формирование обще-

индоевропейского (праиндоевропейского) языка, и этим их концепция противостоит концепции Ренфру, который относил данный процесс к значительно более раннему времени, связывая его с неолитизацией Европы в ходе диффузии с Востока. Авторы также отказываются и от другой идеи Ренфру (Renfrew, 1968) – отрыва бронзового века Северной и Западной Европы от Микен. Они вообще отвергают упрощенный выбор между диффузией и автохтонностью, диффузионизмом и функционализмом и предлагают более тонкий и детальный анализ процессов взаимодействия между центральным (исходным) очагом и периферией. Важным здесь является различие социальных слоев общества, потому что их участие в этих процессах было неодинаковым. Нащупывая важнейшие материальные символы эпохи, авторы стремятся увязать их с текстами устной традиции – мифологией и героическим эпосом, которые, будучи записаны в железном веке, тем не менее отражают ментальность бронзового века.

Предшествующий период, неолит, был охвачен аграрной идеологией оседлости, неподвижности, которая затем была восстановлена в раннем средневековье на основе социальной закрепленности крестьян за феодалами. А между ними, в бронзовом веке, элита была воодушевлена возможностью совершать подвиги в дальних странствиях. Эти идеи сложились на основе подвижного пастушеского скотоводства, производящего легко отчуждаемое богатство (скот), и стимулировались необходимостью добывать металлы для бронзового

оружия, орудий и украшений. Дух путешествий и приключений буквально обуял элиту бронзового века. Побывав в дальних странах (или происходя из дальней страны), воин, торговец и грабитель приобретал героический ореол, а полученные “за бугром” знания получали магическое оформление (странствия Гильгамеша, Одиссея, Менелая и др.). Мифологизация подобных представлений, материализованная в импортных вещах и предметах заимствованного стиля, превращалась в средство элиты придать святость своей возникавшей власти – так возвышались династии. “Мы не такие, как все, мы – другие”. Эта идеология быстро навязывалась и низам (концепцию “опущенного достоинства” Г. Наумана авторы не приводят, но могли бы). Для утверждения новой идеологии создавались новые боги, символы и этика.

Кристиансен и Ларсон связывают ее формирование с первобытной идеологией гостеприимства (заручение гостеприимцами в дальних странах) и с индоевропейской системой родства, при которой наибольшими покровителями юноши становятся его дядя по материнской линии (а мать часто происходила из дальнего рода). Такая система улучшала позиции юноши в конкуренции с братьями за отцовское наследство (и за власть), что особенно важно при наличии детей от нескольких жен. Но подобным образом создавались и опорные пункты для дальних странствий.

В результате связей элит на Ближнем Востоке формировалось единое для обширных территорий культурное койне и складывался очаг, который служил центром притяжения для более северных соседей, показывая им образцы престижных вещей и поведения и формируя их вожделения.

Я не стану перечислять археологические материалы, которыми авторы подтверждают свои выводы, все равно без приведения карт и сравнительных таблиц это не имеет смысла, а таких карт и таблиц в книге множество. Один пример: лишь в Египте встречается пустынная гадюка с рожками над глазами, там же во II и I тыс до н.э. она нередко изображалась. Одно бронзовое изображение рогатой змеи из Дании и двадцать в наскальных рисунках Швеции могут восходить только к египетскому источнику.

Настоящим шедевром интерпретации является анализ гробницы Кивик в Дании. Это могила крупного вождя нордического среднего бронзового века. Кратко перечислив оружие, украшения и инвентарь комплекса, Кристиансен и Ларсон ссылаются на его анализ в работе Рандсборга, написанной за 12 лет до них, и присоединяются к предложенной датировке (в диапазоне Монтелиус 2–3), хотя и сдвигают ее к более раннему краю диапазона. Для них главный интерес представляют не металлические изделия, а богатейшие росписи на камнях гробницы. Рандсборг выявил анатолийские аналогии, а Кристиансен и Ларсон выдвигают на первый план аналогии минойские. Топоры, вознесенные на стержнях по обе стороны от остроконечной шапки, какой у хеттов отмечались боги, напоминают геральдически расположенные двойные топоры (лабрисы) на конических колоннах минойцев. Расширенное лезвие двойного топора, пройдя из Микен через всю Европу, превращено в Кивике в двусpirальный мотив орнамента. Косидерские топоры Венгрии, с обухом в виде конической шапки с выпуклинами на полях, имеют очень близкие соответствия в бронзовых топорах из Скандинавии – и в изображенных на росписях в Кивике.

На кивикской плите процессия странно изогнутых S-видных существ, идущих к антропоморфной фигуре, действительно очень напоминает такую же процессию с тиринфской печати. Там эти фигуры, более четкие – со львиными головами и в длиннополых накидках – держат в лапах кувшины

для возлияний, а богиня, к которой они направляются, поднимает им навстречу ритон (потир). Подобные териоморфные изображения изредка встречаются на микенских предметах. Авторы книги почему-то не упоминают, что в них исследователи издавна видят божества, фигурирующие в угартских текстах как решеф. Их микенское название нам неизвестно. В Карфагене Решеф – бог грозы и небесного света, в Финикии – войны и бури, в Ханаане (Угарит) – войны и подземного мира. В Библие около 2800 г. до н.э. был возведен храм Решефа. У библейских евреев это демон, насылающий язвы и смерть; на его шлеме – рога газели. В Египте Решеф – верхнеегипетская корона с головой газели вместо урея. Повидимому, у воинственных микенцев голова газели была заменена львиной, а бог превратился в целую категорию демонов (подобно тому, как размножился кентавр, которому в Ригведе соответствует один Гандхарва). Эта категория демонов и привлекла северян – они пустили ее процессию двигаться на поклон к своему богу.

Учитывая изображения кораблей в Кивике и на многих наскальных композициях и густоту микенских и вообще иностранных образов в Кивике, авторы пришли к выводу об особом значении погребенного в рассматриваемой гробнице. Они считают его одним из крупнейших героев, команда которого аккумулировала опыт его дальних странствий в обогащении северной культуры многими новыми знаниями и умениями, собранными из разных стран.

Рассмотрев, в каких явлениях первобытная религия оседает в археологии, Кристиансен и Ларсон анализируют другие источники нашего знания о ней, главным образом устную традицию: мифы, сказки, священные гимны и особенно важный для познания ментальности бронзового века героический эпос. Авторы считают, что ирландские саги, Ригведа и Илиада с Одиссеем сформировались в основном в эпоху бронзы и дошли в хорошо сохранившемся виде до того времени, когда были записаны. Кстати, близость мифологических представлений центральноевропейского бронзового века именно к ведической религии можно подтвердить одной любопытной подробностью: в Ригведе колесница Ашвинов представляется трехколесной и с тремя сиденьями (по-видимому, для братьев и сестры). Именно так выглядят две глиняные модели повозки из Дуплье в Сербии (культура позднебронзового века Жуто Брдо) – трехколесные, запряженные тремя лебедями (с. 307, рис. 139б). Правда, в них один возница – мужчина, и его сопоставляют с Аполлоном, ездившим на повозке, запряженной лебедями, на север к гипербореям. Тип колесницы и запряжки, однако, ведический. Похож и ритон из Карпи – в виде повозки на трех колесах, но вместо птиц здесь головы быков.

В религии бронзового века, в частности в праиндоевропейской религии, авторы книги констатируют огромное значение симметричных структур и показывают большую роль парных богов и богинь – близнецовых. Разделение на ночь и день, верхний и нижний мир и т.д. находило выражение в парам божеств на минойском Крите и в индоевропейской Евразии. Митра – Варуна, божественные близнецы Ашвины у индоариев, Диоскуры у греков и т. п. должны отразиться в археологическом материале. И отражаются – в частых парных находках бронзовых топоров, скимитаров, труб и проч., в изображениях парных труб, коней и кораблей на плитах в Кивике и в наскальном искусстве. Это все ритуальные предметы, они попадаются в кладах, но никогда не встречаются в погребениях! Подобные явления фиксируются в Скандинавии с началом бронзового века в период 1700–1500 гг. до н.э. и исчезают с наступлением железного века.

Подробно рассмотрев хеттскую религию и констатировав в ней значительную роль культа солнца, авторы затем находят почитание солнца в верованиях нордического бронзового века. Правда, формы тут несколько иные – связанные с колесницей и конями. Считается, что повозка, запряженная конями, везет солнечный диск днем по небу, а затем ночью на корабле он возвращается по нижнему миру назад к восходу. Диск при этом ассоциируется с девицей, а повозкой управляют два брата-близнеца. В позднем бронзовом веке (1300–700 гг. до н.э.) коней заменяют водоплавающие птицы (лебеди). Фрагменты этого мифа встречаются в изображениях – наскальных и в виде моделей. Бронзовые фигурки севера по ряду параметров (высокие шапки, рога и др.) схожи с фигурками и изображениями хеттскими.

Реальностью, отраженной в рассмотренных представлениях (надстройке), Кристиансен и Ларсон как истые марксисты считают базисное явление – обычай двойного правления: два царя в Спарте, ванака и лавагете на Крите. Они могли бы привести в пример и двух консулов в Риме, и частое упоминание двух вождей в Каталоге кораблей в Илиаде – Аскалаф и Иялмен, Схелий и Эпистроф, Идоменей и Мерион, Фидипп и Антиф, Подалир и Махаон, Полипет и Леонтий, у троянцев Адраст и Амфион, Гипофоий и Пилей, Акамас и Пирос, Годий и Эпистроф, Хромий и Энномос, Форкис и Асканий, Аниф и Месфл, Амфимах и Настес, Сарпедон и Главк. Кристиансен и Ларсон отвергают трактовку двух мегаронов в микенском мире как помещений царя и царицы, относя их к ванаке и лавагете, и считают, что парное правление было нормой также у нордических индоевропейцев. В подтверждение они приводят длинное жилище с двумя очагами в апсидных помещениях по обе стороны от общего зала и парное погребение вождей. Одного они трактуют как царь-жреца, другого – как военного вождя.

К высказанным идеям исследователи присовокупляют очень тонкий анализ мечей. Здесь и в более ранних работах Кристиансена подмечены любопытные факты. Мечи четко делятся на две группы. Нордические экземпляры с массивной рукоятью, богато орнаментированные, известны только в Скандинавии. Производство их было индивидуальным. Образцы с восьмигранной и флангированной рукоятью (с кромкой по рукояти) встречаются в Европе гораздо более широко, причем восьмигранные изготовлены в одной мастерской. Из этого авторы делают вывод, что нордические мечи были местными для Ютландии, а остальные – иностранными. Но привозными или прибывшими при воинах? Только первые мечи, нордические, известны в комплексе с бритвой и ножницами, инструментарием северного воина для поддержания положенного облика. Вторые часто несут на себе следы боевого употребления (зазубрины) и подтачивания, а первые – почти никогда. Из этого авторы заключают, что иностранные мечи прибывали вместе с иностранными воинами. Они реконструируют картину странствующих воинов-профессионалов, приглашаемых для занятия высоких военных постов. Другая гипотеза – что местные военные вожди после возвращения из странствий поддерживали свой высокий статус, имитируя иностранное происхождение или, по крайней мере, причастность к иностранному образу жизни.

Кстати, в упомянутых парных погребениях “царь-жрец” имел местный, нордический меч, а “военный вождь” – меч иностранный, с кромкой по рукояти.

Железный век отменил экономическую необходимость в дальних путешествиях: железные руды были практически повсюду. Это изменило всю мировую ситуацию. Теократическая структура бронзового века с ее божественной приро-

дой власти рушилась. Установился новый, не столь иерархический порядок. Люди отделились от богов, вожди стали смертными героями. Вмешательству богов, оплачиваемому кровавыми жертвами, новые религии предпочли индивидуальное спасение, зависящее от человеческих деяний.

Внушительная картина, нарисованная Кристиансеном и Ларсоном, впечатляет и радует: давно уже в археологии не появлялось столь яркое и концептуальное произведение. Оно побуждает к размышлению, пересмотру многих устоявшихся положений. Книга заслуживает очень серьезного разбора. Ведь при несомненной талантливости и новизне, при всей фундированности построения авторов вызывают и некоторые сомнения.

Прежде всего, карты, подтверждающие данные о той или иной группировке типов, лежащих в основе ответственных выводов (а как мы видели, в книге построенных таким образом выводов много), приводятся без предварительной *внутренней критики источников*. Такая критика, предложенная в свое время Г.-Ю. Эггерсом и подхваченная в Дании именно К. Кристиансеном (Eggers, 1950; 1959. P. 258–270; Kristiansen, 1974; 1978; 1985; Клейн, 1978; 1995), в принципе должна выявить, не вызвана ли полученная группировка находок не их действительной концентрацией в древнем обществе на такой-то территории, а совсем другими факторами – распространением обычая класть или не класть определенные предметы в погребения, обследованностью территорий и т.п. Странно, что она в книге совершенно отсутствует.

Далее, использованные авторами *текстовые источники* реконструкции жизни в бронзовом веке очень неравнозначны в смысле аутентичности. И Ригведа, и Илиада с Одиссеем созданы, конечно, на рубеже бронзового и железного веков (записаны несколько позже), и в них, несомненно, отражена реальность эпохи бронзы. Но какой – поздней, развитой, ранней? Убежденность авторов, что в этих эпических произведениях обрисован глубокий бронзовый век (по их мнению, Илиада восходит, может быть, даже ко времени шахтных гробниц (с. 229)), представляется мне ошибочной. Если древнейшие песни Ригведы (не вся она) на деле восходят к третьей четверти II тыс. до н.э., а для отдельных мотивов можно предположить и более раннее происхождение, то с Илиадой дело обстоит иначе. Дотошный анализ археологических реалий, описанных в Илиаде, давно показал, что они представляют собой смесь разных эпох – от микенской (немногие!) до гомеровского времени (VIII–VII вв. до н.э.). То же касается и социальных отношений, и географических подробностей (Bowra, 1955; Carpenter, 1956. P. 27–29; Finley, 1957; 1979; Kirk, 1960; 1962. P. 282–287; Snodgrass, 1974; Whitley, 1991 и др.). Государства Илиады не уложить на одной карте – они накладываются друг на друга, потому что существовали неодновременно (Клейн, 2000). Жизнь гомеровских героев не есть отражение реальной жизни некой древней среды, это жизнь, искусственно созданная воображением певцов из реалий разных эпох – современных для них и застывших в фольклоре. Одиссея же моложе Илиады. Таким образом, проецировать жизнь гомеровских героев непосредственно на прошлое нельзя. Нужен предварительный анализ Илиады и Одиссеи как исторических источников и осторожное, фундированное вычленение разновременных (и древнейших) деталей картины.

Очень жаль, что в книге не использованы *русскоязычные публикации*. Сказался языковой барьер. Не владея, как и большинство археологов Европы, русским и другими славянскими языками, авторы книги вынуждены были в отношении Восточной Европы ограничиться только тем, что

оказалось опубликовано на европейских языках или переложено в работах немногих западных авторов. В результате от их внимания ускользнула статья А.А. Формозова (1970) о “танцующих человечках”, в которой анализируются именно проявления культа близнецов в археологии, столь важного для данной работы, и приводятся неизвестные Кристиансену и Ларсону восточноевропейские материалы. Да и ссылка на мои гомеровские штудии дана по устной лекции в Орхусе (Дания) на английском в 1998 г., потому что я до сих пор не сумел издать обе свои гомеровские монографии на английском или немецком языке. *Меа culpa!* Знакомство с полным текстом этих книг, возможно, устранило бы некоторые расхождения в подходе к гомеровскому эпосу (впрочем, и в западной литературе для этого есть достаточно информации).

С языковым барьером в какой-то мере связана и общая недооценка восточноевропейского бронзового века. “Истинная” бронза, сплав меди с оловом, появилась в Восточной Европе сравнительно поздно, только со срубно-андроновской культурой, с середины II тыс. до н.э., по новой хронологии – с рубежа II тыс. до н.э. или даже чуть раньше (Trifonov, 2004). Перед тем с Кавказа распространялась мышьяковистая бронза – сплав меди с мышьяком. Северокавказская и катакомбные культуры, в которых зафиксированы подобные металлические орудия и оружие (топоры, шилья, долота, ножи-кинжалы, булавки), по всем признакам относятся к бронзовому веку, а на Северном Кавказе количество такой бронзы в кладах и погребениях достигает внушительных величин. Между тем по новой хронологии северокавказская и катакомбные культуры заполняют все III тыс. до н.э.! Это существенно “искривляет” картину бронзового века, построенную Кристиансеном и Ларсоном. А если принять мою версию о катакомбной идентификации исходного очага индоариев (а не принятую авторами срубно-андроновскую), то изменится и намеченное сопряжение с языками, с индоевропейским этногенезом.

Основное положение книги – о *странствиях*, путешествиях воинов-торговцев как главном факторе формирования общностей эпохи бронзы – дискуссионно. Это явно естественное увлечение открывателей, натолкнувшихся на недооцененное исследователями явление. Оно, несомненно, играло важную роль в формировании элиты, и черты этого формирования выявлены авторами монографии очень талантливо. Но были ли то путешествия от гостеприимца к гостеприимцу, от родственника к родственнику, от собственника к собственнику? Возвращались ли из них герои с приобретенными знаниями и умениями, заимствованными у других народов? Возможно, изредка такие выдающиеся случаи бывали. Но, судя по всему, что мы знаем из этнографии об обществах примерно того же уровня развития, основные “интеракции народов” происходили по-другому. Это были прежде всего военные грабительские рейды с захватом скота и женщин. Подвиги героев описываются именно так. Полонянки могли принести какие-то элементы своей культуры в новую среду, но из-за подчиненного положения, малочисленности и разрозненности (привозились ведь из разных мест) они вряд ли оказывали существенное влияние на местные традиции.

Более значительные изменения происходили в результате миграций народов, если население, подвергшееся вторжению, не изгонялось или не истреблялось полностью. Тогда осуществлялись захват территорий, взятие данни, аккультурация местных или пришлых племен. Как мы знаем из археологии, лингвистики, антропологии и истории, такие масовые события в течение бронзового века происходили в Ев-

ропе неоднократно. Ни у кого не вызывает сомнения движение “народов моря” из Центральной Европы к Средиземному морю в XIII–XI вв. до н.э., с выплесками в Палестину и Египет, с сокрушением Трои и хеттской империи. Гораздо раньше в Грецию вторглись племена степного происхождения, вызвав смену среднеэлладской культуры микенской цивилизацией. Арии пришли в Митанни и Индию, иранцы в Иран, хетты в Анатолию и т.д. Многие народности одна за другой появились на Крите: при Гомере там звучало семь языков (Клейн, 1973), не сформировались же они все семь на небольшом острове!

Лингвистические соображения Кристиансена и Ларсона кажутся мне нереалистичными. Я могу представить, что в дальних странствиях герои обзавелись иноязычными словечками и привезли их домой вместе с вещами и представлениями; возможно, кто-то из них в очень долгом гостевании даже научился худо-бедно разговаривать на тамошнем языке. Но вот что от такого реэмигранта изменится местная речь, мне очень трудно вообразить. Для этого нужны массовые брачные контакты, переселения надолго значительных групп людей, миграции и аккультурации.

Совершенно нереальным представляется мне принятное авторами книги сопряжение бронзового века Европы с формированием праиндоевропейского языка. Даже если предположить, что многочисленные путешествия, странствия и дальние браки элиты перемешивали речь, то непреложным фактом является наличие самостоятельного индоарийского языка уже перед серединой II тыс. до н.э. в Митанни, хеттского – в начале II тыс. до н.э. в Анатолии, греческого же – в XIII в. до н.э. документированно, а по логике (учитывая преемственность микенской культуры) – с XVII в. до н.э. Если в первой половине II тыс. до н.э. выделенные индоевропейские языки уже существовали в столь удаленных друг от друга местах Евразии, то праиндоевропейский язык разделился никак не позже начала II тыс. до н.э., а скорее, значительно раньше, задолго до бронзового века. Формирование его проходило, по меньшей мере, в глубине неолита.

Важнейший компонент мифологии и археологии бронзового века по Кристиансену и Ларсону – *миф о солнечной деве и ее братьях-близнецах*. Имеется в виду представление о солнечном диске, воспринимаемом в виде девы, везомой ее братьями-близнецами днем в колеснице на (крылатых) конях по небу от восхода к закату, а затем ночью возвращаемой кораблем по подземному миру снова к восходу. Для авторов это основной индоевропейский миф, поскольку он воплощает симметрию и двуучастность, присущие космосу, и отражает двувершинную структуру власти обществ эпохи бронзы. Выявление связанных с этим элементов мифологии и археологических реалий – большая заслуга исследователей, но превращение данного компонента в основу мифологии бронзового века – тоже преувеличение.

Миф о солнечной деве и культе близнецов занимают сравнительно небольшое место в индоевропейской системе верований и в совокупности археологических изображений бронзового века. Авторы книги указывают, что северная мифология эпохи бронзы напоминает скорее ведическую, чем мифологию германцев железного века. Что ж, сонм ведических богов и богинь чрезвычайно велик (Дьяус, Митра, Варуна, Агни, Индра, Савитар, Сурья, Дакша, Пушан, Тваштри, Адити, Притхиви и т.д.), в этой религии подвигается также великое множество полубогов, демонов и духов (марты, гандхарвы, апсары, ракшасы и т.д.). О каждой категории – свои мифы. Ашвины с Сурьей не выделяются особо. Сходная система богов и богинь (часто с родственными име-

нами) известна у греков, и там тоже Диоскуры с Еленой не являются центральным звеном. Какую долю среди тысяч наскальных изображений бронзового века составляют Божественные Близнецы, авторы книги не подсчитывают.

Парного вообще в мифологии и быту было немало, и не все это связано с Божественными Близнецами. Парными обычно оказываются змеи в первобытных захоронениях, парными были собаки в загробном мире у Ямы – и в погребениях, в бою древнегреческий воин имел два копья, два колеса было у колесницы, два псалия у лошади. В конце концов, у человека две руки, две ноги, два уха и два глаза. Пару составляют муж и жена, отец и мать. Не случайно двойственное число вошло в индоевропейский прайзык (тройственно нет, несмотря на священность числа три). Бинарные оппозиции – в природе первобытного мышления. Что первоначально: пара быков в повозке, пара лошадей в колеснице или мысль о них как о воплощении Божественных Близнецов? Вполне могли две луры и не быть связанными с близнецами.

Параллель между мифологией двойичности и парным (двоевластным) управлением устанавливается не очень строго. Все гладко, пока вопрос решается на самом общем уровне – симметрии, двойичности. Но стоит детализировать параллели, и единство едва ли не рушится.

Мифологические Ашвины, как и Диоскуры, совершенно равноправны, везут солнце вместе и в этом смысле действительно сопоставимы с двумя царями Спарты. Божественные же близнецы на археологических изображениях, как показал Формозов (1970), борются друг с другом, выражая злое и добре начало. Каин и Авель, Ромул и Рем – один гибнет. Никакой аллюзии с апологией парного правления!

Далее, спартанские цари – редкая традиция разделения власти, едва ли не единственная. Обычно же, если в древности власть делится надвое, то как в микенском государстве: верховный жрец и полководец, ванака и лавагета. Каждый старшинствует в своей области, а в общем в одних государствах первосвященник выше (ванака над лавагетой), в других – военный царь выше жрецов. Возможно и равновесие. Похоже раздelenо управление космосом между Митрой и Варуной, которые вместе зовутся дванда (пара, двойнята), но о которых ничего не известно как о близнецах. Митра был благим богом дня, дружбы и покоя (от него иранское Михр и русское Мир), Варуна же – всеведущим и грозным богом ночи и океанских вод, он связан с мрачными силами тьмы. Оба они именуются “царями” или “вождями”, но владение магией и карание за грехи приписывается Варуне (отражение жреческой роли), а Митра покровительствует договорам. При этом, осуществляя юридическую функцию, он в ведических гимнах не имеет военной. Аналогичной функциональной двойичности нет в греческой мифологии, которая, казалось бы, ближе к микенской социальной структуре. В индийских же обществах не наблюдалось ни того двоецарства, что в Спарте, ни разделения власти между царем и первосвященником.

Затруднения представляет и пол парных фигур. В индийской мифологии есть примеры разнополых близнецов (Яма и Ями, его сестра), это близко распространенному во многих религиях мифу о творении первочеловека и женщины для него. А в греческом искусстве имеются парные фигуры одного пола, мало похожие на близнецов. Таковы микенские изображения двух женщин на одной колеснице (рис. 115). Две женщины на одном троне известны в трипольской культуре (находки из Коновки и Липкан); их иногда ассоциируют с греческими Деметрой и Корой (Енциклопедія, 2004. Т. 1. С. 393, 394. Рис. на с. 379 и 393). Пара же женщин в специфи-

ческой колесничной ситуации всего более напоминает известный мотив “Илиады” – Гера и Афина на одной колеснице. Близнецами эти богини никогда не считались (одна – супруга Зевса, другая – его, но не ее дочь), они лишь союзницы в управлении боем. Микенские картины написаны задолго до “Илиады” и даже до предполагаемого времени Троянской войны. Вероятно, богини были издавна по какой-то политической или экономической причине соединены в посвященных им храмах, оттого и объединялись на одной колеснице в мифах.

А ведь есть еще и хеттская традиция разделения власти между царем и царицей. Почему же ее не восприняли северные европейцы? И действительно ли не восприняли? Имели ли разделение в больших домах половое значение, нужно выяснить специально. В любом случае пока это очень редкий пример в археологии бронзового века Севера, а не правило.

Вся система заимствований образов и типов с юга и востока, столь ярко представленная в книге, построена на презумпции одновременности обоих очагов – исходного и конечного – или на их смыкании, близком соседстве во времени. Все в общем происходило во II тыс. до н.э., третье тысячелетие – лишь прелюдия. Но эта презумпция способна ввести в заблуждение. Нам известны случаи, когда заимствованный тип вещи или явления отделен от источника огромным интервалом времени. Источник оказывается не в том же и не в соседнем тысячелетии, а на два-три тысячелетия раньше. Передается не вещь, а тип, т.е. идея. Каков был механизм ее сохранения, нам непонятно, но заимствование или, по крайней мере, родство образов несомненно. Вероятно, идея прошла через период латентного существования и реализовалась снова. О возможности такого периода, но в рамках одного тысячелетия, пишут и авторы (с. 96). А почему не предположить более широкие возможности?

Сами же исследователи проводят сближение Аркаима в Приуралье с Демирчи-гююк в Анатолии. Демирчи-гююк, собственно, выглядит как центральная часть городища Аркаим без периферийного круга – Аркаим, так сказать, развивает идею Демирчи-гююк. Но первый памятник датируется второй четвертью II тыс. до н.э., а второй – концом III тыс. до н.э. Между ними по прямой несколько тысяч километров и полтысячелетия.

Есть и гораздо более разительные примеры. На вилах новосвободненской культуры (3600/3500–3200 гг. до н.э.) изображены те же два борющихся человечка, что и на энеолитических стелах Причерноморья, и на анализируемых в книге изображениях бронзового века северной Европы. Это все тот же куль близнецов, но в IV тысячелетии!

В железном веке у иранцев (I тыс. до н.э.–I тыс. н.э.) был широко распространен своеобразный способ погребения, при котором мертвых выставляли в башнях молчания, где собаки и птицы должны обговаривать плоть с костями. Считалось, что они унесут души умерших для их вселения в новые тела. Такая погребальная традиция со всей полнотой и точностью воспроизведена на стенах храмов Чатал-гююка (Mellaart, 1967), в VI–VII тыс. до н.э.! Там есть все, что характеризует данный обряд: башни с лестницами, мертвые тела на них, грифы, клюющие мертвых, души в виде бабочек в их внутренностях, затем беременные женщины, которым грифы отдают эти души. Между исходным и конечным очагами не менее пяти тысяч лет! Можно предположительно наметить некоторые звенья цепочки передачи. В “Илиаде” неоднократны упоминания собак и птиц, которые обговаривают покойников – недостойный, по суждениям гомеровских героев,

способ погребения. Но он существовал в их прошлом, коль скоро есть в их памяти. Еще глубже – ряд культур расписной керамики V–IV тыс. до н.э., включая трипольскую, для которой погребения практически неизвестны. По-видимому, там и практиковалось выставление покойников. Кстати, на трипольских сосудах нередки изображения собак.

В свое время я исходил из той же, так сказать, “презумпции скобок” – соединения исходного и конечного очагов заимствования одним (пусть и большим) периодом времени, синхронизируя их (разумеется, с признанием исходного очага чуть раньше конечного). Была построена большая сравнительная таблица, на которой многим вещам балкано-карпатского энеолита приводились соответствия в колонке Трои и Эгейского мира – по короткой хронологии. Я подобрал изысканные, очень хорошие и точные аналогии и опубликовал работу (предварительное сообщение), которая подтверждала и детализировала короткую хронологию (Клейн, 1965). Так же обосновывалась абсолютная дата Карбунского клада (Клейн, 1968). Результаты радиоуглеродных датировок и соответствующее им заполнение лакун между регионами сдвинули исходный очаг на полторы тысячи лет в глубь времен. А аналогии остались точными! Я опубликовал эту таблицу в “Археологической типологии” как горький урок (Клейн, 1991. С. 12. Рис. 1). Кажется, есть над чем подумать и в случае с проверкой источников заимствований для северного бронзового века.

И, конечно, жаль, что авторы совершенно не предусматривают другую возможность: не заимствование, не трансмиссию, не передачу идеи, а родство, общее происхождение вещей в результате миграций и передвижений. Филиация праиндоевропейского языка и широкое расселение индоевропейцев по Евразии заставляют отвести этой возможности, по крайней мере, заметное место.

Обратимся к более частным вопросам.

Кристиансен и Ларсон не разделяют убеждение Литауэр и Кроувелла, что колесницы европеев бронзового века не использовались в боевых действиях, а служили исключительно для ристаний и торжественных выездов в ритуалах (с. 179). Литауэр и Кроувелл утверждают, что их площадки слишком узки для возничего и стрелка, а природный ландшафт, за исключением специально расчищенных пространств, был непроходим для колесниц. Авторы рецензируемой книги отрицают это – и площадка широка, и степи проходимы, и сеть дорог существовала. Но Литауэр и Кроувелл не одиноки. Многие исследователи приходятся к заключению, что реально колесницы в бою использовались лишь в древневосточных государствах. В Европе же бронзового века имела место иная ситуация. Много повозок, включая двухколесные, находят в могилах ямной и катакомбных культур. Они – на сплошных дисковидных колесах и запрягались волами, управляемыми стрекалом (см.: Häusler, 1992; 1994). Участие их в бою невероятно, а в ритуалах – доказано; кроме того, они, конечно, были символом престижа.

Колесницы на облегченных колесах со спицами появляются в степной полосе впервые в синташинской и родственных ей культурах. Они запрягались конями и управлялись узой (найдены псалии). Участие их в ритуалах также доказано (по крайней мере, в погребальных) и продолжает степную традицию. Использование же их в боевых действиях нужно обосновывать отдельно. Боги в Ригведе сражаются с колесницами, но данный сюжет может отражать более поздний пласт представлений, а кроме того, божеству естественно сражаться так, потому что индийские боги, да и цари, воспринимались вознесенными ритуальной колесницей над людьми. В

“Илиаде” же герои только подъезжают к полю боя на колеснице, а для боя спешиваются. Думать, что на колеснице, предназначеннной для ристаний, можно свободно ездить по степи, может только человек, никогда там не бывавший. Сеть дорог вряд ли была гуще современной, для боя же нужен строй колесниц, свободно развертываемый, а не колонна, тянущаяся гуськом по дороге. Ф. Баллонов напомнил мне, что в сражении при Гавгамелах персидский полководец приказал ночью убирать камни с поля предстоящего боя, чтобы колесницы не перевернулись.

Если бы сходство микенских шахтных гробниц и толосов с синташинскими можно было рассматривать на столь же общем уровне, как остальные серии аналогий, несомненно, Кристиансен и Ларсон бы удовлетворились обычной трактовкой: периферийные культуры (Синташта) получили мощный импульс из культур центральных (Микены). Однако для Синташты и родственных памятников ныне существуют детальные разработки Кузьминой, Владара и Бартонека, Сильвии Пеннер и др. Учитывая их, авторы книги предложили две гипотезы (с. 185). Согласно первой, комплекс колесничной езды сформировался в культурах типа синташинской в степях и оттуда распространился посредством торговли конями и обучения ремеслу на юго-запад вплоть до Микен и хеттского царства. Этую гипотезу авторы считают доказанной. Вторая подразумевает миграцию степняков в Микены и на Крит, а затем соединение с гиксосами в Египте. Этую версию (точнее, ее первую часть, без гиксосской добавки) подтверждают приведенные Пеннер факты: в микенской культуре ощущим разрыв со среднегреческой по ряду традиций, а антропологически мужчины, погребенные в шахтных гробницах Микен, отличаются от местного населения и захороненных в тех же гробницах женщин и схожи с северным, степным населением. Данную гипотезу Кристиансен и Ларсон считают возможной, но требующей дополнительных доказательств.

Я бы распределил акценты противоположным образом. Коль скоро колесса и повозки возникли определенно на Ближнем Востоке (это установлено давно и не вызывает сомнений), да и военная функция повозок (как боевых колесниц) также связана с армиями восточных государств, а для степей в эпоху бронзы не доказана, сомнительно их распространение из приуральского очага. В степях второй четверти II тыс. до н.э. колесницы, несомненно, служили для возвышения знати и использовались в ритуальных процессиях, для обрядовых ристаний, т.е. были средствами престижа. А символы престижа распространялись из южных городских цивилизаций на варварские окраины, а не наоборот. Так что первая гипотеза очень сомнительна.

Движение, миграция с севера на юг более вероятна. Мы знаем, что варвары всегда стремились проникнуть в благодатные южные страны и захватить их богатства: земли, скот, металлы, сокровища. Элитный конно-колесничный культурный комплекс един лишь на первый взгляд. Карта распространения псалиев, приведенная самими авторами книги (рис. 79), опровергает это единство. Первый тип изделий (роговидные) охватывает Анатолию и Кавказ, а на Пелопоннесе есть только одна такая находка. Второй тип (дисковидные) заполняет степи от Зауралья до Венгрии – он-то и есть в Микенах. Третий тип (колесовидные) охватывает все Пондунавье и правобережную Украину. Три типа псалиев, три их ареала свидетельствуют, что формирование рассматриваемого комплекса проходило в разных регионах по-разному, и Микены оказываются крайним южным пунктом степного ареала, явно не исходным. Весь массив находок – в степях. В

этом контексте можно подумать и о том, не являются ли ми-кенские шахтные гробницы и толосы развитием синташтин-ских. Сами ли синташтинцы передвинулись на Пелопоннес, или какая-то из родственных им более западных культур, и кем были мигранты – ариями, как предполагает Березан-ская, фракийцами или кем-то еще, неясно. Можно найти аргументы для каждой из предложенных трактовок.

Высказанные сомнения никак не умаляют значения представленной Кристиансеном и Ларсоном великолепной книги. Просто ее не нужно считать завершением некой большой темы. Наоборот, это инициаторское произведение, прорыв к новому направлению в изучении бронзового века, а в такой работе поиски и смелые идеи непременно предполагают, что будут приведены и не вполне доказанные положения, гипотезы, вопросы, концепции, обмен мнениями. Поэтому высказанные мною соображения не нужно рассматривать как упреки. Это скорее размышления о дальнейших путях проверки и развития того, что авторы столь щедро и талантливо выдали на-гора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Енциклопедія трипільської цивілізації. В двох томах.
Клейн Л.С. К сравнительной стратиграфии эгейских и дунай-ских теллей // Вест. ЛГУ. 1965. Вып. 20.
Клейн Л.С. О дате Карбунского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968.
Клейн Л.С. Кипр и Крит в “Археологии мира” // ВДИ. 1973. № 3.
Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978 (расшир. изд. СПб.; Фарн, 1995).
Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
Клейн Л.С. Каталог кораблей: структура и стратиграфия // Stratum plus. 2000. № 3.
Формозов А.А. Эпический сюжет в причерноморском искус-стве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123.
Bowra M. Homer and his forruners. Edinburgh, 1955.
Carpenter R. Folk tale. Fiction and saga in the Homeric epics. Ber-keley, 1956.

Санкт-Петербургский государственный университет

- Eggers H.J.* Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühge-schichte / Hrsg, Kirchner H. Ur-und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Festschrift zum 60. Geburtstag von Ernst Wahle. Heidelberg, 1950.
Eggers H.J. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.
Finley M.I. Mycenae and Homer: property and tenure // Historia. 1957. № 6.
Finley M.I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1979.
Häusler A. Der Ursprung des Wagens in der Diskussion der Gegen-wart // Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland. № 15. Oldenburg, 1992.
Häusler A. Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa // Hrsg. Hänsel B., Zimmer St. Die Indo-germanen und das Pferd. Budapest, 1994.
Kirk G.S. Objective dating criteria in Homer // Museum Helveti-cum. 1960. 17 (4).
Kirk G.S. The songs of Homer. Cambridge, 1962.
Kristiansen K. En kilderkritisk analyse af depotfund fra Denmark yngre bronzealder (periode IV–V). Et bidrag til den archaolo-giske kyldekritik // Aarbøger Nordisk Oldkyndighed Historie. 1974.
Kristiansen K. The application of source criticism to archaeology // Nordisk Archaeol. review. 1978. 11 (1).
Kristiansen K. (ed.). Archaeological formation processes: the repre-sentativity of archaeological remains from Danish prehistory. Copenhagen, 1985.
Kristiansen K., Larsson Th.B. The rise of Bronze Age society. Travels, transmission and transformation. Cambridge et al., 2005 (repr. 2007).
Mellaart J. Çatal-Hüyük. A neolithic town in Anatolia. L., 1967.
Renfrew C. Wessex without Mecenae // Annual British School ar-chaeol. Athens. 1968. № 63.
Snodgrass A.M. An historical Homeric society? // J. Hellenic Studies. 1974. 94.
Trifonov V. Die Majkop-Kultur und die ersten Wagen in der südrus-sischen Steppe // Hrsg Fansa M., Burmeister St. Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, 2004.
Whitley J. Social diversity in Dark Age Greece // Annual British School Archaeol. Athens. 1991. № 86.

Л.С. Клейн

МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЗАПАДНЫХ ТЮРОК ЖЕТЫСУ

**Досымбаева Айман. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие
казахской степи. Алматы, 2006. 168 с.**

Поминальные оградки с каменными изваяниями и стелами относятся к числу наиболее распространенных памятников культуры древних тюрок. В поле зрения ученых такие памятники попали еще в XVIII–XIX вв. В первую очередь исследователей привлекали скульптуры, изображающие людей, – “каменные бабы”. Благодаря усилиям многих археологов к настоящему времени создано несколько сводок древних и средневековых каменных изваяний, исследованных в степном поясе Евразии. В отличие от скульптур поминальные сооружения изучены по всей территории их распространения весьма неравномерно и далеко не в полной мере.

Казахстан – одна из стран Центральной Азии, на территории которой сосредоточено большое количество древнетюркских и кыпчакских поминальных комплексов и святи-

лищ с каменными изваяниями. С 1960-х годов эти памятники целенаправленно исследовались археологами из Санкт-Петербурга, Москвы, Кемерово, Алматы, Усть-Каменогорска, а также других научных центров. Они были выявлены и изучены в Семиречье, Центральном и Восточном Казахстане. Были изданы книга и серия статей Я.А. Шера, А.А. Чарикова, Э.А. Новгородовой, в которых охарактеризованы разные типы каменных изваяний и раскопанных поминальных комплексов (Шер, 1966; Чариков, 1976. С. 153–165; Новгородова, 1989. С. 136–176). В 2004 г. была опубликована монография Л.Н. Ермоленко, в которой автор обобщила результаты своих многолетних исследований каменных изваяний казахстанских степей. Основное содержание этой книги по-

священо анализу иконографии изображений на каменных статуях (Ермоленко, 2004).

В последние годы важным направлением в рамках данной темы стали работы по комплексному изучению средневековых святилищ на местонахождениях Мерке и Жайсан, проводимые А.М. Досымбаевой. В 2002 г. ею была опубликована книга, посвященная анализу комплекса памятников Мерке (2002). Итогом всех лет исследований на обоих святилищах стала обобщающая монография, заслуживающая внимания специалистов по изучению культур средневековыхnomадов Центральной Азии не только в Казахстане, но и в России и других странах, в которых уделяется внимание проблемам культуры древних тюрок (Досымбаева, 2006).

В этой прекрасно изданной, снабженной богатым иллюстративным материалом (в том числе выразительными цветными иллюстрациями) книге значительное место удалено необходимости сохранения культурного наследия степных кочевнических культур на территории Казахстана и перспективам его использования в рекреационной деятельности. Не приходится сомневаться, что решение таких задач имеет исключительно важное значение как для сферы культуры, так и для научного осмысливания археологических памятников, в том числе поминальных и культовых комплексов средневековых nomадов. Отрадно, что археологи Казахстана уделяют этим важнейшим проблемам столь пристальное внимание. Призываю сохранять святилища Мерке и Жайсан, А.М. Досымбаева ссылается на казахстанские и международные законодательные положения, в том числе на закон об охране и использовании историко-культурного наследия, принятый в Казахстане в 1992 г., и официальные документы ЮНЕСКО и Совета Европы (Досымбаева, 2006. С. 9–11). Думается, что подобные напоминания и ссылки на юридические обоснования в данном случае вполне уместны. Правда, на наш взгляд, было бы правильнее оценить историко-культурное значение изученных на территории Жетысу поминальных комплексов и возможности их использования для целей познавательного туризма, воспитания подрастающего поколения и просвещения всего населения в заключительной части книги, после изложения основных результатов исследования, описания и систематизации раскопанных поминальных памятников и каменных изваяний, определения их хронологии и культурной принадлежности и реконструкции совершившихся на этих святилищах ритуальных действий.

Значительный раздел в рецензируемой монографии посвящен характеристике обследованных и частично раскопанных поминальных и некоторых погребальных комплексов на местонахождениях Жайсан и Мерке. Судя по карте, в первое святилище объединены три достаточно удаленных друг от друга и различных по количеству и составу объектов скопления оградок и курганов. А.М. Досымбаева отмечает особенности взаимного расположения погребальных и поминальных памятников, формирующих выделенные ею 27 комплексов. Согласно ее наблюдениям, поминальные оградки средневековых nomадов возводились, как правило, к востоку от курганов. Основой всех поминальных сооружений, обнаруженных на святилище Жайсан, служат сходные по конструкции четырехугольные оградки, составленные из каменных плит или крупных камней, установленных на одну из узких граней. Зафиксированы одиночные, двойные, тройные оградки, а также объекты с большим количеством оградок, разделенных между собой вертикально установленными каменными стенками. Ряды их ориентированы по направлению север–юг. Пространство внутри оградок заполнено камнями. На некоторых исследованных памятниках находи-

лись каменные изваяния и стелы с тамгами. Стелы были установлены в центре или с восточной стороны от оградок. Ряд объектов был раскопан А.М. Досымбаевой. В общей сложности исследовано раскопками более двух десятков оградок и пять курганов на восьми памятниках. Найдены в оградках немногочисленны. Были встречены череп лошади, трехлопастной и плоский железные наконечники стрел, а также фрагмент панцирной пластинки. Эти вещи с учетом изображений на некоторых тщательно проработанных каменных изваяниях не противоречат датировке памятников эпохой раннего средневековья и указывают на их принадлежность культуре древних тюрок (Досымбаева, 2006. С. 25–29).

Исследовательница выделяет среди оградок святилища Жайсан несколько групп объектов в соответствии с их конструктивными особенностями. Оказалось, что в составе многих поминальных комплексов присутствуют оградки, относящиеся к разным типам, в то время как однотипные зафиксированы на различных памятниках. Особый интерес среди исследованных объектов представляет одиночная оградка Жайсан 24. Судя по краткому описанию, стены ее были составлены из нескольких десятков вертикально установленных плит, а по площади (6 × 6.2 м) она заметно превосходит обычные оградки западных тюрок. А.М. Досымбаева отметила определенное сходство данного объекта с комплексом Ян-Гобо из Горного Алтая и предложила выделить его в особый тип памятников, который она включает в число поминальников знатных тюркских nomадов (2006. С. 30). Если в результате раскопок это предположение найдет подтверждение, можно будет утверждать, что в Семиречье обнаружено поминальное сооружение знати западных тюрок.

Автор книги отметила некоторые особенности, отличающие поминальные памятники западных и восточных тюрок. Она считает одной из таких особенностей установку парных изваяний, изображающих мужчину и женщину, у одной и той же оградки. Действительно, в отличие от западных тюрок для их восточных сородичей, кок-тюрок, женские изваяния были мало характерны. Тем не менее случаи совместного расположения мужских и женских изваяний на одном и том же комплексе у них известны. К числу таковых относятся памятники знати в Монголии и Туве (Войтов, 1996. С. 110, 111). Другой своеобразной чертой поминальной обрядности западных тюрок А.М. Досымбаева считает отсутствие каменных столбиков – балбалов. Балбалы на западнотюркских памятниках действительно пока не обнаружены, хотя традиция их установки существовала в период Первого Тюркского каганата, владения которого простирались и в Семиречье. Исследовательница довольно неожиданно объясняет отсутствие балбалов тем, что они могли служить коновязьми столбами, присоединяясь тем самым к точке зрения В.Д. Кубарева, которая ранее уже подвергалась обстоятельной критике (Кубарев, 1984. С. 69; Войтов, 1996. С. 85). В качестве аргумента в пользу этого предположения она указывает на “одиночный каменный столб высотой 1 м, вбитый между цепочкой оград и погребальными курганами на памятнике Жайсан 1” (Досымбаева, 2006. С. 30). Думается, что такая аргументация достаточно уязвима. Для обоснования своего предположения автору книги нужно было прежде всего показать принадлежность рассматриваемого столба к отстоявшему на определенное расстояние от него поминальному комплексу. Само по себе расположение одиночной каменной стелы между оградками и курганами еще не дает оснований относить ее к поминальному сооружению. Довольно странным представляется вывод исследовательницы о том, что если балбалы – это “знаки, символизирующие характер социальных отношений в тюркском обществе и социальные

привилегии отдельных его представителей”, то население, создававшее поминальные комплексы Жайсан, “не обладало некоторыми из них” (Досымбаева, 2006. С. 31). Такое повальное “отсутствие привилегий” среди западных тюрок по меньшей мере сомнительно. Более вероятной представляется версия, что сам характер поминальной обрядности у западных тюрок имел определенные отличия от обрядов тюрок восточных.

Много внимания уделено А.М. Досымбаевой описанию каменных изваяний, изученных в составе святилища Жайсан. Ею подчеркнуты стилистические особенности различных типов скульптур, выделены характерные для них черты лица, украшения, детали одежды, наборные пояса, клиновое оружие, сосуды. Среди статуй, исследованных на этом местонахождении, большая часть изображала мужчин. Женские изваяния были зафиксированы у оградок разных типов. По мнению исследовательницы, они имеют стилистические отличия от мужских. Она считает, что женские статуи более грацильны, очертания фигур передают округлость форм нижней части туловища, головы, овала лица и головного убора. У некоторых скульптур выделены женские груди и живот (Досымбаева, 2006. С. 35). К числу поминальных объектов, созданных в честь древнетюркских женщин, автор книги отнесла и некоторые необработанные стелы, например такие, что были установлены в центре оградок, с восточной стороны которых находились изваяния, изображающие женщин.

Довольно неожиданным является утверждение А.М. Досымбаевой, что “наиболее ярким и примечательным мемориалом” в рамках всего святилища можно считать поминальный комплекс Жайсан 14, состоящий из трех сравнительно небольших по площади оградок, с восточной стороны которых находились два мужских и одно женское изваяние. В процессе раскопок этого “мемориала” была обнаружена единственная находка – железный черешковый наконечник стрелы с трехлопастным пером удлиненно-ромбических очертаний. Из трех скульптур, зафиксированных на данном комплексе, две выполнены довольно схематично, и только одна была достаточно детальной, с тщательной проработкой всех основных реалий. Чувствуется, что над ее изготовлением работал талантливый и, видимо, опытный древнетюркский ваятель (Досымбаева, 2006. С. 36. Рис. 9, 2–5; 9а). Трудно согласиться с утверждением исследовательницы о том, что кинжал, подвешенный к поясу человека, изваянного для совершения поминального ритуала на комплексе Жайсан 14, “не имеет отношения к теме воинства и является атрибутом служителя культа” (Досымбаева, 2006. С. 40). На рисунке этой статуи показан тщательно проработанный кинжал с изогнутым клинком, вложенным в ножны с двумя петлями для подвешивания к поясу. У него прямое, напускное, с выступом в сторону рукояти, перекрестье. Рукоять изогнута под тупым углом по отношению к продольной оси клинка. Со стороны хвата ладонью она изображена ребристой. Ее венчает невысокое навершие с окантовкой. Наличие перекрестья и ребристой рукояти совершенно очевидно показывает, что данный кинжал использовался для нанесения колющих ударов противнику. Ребристость служила для более прочного хвата рукояти ладонью, а перекрестье – для предохранения руки от соскальзывания на лезвие при ударе. Подобные кинжалы изображены на многих изваяниях древнетюркских воинов, иногда в сочетании с палашами или саблями, по всей территории Центральной Азии (Худяков, 1986. С. 156).

В итоге проведенного типологического анализа поминальных сооружений Жайсан А.М. Досымбаева пришла к заключению о том, что они имеют большое сходство с поминальными оградками восточных тюрок на Алтае и в Туве, а рассмотренные типы статуй распространены повсеместно на территории центрально-азиатских степей и “характеризуют разные виды средневековой тюркской скульптуры” (Досымбаева, 2006. С. 33). В то же время она отмечает и несомненные различия в поминальной обрядности западных и восточных тюрок, которые, с ее точки зрения, обусловлены высоким социальным статусом женщин в западнотюркском обществе. Этот “высокий статус”, по мнению исследовательницы, подтверждает редкая находка железного трехлопастного наконечника стрелы в оградке комплекса Жайсан 14, с восточной стороны от которой находилось женское изваяние. Данную находку А.М. Досымбаева объясняет принадлежностью западных тюрок к “народу десяти стрел, исконно населявшему земли в бассейне реки Чу. Присутствие стрелы в женской ограде, видимо, является одним из знаков/символов идеологического комплекса” (Досымбаева, 2006. С. 42, 43). Вряд ли социальный статус женщин у западных и восточных тюрок различался настолько существенно, чтобы это выражалось в особенностях поминальной обрядности. Другое дело, что такая обрядность у восточных тюрок имела более выраженную воинскую идеологическую направленность, в то время как у западных она была связана с культом почитания предков и по мужской, и по женской линиям.

А.М. Досымбаева предполагает, что некоторые персонажи в трехрогих головных уборах на каменных изваяниях Жайсана могли изображать мужчин – жрецов или шаманов. Эти головные уборы она сравнивает с изображениями драконов на навершиях памятных стел на поминальных комплексах древнетюркской знати в Монголии (Досымбаева, 2006. С. 45, 46). Подобные сравнения трудно назвать удачными, поскольку хорошо известно, что драконовидные навершия на стелах соответствуют канонам китайского императорского культа и никак не связаны ни с шаманизмом, ни с трехрогими головными уборами.

Результаты раскопок практически полностью разграбленных курганов в составе комплексов Жайсан 1, 2 и 4 оказались неутешительны. На памятнике Жайсан 10 был исследован каменный курган, под насыпью которого обнаружена могильная яма, перекрытая деревянными плашками и камышом. В ней находилось потревоженное парное захоронение по обряду ингумации. При погребенных зафиксированы керамический сосуд и золотой перстень. К сожалению, план погребения и находки, весьма важные для определения хронологии и культурной принадлежности данного комплекса, в книге не приведены. Говоря о времени функционирования поминальных объектов Жайсана, автор книги определяет его в пределах VII–VIII вв. (Досымбаева, 2006. С. 51).

Раздел о памятниках святилища Жайсан завершается кратким описанием наскальных рисунков и тамг, обнаруженных в виде нескольких скоплений на обследуемой территории. А.М. Досымбаева отмечает, что они создавались в разные эпохи, начиная с бронзового века и до этнографической современности (2006. С. 52). По ее мнению, о хронологии рисунков судить трудно, хотя создается впечатление, что изображения оленей “даны только в общем контексте святилища в целом”, а “изогнутость тетивы луков у всадников” дает основания судить о них как о средневековых (Досымбаева, 2006. С. 53). На наш взгляд, предложенной аргументации недостаточно для того, чтобы определять хронологию и культурную принадлежность опубликованных рисунков и

связывать их с расположеными поблизости поминальными комплексами. На скальных поверхностях и каменных стелах, обследованных в местности Жайсан, исследовательницей отмечены тамги, часть которых находит аналогии среди казахских тамг Старшего Жуза. А.М. Досымбаева считает их присутствие на памятниках разных типов “весьма полезным для решения вопросов этнокультурной интерпретации мемориальных комплексов долины реки Чу” (2006. С. 54, 55). По нашему мнению, то обстоятельство, что в период этнографической современности казахи наносили свои тамги на скалы с рисунками и каменные стелы, особой пользы для определения этнокультурной принадлежности рассматриваемых памятников не несет.

Следующий раздел книги посвящен интерпретации культовых комплексов святилища Мерке. Поскольку они были достаточно подробно охарактеризованы в вышедшей ранее монографии, в данном разделе привлечены для анализа результаты исследований последних лет, а также выделены некоторые особенности, различающие святилища Мерке и Жайсан. По наблюдениям А.М. Досымбаевой, в Мерке преобладают каменные курганы, в насыпях которых были установлены изваяния, хотя встречаются также оградки с каменными статуями. На площади этого святилища ею зафиксированы каменные валуны с лунками, на которых выбиты тамги, а на одном валуне нанесена руническая надпись. А.М. Досымбаева считает их культовыми “алтарами”. На скальных выходах в долине р. Тогансай обнаружены петроглифы. Все эти памятники, по мнению автора книги, относятся к святилищу, которое в эпоху раннего средневековья соответствовало “сакральному центру тюрков Мын Булак” (Досымбаева, 2006. С. 87). Как справедливо подчеркивает исследовательница, культовые конструкции в виде каменных курганов с изваяниями, расположенными в центральной части насыпей, исследованные на святилище Мерке, характерны для степей Казахстана и Восточной Европы. Для этой группы памятников наблюдается “типологическая близость иконографии скульптур”, установленных на курганах (Досымбаева, 2006. С. 91). При описании каменных изваяний А.М. Досымбаева обратила внимание на форму изображенных сосудов, головных уборов, украшений, на изображение черт лица и положения рук, держащих сосуд. Она считает, что каменные монолиты, из которых изготавливались статуи, подбирались не только по форме, но и по цвету породы (Досымбаева, 2006. С. 95). Курганы с установленными на них каменными изваяниями, которые многие исследователи связывали с культурой кыпчаков на территории Казахстана, а в Восточной Европе – с половцами, автор книги относит к культуре западных тюрков (Досымбаева, 2006. С. 101). На наш взгляд, для того, чтобы датировать подобные комплексы эпохой Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов, необходимо привести соответствующие аргументы, а также обосновать изменение хронологии и культурной атрибуции таких памятников за пределами Семиречья, на остальной территории Казахстана и в степях Восточной Европы.

Помимо курганов на святилище Мерке были исследованы оградки. На памятнике Араптобе 1, расположеннном в центральной части святилища, изучены несколько оградок, сооруженных в ряд с юго-востока на северо-запад. В центре каждой из них находилась неглубокая ямка с “золисто-углистым” заполнением. Судя по чертежу, у некоторых оградок с северо-западной стороны были вертикально установлены каменные стелы. “В северо-восточной части к оградам пристроена подкурганная конструкция, в центре которой в яме были обнаружены кости животного и три фигурные металлические бляшки от конской упряжи” (Досымбаева, 2006. С. 96).

Одна из этих бляшек выполнена в геральдическом стиле, характерном для эпохи существования Первого Тюркского каганата (Худяков, Кочеев, 1997. С. 16). Автор книги согласна с такой датировкой. Однако поминальные оградки с установленным на одной из них изваянием на памятнике Коржайлю 7 она относит к IX–X вв. (Досымбаева, 2006. С. 98).

Значительное внимание А.М. Досымбаева уделила вопросам интерпретации женских статуй, а также каменных изваяний, изображающих мужчин с сосудом в обеих руках. Приведенные в книге соображения по этому поводу не лишены интереса, хотя определять назначение и семантику изваяний одних типов в отрыве от других вряд ли оправданно. Исследовательница считает, что некоторые женские скульптуры со святилища Мерке достаточно точно, “портретно” воспроизводят облик своих прототипов. По ним можно определить расовые особенности и возраст изображенных женщин. Вместе с тем она приводит ряд аргументов в пользу того, что каменные изваяния относились к культу женского божества, а в некоторых случаях могли изображать мужчин – жрецов в трехрогих головных уборах (Досымбаева, 2006. С. 103–109). К числу сакральных символов, обозначающих “женское начало”, на святилище Мерке А.М. Досымбаева причисляет и валуны с лунками, на которых нанесены тамги, а в одном случае обнаружена руническая надпись. Эти камни, “алтари”, она связывает с “обрядовой практикой, в которой непосредственное участие принимали женщины, наделенные жреческими функциями”. Правда, проводившиеся на них ритуалы исследовательница реконструирует как “жертвоприношения небу”, хотя на предыдущих страницах книги соглашается с общепринятой точкой зрения, согласно которой верховное божество тюрков Кок-Тенгри (Голубое Небо) было мужским, а женское божество Жер-Су, или Умай, означало воду (Досымбаева, 2006. С. 111, 112).

Различия в конструкции поминальных сооружений, расположении и облике каменных статуй А.М. Досымбаева объясняет тем, что комплекс Мерке являлся культовым центром западных тюрков – народа “он ок будун” – в то время как святилище Жайсан появилось в VIII в. в результате массового переселения на эти земли восточных тюрков. По ее оценке, Мерке “представляет собой уникальный культовый комплекс западных тюрков”, а Жайсан “отражает культуру восточных тюрков”, появившихся в долине р. Чу “после событий 716 г.”. Согласно ее мнению, пришлое население привнесло с собой четырехугольную форму оградки, но восприняло у местных племен традицию установки женских каменных изваяний (Досымбаева, 2006. С. 115). Эти предположения представляются довольно категоричными и не подкрепленными ссылками на источники. По другим данным, такого “массового переселения” восточных тюрков с места своего прежнего обитания в Центральной Азии в указанный период не зафиксировано, а памятники культуры восточных тюрков, в том числе поминальные оградки, продолжали сооружаться в Саяно-Алтае и Монголии вплоть до конца X в. При характеристике святилища Жайсан в предыдущем разделе книги автор определяла его хронологию в пределах VII–VIII вв. (Досымбаева, 2006. С. 51).

Заключительный раздел монографии посвящен реконструкции этнокультурной ситуации на территории казахской степи в эпоху раннего средневековья. А.М. Досымбаева ставит под сомнение сложившуюся в современной науке точку зрения о формировании древнетюркского этноса и культуры на территории Алтая на рубеже раннего средневековья и последующей “аннексии” ими Жетысу и Южного Казахстана. По ее мнению, на Алтае и в Монголии до сих пор не изу-

чены памятники древних тюрок VI в., среди которых она указывает Бугутский и Идэрский мемориальные комплексы, где нет каменных статуй, изображающих людей. В противовес традиционной версии А.М. Досымбаева предлагает свою гипотезу, основанную на штудиях Ю.А. Зуева, который считал тюркоязычными усуней, обитавших в пределах Восточного Туркестана и Средней Азии в хунно-сяньбийское время (Зуев, 2002. С. 35). Приписываемые усуням захоронения под земляными насыпями в могильных ямах с подбоями по обряду одиночной ингумации, по мнению исследовательницы, "продолжают бытовать в тюркскую эпоху". Разные варианты этих захоронений, с ее точки зрения, отражали "особенности материальной и духовной культуры двух этносов усуней и юэчжи", а в дальнейшем отмеченный дуальный принцип отразился на государственном устройстве Тюркского каганата (Досымбаева, 2006. С. 152). Вполне вероятно, что потомки древнихnomадов, обитавшие в Семиречье, в эпоху раннего средневековья вошли в качестве субстрата в западнотюркскую общность. Однако, на наш взгляд, это предположение нуждается в доказательствах с привлечением имеющихся археологических материалов. Для его обоснования необходимо сопоставить основные компоненты древнетюркской и предшествующих ей кочевнических культур на территории Семиречья, чтобы выяснить, какие именно местные традиции получили дальнейшее развитие в среде западных тюрок. Если ограничиться поминальными объектами, то нужно отметить, что памятников, аналогичных рассмотренным, относящихся к предшествующему времени, на территории Южного Казахстана не обнаружено. Однако подобные комплексы, так же как и захоронения с конем, характерные для древних тюрок, бытовали в булан-кобинской культуре хунно-сяньбийского периода в Горном Алтае, что подтверждает алтайское происхождение древнетюркской общности (Худяков, 1999. С. 130–138).

Подводя итоги нашей рецензии, необходимо подчеркнуть, что монографическое исследование А.М. Досымбаевой вносит определенный вклад в изучение поминальных памятников средневековых nomадов Семиречья. Издание этой книги на русском языке с богатым иллюстративным приложением делает ее доступной для широкого круга исследователей и за пределами Казахстана. Благодаря ей многим археологам, изучающим средневековых кочевников степного пояса Евразии, стали известны исследованные автором мо-

нографии археологические комплексы, а предложенные А.М. Досымбаевой интерпретации этих материалов должны послужить поводом для дальнейшей аналитической работы и научных дискуссий. Деятельное участие казахских специалистов в изучении археологических памятников культуры древних тюрок в пределах западной части их ареала и обмен информацией с учеными других стран, в которых исследуются аналогичные древности, в настоящее время настоятельно необходимы для дальнейшего развития средневековой археологии всего степного пояса Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
- Досымбаева А.М.* Мерке – сакральная земля тюрок Жетысу. Тараз, 2002.
- Досымбаева А.М.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006.
- Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрок: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Новгородова Э.А.* Кыпчакские святыни на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Уч. зап. комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Всесоюз. ассоциация востоковедов: Археологические источники. М., 1989.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю.С.* Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica III. М., 1999.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А.* Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманит. науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. 1997. № 3.
- Чариков А.А.* Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4.
- Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА. К 75-летию АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДА”

25–28 сентября 2007 г. в Великом Новгороде прошла Международная научно-практическая конференция “Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода”. Она вызвала большой резонанс и среди специалистов, и у широкой общественности, в чем проявилось значение Новгородской археологической экспедиции Московского государственного университета и Института археологии РАН в исследовании проблем, связанных с историей средневекового города.

В работе конференции приняли участие более 80 специалистов из нескольких стран, включая Бельгию, Великобританию, Германию, Латвию, Украину. Российские участники представляли ведущие археологические организации Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Пскова, Петрозаводска, Екатеринбурга. Открывая конференцию, директор Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Н.Н. Гринев отметил важную роль, которую играет Новгородская экспедиция в исторической науке, и особо остановился на ее значении в жизни современного Новгорода.

В докладе “75 лет новгородской археологии” академик РАН В.Л. Янин, возглавляющий Новгородскую археологическую экспедицию более 40 лет, подчеркнул, что величие Новгорода заключено не только в его роли в истории России и Европы, но и в том, что он – “крупнейшая сокровищница древнерусской археологии”. Продолжением этого доклада стало выступление Е.А. Рыбиной “Новгородская археология: события и люди”, в котором история археологических исследований в Новгороде была проиллюстрирована редкими фотоматериалами.

С докладом “Новгородская экспедиция в контексте развития исторической науки за 75 лет” выступила А.Л. Хорошевич, которая рассмотрела основные выводы, полученные в ходе археологического исследования Новгорода, с позиций современной медиевистики.

Два выступления были посвящены основателю Новгородской экспедиции Артемию Владимировичу Арциховскому. В докладе П.Г. Гайдукова “Библиотека Артемия Владимира Арциховского” проведен анализ состава библиотеки ученого, а в докладе Л.А. Беляева “А.В. Арциховский и средневековая Москва: генеральный план археологических исследований и его осуществление” подчеркнута роль А.В. Арциховского как организатора науки.

Д.В. Пижемский сделал совместный с А.С. Хорошевым доклад о раскопках на Ярославовом Дворище в 2007 г. В сообщении были представлены предварительные выводы об основных этапах строительства Никольского собора и дана характеристика вещественного материала. Поскольку работы на раскопе во время проведения конференции еще продолжались, участники смогли непосредственно ознакомиться с археологическими изысканиями.

В докладах европейских коллег внимание было обращено на основные закономерности образования раннесредневекового города. Так, М. Брисбейн (Великобритания, Бор-

мут) отметил сходные черты в ранней истории английского города (Норвич) и Великого Новгорода. Сообщение М. Мюллера-Вилле (Германия, Киль) “Перик – предшественник Хедебю” и совместный доклад К. Карнап-Борнхайма (Германия, Шлезвиг) и Т. Ибсена (Германия, Шлезвиг) “Недавнее исследование и новые интерпретации Хедебю” были посвящены последним открытиям в изучении раннегородских образований на балтийском побережье. По тематике к ним близко примыкало и выступление Т. Ибсена “Моховое/Вискаутен – новые исследования в торговом пункте эпохи викингов в восточной Балтике”.

Результаты новейших археологических изысканий на Рюриковом Городище в 2006–2007 гг. были представлены в докладе Е.Н. Носова и Н.В. Хвоцинской.

Теме пищевого рациона средневекового населения был посвящен доклад А. Альслебен (Германия, Шлезвиг) “Особенности потребления пищи в Ильменском регионе: отражают ли археоботанические данные питание горожан?”. На основании результатов палеоботанического анализа исследовательница пришла к выводу о различии пищевого рациона городского населения Европы и Великого Новгорода.

Н.А. Макаров ознакомил участников конференции с археологическими исследованиями последних лет на территории Сузdalской земли. В ходе этих работ были апробированы новые приемы выявления и фиксации средневековых поселений, позволившие получить в ходе поверхностных обследований более обширный и информативный материал.

В выступлении Т.Д. Пановой была дана характеристика основных этапов археологического изучения Московского Кремля. А. Цауне (Латвия) подвел итоги археологических работ в Риге за последние 70 лет.

В докладе С.В. Троицкого “Этапы градостроительства Новгорода по археологическим данным” продемонстрирован новый подход к изучению планировки средневекового города. Большой интерес вызвала информация о подводных изысканиях в районе древнего моста через Волхов.

Выступление О.А. Тарабардиной “Динамика застройки Плотницкого конца Новгорода (по дендрохронологическим данным)” было посвящено возможностям дендрохронологического метода, который позволяет не только проводить абсолютное датирование объектов, но и выявлять этапы формирования и развития отдельных городских районов.

Н.Н. Фараджева в докладе “Срубные постройки древнего Новгорода” предложила новый подход к классификации средневековых срубных построек.

П.П. Толочко (Украина) в докладе “Хозяйство и быт Киево-Печерского монастыря в XI–XII вв.” продемонстрировал динамику развития одного из основных монастырей Древней Руси. Свое выступление докладчик сопроводил трехмерной компьютерной моделью строительных периодов.

Вл.В. Седов познакомил участников конференции с результатами новейших архитектурно-археологических иссле-

дований Богоявленской надвратной церкви XII в. в Благовещенском монастыре на Мячине озере под Новгородом.

Г.Ю. Ивакин (Украина) остановился на раскопках Десятинной церкви в Киеве в 2005–2006 гг. Подробно были освещены предыдущие археологические изыскания, определены задачи, поставленные при проведении современных исследований, и рассмотрена методика проведения работ.

А.П. Толочко (Украина) в докладе «О новгородской “гривне серебра”» представил исторический комментарий к выводам, полученным археологами и нумизматами при анализе серебряных слитков. На основании изучения письменных источников он высказал мнение, что “гривна серебра”, отождествляемая с археологически засвидетельствованными слитками так называемого новгородского веса, возникла не в результате естественной эволюции денежной системы, но была заимствованной “маркой серебра”, отчего и подразделялась на “четверти” (фирдунги, фартинги).

Материалы новейших археологических исследований на карельских городищах были представлены в докладе *С.И. Кочкуркиной*. Автор выделила топографические и конструктивные особенности древнекарельских поселений.

И.К. Лабутина, И.О. Колосова в докладе “О хронологии ярусов в раскопах древней части Среднего города Пскова” остановились на крайне важной для средневековой городской археологии проблеме датировки строительных ярусов.

М.Д. Полубояринова рассмотрела углубленные в землю жилища в Болгаре.

Выступление *В.И. Поветкина* “Клеймо с изображением гусляров на глиняных водолеях XIV в.” было посвящено музыкальной культуре древнего Новгорода. В развитие основных положений доклада исследователь прочел лекцию о средневековых музыкальных инструментах в Центре музыкальных древностей.

А.В. Плохов в сообщении “Лепная посуда из раскопок в Новгороде” затронул весьма важную и недостаточно разработанную тему раннекерамического комплекса древнего Новгорода. Предлагаемый им подход позволяет рассматривать вопросы хронологии наиболее ранних слоев города.

Большой интерес вызвало выступление *В.К. Сингха* “Производственные комплексы на усадьбах Славенского

раскопа (ул. Кирова)”. В нем была представлена характеристика комплексов находок, которые автор доклада связывает с ремесленными мастерскими.

В.И. Завьялов и *Л.С. Розанова* в докладе “Кузнечные изделия западноевропейских мастеров в Великом Новгороде” выделили группу изделий западноевропейского происхождения. Основной вывод исследователей заключался в том, что рассматриваемые предметы не являлись объектами торговли, а попали в Новгород вместе со своими носителями.

А.Н. Кирпичников в выступлении «Мечи с надписью “Ulferhl” на восточном пути» затронул актуальную в современном оружеведении и археометаллургии тему. По его мнению, предметом торговли на Восток, несмотря на запреты, могли быть клинки мечей, которые полностью оформлялись уже местными мастерами.

Доклад *Н.В. Енисовой* и *Т. Ререна* (Великобритания, Лондон) “Плавильные сосуды новгородских ювелиров” был посвящен анализу тиглей и их содержимого. Авторами выделены определенные типы тиглей для бронзы и серебра.

Л.В. Покровская подвела итоги изучения ювелирных украшений средневекового Новгорода по материалам Троицкого раскопа.

Н.И. Асташова познакомила аудиторию с памятником дономгольской торевтики – золотой пластиной с перегородчатой эмалью из Старой Рязани, хранящейся в коллекции ГИМ.

Для участников конференции было организовано знакомство с археологическими раскопками и архитектурными памятниками Новгорода. Сотрудники Новгородского объединенного музея-заповедника подготовили демонстрацию уникальной археологической находки: древнейшей русской книги – Новгородской Псалтыри, написанной на воске.

В заключительный день работы конференции был проведен Круглый стол, на котором собравшиеся подвели итоги и обсудили насущные проблемы и задачи археологии средневекового города. По единодушному мнению всех участников, конференция прошла на высоком уровне, а предполагаемая публикация ее материалов станет заметным событием в научной жизни.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Завьялов

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ, ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЕЙ” (Казань, 2007)

8–12 октября 2007 г. в Казани была проведена конференция “Средневековая Русь, Волжская Булгария и Северное Причерноморье в контексте русско-восточных связей”. Ее подготовили совместно Институт археологии РАН и Институт истории Академии наук Республики Татарстан при участии сотрудников еще девяти российских научных и образовательных учреждений из Твери, Владимира, Нижнего Новгорода, Воронежа, Самары, Йошкар-Олы, Пензы, Уфы, Астрахани и двух зарубежных научных организаций (из Украины и Австрии). На конференции были заслушаны 36 докладов, посвященных разнообразным вопросам русско-восточных взаимоотношений и роли внешних связей (в том числе с Русью) в жизни средневековых поселений Поволжья

и Северного Причерноморья. Проведение конференции оказалось возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-14006г). Кроме того, дополнительно на ее проведение были направлены средства Института истории АН РТ, Института археологии РАН, программы ОИФН РАН “Русская культура в мировой истории”.

Целью конференции было введение в научный оборот новейших археологических материалов, касающихся политических, культурных и торговых связей средневековой Руси со странами Востока, осуществлявшихся посредством контактов с аванпостами восточного мира на территории Восточной Европы – Волжской Булгарией и населением северо-причерноморских степей.

Пленарное заседание конференции 8 октября 2007 г. было открыто вступительным словом директора Института археологии РАН чл.-корр. РАН Н.А. Макарова, который подчеркнул важность данного форума для решения целого ряда вопросов, накопившихся при изучении русско-восточных связей. Н.А. Макаров выразил пожелание сделать подобные встречи регулярными для лучшего взаимопонимания между исследователями центральных и региональных научных учреждений и прежде всего между археологами Москвы и Казани. С ответным приветственным словом выступил заместитель директора Института истории АН РТ Р.Р. Хайрутдинов, отметивший, что Академия наук Республики Татарстан всегда поддерживала прямые связи ученых Казани и Центральной России. Идея сделать подобные встречи регулярными была в этом выступлении поддержана, а начинаящейся конференции высказано пожелание успешного проведения.

Пленарные доклады были начаты выступлением Ф.Ш. Хузина (Казань) «Некоторые проблемы изучения русско-булгарских связей домонгольского времени в современной историографии», в котором особое внимание обращалось на искажение роли Волжской Булгарии в истории Восточной Европы. Источники (и прежде всего русские летописи) свидетельствуют, что русско-булгарские отношения носили в основном мирный характер, а периодически возникавшие военные конфликты не были однодиапазонными: от них страдала как Русь, так и Волжская Булгария. В докладе были затронуты и вопросы, связанные с истоками формирования именковской культуры и ранних болгар. Было отмечено значительное влияние на их сложение позднесарматских традиций.

В докладе Л.А. Беляева (Москва) ««Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к выявлению стилевых элементов в древнерусской культуре» рассматривалось расхожее мнение об особенно сильном влиянии Востока на Русь в противоположность Западной Европе. На многочисленных примерах докладчик показал, что на культуру Европы «ориентализм» оказал не меньшее, а порой и более глубокое воздействие, чем на культуру Руси. Особенно пристальное внимание было обращено на восточное влияние в архитектуре и распространении инсигний власти.

Н.А. Макаров (Москва) в докладе «Русь и Волжская Булгария на Севере» охарактеризовал взаимоотношения двух крупнейших государств средневековой Восточной Европы в таежном Приуралье и Приполярье, где происходила их борьба за рынки сбыта своей продукции и сбор пушнины, на основе данных современной археологии. Были подробно рассмотрены все категории предметов русского и булгарского происхождения, обнаруженные на этих территориях.

В докладе А.Г. Ситдикова (Казань) «Торговые связи Казанского ханства (по материалам раскопок Казани и Заказанья)» было охарактеризовано состояние археологических исследований поселений эпохи Казанского ханства, отмечена их ключевая роль в организации торговли на Великом Волжском пути в XV–XVI вв. и обеспечении населения приволжских степей продукцией городского ремесла, а также выявлены основные направления восточного влияния на культуру той эпохи (в архитектуре, керамике, быту и т.п.).

В докладе В.Ю. Кovalя (Москва) «Ордынцы на Руси» были предложены археологические критерии для выявления присутствия на территории Руси этнических ордынцев во второй половине XIII–XIV в. Среди многочисленных изделий восточного происхождения, поступавших на Русь по тор-

говым каналам и в процессе культурных заимствований, выделен круг вещей, которые могли ввозиться только вместе с их владельцами-степняками и были чужды основной массе русского населения (каменные и чугунные котлы, бронзовые зеркала, кольца для стрельбы из лука «монгольским» способом, некоторые специфические украшения, отдельные поливные и стеклянные сосуды и др.).

А.В. Чернецов (Москва) выступил с докладом «Старая Рязань и ее связи с Востоком», в котором была дана исчерпывающая характеристика восточных импортов, обнаруженных на территории этого города в процессе многолетних раскопок. Среди них значительное место занимают разнообразные украшения, поливная посуда и неполивная (в том числе происходящая из Волжской Булгарии) столовая керамика. Часть этих находок свидетельствует о продолжении существования Старой Рязани как крупного города и торгового центра в золотоордынскую эпоху.

Подробнейший анализ изделий из медных сплавов (прежде всего поясных наборов) был представлен в информационно насыщенном докладе Е.П. Казакова (Казань) «Измерское селище в системе торговых связей по Волго-Камским путям конца X–XI в. (по материалам металлопластики)». Находкам с Измерского селища были приведены многочисленные аналогии, происходящие с памятников Поволжья, размещавшихся выше и ниже устья Камы. Е.П. Казаков высказал предположение о производстве части рассмотренных украшений на самом Измерском селище.

В докладе М.Е. Родиной (Владимир) «Связи Северо-Восточной Руси со странами Востока в X–XIV вв.» на материалах раскопок во Владимире и Суздале было продемонстрировано разнообразие предметов, импортировавшихся на Русь из стран Востока, в том числе из Волжской Булгарии, начиная с художественной посуды и ювелирных изделий и заканчивая такими редко встречающимися находками, как благовония, например ладан.

И.Н. Кузина и С.Д. Захаров (Москва) в совместном докладе «Торгово-экономические отношения Руси с Волжской Булгарией (по материалам средневековых памятников Русского Севера)» выделили несколько этапов в развитии этих отношений и проиллюстрировали их динамикой поступления бус восточного и византийского происхождения в северные районы Руси. Анализ материала позволил докладчикам утверждать, что большинство бус поступало в указанный регион по Волжскому пути, и поддержать гипотезу С.И. Валиулиной о производстве «треугольных» бус на территории Волжской Булгарии.

Второй день работы конференции (9 октября) был посвящен теме «Русь и Восток. Основные направления экономических и культурных связей». Ее открыл доклад Т.В. Гусевой (Нижний Новгород) «Древнерусские города Среднего Поволжья в контексте русско-восточных связей». Основное внимание исследовательница уделила периодизации взаимоотношений средневековой Руси с Волжской Булгарией. Она отметила отсутствие следов пребывания в Нижнем Новгороде волжских булгар и высказала гипотезу о существовании в домонгольскую эпоху своеобразного «протектората» Волжской Булгарии над территорией, впоследствии подчиненной Нижнему Новгороду.

В докладе С.И. Валиулиной (Казань) «Балынгузское (Торецкое) поселение – центр международной торговли Казанского ханства» проводилась мысль о том, что сам факт существования этого селища свидетельствует, что в XIV–XV вв. Закамье не запустело полностью. Следы разнообразных ремесел, монеты и импортные изделия, обнаруженные на То-

рецком поселении, указывают на исключительно важное значение, которое памятник имел в XV в. (в раннюю эпоху существования Казанского ханства).

Л.Ф. Недашковский (Казань) в докладе “Контакты Руси и Нижнего Поволжья в эпоху Золотой Орды” систематизировал свидетельства присутствия русского населения на территории Нижнего Поволжья (находки предметов христианского культа; печатей; специфических литейных форм; керамики). Исследователь рассмотрел материалы 1/4 всех сельских поселений в округе крупных городов региона (в том числе на раннем этапе, до 1310 г. – материалы 60% поселений).

А.Н. Хохлов (Тверь) в докладе “Столовая керамическая посуда с сюжетными клеймами из Твери на фоне восточной керамической традиции” продемонстрировал образцы бело-глиняных зеленополивных кувшинов и кумганов XV в., украшенных отштампованными рельефными медальонами с изображениями грифонов, других фантастических зверей, китовраса и т.п., обнаруженных в последние годы при раскопках в Твери и малоизвестных в других городах Руси. Изображения на кувшинах приведены аналогии в таревтике Ирана и керамике Средней Азии.

В докладе *С.А. Шполянского* (Москва) “Поволжские элементы в материальной культуре средневековой деревни Московского региона (по материалам раскопок селищ конца XII – начала XV в. бассейна Пахры)” были показаны образцы золотоордынских импортов (обломки чугунных котлов и др.) и вещей, изготовленных под влиянием восточных традиций (ременные накладки и другие украшения). Находки таких предметов на малодворных поселениях, по мнению автора, свидетельствуют об их широком распространении на Руси и не связаны с присутствием на этих памятниках ордынцев.

А.В. Козлова (Москва) в докладе “Роль поволжских и крымских традиций декоративно-прикладного искусства в развитии костюма населения городов западной и северо-западной Руси” не только привела примеры влияния подобных традиций, но предложила рассматривать импортные вещи обязательно в комплексе с их дериватами. Изучение импортов в отрыве от местных подражаний, по мнению исследовательницы,искажает реальную картину внешних связей.

Доклад *А.В. Пачкалова* (Москва) “Новые находки восточных монет на территории древнерусских земель” включал сведения о ряде таких находок, датирующихся от VIII до XV в., обнаруженных на территории Руси и сопредельных регионов (в частности Мордовии).

В докладе *А.М. Губайдуллина* (Казань) “О некоторых параллелях в военно-инженерном деле Волжской Булгарии и Древней Руси” было показано, что хотя крепостное строительство Волжской Булгарии, подобно древнерусскому, базировалось на использовании деревянных укреплений, оно в целом отличалось существенным своеобразием, заключавшимся в широком распространении на раннем этапе частоколов и стен столбовой конструкции, а на позднем – в сочетании городен с участками однорядных столбовых стен. Докладчиком была также опровергнута известная гипотеза о якобы имевшем место запрете на строительство городских укреплений в державе Чингизидов и приведены обратные примеры.

Доклад *И.Л. Кызыласова* (Москва) “Особенности появления асизских изделий в Европе в XIII–XIV вв.” содержал важный вывод о том, что если в XI–XII вв. фиксируется прямое влияние асизской культуры на культуру Восточной Европы, то на протяжении XIII–XIV вв. этого не происходило (по политическим причинам), но мода на вещи асизского облика могла сознательно внедряться администрацией мон-

гольского государства на значительной части его территории.

Из доклада *Т.Б. Никитиной* (Йошкар-Ола) “Русские вещи в средневековых мариийских памятниках” стало ясно, что в период до XVI в. поступление вещей русского происхождения (в том числе женских украшений племенного типа) на территорию расселения марийцев не было связано с притоком славянского населения. Находки таких вещей в погребениях единичны и являются лишь дополнением к полному этноопределяющему убору марийцев.

Доклад *С.Г. Бочарова* (Симферополь, Крым, Украина) “Роль Крыма в торговле Восточной Европы с Византией и странами Востока в XIII–XIV вв.” был посвящен презентации результатов раскопок нескольких поселений на берегах Крымского полуострова, обеспечивавших торговлю крупнейших городских центров Крыма и Византии с Древней Русью и Золотой Ордой. Дальнейшая работа над начатым долгосрочным проектом позволит лучше понять, как осуществлялась эта торговля и в какой мере в нее были вовлечены прибрежные поселения негородского характера.

В докладе “Древняя Русь и кочевники Причерноморья” *Ю.Ю. Моргунова* (Москва), представленном на конференции, рассматривалась история взаимоотношений населения русских земель и кочевых племен причерноморских степей в X–XIII вв.

М.В. Цыбин (Воронеж) в докладе “Юго-восток Руси и кочевники в XII–XIV вв.” обратил внимание на регион Верхнего и Среднего Дона, в котором происходили контакты древнерусского населения и кочевников. Для выявления границы между зонами расселения славян и степняков были привлечены данные о древних ландшафтах (степных коридорах, вклинившихся в лесостепь), размещении половецких каменных изваяний, золотоордынских памятников (мечетей, мавзолеев, поселений). В результате был сделан вывод об отсутствии четкой границы между славянским и степным населением и широкой контактной зоне, существовавшей в Верхнем и Среднем Подонье в то время.

В докладе *В.Ю. Коваля* (Москва) “Иранский кувшин из раскопок в Суздале” была сделана попытка заново рассмотреть комплекс, открытый в 1973 г. и отнесенный к домонгольской эпохе. В подполье крупного жилого дома наряду с прочими материалами был найден иранский кашинский кувшин с подглазурной полихромной росписью в “султанабадском” стиле второй половины XIII – первой половины XIV в. Другие находки из этого комплекса не противоречат его датировке раннезолотоордынским временем. Докладчик также представил аргументы в пользу того, что исследованная постройка могла принадлежать представителю ордынской администрации.

К.А. Руденко (Казань) рассказал в докладе “Остоловское селище: краткие итоги работ 2007 г.” о катастрофическом состоянии этого разрушающегося под действием размыва береговой черты уникального памятника археологии. Были представлены основные результаты новейших исследований на селище.

Третий день работы конференции (10 октября) был посвящен теме “Волжская Булгария и ее роль в связях Восточной Европы со странами Востока и Византией”. Заседание открыло доклад *П.Н. Старостина* (Казань) “О раннем Болгаре”, представивший свод данных о наиболее ранних жилищах этого города (отнесенных к X в.) и подробную их характеристику. Докладчик отметил присутствие в таких жилищах керамики трех групп: лепной поломско-ломоватовской традиции и гончарной салтовской и общебулгарской.

М.Д. Полубояринова (Москва) выступила с докладом “Полуземлянки Болгарского городища”, в котором были собраны сведения об остатках 31 постройки с заглубленной в материк нижней частью. Они предположительно интерпретированы как “полуземлянки”, характерной чертой которых является наличие печей на уровне дна. Наряду с жилыми сооружениями отмечено существование таких же углубленных построек, не имевших отопительных устройств.

Р.Ф. Шарифуллин (Казань) в докладе “К вопросу о застройке Болгара в раннезолотоордынское время” рассматривал как монументальные сооружения (мечети, мавзолеи, бани, административные здания), так и наземные дома, и “полуземлянки” со срубной конструкцией крепежа стен. Докладчик отметил, что несмотря на многолетние раскопки городища его планировка остается недостаточно ясной из-за относительно небольшой вскрытой площади.

В докладе *Г.Н. Белорыбкина* (Пенза) “Взаимодействие культур Волжской и Дунайской Болгарии” основное внимание было уделено поиску параллелей в развитии градостроительства этих государств. Такие параллели автор усматривает в привлечении в Дунайской Болгарии византийских принципов возведения городов, а в Волжской Болгарии – среднеазиатских, ориентированных на строительство на равнине (в том числе схема “арк – шахристан – рабат”), т.е. в адаптации кочевниками опыта старых городских цивилизаций.

В совместном докладе *И.Е. Зайцевой* (Москва) и *А.Н. Егорькова* (Санкт-Петербург) “Сплавы цветных металлов Волжской Болгарии (предварительное сообщение)” были представлены результаты спектрального анализа большой серии изделий, найденных на различных памятниках Волжской Болгарии. Удалось выявить изменения химического состава использовавшегося металла (с тенденцией к постепенной замене латуней “чистой” медью) и установить почти полное отсутствие в изученной выборке оловянистых бронз. Это позволило авторам доклада заключить, что известное мнение об импорте таких сплавов на Русь из Волжской Болгарии не подтверждается конкретным материалом.

Доклад *А.Ф. Кочкиной* и *Д.А. Стасиенкова* (Самара) “Новые данные о связях населения Самарской Луки с сопредельными территориями в эпоху средневековья”ставил целью ввести в научный оборот материалы раскопок грунтового (предположительно христианского) могильника на селище золотоордынского времени Малая Рязань, с которого происходят находки двух крестов-энколпионов домонгольской эпохи.

Близкая тематика рассматривалась и в совместном докладе *И.Р. Газимзянова* (Казань), *А.И. Нечелоды* и *В.В. Куфтерина* (Уфа) “Алексеевский средневековый некрополь на территории города Саратова (определение культурной и этнической принадлежности по данным археологии и антропологии)”. Было показано промежуточное положение полученной из могильника на Алексеевском городище антропологической серии между черниговскими полянами и золотоордынским населением (жителями Казани, мордовьи). Отсюда исследователи сделали вывод о смешанном славяно-финском (с незначительными монголоидными чертами) населении, оставившем данный памятник.

Институт археологии РАН, Москва
Казанский государственный университет

Н.Г. Набиуллин (Казань) выступил с докладом “Внешние отношения Джукетау”, в котором рассмотрел относительно немногочисленные предметы импорта (сердоликовые и стеклянные бусы, лазуритовые подвески, шиферные пряслица и др.), обнаруженные при раскопках этого известного центра Волжской Булгарии.

Х. Милчева (Болгария) посвятила свой доклад “Болгарская культура и ее отношение к древнеиранской культуре: новейшие тенденции в болгарской историографии” освещению и критике современных представлений по указанной проблематике в разработках исследователей Болгарии.

В докладе *Д.В. Васильева* (Астрахань) “Юртообразные жилища с Самосдельского городища в дельте Волги” были представлены материалы, характеризующие три подобных объекта, относившихся к домонгольской эпохе. Для реконструкции внешнего вида рассматриваемых построек были проведены экспериментальные работы по их возведению и разрушению (искусственной археологизации).

Доклад *Э.Д. Зиливинской* (Москва) “Некоторые импорты Самосдельского городища” включал краткий обзор результатов раскопок последних лет на памятнике и подробный экскурс в историю ритонов как особой разновидности сосудов. Поводом для такого экскурса послужила находка обломка своеобразного керамического сосуда, интерпретированного исследовательницей в качестве ритона.

Завершил работу конференции доклад *О.В. Зеленцовой* (Москва) “Болгарские поясные наборы в древнемордовских могильниках”, в котором были проанализированы находки наборных поясов в могильниках VIII–XI вв. и установлено, что все они поступили в мордовские земли в X–XI вв.

После окончания работы форума была организована поездка на городище Биляр (остатки столицы домонгольской Волжской Булгарии). В ходе этой экскурсии участниками конференции обсуждались вопросы, связанные с методикой проведения археологических раскопок, процедурой интерпретации обнаруженных объектов, их консервацией и музификацией. Особое внимание было уделено проблемам охраны археологического наследия и реконструкции древних построек для экспозиционных целей.

В результате проведения конференции было существенно расширено информационное пространство, в котором работают археология Центральной России и Поволжья, скординированы взгляды исследователей на ряд узловых вопросов русско-восточных и русско-булгарских отношений в средневековье. В частности, стало очевидно, что в домонгольскую эпоху восточное влияние на Русь было спорадическим и осуществлялось в основном благодаря торговым связям, тогда как в золотоордынский период началось активное воздействие степных традиций на военную сферу в самом широком ее понимании и материальную культуру аристократического сословия. Определенное влияние золотоордынских традиций ощущала на себе и городская культура Руси, однако в широкие массы русского населения, проживавшего в сельской местности, оно практически не проникало (исключение составляли пограничные со степью районы). Конференция позволила археологам различных регионов лучше понимать друг друга и совместно решать сложные проблемы интерпретации археологических источников.

В.Ю. Коваль
А.Г. Ситдиков

К 80-ЛЕТИЮ РАДОМИРА ПЛЕЙНЕРА



Б.А. Колчин и Р. Плейнер во время проведения эксперимента по моделированию сыродутного процесса. Новгород, 1962 г. (фото из архива Б.А. Колчина).

26 апреля 2009 г. исполняется 80 лет выдающемуся исследователю истории древней металлургии профессору Радомиру Плейнеру.

Р. Плейнер происходит из семьи художника Владимира Плейнера. После окончания средней школы он поступает на философский факультет Пражского Карлова университета, который заканчивает в 1952 г. по специальности древняя история. С 1953 г. жизнь Р. Плейнера связана с Институтом археологии Академии наук Чешской Республики. После обучения в аспирантуре и успешной защиты в 1955 г. докторской философии (эквивалента кандидатской диссертации) Р. Плейнер становится научным сотрудником Института археологии. Его основные интересы с самого начала определились как изучение истории железопроизводства. Огромной заслугой Р. Плейнера является то, что вслед за старшими коллегами Б.А. Колчиным и Р.Ф. Тилекотом (Великобритания) он оценил ведущее значение метода металлографического анализа при изучении древних предметов из металла. В 1963 г. по примеру Лаборатории естественно-научных методов в Институте археологии АН СССР он создает лабораторию металлографии в Институте археологии АН ЧР.

В 1962 г. выходит в свет фундаментальная работа Р. Плейнера “Древнеевропейское кузнецное ремесло”, которая стала первым обобщающим трудом по истории европейского кузнецовства. О значимости этой монографии говорит тот факт, что ни одна серьезная публикация по древнему кузнечному производству не обходится без ссылок на нее.

Уже первые труды молодого ученого снискали ему мировую известность. В 1966 г. на Международном конгрессе Союза до- иprotoистории учреждается Комитет по изучению древнего железа, бессменным секретарем которого становится Р. Плейнер. Его несомненной заслугой на этом посту является налаживание международных и интердисциплинарных контактов между специалистами в области древней металлургии и археологами.

В 1966–1968 гг. исследователь принимает участие в американской археологической экспедиции в Иране и Афганистане. Во время этой экспедиции Р. Плейнер смог изучить ближне- и средневосточную технологию кузнецкого производства, что нашло отражение в публикациях “The Beginning of the Iron Age in Ancient Persia”, “Preliminary evaluation of the metallurgical investigations in Iran”, “The problem of the beginning Iron Age in India”. Результаты исследований черного металла Ближнего Востока легли в основу докторской диссертации, защищенной Р. Плейнером в 1981 г.

С 1968 г. Р. Плейнер читает курс древней истории в Карловом университете в Праге. В 1992 г. ему присуждается звание профессора.

Р. Плейнер – член-корреспондент Немецкого археологического института (Берлин), Историко-Металлургического общества (Лондон), почетный член Общества древностей (Лондон).

В 1993 г. профессор Р. Плейнер выходит на пенсию. Но он продолжает все так же напряженно трудиться на избранном поприще. Последние годы ознаменовались выходом

двух его фундаментальных трудов по истории черной металлургии и кузнечному ремеслу в Европе. В них подводится итог многолетних исследований этих важнейших отраслей древнего производства.

Чувство глубокого уважения испытывал Р. Плейнер к Б.А. Колчину, последователем которого он себя считает. Приветствуя конференцию “Археология и естественно-научные методы” (Москва, 2004), профессор Плейнер отмечал, что “полученные Б.А. Колчиным результаты и ныне служат образцом успешных работ в области археометаллургии”. В свою очередь, Борис Александрович всегда очень высоко оценивал труды чешского исследователя. Большой интерес проявляет Р. Плейнер и к работам учеников Б.А. Колчина. Хорошее знание русского языка позволяет ему знакомиться с публикациями, выходящими в России, на Украине и в Белоруссии, и информировать о них в резюме международную научную общественность.

Значительное внимание Р. Плейнер уделяет экспериментальным работам по моделированию получения сыродутного железа и его кузнечной обработке. Он принимал непосредственное участие в проведении экспериментов в Чехии, Польше, Великобритании, Германии, Австрии, Франции, Швеции, Норвегии. В 1962 г. Р. Плейнер присутствовал при экспериментальных плавках железа, которые проводил Б.А. Колчин в Новгороде.

Институт археологии РАН, Москва

В день юбилея хочется пожелать профессору Радомиру Плейнеру дальнейших творческих успехов и с нетерпением ждать его новых работ.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ РАДОМИРА ПЛЕЙНЕРА

- Slovanské sekerovité hřívny // Slovenská archeologia. 1961. 9/1–2. S. 401–450.
 Staré evropské kovařství. Praha, 1962. 331 s.
 The Beginning of the Iron Age in Ancient Persia // Annals Náprstek Museum. V. 6. Prague, 1967. P. 9–79.
 Preliminary evaluation of the 1966 metallurgical investigations in Iran // Investigations at Tal-i-Ibis. Illinois State Museum Preliminary Reports. V. 9. Springfield, 1967. P. 340–450.
 Ironworking in Ancient Greece. Praha, 1969. 55 p.
 The problem of the beginning Iron Age in India // Acta Praehistoria Archaeologia. № 2. Berlin, 1971. P. 5–36.
 Otázka státu ve staré Galii. Praha, 1979. 111 s.
 The Celtic Sword. Oxford, 1993. 196 p.
 Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Praha, 2000. 400 p.
 Iron in Archaeology: Early European Blacksmiths. Praha, 2006. 384 p.

В.И. Завьялов

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА



11 декабря 2008 г. не стало Людмилы Семеновны Розановой – одного из ведущих специалистов по истории древнего кузнецкого ремесла.

Л.С. Розанова родилась в 1938 г. в подмосковном городе Реутове. В 1958 г. она поступила на работу в лабораторию камеральной обработки Института археологии РАН. В следующем году Людмила Семеновна переходит в группу, составившую костяк формируемой в Институте лаборатории естественнонаучных методов. С этой лабораторией связана вся ее творческая жизнь. В лаборатории Л.С. Розанова овладела методом археологической металлографии и в своих работах продолжила направление, внедренное в археологию Б.А. Колчиным. На всю жизнь сохранила Людмила Семеновна глубокое уважение и признательность к своему учителю.

В 1971 г. Людмила Семеновна заканчивает кафедру археологии Московского государственного университета, а в 1981 г. защищает кандидатскую диссертацию “История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э.”.

Уже в своей первой опубликованной статье “Техника кузнецкого ремесла в древнерусском городе Серенске” Л.С. Розанова заявила о себе как о скрупулезном исследователе, способным подметить мельчайшие детали в анализируемом материале. Работам Людмилы Семеновны присущи пристальное внимание к аналитическим данным, попытки обоснования и объяснения всех, даже, как казалось на первый взгляд, малозначащих фактов. Опираясь на фундаментальный базис результатов конкретных анализов, она переходила к широким историческим обобщениям. В своих работах Л.С. Розанова неоднократно подчеркивала, что металлогра-

фия для археологов является лишь методом, основная же задача исследования – воссоздание исторических процессов.

Экспедиционная деятельность Л.С. Розановой началась в Новгородской экспедиции. Свою привязанность к этому городу она сохранила навсегда. Стоит отметить, что одна из последних работ, сданных Людмилой Семеновной в печать, была написана именно на новгородских материалах.

Для научной деятельности Л.С. Розановой был присущ широкий охват (как в хронологическом, так и в культурно-географическом плане) изучаемых объектов. Ею исследовались материалы от раннего железного века (ананыинская, дьяковская культуры) до эпохи позднего средневековья (Москва, памятники Припечорья). География ее работ включает практически всю Восточную Европу от Эстонии на западе до Предуралья на востоке и от Карелии на севере до Восточного Причерноморья на юге.

Большое значение для истории древнерусского ремесла имеет вывод Л.С. Розановой (одновременно к такому же заключению пришла и Г.А. Вознесенская) о различиях кузнецких традиций Северной и Южной Руси. Проанализировав результаты металлографических исследований более 1700 ножей из памятников различных древнерусских земель, исследователь сделала заключение, что для кузнецкого ремесла южнорусских княжеств характерно использование простых технологий (преобладание цельножелезных и цельностальных предметов). Технологическое своеобразие северорусских земель Л.С. Розанова видела в предпочтительном использовании сварных конструкций (трехслойный пакет и наварка).

Работы Л.С. Розановой имеют значение не только для отечественных специалистов. Ее статьи опубликованы в Великобритании, Чехии, Италии, Японии, Венгрии, Польше. Она принимала участие в конференциях в Швеции, Венгрии, Чехии. Одним из последних был доклад, прочитанный на только что прошедшем в Суздале II Археологическом съезде.

Для творчества Л.С. Розановой характерно стремление работы в коллективе. Никогда не претендую на лидерство, она умела найти свое место в общей работе, при этом всегда отстаивала свое мнение и находила аргументы для подтверждения своих выводов.

Она ушла из жизни со своего рабочего места, подготавливая на компьютере материалы для очередной работы. Еще долго будут выходить статьи и монографии с именем Л.С. Розановой – после нее остался большой задел практически готовых к публикации материалов. Но ее с нами уже не будет. Вечная ей память.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Л.С. РОЗАНОВОЙ

Техника кузнецкого ремесла в древнерусском городе Серенске // СА. 1973. № 2. С. 216–225.

Металлообработка на поселениях дьяковской культуры // СА. 1978. № 2. С. 62–77.

Кузнецкая техника на земле древней веси // СА. 1984. № 1. С. 199–209.

Институт археологии РАН, Москва

The Art of Metal Working in the Ancient City of Suzdal // The Crafts of the Blacksmith. Belfast, 1984. P. 101–104 (в соавт. с М.В. Седовой).

Технология кузнецкого производства в городах Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 73–76.

Технологическое изучение древнерусского кузнецкого ремесла (итоги исследования за последние двадцать лет // Междунар. симпозиум “Archaeometallurgy of Iron”. Praha, 1989. P. 393–405.

Своеобразие технологии кузнецкого производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 92–96.

К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Матер. по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 154–186 (в соавт. с В.И. Завьяловым).

К вопросу о технических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские археологические чтения. Новгород., 1994. С. 175–179.

Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. 1997. 318 с. (в соавт. с Н.Н. Тереховой, В.И. Завьяловым, М.М. Толмачевой).

Традиции в технологии железообработки Изборска // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М., 1997.

Кузнецкие традиции летописных финно-угров: к проблеме культурных контактов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 393–396 (в соавт. с Н.Н. Тереховой).

Технологические особенности в производстве кузнецких изделий из городища Лыхавере // Археология и история Пскова и Псковской земли. Матер. 50 науч. семинара. Псков, 2004. С. 338–348.

К проблеме кавказских и местных традиций в технологии изготовления железных изделий из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. 2002. Вып. 213. М., 2002. С. 72–80 (в соавт. с Н.Н. Тереховой).

Технология изготовления кузнецких изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска (К проблеме различных производственных традиций) // КСИА. 2004. Вып. 216. С. 47–59 (в соавт. с Н.Н. Тереховой).

Iron-working in Classical sites of the North Pontic Area (according to the materials from Gorgippia) // Internat. conference “Arcaeometallurgy in Europe”. Milan, 2003. P. 63–70 (в соавт. с Н.Н. Тереховой).

Технико-технологическая характеристика кузнецких изделий античного времени из окрестностей Новороссийска // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.; Новороссийск, 2005. С. 39–41 (в соавт. с Н.Н. Тереховой).

Русское кузнецкое ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007. 280 с. (в соавт. с В.И. Завьяловым, Н.Н. Тереховой).

История кузнецкого ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья (к проблеме этнокультурных взаимодействий). М., 2009. 262 с. (в соавт. с В.И. Завьяловым, Н.Н. Тереховой).

В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова, Е.Н. Черных

МАРК БОРИСОВИЧ ЩУКИН (14.10.1937–14.07.2008)



14 июля 2008 г. ушел от нас Марк Борисович Щукин. Это было так неожиданно и так больно, что до сих пор трудно поверить, а тем более говорить и писать об этом. За час до кончины он был весел, бодр, делился своими планами. Говорили о переводах его польских и немецких статей на русский, о подготовке отдельного издания вышедших в разное время за рубежом работ под общим названием “Varia”. Это были очень важные работы по хронологии черняховских и сарматских древностей, опубликованные в 70–80-е годы прошлого столетия в редких изданиях материалов международных конференций. Многие хорошо помнят, как с благоговением мы брали читать только что привезенные из Польши и Германии новые, пахнущие свежей типографской краской тома, которые невозможно было раздобыть даже в богатейшей библиотеке ЛОИА–ИИМК...

Ленинградская археологическая школа, к которой принадлежал М.Б. Щукин, всегда характеризовалась наличием ярких индивидуальностей. Но Марк Борисович занимал в ней особое место как основоположник целого ряда направлений в исследованиях восточноевропейских археологических культур римского времени и раннего средневековья и как создатель научной школы, объединяющей уже несколько поколений, школы, которая будет отныне носить его имя. Он был хранителем коллекций Государственного Эрмитажа, более четверти века возглавлял Сектор железного века Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа, принял участие в организации десятков выставок и составлении множества путеводителей. Он был профессором Санкт-Петербургского университета, стоял у истоков создания Высшей Антропологической Школы в Кишиневе, читал курсы “Железный век Европы”, “Сарматская археология”, вел семинары и курировал студенческие работы в Санкт-Петербургском университете. Он написал 5 монографий и около 200 статей, каждая из которых была событием, подлежащим тщательному разбору оппонентами и с восторгом воспринималась единомышленниками.

Умирают мои старики –
Мои боги, мои педагоги,
Пролагатели торной дороги,
Где шаги мои были легки.

.....
Угасают большие огни,
И гореть за себя поручают.
Орденов не дождались они –
Сразу памятники получают.

*Борис Слуцкий
1961*

нималась единомышленниками. Он блестяще выступал на конференциях, аудитория в самых разных залах, от Каменца-Подольского до Парижа и Сан-Марино, с замиранием следила за тем, как легко и аргументировано разворачивается интрига доклада. Наконец, он 30 лет был начальником Славяно-Сарматской археологической экспедиции, проводившей работы на территории России, Украины и Молдовы. Однако никогда, даже в то время, когда он был уже очень неделен, Марк Борисович не производил впечатления человека, обремененного тяжким грузом важных обязанностей. Если задаться целью найти одно слово, которое определило бы главную черту личности Щукина –ченого и Учителя, – то этим словом будет “изящество”. В юности начав заниматься фехтованием, с возрастом он все больше стал походить на мушкетера, сначала на смелого Арамиса, потом – на мудрого Атоса. Изящество и благородство проявлялись в его манере изложения, всегда яркой и афористичной, но одновременно строгой, систематизированной и доказательной; в умении вести научную полемику, не опускаясь до уровня оппонента (этот уровень мог быть разным), а поднимая его на высоту своих собственных знаний и эрудиции; в щедрости, с которой он легко дарил свои идеи ученикам, самым неожиданным образом комментируя их работы и догадки. Да что там говорить, сама манера курить ароматную трубку, породившая непреодолимый соблазн подражать ей у поколений питерских студентов-археологов, на самом деле была неповторима из-за присущего Марку Борисовичу органического аристократизма и изящества.

Именно благодаря этим качествам Марка Борисовича вокруг него сложилась особая среда, кружок учеников и единомышленников. Из нее выкристаллизовался постоянно действующий “Щукинский семинар”, формально не привязанный ни к какой официальной структуре, но во многом определяющий направление и особенности археологической жизни Ленинграда – Петербурга “на рубеже эр”, в течение более чем 30 лет, начиная с конца 70-х годов XX в.

Очень немногим довелось посещать блестящие лекции спецсеминара “Европейская Сарматия” на истфаке ЛГУ в 1971–1975 гг., но в начале третьего тысячелетия появилось новое поколение выпускников, которые прослушали полный курс лекций профессора Санкт-Петербургского университета М.Б. Щукина по сарматской археологии и железному веку и написали дипломы и диссертации под его руководством. Большинство тех, кто стал его учениками, занимались у Марка Борисовича вне исторического факультета, до-

ма – на Поварском переулке, 12–15. Он жил тогда с мамой, Милицей Михайловной Львовой, и его комната была всегда пропитана ароматом душистого табака, заставлена вдоль стен книгами, на письменном столе стояли кружки с множеством трубок, а на единственной свободной стене над постелью висели две шпаги. Пришедшие на домашний семинар к “самому профессору Щукину” робко рассаживались вокруг большого стола с тяжелыми бронзовыми подсвечниками в центре комнаты под старинной лusterой. Многим из тех, кто начинал в 1981–1982 гг. посещать этот семинар, помнится, что как только начинался первый доклад и Марк закуривал первую трубку, окутывая присутствующих ароматами “Амфоры”, дверь неслышно открывалась и входила аристократическая Дама – Милица Михайловна, которую все приветствовали, вставая, и затем уже только продолжали внимать докладчику. Очень много докладов делал сам Марк. Он читал переработанные главы уже вышедшей в оксфордской серии “BAR” книги, которые появятся через 15 лет отдельным изданием под названием “На рубеже эр”. Образы кельтских вождей и римских полководцев были настолько яркими, что всем, кто, затаив дыхание, присутствовал при его погружении в мир древних, казалось, что Марк обладает ключом ко всем тайнам прошлого, к которым он когда-либо прикасался. Мало кому тогда приходило в голову, что затея с домашним семинаром, предпринятая как раз в то время, когда в Ленинграде усилились гонения на любое проявление несанкционированной свыше активности в среде творческой интеллигенции (уже был арестован учитель и старший товарищ Щукина Л.С. Клейн), требовала от руководителя семинара не только исключительной заинтересованности в предмете обсуждения и особого отношения к студентам, но также большой смелости, независимости и мужества.

Вот воспоминания участников семинара тех лет: “Щукин часто начинает разбор какой-либо исторической ситуации с того, с кем был знаком дядя Страбона и кто был современником Фарзоя. И в этой картинке очень комфортно занимают свои места и фибулы, и комплексы, и военные конфликты, и коллизии личной жизни Клеопатры. И если даже отдельный факт оказался неверен, а датировка фибул смешилась, остается главное – ощущение, вкус, цвет и запах эпохи. Как будто действительно совершаешь путешествие во времени”. Способность к таким путешествиям и полетам в прошлое была заложена в самом раннем детстве. Марк Борисович признавался, что учился читать в шесть лет не по букварю, а по учебнику “Истории древнего мира” для пятого класса, разглядывая совсем не детские картинки – портреты Муция Сцеволы, Юлия Цезаря и Винценготорикса. Часами мог копировать изображения оружия римлян и кельтов и рисовать их вымышленные и реальные сражения. Еще в эвакуации, в Вологодской области, до приезда в Ленинград, Марк понял, что станет археологом. В 1959 г., после службы в армии, М.Б. Щукин поступил на исторический факультет ЛГУ, на кафедру археологии. Его учителями и научными руководителями сразу стали Михаил Илларионович Артамонов, в то время директор Государственного Эрмитажа, и Мария Александровна Тиханова, ведущий специалист в области изучения древностей римского времени в Восточной Европе. В 1961 г. Щукин поехал в Днестровско-Волынскую экспедицию к М.А. Тихановой, чтобы включиться в исследование уже достаточно известного своими находками черняховского поселения Лепесовка. На стенах лепесовских сосудов были обнаружены германские руны и греческие надписи. В комплексах жилищ были найдены раннеримские фибулы, имеющие прямые аналогии в вельбаркской культуре, которая связывалась большинством зарубежных археологов с го-

тами. Перед поездкой в экспедицию Марк прочитал книгу Ф.И. Брауна “Разыскания в области гото-славянских отношений”, которая во многом определила его основные научные интересы на долгие годы. По настоянию своего научного руководителя М.А. Тихановой Щукин начал заниматься керамикой из комплексов больших домов Лепесовки. Через год он выступил с докладом о лепной лепесовской керамике на 8-й Всесоюзной студенческой конференции и опубликовал первую статью. Уже тогда у Марка Борисовича складывалось особое отношение к изучению любой из эпох, которыми он занимался в разные периоды своей жизни: «...чтобы приблизиться к решению поставленной проблемы, необходимо реконструировать весь ход исторического процесса на указанной территории и в указанное время, найти местоположение и археологическое выражение всех народов “Европейской Сарматии”». Нельзя понять генезис черняховской культуры в отрыве от изучения центральноевропейских древностей, нельзя также рассматривать процесс ее сложения без исследования соседних и синхронных культур римской эпохи, в частности культуры сарматов.

В сентябре 1962 г. вместе с Б.А. Раевым в составе Новочеркасского отряда (руководитель Л.С. Клейн) Кобяковской археологической экспедиции М.Б. Щукин участвовал в расчистке тайника кургана Садовый, где лежали вместе римские серебряные чаши, германский умбон и сарматские украшения в золото-бирюзовом стиле. Думается, что именно тогда зародился его пристальный интерес к проблеме сармато-германских контактов и взаимоотношений сарматов и германцев с Римской империей в первые века н.э. Поисками различных решений этих вопросов Марк Борисович занимался всю жизнь. Об этом он написал большую часть своих работ, включая обе диссертации.

В 1965 г. Щукин поступил в заочную аспирантуру ЛОИА. Его научным руководителем осталась М.А. Тиханова, которая очень хотела, чтобы Марк и дальше занимался черняховской культурой, прежде всего проблемами ее хронологии. Но датирующего материала на тот момент было мало, монеты в комплексах встречались крайне редко, поэтому Щукин обратился к находкам амфор, которые характерны для южной группы черняховских памятников. Он создал свою классификацию узкогорлых светоглиняных амфор, ввел в научный оборот названия, которые сегодня привычны для каждого “черняховеда”: “неапольский”, “танаисский” и “инкерманские” типы амфор, четко определил их хронологию на основании исключительно закрытых комплексов. На совещании 1967 г. по проблемам черняховской культуры во Львове М.Б. Щукин сделал доклад “О трех датировках черняховской культуры”, показав, что только при помощи хронологии закрытых комплексов и привлечения европейских параллелей большинству типов фибул, пряжек и стеклянных кубков можно создать непротиворечивую и объективную концепцию сложения данной общности в III в. н.э. и ее исчезновения в V в. н.э., чем вызвало большое неудовольствие московских и украинских ученых, считавших, что черняховская культура по своей природе славянская и существовала со II по VIII в. н.э. Для аспиранта это был блестящий и очень смелый доклад, но спорить с молодым Марком Щукиным было трудно; разговор велся на разных профессиональных уровнях, докладчик свободно оперировал системами классификаций Г.Ю. Эггерса, О. Альмгрена, О. Тишлера.

Осенью 1967 г. М.Б. Щукина зачисляют в штат Отдела истории первобытной культуры (ОИПК) Государственного Эрмитажа. Кабинет Бориса Александровича Латынина в подвальном помещении Зимнего Дворца получил на 40 с

лишним лет нового хозяина. Щукин становится хранителем материалов Лепесовки, Незвиско и многих других опорных черняховских и сарматских памятников. В 1968 г. выходят из печати сразу 5 его статей, посвященных проблеме хронологии черняховских и сарматских памятников, а в декабре 1971 г. М.Б. Щукин блестяще защищает кандидатскую диссертацию по теме “Европейская Сарматия и черняховская культура. Хронологические соотношения”.

С середины 1970-х годов М.Б. Щукин в плотную обращается к проблеме происхождения славянства. В 1975–1976 гг. издаются две его работы: “О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян (по поводу статей Э.А. Рикмана, И.С. Винокура, В.В. Седова, Й. Вернера)” и “Археологические данные о славянах II–IV вв.: перспективы ретроспективного метода”. При этом М.Б. Щукин во многом опирался в своих разысканиях на опубликованную в 1972 г. на русском языке статью Йоахима Вернера, которого считал одним из своих учителей, дружил с ним и вел переписку. Й. Вернер предположил на основании археологических данных и письменных источников, что предков исторических славян нужно искать в “белом пятне” на археологической карте – в лесах Полесья. Он во многом опирался на гипотезу П.Н. Третьякова о локализации ранних славян к северу от черняховской культуры. Развивая идеи П.Н. Третьякова и Й. Вернера, М.Б. Щукин вместе с Д.А. Мачинским и М.А. Тихановой создал и обосновал “лесную” концепцию происхождения славян.

В 1978 г. в Эрмитаже была образована новая археологическая экспедиция под руководством М.Б. Щукина, получившая название “Славяно-Сарматская”. Марк Борисович писал по этому поводу следующее: «Название экспедиции не совсемично, поскольку не совсемично и предназначена ей роль. Экспедиция призвана работать над сложной и дискуссионной проблемой происхождения славян, над тем периодом первых веков нашей эры, когда славяне как таковые еще не зафиксированы письменными источниками, но где-то на обширных пространствах Центральной и Восточной Европы уже должны были жить непосредственные предки славян исторических... Большинство археологических экспедиций регионально и работает в пределах более или менее широкого региона, открывая и раскапывая все новые памятники. Роль таких исследований чрезвычайно важна, но кто-то должен взять на себя и функции обобщения всего происходящего (курсив наш. – О.Ш., О.Ш.). Открытие каждого нового археологического явления требует его увязки с остальными, при этом неизбежно возникают “пустоты” или некоторые особые “болевые точки”, где необходимо провести дополнительные изыскания (курсив наш. – О.Ш., О.Ш.), результаты которых могут оказаться существенными или для проблемы в целом, или для отдельных частей общей исторической реконструкции. Роль такой мобильной группы (курсив наш. – О.Ш., О.Ш.) и решила принять на себя Славяно-Сарматская экспедиция». Эта осмысленная программа подчинения полевой деятельности апробации научных гипотез с самого начала не сулила легкого успеха. Не случайно большинство памятников, изученных Славяно-Сарматской экспедицией, сложны для понимания и нелегко поддаются однозначной интерпретации. Но Марк Борисович не боялся признаться в этом, ради приобретения полевого опыта и расширения кругозора он осознанно шел на увеличение региона исследований. Так, после неудачных поисков ранних славян на р. Уборти в “белом пятне” М.Б. Щукин отправился в Днепровскую Левобережную экспедицию, которая обследовала район р. Псел, чтобы поучиться у Е.А. Горюнова искать раннеславянские памятники в поймах рек. В 1980 г. Славяно-

Сарматская экспедиция раскопала у хутора Кулига в Ивнянском районе Белгородской области комплексы с кремациями на каменных вымостках, относящиеся к киевской культуре. Они вызвали особый интерес, так как погребения киевской культуры до этого времени известны не были. Но после проведения анализа кальцинированных костей оказалось, что в урнах были захоронены только кости животных. Вопрос о могильниках так и остался открытым. В 1985 г. раскапывалось городище у с. Мощенка на севере Черниговской области с напластованиями трех эпох. В среднем слое в заполнении постройки были найдены керамика и вещи, характерные для позднезарубинецких памятников горизонта Рахны-Почеп второй половины I – начала II в. н.э. Эти весьма перспективные исследования были остановлены уже в следующем году в связи с чернобыльской катастрофой. С того времени Славяно-Сарматская экспедиция более не обращалась к поиску объектов, которые можно было бы связать с ранними славянами. Она принимала участие в раскопках позднескифского могильника у с. Красный Маяк Херсонской области (1986–1987 гг.), изучала черняховские поселения у хутора Одая Шолданештского района (1988–1990 гг.) и у с. Рудь Сорокского района Молдовы (1997–2001 гг.). Длительное время интересы М.Б. Щукина были связаны с Крымом, где велись работы на позднеримском поселении и могильнике с кремациями по германской традиции на склонах горы Чатыр-Даг (1994–1996, 2001 гг.) и позднесарматском поселении и святилище на горе Таракташ (2002–2008 гг.). Вновь на повестку дня выходят в качестве основных тем его творчества германо-сарматские контакты и проблемы появления на исторической арене аланов.

В 1989 г. в Оксфорде была опубликована первая монография М.Б. Щукина “Rome and the Barbarians of the Central and Eastern Europe in the 1st cent. BC – 1st cent. AD”. В 1991 г. была с блеском защищена докторская диссертация “Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры: опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э.–I в. н.э.”. В это же время в Кишеневе увидела свет научно-популярная книга Щукина “Машина времени и лопата”, по сей день остающаяся самым увлекательным и профессиональным “Введением в археологию”, написанным отечественными археологами. В 1994 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. Тогда же вышла из печати первая монография в России “На рубеже эр”, принесшая Щукину заслуженную славу и уважение среди коллег. Огромная эрудиция автора, широта подхода и оригинальность построений обеспечили книге долгую жизнь.

Марк Борисович стал мэтром. Его почтовый адрес: “Санкт-Петербург, Зимний, профессору Щукину”, – известен всему археологическому сообществу. Его приглашают на самые представительные международные конференции – в Англию, Францию, Германию, Швецию, Польшу, Чехию, Венгрию, где он достойно представляет российскую науку. Пришло заслуженное признание: в 1997 г. в России, а в 2002 г. на Украине издаются сборники в честь Марка Борисовича.

Во второй половине 1990-х годов М.Б. Щукин вновь обращается к проблеме готов. Опять ключевой темой его творчества становится Римская Империя и варвары. Он мечтал поехать в Рим и Константинополь, но удалось посетить только Равенну. Именно там появился замысел книги о времени Галлы Плацидии – и в 2006 г. в журнале “Север” был опубликован роман “Время обнимать” Яны Жемойтите и Марка Пайка (англ. rike – щука).

Свою главную книгу Марк Борисович писал, как сам признавался в разговорах, около 10 лет; точнее, дописывал после ночных озарений, а иногда и полностью перерабаты-

вал многие страницы. Эта работа с утра до ночи в течение многих лет его истощила, открылись старые болезни: начали шалить сердце, снова возникли проблемы с почками и же-лудком, стали плохо слушаться ноги. Книга под названием “Готский путь” увидела свет в 2005 г. с подзаголовком “Готы, Рим и Черняховская культура”. Она принесла автору еще большее признание. После ее выхода ни один специалист, который занимается готами, не может не считаться с ее основными выводами. На рабочем столе Щукина, несмотря на все болезни, уже лежали материалы Чатыр-Дага (коллективная монография “Чатар-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму” опубликована в 2006 г.), редактировалась еще одна коллективная монография “От готов до гуннов”, изданная в 2006 г. в серии “BAR” в Оксфорде, задумывался “Сарматский выстрел”, ждали своего часа материалы поселения Лепесовка. Их публикацию Марк Борисович считал долгом памяти своей наставнице М.А. Тихановой. В первый понедель-

ник каждого месяца без объявлений и звонков собирался традиционный семинар, на который приходили как старые ученики, так и неофиты. Одни его участники готовили докторские, другие – писали дипломы, но обсуждение новых идей на семинаре для всех было и наущной необходимости, и честью.

Марк Борисович в последнее время часто говорил, что полностью выполнил свое предназначение на Земле – сделал и написал все, что мог. Его коллеги, ученики и друзья никогда не согласятся с этим. Сколько мог бы он еще сделать с высоты своей мудрости и сколько новых учеников обрели бы Учителя? Мы верим, что его душа живет в тех мирах, которые он выбирает сам, и находится в окружении самых достойных и интересных собеседников. Ему было дано вложить в нас столько, что даже после физической кончины он продолжает жить в каждом из своих учеников, и другого Учителя у нас всех уже никогда не будет.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

O.B. Шаров, O.A. Щеглова

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М.Б. ЩУКИНА ЗА 1998–2008 гг.¹

- К проблеме северопонтийского “филигранного” стиля I–II веков // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. СПб., 1998. С. 85, 86.
- Работы Славяно-Сарматской экспедиции // Отчетная археологическая сессия ГЭ. СПб., 1998. С. 12, 13 (в соавт. с О.В. Шаровым, М.Е. Ткачуком, С.И. Курчатовым, В.В. Бейлекчи, Л.А. Шамшевой).
- Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. 1998. № 4. С. 198–208.
- Время “ЧЕ” – рубеж тысячелетий // Stratum plus. 1999. № 4. С. 5–7.
- Забытые бастарны // Stratum plus. 1999. № 5. С. 75–90.
- К проблеме кимиров, тевтонов и кельто-скифов: три загадки // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 134–160 (в соавт. с В.Е. Еременко).
- Кельты, германцы и исчезнувшие бастарны // Языки и культура кельтов. Матер. VII коллоквиума. СПб., 1999. С. 54–63.
- Некоторые замечания к хронологии начала Черняховской культуры // Сто лет Черняховской культуры. Киев, 1999. С. 11–25.
- Работы Славяно-Сарматской экспедиции в 1995–1997 гг. // Отчетная археологическая сессия ГЭ. СПб., 1999. 13 с.
- Феномен Черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое Черняховская культура // Stratum plus. 1999. № 4. С. 66–101.
- К проблеме финала Черняховской культуры // Stratum plus. 2000. № 4. С. 369–383.
- Находки у с. Залевки в Поднепровье и проблема происхождения северо-европейского филигранного стиля I–II вв. // Stratum plus. 2004. № 4. С. 215–225.
- О фалахах так называемого Греко-бактрийского стиля: к проблеме контактов Восток–Запад // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 137–161.
- “Сарматские” серебряные фалары: “Греко-бактрийский стиль” или “стиль Малибу” // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 81–85.
- О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начало Черняховской культуры // Евразия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 194–214.
- Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002. С. 7–15.
- Исследование поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района // Археологические экспедиции ГЭ. СПб., 2003 (2004). С. 125–139 (в соавт. с О.В. Шаровым, П.В. Шуваловым, Л.А. Соколовой, И.А. Гарбузом).
- Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени, сарматской археологии: пятнадцать апрельских тезисов // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 228–239.
- Силадышомио или Шимлео Сильваней и Фритигерн // Тр. ИИМК. Т. 11. С. 158–167.
- Умбон из кургана “Садовый” под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. СПб., 2004. С. 445–463.
- Готский путь: Готы, Рим и Черняховская культура // СПб., 2005. 576 с.
- Исследования поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района // Археологические экспедиции ГЭ. СПб., 2004 (2005). 122 с. (в соавт. с О.В. Шаровым, И.А. Гарбузом, В.Б. Уженцевым, А.А. Труфановым, П.В. Шуваловым).
- Зубовско-воздвиженская курганская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал // Liber Archaeologica. Краснодар; Ростов на/Д., 2006. С. 173–181.
- Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. 208 с. (в соавт. с В.Л. Мышом, А.В. Лысенко и О.В. Шаровым).
- Время обнимать. Исторический роман // Север. № 1, 2. Петрозаводск, 2006. С. 6–133 (в соавт. с Я. Жемойтелите).
- Des les Goths aux Huns (par M. Kazanski et O. Sharov) // BAR. 2006. Int. Ser. 1535. 482 p.

¹ Список работ М.Б. Щукина, опубликованных до 1998 г., был напечатан в журнале “Стратум + Петербургский археологический вестник”. СПб.: Кишинев, 1997. С. 10–14.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Л.М. Всеевов

ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ МИХЕЕВ



Вечером 24 декабря 2008 г. на семьдесят втором году жизни после тяжелой болезни ушел от нас Владимир Кузьмич Михеев – основатель украинской школы хазароведения, воспитавший немало харьковских археологов, специализирующихся на изучении салтовской культуры. Недавняя юбилейная публикация (в № 4 журнала “Российская археология” за 2007 г.) позволяет не останавливаться подробно на описании жизненного и творческого пути В.К. Михеева; сейчас мне было бы хотелось вспомнить о нем прежде всего как о человеке.

Владимир Кузьмич родился 12 ноября 1937 г. в Мордовии, в семье военного. В 1955 г. он поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета, где уже на начальных курсах сформировался его интерес к древней истории и археологии. Студенческая научная работа и участие во всесоюзных студенческих конференциях определили окончательный выбор В.К. Михеева – салтовская археологическая культура, изучению которой он посвятил всю жизнь. Практически полвека он отдал Харьковскому университету, пройдя путь от студента и аспиранта до профессора, заведующего кафедрой и проректора. Защитив кандидатскую (1968 г.) и докторскую (1986 г.) диссертации по социально-экономическому развитию населения салтовской культуры, В.К. Михеев внес существенный вклад в исследование Хазарского каганата. Его перу принадлежат более 100 научных работ. С 2001 г. он возглавлял созданный по его же инициативе в Соломоновом университете центр хазароведения. Именно его стараниями были организованы и проведены симпозиум и несколько хазароведческих конференций, начал издаваться “Хазарский альманах”.

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды

B.B. Колода

Наш Кузьмич (именно так за глаза называли его ученики) всегда был полон идей. Во время последней встречи (июнь 2008 г.) мы обсуждали содержание будущих сборников, планы экспедиций; его интересовала возможность создания в Соломоновом университете музея салтовской культуры. Он всегда мыслил неспешно, но масштабно, приговаривая: “Большие дела быстро не делаются..., важные дела надо начинать не громко...”, – в этом был весь Владимир Кузьмич. На недавнем юбилее я попросил его подумать о мемуарах. Ему было что рассказать, и он умел все интересно преподнести. “Да рано еще...”, – отшучивался он.

В.К. Михеев всегда был археологом-практиком, не пропускал с 1956 г. ни одного полевого сезона. Вспоминается наш последний выезд в Сухую Гомольшу, где он провел несколько плодотворных лет и куда мечтал вернуться. “Здесь есть еще один могильник, я уверен!” – неоднократно повторял он, подробно показывая мне этот отнюдь не исследованный до конца памятник. В свои 70 Владимир Кузьмич без видимых усилий преодолевал спуски и подъемы пересеченной местности, вспоминая попутно массу интересных случаев из жизни экспедиции. Он делился планами на будущее, говорил о том, чего еще здесь не сделал. Да, многое из раскопанного за долгие годы он так и не успел опубликовать, а жаль. Это урок всем нам, живущим и копающим: найти – мало, надо издать!

За 40 с лишним лет преподавательской деятельности через руки и экспедиции В.К. Михеева прошло много студентов. Редко кто становился археологом-профессионалом, но дружеская, товарищеская атмосфера его экспедиций долгие годы не отпускала многих – к нему возвращались и через пять, и через десять лет. К сожалению, в студенческие годы я не был его “экспедиционником”. Владимир Кузьмич стал моим руководителем, когда мне было “хорошо за 30”, но именно его я считаю своим Учителем в науке. Он был одновременно демократичен и педантично строг, умел, не ссыаясь, отстаивать свою точку зрения и настойчиво претворять в жизнь свои планы. Владимир Кузьмич учил всегда уважать чужое мнение в науке, повторяя “...надо доказывать свое, а не критиковать...”. Он умел “не мешать”, излишне не опекал, радовался за своих учеников, а когда нужно – отстаивал их научные интересы. В этом мне не раз довелось убедиться.

Владимир Кузьмич понимал людей и мог находить контакты со всеми. Вокруг него всегда были люди – совершенно разных профессий, рода деятельности и положения. Он как-то по-особенному располагал к себе, и к нему тянулись. Своим примером Кузьмич всегда показывал, что и в науке, и на любой должности надо оставаться прежде всего человеком.

Последние полгода он был практически недоступен для встреч и общения. Тяжелая болезнь подорвала его силы, и он, как всякий мужчина, не хотел выглядеть слабым... Он ушел, хотя все, знающие его, надеялись на чудо... Не случилось... Искренне жаль. Светлая память Вам, Учитель, спасибо за все, что сделали для нас, для науки...

Вы верили в нас, мы пойдем дальше, по пути привыкая к тому, что враз стали на поколение старше, а это уже гораздо большая ответственность и спрос. Мы не подведем – покойтесь с миром, дорогой Владимир Кузьмич.